Эрих Нойманн

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЗНАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СТАДИИ ЭВОЛЮЦИИ СОЗНАНИЯ
А. Миф сотворения

I УРОБОРОС

II ВЕЛИКАЯ МАТЬ
1 Эго под господством Уробороса
2 Сферы Ужасной Матери
3 Отношения между сыном-любовником и Великой Матерью
III РАЗДЕЛЕНИЕ ПРАРОДИТЕЛЕЙ МИРА: ПРИНЦИП ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

В. Миф о герое

I РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

II УБИЙСТВО МАТЕРИ

III УБИЙСТВО ОТЦА

С. Миф о трансформации

I. ПЛЕННИЦА И СОКРОВИЩЕ

II. ТРАНСФОРМАЦИЯ, ИЛИ ОСИРИС

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СТАДИИ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

А. Первоначальное единство. Центроверсия и формирование Эго

Первоначальное единство

Зародыш Эго в первоначальном уроборическом состоянии

Развитие Эго из уробороса

Центроверсия организма на уровне уробороса

Центроверсия, Эго и сознание

Дальнейшие фазы развития Эго

В. Разделение систем. Центроверсия и дифференциация

Фрагментация архетипов

Истощение эмоциональных компонентов: рационализация

Вторичная персонализация

Трансформация компонентов удовольствия-боли

Формирование управляющих структур в рамках личности

Синтезирующая функция Эго

С. Равновесие и кризис сознания

Компенсация отделенных систем: культура в равновесии

Раскол систем: культура в состоянии кризиса

D. Центроверсия и стадии жизни

Увеличение периода детства и дифференциация сознания

Активация коллективного бессознательного и изменения Эго в период полового созревания

Самоосознание центроверсии во второй половине жизни

Приложение 1
ГРУППА И ВЫДАЮЩАЯСЯ ЛИЧНОСТЬ

Приложение 2
ЧЕЛОВЕК МАССЫ И ЯВЛЕНИЯ РЕКОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

Нижеследующая попытка обрисовать архетипические стадии развития сознания основана на современной глубинной психологии. Это — практическое приложение аналитической психологии К.Г.Юнга, даже тогда, когда мы пытаемся развить эту психологию и умозрительно выходим за ее границы.

В отличие от других возможных и необходимых методов исследования, рассматривающих развитие сознания в его связи с окружающими внешними факторами, наше исследование в большей степени связано с внутренними, психическими и архетипическими факторами, определяющими ход этого развития.

Структурные элементы коллективного бессознательного были названы Юнгом "архетипами" или "изначальными образами". Они представляют собой инстинкты, выраженные в форме образов, так как бессознательное репрезентирует себя сознанию в форме образов, которые, так же как в сновидениях и в иллюзиях, инициируют процесс сознательной реакции и усвоения.

Несомненно, что эти образы фантазии имеют свою ближайшую аналогию с мифологическими типами. Поэтому можно допустить, что они вообще соответствуют

определенным коллективным, (а не личным) структурным элементам человеческой души и наследуются так же, как морфологические элементы человеческого тела.[1]

Архетипические структурные элементы психики являются психическими органами, от которых зависит благополучие индивида, и нарушение их функций имеет плачевные последствия.

Именно они — непременные возбудители невротических и даже психотических нарушений, ведь они ведут себя точно так же, как запущенные и истерзанные органы тела или органические функциональные системы.[2]

Задача этой книги — показать, что основной составляющей мифологии является ряд архетипов, что они органически связаны друг с Другом, и что их стадиальная[3] последовательность и определяет развитие сознания. В ходе онтогенетического развития индивидуальное сознание мыслящей личности должно пройти те же архетипические стадии, которые определяют развитие сознания человечества в целом. В своей собственной жизни индивид должен преодолеть тот же путь, который прошло до него человечество, оставив следы этого путешествия в архетипической последовательности мифологических образов, которые мы сейчас будем рассматривать. Обычно, архетипические стадии сменяют друг друга без нарушений, и развитие сознания происходит в них так же естественно, как и физическое развитие в стадиях созревания организма. Как и телесные органы, архетипы — органы психической структуры — связаны между собой и определяют созревание личности, подобно тому, как гормоны определяют телосложение. Наряду с изначальным значением архетип в то же время имеет оправданный исторический аспект. Сознание мыслящей личности развивается, проходя через ряд "неизменных образов", и в этом процессе Эго постоянно устанавливает новые связи с архетипами. Его отношение к извечности архетипических образов является последовательным во времени процессом — то есть происходит, так сказать, стадиально. Способность распознавать, понимать и интерпретировать эти образы изменяется в зависимости от уровня развития сознания в ходе филогенетической и онтогенетической истории развития человека; вследствие этого, неустойчивость отношений между неизменным образом и развивающегося сознания личности становится все более и более выраженной.

Архетипы, определяющие стадии развития сознания, составляют лишь часть архетипической реальности как целого. Но воспользовавшись эволюционным или синоптическим подходом, мы можем провести что-то типа основной линии развития, проходящей через безграничный символизм коллективного бессознательного, которая поможет нам сориентироваться в теории и практике глубинной психологии.

Изучение архетипических стадий также способствует улучшению психологической ориентации в ряде вспомогательных предметов, таких как история религии, антропология, народная психология и так далее. Впоследствии все это может быть объединено на психоэволюционной основе, что должно привести к росту понимания.

Довольно удивительно, что эти специализированные науки до сих пор не обратили должного внимания на достижения глубинной психологии и, прежде всего, психологии Юнга. Несмотря на это, психологический отправной пункт этих наук вырисовывается все более и более четко, и становится очевидно, что источником всех культурных и религиозных явлений является человеческая психика. Поэтому в конечном итоге нельзя дальше игнорировать и не принимать в расчет глубинную психологию.

Мы должны подчеркнуть, что наше толкование мифов основано не на какой-либо отрасли науки, будь то археология, сравнительная религия или теология, а всего лишь только и исключительно на практической работе психотерапевта, заинтересованного в понимании истоков психологии современного человека. Поэтому истинная отправная точка и предмет этой работы — связь между психологией и более глубокими слоями человеческой природы, все еще живущими в человеке. Дедуктивный и методический способ рассмотрения мифов, используемый в этой работе, может поначалу затушевать частное терапевтическое значение полученных нами результатов, но любой, кто знаком с психическими процессами, происходящими на глубочайшем уровне, увидит значение и уместность этих связей, которые в дальнейшем будут проиллюстрированы современным эмпирическим материалом.

Хорошо известно, что "сравнительный" метод аналитической психологии сопоставляет символический и коллективный материал, предоставляемый индивидом, с соответствующими фактами из истории религии, примитивной психологии и так далее, и таким образом, устанавливая "контекст", приходит к интерпретации. Сейчас мы дополняем этот метод эволюционным подходом, рассматривающим этот материал с точки зрения стадии, на которой находится развивающееся сознание, а значит — с учетом связи мыслящего "я" с бессознательным. Следовательно, наша работа смыкается с ранним фундаментальным трудом Юнга "Психология бессознательного", Даже несмотря на то, что мы вынуждены внести некоторые изменения. В то время как в психоанализе Фрейда эволюционный подход привел лишь к конкретизированной и узко персонализированной теории либидо, аналитической психологии удалось продвинуться в этом направлении гораздо дальше.

Понимание общечеловеческих истоков трансперсональной реальности заставило нас признать относительность нашей собственной позиции. Множественность форм и явлений, в которых проявляется бесконечное разнообразие человеческой психики, богатство культур, ценностей, образцов поведения и взглядов на мир, созданных энергией психической структуры человека, вначале заставляют показаться рискованной любую попытку создания общего подхода. Однако предпринять такую попытку необходимо, даже осознавая, что наша специфическая западная ориентация является лишь одной из многих возможных. Эволюция сознания как формы творческой эволюции является своеобразным достижением человека Запада. Творческая эволюция сознания личности означает, что в течение непрерывного процесса, растянувшегося на тысячелетия, система сознательного впитывала в себя все больше и больше бессознательного материала и таким образом шаг за шагом расширяла свои границы. Хотя от самой древности до наших дней мы видим, как новые критерии культуры сменяют прежние, Запад все же преуспел в достижении исторической и культурной преемственности, при которой каждый критерий интегрируется постепенно. Именно на такой интеграции основана структура современного сознания, и на каждой стадии своего развития Эго должно впитывать сущностные части культурного прошлого, которые передаются ему через ценности, заключенные в его собственной культуре и системе образования.

Творческий характер сознания является центральной особенностью культурных критериев Запада. В западной культуре и, частично, на Дальнем Востоке мы можем проследить поступательное, хотя и несколько прерывистое, развитие сознания на протяжении последних десяти тысяч лет. Здесь критерии стадиального развития, воплощенные в мифологических проекциях, стали моделью развития отдельного человеческого индивида; здесь коллективные ценности восторжествовали над творческими началами индивидуальности и были признаны образцами индивидуального развития. Всюду, где развился или все еще развивается такой тип творческого сознания

личности, проявляются архетипические стадии эволюции сознания. В застывших культурах или примитивных обществах, где все еще сохранились черты первоначальной человеческой цивилизации, самые ранние стадии психологии человека настолько доминируют, что индивидуальные творческие черты не ассимилируются коллективными. На самом деле, творческие личности, обладающие более развитым сознанием, могут даже осуждаться коллективом как антисоциальные[4].

Творчеству сознания может угрожать религиозный или политический тоталитаризм, так как любые санкционированные ограничения ведут к выхолащиванию сознания. Однако, такие ограничения могут быть лишь условными. Насколько это касается человека Запада, ассимилированная жизненность его личностного Эго-сознания более-менее обеспечена. Прогресс науки и всевозрастающая явная угроза человечеству со стороны сил бессознательного побуждает его сознание, как изнутри, так и снаружи, к непрерывному самоанализу и расширению. Носителем этой творческой деятельности психики является индивид, а значит он остается и решающим фактором всего дальнейшего развития Запада. Это остается верным независимо от того, каким образом индивиды сотрудничают друг с другом и каким образом совместно определяют степень демократии, в которой живут.

Любая попытка обрисовать архетипические стадии с точки зрения аналитической психологии должна начинаться с проведения фундаментального разграничения личных и трансперсональных психических факторов. Личные факторы — это те, которые характерны для одного индивида и не разделяются с кем-нибудь другим, независимо оттого, сознательные они или бессознательные. Трансперсональные факторы, напротив, являются коллективными, над или сверхличностными и должны восприниматься не как внешние общественные условия, а как внутренние структурные элементы. Трансперсональное представляет собой фактор, который не зависит от личностного, так как личностное, как в индивидуальном, так и в коллективном плане, является более поздним продуктом эволюции.

Каждое историческое исследование — а каждый эволюционный подход в этом смысле является историческим — должно поэтому начинаться с трансперсонального. В истории человечества, как и в развитии индивида, изначально преобладают трансперсональные факторы, и только в ходе развития проявляется и добивается независимости сфера личного. Индивидуализированный сознательный человек нашей эры — это продукт поздний, структура которого выстроена на более ранних доличностных стадиях развития человечества, от которых его индивидуальное сознание отделялось лишь шаг за шагом.

Поэтапная эволюция сознания в равной мере касается как человечества в целом, так и отдельного индивида. Поэтому онтогенетическое развитие может рассматриваться как модифицированное повторение филогенетического.

Этой взаимосвязи коллективного и индивидуального сопутствуют Дна психических обстоятельства. С одной стороны, ранняя история коллективного определяется внутренними изначальными образами, проекции которых проявляются во внешнем мире в виде могущественных сил — богов, духов или демонов, становящихся объектами поклонения. С другой стороны, коллективный символизм человека также проявляется и в индивидуальном, и правильное или неправильное психическое развитие личности зависит от тех же изначальных образов, которые определяют и коллективную историю человека.

Так как мы взялись за изложение всего перечня мифологических стадий, их последовательности, взаимосвязей и символизма, то будет не только позволительно, но и необходимо черпать относящийся к делу материал из различных областей культуры и

различных мифологий, независимо от того, все ли стадии представлены в какой-либо из этих культур[5].

Поэтому мы не считаем, что все стадии развития сознания присутствуют всегда и везде и в каждой мифологии, равно как и теория эволюции не утверждает, что все стадии развития всех видов животных повторяются в эволюции человека. Что мы действительно утверждаем — это то, что эти стадии развития представляют собой организованную последовательность и, таким образом, направляют все психическое развитие. В равной степени мы придерживаемся мнения, что эти архетипические стадии предопределены бессознательным и могут быть обнаружены в мифологии, и лишь рассматривая коллективную стратификацию человеческого развития вместе с индивидуальной стратификацией развития сознательного, мы сможем прийти к пониманию психического развития в общем и индивидуального развития в частности.

И снова связь между личным и трансперсональным — которая имеет решающее значение в жизни каждого человека — уже представлена в истории человечества. Но коллективный аспект этой взаимосвязи не означает, что уникальные или повторяющиеся исторические события являются унаследованными, так как вплоть до настоящего времени не существует научного доказательства наследования приобретенных признаков. Поэтому аналитическая психология считает, что структура психики определяется предшествующими трансперсональными доминантами — архетипами — которые будучи с самого начала существенными составляющими и органами психики, формируют ход человеческой истории.

Основной смысл страха кастрации, например, заключается не в памяти о бесконечно повторяющейся угрозе кастрации изначальным отцом или скорее бесконечной чередой изначальных отцов. Наука не нашла ничего, что могло бы с достоверностью подтвердить эту теорию, кроме всего прочего предполагающую возможность наследования приобретенных признаков. Любое сведение угрозы кастрации, отцеубийства и "первобытной сцены" полового сношения родителей и так далее к историческим и персонализированным фактам, которые, как предполагается, изображают раннюю историю человечества под видом патриархальной буржуазной семьи XIX столетия, является научно необоснованным [6].

Одна из задач этой книги заключается в том, чтобы показать, что в отношении этих и "сходных" комплексов мы на самом деле имеем дело с символами, продуктами воображения, психическими категориями и основными структурными системами, бесконечно разнообразные проявления которых и определяют историю человечества и индивида[7].

Развитие сознания через архетипические стадии — это трансперсональный факт, динамичное саморазвертывание психической структуры, возвышающейся над историей человечества и индивида. Даже отклонения от хода эволюции, их символизм и симптоматика должны рассматриваться в связи с первичной архетипической структурой.

В первой части нашего изложения — мифологические стадии развития сознания ударение делается на широком распространении связей между символами и различными слоями развития сознания. Лишь на этом фоне мы сможем понять нормальное развитие психики, а также патологические явления, в которых коллективные проблемы проявляются как основные проблемы человеческого существования, и поэтому должны рассматриваться в этом свете.

Кроме раскрытия эволюционных стадий и их архетипических связей, наше исследование имеет также и терапевтическую цель, которая имеет как коллективный, так и индивидуальный аспекты. Интеграция личностных психических явлений с соответствующими трансперсональными символами имеет чрезвычайное значение для дальнейшего развития сознания и синтеза личности[8].

Раскрытие человеческих и культурных слоев, из которых проистекают эти символы, является, согласно первоначальному значению слова "bildend", — информирующим. Сознание, таким образом, овладевает образами (Bilder) и знанием (Bildung), расширяет свои горизонты и присваивает энергетический заряд содержимого, образующего новый психический потенциал. Когда чисто личностные факторы вступают во взаимодействие с трансперсональными, когда Раскрывается и начинает оживать коллективный человеческий аспект, в узко индивидуальной и жесткой личности душевно нездорового современного человека открываются новые понимания и возможности жизни.

Наша цель не ограничивается указанием на соответствующую Эго с бессознательным и личностного с трансперсональным, должны также понимать, что ложные персонифицированные интерпретации психического являются проявлением бессознательного закона, который повсеместно вынуждает современного человека неправильно интерпретировать его истинную роль и значение. И лишь когда мы ясно покажем, до какой степени сведение трансперсонального к личностному обусловлено тенденцией, имевшей когда-то очень глубокое значение, но теперь превратившейся в совершенно бессмысленную и нелепую из-за кризиса современного сознания, лишь тогда наша цель будет достигнута. Лишь тогда мы осознаем, как личностное достигает трансперсонального, отделяется от него, но, несмотря на решающую роль личностного сознания, всегда остается прикованным к нему, лишь мы сможем восстановить первоначальный вес и значение трансперсональных факторов, без чего невозможны здоровая жизнь индивида и коллектива. Это подводит нас к психологическому явлению, которое будет подробно обсуждаться в части II как "закон вторичной персонализации". Оно заключается в том, что первично трансперсональная сущность, которая поначалу за таковую и принимается, в ходе развития становится личностной. Вторичная персонализация трансперсональной сущности в некотором смысле является эволюционной необходимостью. Но она инициирует опасности, которых для современного человека и так уже существует более, чем достаточно. Для структуры личности необходимо, чтобы сущность, первоначально принявшая образ трансперсональных божеств, в конечном счете была осознана как сущность человеческой психики. Но этот процесс перестает представлять опасность для психического здоровья лишь тогда, когда сама психика начинает рассматриваться как надличностная, как духовный мир трансперсональных событий. Напротив, ведение трансперсональной сущности к факторам чисто личностей психологии приводит не только к ужасающему обеднению жизни индивида — это может оставаться делом чисто личным — но также и к перегруженности коллективного бессознательного, что влечет за собой бедственные последствия для человечества в целом. Психология, проникнув в пласт коллективного в своем исследовании глубинных слоев личностной психики, сталкивается с задачей развития коллективной и культурной терапии, способной иметь дело с теми происходящими в массах процессами, которые сейчас опустошают человечество. Одна из самых важных задач любой глубинной психологии будущего заключается в ее применении к коллективному. Она должна, используя свою специфическую точку зрения, исправлять и предотвращать нарушения коллективной жизни группы[9].

Связь Эго с бессознательным и личностного с трансперсональным определяет судьбу не только индивида, но и человечества. Сценой их столкновения является человеческая

психика. В настоящей работе значительная часть мифологии рассматривается как бессознательное обеспечение развития сознания человека. Динамика между сознательным и бессознательным, их трансформация, самовысвобождение и рождение из этой динамики человеческой личности составляют предмет части I.

[1]. К.Г.Юнг Психология архетипа ребенка. В кн. К. Г. Юнг Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996, с. 54

[2] Указ, соч., с. 55

[3]. [Прилагательное, полученное от слова stadium (лат.), в биологии ---"стадия развития" |.

[4]. Mead, Sex and Temperament in Three Primitive Societes, pp. 228 f.

[5]. Тщательное изучение архетипических стадий в отдельных областях культуры и мифологии было бы в высшей степени интересным, так как отсутствие или повышенное внимание к отдельным стадиям в той или иной культуре позволило бы нам прийти к важным выводам относительно них. Без сомнения, такое исследование со временем будет предпринято.

[6]. См. ниже, раздел Великая Мать, с.75, прим. 16.

[7]. Именно в этом смысле мы употребляем в этой книге и такие термины как "мужское" и "женское" — то есть не как личностные, связанные с полом характеристики, а как символические выражения. Когда мы говорим, что мужская или женская доминанта проявляется более сильно на определенных стадиях, или в некоторых культурах, или типах личности, то это -- психологическое утверждение, которое не должно быть сведено к биологическим или социологическим понятиям. Символом "мужского" и "женского" прототипен, а значит трансперсонален; в различных культурах его ошибочно переносят на личности, будто бы они являются носителями его свойств. На самом деле каждый индивид является психологическим гибридом. Даже половой символизм не может начинаться с личности, потому что он первичен по отношению к ней. И наоборот, одна из сложностей психологии личности заключается в том, что во всех культурах целостность личности нарушается, когда её отождествляют с мужской или женской стороной символического принципа.

[8]. Здесь мы вновь подчёркиваем материальность символов. Исцеляющий или восстанавливающий целостность эффект эмоциональных компонентов коллективного бессознательного обсуждается в ч II

Часть первая
Мифологические стадии эволюции сознания
А. Миф сотворения
I. УРОБОРОС

Конец его — начала отраженье,

И что в начале и в конце дано,

То в середине вновь заключено.

Гете, Западно-восточный диван

Мифологические стадии эволюции сознания начинаются с того, что Эго полностью принадлежит бессознательному, и ведут к такому состоянию, когда Эго не только осознает свое собственное положение и героически его отстаивает, но также обретает способность расширять и соотносить свои познания посредством перемен, свершившихся в результате его собственной деятельности.

Первый цикл мифа — это миф сотворения. Здесь мифологическая проекция психического материала проявляется в космогонической форме, как мифология сотворения. Господство мира и бессознательного и образует предмет мифа. Эго и человек находятся пока лишь в стадии возникновения, и их рождение, страдание и высвобождение составляют фазы мифа сотворения.

На стадии разделения Прародителей Мира зародыш сознания личности наконец-то утверждает себя. Все еще оставаясь в рамках мифа сотворения, он вступает во второй цикл, а именно, в миф героя, в котором Эго, сознание и человеческий мир начинают осознавать самих себя и свое достоинство.

В начале существует совершенство, целостность. Это первоначальное совершенство может быть "обозначено" или описано лишь символически; его сущность не поддается никакому другому описанию кроме мифического, потому что то, что описывает — Эго, и то, что описывается — начало, предшествующее любому Эго, оказываются несоизмеримыми величинами, как только Эго пытается охватить свой предмет концептуально, как сущность сознательного.

Именно поэтому в начале всегда находится символ, наиболее замечательный характерный признак которого — неопределенность, неразрешимость и множественность значений.

Началу можно предопределить два "местоположения": его можно представить как начало истории человечества и как самое раннее детство индивида. Образ рассвета человеческой истории можно вообразить по его описанию в обрядах и мифах. Раннее детство, как и заря человечества, изображается в образах, поднимающихся из глубин бессознательного и открывающихся уже индивидуальному Эго.

Рассвет, как стадия начала, проецируется мифологически в космической форме, проявляясь как начало мира, как мифология сотворения. Мифологические повествования должны неизменно начинаться с внешнего мира, так как мир и психика все еще едины. Пока еще не существует мыслящего, осознающего себя Эго, которое могло бы что-нибудь соотносить с собой, то есть размышлять. Психика не только открыта миру, она все еще тождественна миру и едина с ним; она считает себя миром и в мире, и ощущает свое собственное становление, свой собственный образ как звездные небеса, а свою сущность как богов, сотворяющих мир.

Эрнест Кассирер[1] показал, что у всех народов и во всех религиях сотворение проявляется как сотворение света. Таким образом, появление сознания, проявляющего себя как свет в противоположность тьме бессознательного, является истинным "предметом" творения мифологии. Кассирер подобным же образом показал, что на

различных стадиях мифологического сознания сначала возникает субъективная реальность, начинаются формирование Эго и индивидуальности. Начало этого развития мифологически представляется как начало мира, возникновение света, без которого ни один процесс, происходящий в мире, не был бы виден вообще.

Но этому зарождению света из тьмы все же предшествует самое раннее начало, и его окружает множество символов.

Форма, в которой представляется бессознательный материал, не свойственна сознательному уму. Бессознательное не может, да и не пытается охватить объекты и дать им определение при помощи ряда дискурсивных объяснений, прояснить их путем логического анализа. Путь бессознательного иной. Вокруг предмета, который объясняется и предлагается для понимания и интерпретации, собираются символы. Процесс осознавания состоит в том, что вокруг объекта группируются символы, ограничивающие и описывающие неизвестное с разных сторон. Каждый символ раскрывает какую-либо сторону предмета, который предлагается для понимания, указывает на определенную грань его значения. Лишь совокупность этих символов, собранных вокруг рассматриваемого объекта, может привести к пониманию того, на что эти символы указывают и что они пытаются выразить. Символическое повествование о начале, донесенное до нас мифологией прошедших веков, является попыткой человечества, по-детски непосредственно, с помощью донаучного сознания, справиться с проблемами и загадками, которые в большинстве своем недоступны и непостижимы даже для нашего современного развитого сознания. Если наше сознание с эпистемологическим смирением вынуждено считать вопрос начала не имеющим ответа, а значит и не научным, это может быть и верно; но психика, которой невозможно приказать, которую нельзя увести в сторону критикой сознательного ума, всегда заново поднимает этот существенный для нее вопрос.

Вопрос начала является также вопросом "Откуда?" Это исходный и важный вопрос, на который космология и мифы о сотворении постоянно пытались давать новые и разные ответы. Этот исходный вопрос о происхождении мира в то же самое время является и вопросом о происхождении человека, происхождении сознания и Эго, это роковой вопрос "Откуда я появился?", который встает перед каждым человеческим существом, как только оно появляется на пороге пути к самосознанию.

Мифологические ответы на эти вопросы являются символическими, как и все ответы, исходящие из глубин психики, из бессознательного. Метафизическая природа символа говорит: это есть это, а то — есть то. Формулировка тождественности и выстроенная на ней логика сознательного не имеют никакой ценности для психики и бессознательного. Психика, как и сновидение, смешивает, сплетает и перепутывает сознательное и бессознательное, сочетая одно с другим. Поэтому символ является аналогией, скорее ассоциацией, чем тождеством, и на этом основано богатство его значений, но также и его неоднозначность. Лишь группа символов, полная отчасти противоречивых аналогий, может сделать что-то неизвестное, недоступное для сознательного понимания, более вразумительным и более пригодным к тому, чтобы стать сознательным.

Одним из символов изначального совершенства является круг. Близки к нему сфера, яйцо и rotundum — круг[2] алхимии.

Именно круг Платона был в начале:

Он [творец] ... округлил космос до состояния сферы, то есть сообщил Вселенной очертания, из всех очертаний наиболее совершенные и подобные самим себе[3].

Окружность, сфера и круг — все они являются аспектами "замкнутого в себе", не имеющего ни начала, ни конца; в своем первозданном совершенстве оно предшествует любому процессу, оно вечно, так как в своей круговой форме не имеет ни до, ни после, не имеет времени; и в нем нет ни верха, ни низа, ни вообще пространства.

Все это. может появиться лишь с приходом света, сознания, которого пока еще нет; сейчас все находится во власти еще не проявленной божественности, символом которой поэтому и является круг.

Круг — это яйцо, философское Яйцо Мира, ядро начала и зародыш, из которого, как повсюду учит классическая литература, возникает мир[4]. Это также совершенная структура, в которой объединяются противоположности, — совершенное начало, потому что противоположности пока еще не отделились друг от друга, и мир пока еще не начался; совершенный конец, потому что противоположности снова сошлись вместе в синтезе, и мир снова оказался в состоянии покоя.

Единство противоположностей представлено китайским кругом инь-янь, содержащим черное и белое, день и ночь, небеса и землю, мужское и женское. Лао-цзы говорит о нем:

Было нечто бесформенное, но завершенное.

То, что существовало до земли и небес;

Без звука, без материи,

Ни от чего не зависящее и неизменное

Все, без исключения, охватывающее.

Это можно считать матерью всех вещей под небесами .[5]

Каждая из этих пар противоположностей образует ядро группы символов, подробно описать которые здесь нет возможности; достаточно будет нескольких примеров.

Круг — это бутылочная тыква, вмещающая Прародителей Мира[6]. В Египте, как и в Новой Зеландии, в Греции, как и в Африке и в Индии, Прародители Мира, небеса и земля, объединены в круге, бесконечно и вечно слитые, так как ничто еще не встало между ними, чтобы создать двойственность из первоначального единства. Вместилищем мужской и женской противоположностей является великий гермафродит, первичный созидательный элемент, индусский пуруша, который сочетает в себе противоположные полюса:

Вначале [все] это было лишь Атманом в виде пуруши. Он оглянулся вокруг и не увидел никого кроме себя. И прежде всего он произнес: "Я есмь"...Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга.[7]

То, что здесь говорилось о божестве, напоминает Первоначального человека Платона; там в начале также лежит гермафродитический круг.

Эта безупречная форма существования, содержащая противоположности, является совершенной, потому что она самодостаточна. Ее самостоятельность, самоудовлетворенность и независимость от любого "ты" или любого "другого" являются признаками независимой вечности. Мы читаем у Платона:

Так он создал небо, кругообразное и вращающееся, одно-единственное, но благодаря своему совершенству способное пребывать в общении с самим собою, не нуждающееся ни в ком другом и довольствующееся познанием самого себя и содружеством с самим собой[8].

Совершенство того, что покоится в самом себе, никоим образом не противоречит совершенству того, что обращается внутри себя. Хотя абсолютный покой есть что-то статичное, вечное и неизменное, а потому не имеющее истории, в то же время оно является местом возникновения и зачаточной клеткой созидания. Это — свернувшаяся в кольцо змея, живущая в своем собственном жизненном цикле, первобытный дракон начала, кусающий срой хвост, сам себя порождающий Уроборос.

Это — древний египетский символ[9], о котором говорится: "Draco interfecit se ipsum, maritat se ipsum, empraegnat se ipsum"[10]. (Дракон рождает самого себя, женится на самом себе, убивает самого себя (лат.) - Прим. ред.)

Он убивает, берет в супруги и оплодотворяет самого себя. Это мужчина и женщина, порождающее и зачинающее, пожирающее и Дающее рождение, активное и пассивное, над и под, все вместе.

В Древнем Вавилоне уроборос был известен как небесная Змея[11], в более поздние времена его часто изображали Мандаены; его происхождение приписывается Макробием финикийцам[12]. Это архетипе ev то Ttav (греч.) Всего в Едином, выраженный в образах Левиафана, Aion, Океана (рис. 3 и 5), а также Первоначального Создания, которое говорит: "Я семь Альфа и Омега". В образе древнего Кнефа это — Первоначальная Змея, самое древнее божество доисторического мира[13].

Уроборос можно найти в Откровении Иоанна и среди гностиков[14] а также среди римских синкретистов[15], его изображения на песке есть у индейцев навахо[16] и у Джотто[17]; его находят в Египте (рис.4), Африке (рис.6), Мексике (рис.7) и Индии (рис.8), у цыган в виде амулета[18] и в рукописях алхимиков (рис.9)[19].

Символическое размышление, отображенное в этих круговых образах, пытается охватить ту сущность, которую наше современное сознание может понять лишь в парадоксах, конкретно, так как полностью охватить не может. Если мы присваиваем началу имя "все" или "ничего" и говорим таким образом о целостности, единстве, отсутствии разделения и противоположностей, все эти "концепции", если посмотреть на них более внимательно и попытаться "постичь" их вместо того, чтобы продолжать размышлять над ними, оказываются образами, полученными и выделенными из этих основных символов. Образы и символы имеют такое преимущество над парадоксальными философскими формулировками бесконечного единства и невообразимой целостности, что их единство можно увидеть и постигнуть единым взглядом.

Более того: все эти мифологические символы, при помощи которых человек пытался постичь начало, сегодня так же действенны, как и когда-либо раньше; они находят свое место не только в искусстве и религии, но и в жизни индивида, как и в мечтах и

сновидениях. И пока будет существовать человек, совершенство будет выражаться в виде окружности, сферы и круга; и Первичное Божество, самодостаточное, и личность, поднявшаяся над противоположностями, будут выступать в образе круга, мандалы[20].

Этот круг и существование в круге, существование в уроборосе, является символическим изображением стадии рассвета, показывающим, как зарю человечества, так и раннюю стадию развития ребенка. Истинность и реальность уробороса как символа имеют коллективную основу. Он соответствует эволюционной стадии, которая может быть "повторена" в психической структуре каждого человеческого существа. Он функционирует как трансперсональный фактор, который соответствует психической стадии, предшествующей формированию Эго. Более того, его реальность вновь познается каждым в раннем детстве, и личное переживание ребенком этой, предшествующей Эго, стадии восстанавливает старый путь, пройденный человечеством.

Зачаточный и все еще недоразвитый зародыш сознания Эго дремлет в совершенном круге и просыпается. Не имеет значения, имеем ли мы дело с образом этой психической стадии, представляющей себя как символ, или позже Эго описывает эту предварительную стадию как свое собственное прошлое. Поскольку Эго в зародышевом состоянии не может иметь ни собственных переживаний, ни даже психических ощущений — так как его способное ощущать сознание все еще дремлет в зародыше — позднее Эго опишет это раннее состояние, о котором оно имеет неопределенное, но символически целостное понимание, как "предродовое" время. Это — время существования в раю, обиталище психики, предшествующем миру, время до рождения Эго, время охваченности бессознательным, плавания в океане нерожденного.

Время начала, до возникновения противоположностей, должно пониматься как самоописание этой великой эпохи, когда еще не было сознания. Это — ву чи китайской философии, символом которой является пустой круг[21].

Все находится еще в "сейчас и навсегда" вечного бытия; солнце, луна и звезды — эти символы времени, а значит и смертности, еще не созданы; день и ночь, завтра и вчера, генезис и распад, постоянное движение рождения, жизни и смерти еще не пришли в мир. Это доисторическое состояние бытия есть не время, а вечность, также как и время до зачатия, рождения и появления человека есть вечность. И также как не существует времени до рождения человека и Эго, лишь вечность, так нет и пространства — только бесконечность.

На вопрос: "Откуда?", который является одновременно и изначальным вопросом, и вопросом о происхождении, можно дать лишь один ответ, который, однако, имеет две интерпретации. Ответом будет круг, а две интерпретации — лоно и прародители. .. .Для любой психологии, а особенно для любой психологии детства, первостепенное значение имеет понимание этой проблемы и ее символизма.

Уроборос выступает как вмещающий в себе круг, т. е. материнское лоно, но также и как соединение мужской и женской противоположностей — Прародители Мира, слившиеся в вечном соединении. Хотя кажется довольно естественным, что изначальный вопрос Должен быть связан с проблемой Прародителей Мира, нужно с самого начала понимать, что мы имеет дело с символами формирования, ^не разделения полов или "половой теории". Проблема, вокруг которой вращаются мифологические объяснения, и которая с самого начала была для человека критической, на самом деле касается происхождения жизни, духа и души.

Это не говорит о том, что человек примитивной культуры был немного философом: подобные вопросы были совершенно чужды его сознанию. Мифология, однако, является продуктом коллективного бессознательного, и любой, кто знаком с примитивной психологией, поражается бессознательной мудрости, которая поднимается из глубин человеческой психики в ответ на эти вопросы бессознательного. Бессознательные знания о происхождении жизни и соответствующем поведении человека отображены в ритуалах и мифах; это ответы того, что называют человеческой душой и человеческим разумом на очень важные вопросы, хотя никакое сознательное Эго их не задавало.

Многие первобытные народы не имели представления о связи между половым актом и рождением. В том случае, если, как у людей примитивной культуры, половые сношения начинаются с детства и при этом не приводят к зачатию, легко можно прийти к заключению, что рождение ребенка не имеет никакого отношения к оплодотворению мужчиной во время полового акта.

Но ответом на вопрос о происхождении, однако, всегда является — "лоно", так с незапамятных времен человек убежден, что каждое вновь рожденное создание выходит из лона. Поэтому мифологический "круг" также называется лоном и маткой, хотя это нельзя воспринимать буквально, как место происхождения. Фактически, вся мифология повторяет снова и снова что лоно – только образ, а женская матка — лишь частный случай изначального символа того места происхождения, из которого мы все появились. Этот изначальный символ одновременно обозначает множество вещей: это как раз не единственная сущность или одна часть тела, а множественность, мир или космическая область в которой скрывается множество сущностей, где они находят свое жилище. Эти "Матери» не являются матерью в обычном понимании этого слова.

Все глубокое — пропасть, долина, земля, море и морское дно, фонтаны, озера и бассейны, почва (рис. 10),потусторонний мир, пещера, дом и город — части этого архетипа. Все большое и охватывающее, которое содержит, окружает, облекает, закрывает, защищает и лелеет что-нибудь маленькое, относится к изначальной матриархальной сфере[22].

Когда Фрейд утверждал, что все долое было женским он 6ыл бы прав, если бы воспринял это как символ. Интерпретируя же его как «женские половые органы", он абсолютно неправильно символ, так как женские гениталии являются лишь мизерной частью архетипа изначальной матери.

"По сравнению с этим материнским уроборосом человеческое сознание ощущает себя незрелым, так как Эго чувствует себя полностью поглощенным этим изначальным символом. Это лишь крошечный беззащитный первенец. В плероматической фазе жизни, когда Эго плавает внутри круга как головастик, нет ничего, кроме уробороса. Человечества пока еще не существует, есть лишь божественность; лишь бытие мира. Естественно, что первые фазы развивающегося человеческого сознательного Эго находятся под влиянием уробороса. Это — начальные стадии развития Эго-сознания, которое, хотя уже и не находится на эмбриональной стадии, и существует само по себе, но все еще живет в круге, все еще не отделилось от него и только сейчас начинает отличать себя от него. Эта начальная стадия, когда Эго-сознание находится еще на начальном уровне развития, отличается преобладанием влияния материнской стороны уробороса.

Мир воспринимается как всеохватывающий, и в нем человек ощущает себя как самость лишь иногда и частично. Точно так же, как и Эго на начальной стадии развития, воспринимает мир и человек примитивной культуры. Он снова переживает эту фазу,

слаборазвитый, легко устающий; лишь изредка на какие-то мгновения, подобно острову, он поднимается из океана бессознательного и потом снова в него погружается. Маленький, немощный, много спящий, т. е. большей частью бессознательный, он плавает среди своих инстинктов подобно животному. Выношенный и рожденный великой Матерью Природой, взлелеянный ее руками, он, несмотря ни на что, предоставлен ей полностью. Он — ничто, мир — все. Мир укрывает и кормит его, в то время как он сам едва ли чего желает или что-то делает. Ничего не делая, он инертно лежит в бессознательном, просто существуя в неисчерпаемом сумеречном мире, все его потребности легко удовлетворяются великим кормильцем — таково это раннее, блаженное состояние. В этой стадии, когда Эго еще находится в ранней фазе развития и не проявляет никакой собственной активности, существуют все положительные материнские черты. Уроборос материнского мира — это жизнь и психика в одном; он дает пропитание и радость, защищает и согревает, утешает и прощает. Это убежище для всех страждущих, место всего желанного. Эта мать всегда осуществляет, дарует и помогает. Этот образ Великой и Доброй Матери во все времена страданий был для человечества убежищем и всегда таким будет; ибо состояние погруженности в целое, без ответственности и усилий, без сомнений и двойственности мира является райским, и его первоначальная беззаботность никогда больше не повторится.

Положительная сторона Великой Матери представляется воплощенной в этой стадии уробороса. Лишь на значительно более высоком уровне эта "добрая" Мать появится снова. Тогда, сталкиваясь уже не с эмбриональным Эго, а со взрослой личностью, созревшей в результате большого жизненного опыта, она раскрывает себя заново как София, Матерь "милосердия", или проливающая свои богатства в творческой полноте истинной продуктивности как "Матерь Всего Живущего".

Рассветное состояние совершенного слияния и удовлетворенности никогда не было состоянием историческим (Руссо все еще проецировал эту психическую фазу на историческое прошлое, как "естественное состояние дикаря"). Это, скорее, образ психической фазы человечества, который является лишь аллегорией. Насколько сильно мир не вынуждал бы первобытного человека встать перед лицом реальности, тот лишь с величайшей неохотой сознательно вошел в реальность. Даже сегодня на примере примитивных народов мы можем видеть, что закон тяготения, инерция психики, желание оставаться в бессознательном является фундаментальной человеческой чертой. Однако, и эта формулировка неверна, так как она предполагает, что наличие сознания является естественным и самоочевидным. Но фиксацию в бессознательном, медленное погружение под влиянием его специфической силы нельзя назвать желанием остаться в бессознательном, наоборот, как раз оно является естественным. Существует противодействующая сила, желание стать сознательным, подлинный инстинкт, толкающий человека в этом направлении. В желании оставаться бессознательным необходимости нет; человек изначально бессознателен и самое большее, что он может — побороть начальное состояние, в котором он дремлет в мире, дремлет в бессознательном, заключенный в бесконечном как рыба в окружающем ее море. Восхождение к сознательному — это в природе вещь "неестественная", она характерна только для вида человеческого, который в связи с этим справедливо назвал себя homo sapiens. Борьба между свойственным человеку и всеобщим и составляет историю сознательного периода развития человека.

Пока инфантильное Эго-сознание остается слабым и воспринимает бремя своего существования как тяжелое и гнетущее, а дремота и сон воспринимаются как восхитительное наслаждение, оно еще не осознало своей собственной реальности и отдельности. Пока это продолжается, уроборос господствует как огромное кружащееся

колесо жизни, где все, пока еще не индивидуальное, погружено в единство противоположностей, так существуя и желая так существовать .

Человек пока еще не противостоит природе, Эго также не противостоит бессознательному; бытие самим собой все еще является изнурительным и тягостным переживанием, все еще исключением, которое должно быть преодолено. Именно в этом смысле мы говорим об "уроборическом кровосмешении". Само собой разумеется, что термин "кровосмешение" должен пониматься символически, а не конкретно в половом отношении. Где бы не появлялась тема кровосмешения, она всегда является предположением иерогамии, осуществления священного брака, приобретающего свою истинную форму лишь с появлением героя.

Уроборическое кровосмешение — это форма сосуществования с матерью, слияния с ней, оно резко отличается от других, более поздних видов кровосмешения. В уроборическом кровосмешении удовольствие и любовь ни в коем случае не акцептируются, в первую очередь — это желание быть растворенным и поглощенным; человек покорно отдает себя и погружается в плерому, растворяется в океане удовольствия — Liebestod. Великая Мать принимает ребенка обратно в себя, и всегда над уроборическим кровосмешением сияет эмблема смерти, обозначающая конечное растворение в единстве с Матерью. Пещера, земля, могила, саркофаг и гроб — все это символы такого ритуального воссоединения, которое начинается от захоронений в зародышевой позе в могильных холмах Каменного века и заканчивается современными урнами с прахом.

Часто ностальгия и сильное стремление к чему-либо означают именно желание вернуться к уроборическому кровосмешению и саморастворению, от unio mystica (Священное единство (лат.)) святого до страстного желания забытья пьяницы и романтизма смерти" тевтонских племен. Кровосмешение, которое мы называем уроборическим, — это добровольная капитуляция и регрессия. Это форма кровосмешения, выбранная инфантильным Эго, которое еще едино с матерью и пока не самоопределилось; но больное Эго неврастеника тоже может прийти к этой форме, а также и более позднее, обессиленное Эго, которое, свершив деяние, ползет обратно к матери.

Вопреки саморастворению и смертному аспекту уробороса, в зародышевой фазе Эго не воспринимает уроборическое кровосмешение как что-то враждебное, даже несмотря на то, что при этом оно может быть уничтожено. Возвращение в великий круг — это событие, полное пассивного детского доверия; так как инфантильное сознательное Эго после погружения в смерть всегда воспринимает свое пробуждение как возрождение. Оно ощущает себя защищенным в материнских глубинах, даже когда Эго исчезло, и сознание само по себе отсутствует. Сознание человека справедливо ощущает себя ребенком этих изначальных глубин; так как сознание является поздним продуктом лона бессознательного не только в истории человечества. И в жизни каждого индивида сознание заново переживает свое возникновение из бессознательного в период детства, и каждую ночь во сне, умирая с солнцем, оно погружается обратно в глубины бессознательного, чтобы снова родиться утром и начать день заново.

Уроборос, великий круг, является символом не только лона, но и Прародителей Мира, и они неразделимы. Они все еще подчинены изначальному закону; верх и низ, отец и мать, небо и земля, Бог и мир отражают друг друга и не могут быть разделены. Каким еще образом мифологически может быть представлено единство противоположностей начальной стадии бытия, если не символом слившихся Прародителей Мира!

Так Прародители Мира, отвечающие на вопрос о начале, сами являются Вселенной и основным символом вечной жизни. Они — совершенство, из которого происходит все; извечное создание, которое зачинает, вынашивает и рождает само себя; убивает и возрождает к жизни. Их единство является божественной и трансцендентальной формой бытия, независимого от противоположностей — зачаточным "Эн-Соф" каббалы, что одновременно означает "нескончаемое изобилие" и "ничто". Громадная сила этого изначального символа психики заключена не только в том, что он выражает недифференцированное состояние единства, стоящее над противоположностями. Уроборос также символизирует созидательный импульс к новому началу; это "колесо, которое катится само по себе", начальное вращательное движение в направленной вверх спирали эволюции[23].

Исходное движение, инициирующий толчок, естественно имеет родство с отцовской стороной уробороса и началом эволюции во времени, и его намного труднее представить себе, чем материнскую сторону.

Например, когда мы читаем в египетской теологии:

Атум, который наслаждался в Гелиополе, взял в руку свой фаллос, чтобы получить удовольствие. И появились брат и сестра Шу и Тефнут[24].

Или

Я спаривался в своей руке, я соединил себя со своей тенью, и изрыгнул из своего рта. Я изрыгнул Шу и выплюнул Тефнут[25] это ясно отображает трудность понимания символа начала творения. То, что имеется в виду, в наше время называется самозарождением или самопроявлением бога. Первоначальная сила образов все еще просвечивает сквозь наши несколько более абстрактные термины. Уроборический способ размножения, при котором тот, кто зачинает, и тот, кто вынашивает, является одним лицом, вызывает к жизни образ прямого происхождения из семени, без партнера и без двойственности.

Назвать такие образы "непристойными" — значит обнаружить глубокое непонимание. На самом деле в те времена половая жизнь была намного более упорядоченной, более чистой, чем в большинстве более поздних культур; половой символизм, возникший из первобытного культа и ритуала, имеет обрядовое и трансперсональное значение, как и вообще в мифологии. Он символизирует созидательный элемент, а не половые органы индивида. Лишь персоналистическое недопонимание делает такое обрядовое содержание "непристойным". Иудаизм и христианство — это касается и Фрейда -приложили максимум усилий для создания такого неверного толкования. В период борьбы за монотеизм и сознательную этику профанация языческих ценностей была необходима, и в историческом плане представляла собой шаг вперед; но она привела к полному искажению первобытного мира того времени. Результатом вторичной персонализации в борьбе против язычества было сведение трансперсонального к личностному. Святость превратилась в педерастию, почитание в блуд и т. д. Поколение, чьи взоры снова обращены к трансперсональному, должно пересмотреть это отношение.

Вол ее поздние символы сотворения выражают эти образы более Удачно. Дело не в том, что возникло некое сдерживание. То, что Должно было быть выражено, с самого начала не имело никаких половых значений, оно должно было быть символическим; но усилия, с которыми человек примитивной культуры пытался подыскать слова, дают нам некоторое представление о том, что все это подразумевало.

Образ самооплодотворяющегося изначального бога обретает новые формы в Египте и Индии, в обоих случаях наблюдается движение в сторону одухотворения. Но это одухотворение такое же, как и стремление понять природу созидательной силы, которая была в начале:

Именно благодаря сердцу проявляются все результаты, и именно язык повторяет (выражает) мысль сердца... и это порождает всех богов. Атум и его Эннеады и каждое божественное высказывание проявляются в мысли сердца и речи языка[26]

Или:

Творец, который создал всех богов и их Ка, имеет их в своем сердце и на

своем языке,[27]

И наконец мы подходим к самому абстрактному и духовному символизму из всех, где Бог — это "дыхание жизни":

Он "не изрыгнул меня из своего рта и не зачал меня в своей руке,

он выдохнул меня дыханием из носа[28].

Если знать, что иероглиф, означающий "мысль", пишется с изображением "сердца", а "речь" — изображением "языка", то переход от образа к идее в этой формулировке созидательного принципа становится вдвойне понятным.

В этом смысле в египетской мифологии и ее борьбе с проблемой сотворения впервые зародилось то, что несколькими тысячами лет позднее будет выражено как "Слово Господне" в библейском сказании о сотворении и в учении Логоса - выражение, которое никогда не могло полностью оторваться от изначального образа "самопроявляющегося" и "самовыражающегося" бога.

Очевидно, что созидательная первопричина, сотворившая мир, основана на глубоком понимании созидательной природы самого человека. Как человек (наши сегодняшние метафоры говорят о том же) порождает свои творения из своих собственных глубин и "выражает" самого себя, так же поступают и боги. Подобным же образом Вишну-Вепрь зачерпывает землю из моря, и бог обдумывает мир в своем сердце и выражает его в созидательном слове. Слово, речь, являются высшим продуктом, словесным выражением погрузившегося в себя, в свои собственные глубины. Говоря о "интроверсии", мы говорим о том же самом. В Индии тапас, "внутреннее тепло" и "обдумывание" являются созидательной силой, с помощью которой происходит все. Эффект самопорождающегося духа ясно выражен в следующих строках:

Он, Праджапати, прибегнул к молитве и посту, потому что порождал потомка, и он сделал себя плодородным[29].

В египетских текстах говорится:

Мое имя было "тот, кто создал самого себя, первый бог первых богов"[30].

Тот же принцип" подогревания" описан в другой Брахмане как путь сотворения:

В начале этот мир был ничем. Не было ни небес, ни земли, ни пространства. Потому что его не было, оно себя задумало: я буду. Оно излучило тепло.

После описания длинного ряда космогонических разогреваний и сотворения элементов текст продолжает:

Он нашел опору на земле. Когда он стал твердой ногой на земле, он подумал: Я размножусь. Он излучил тепло и забеременел[31].

Как материнская сторона уробороса порождает без зачатия, так и отцовская сторона порождает без материнского лона. Эти две стороны дополняют друг друга и принадлежат друг другу. Изначальный вопрос касается истоков того, что движет всю жизнь. На этот вопрос мифы о сотворении дают один ответ: сотворение является чем-то, что невозможно полностью выразить в половых символах, и предпочитают обозначать невыразимое через образы.

Созидающее слово, созидающее дыхание — это созидающий дух. По концепция дыхания является лишь абстракцией, родившейся из образа порождающего ветра — руах — духа — анимы, который вдыхает жизнь посредством "вдохновения". Солнечный фаллос, символизирующий созидающий элемент является источником ветра как в египетских магических папирусах, так и в видениях психотиков нашего времени.[32]

Этот ветер в форме руах ~ голубя Святого Духа проникает под одежды непорочной Девы Марии через трубку, протянутую к ней Богом-Отцом с солнца. Этот ветер — приносящая плоды птица, известная первобытным людям, дух предков, веющий на женщин, а также на черепах и самок грифов и делающий их плодородными[33].

Оплодотворяющие животные, оплодотворяющие боги, боги-животные, животные-боги — везде загадка, оплодотворения сопровождает тайну созидательного "вдохновения". Человечество спрашивает о происхождении жизни, и сразу же жизнь и душа сливаются вместе и выступают как живая психе, сила, дух, движение, дыхание и дающая жизнь мана. Единый, Тот, Кто Стоит в Начале, обладает созидающей силой, содержащейся в уроборическом единстве Прародителей Мира, из которой все выдувается, зачинается, порождается, двигается, дышит и говорит. "Ведь тот, кто дует - один... Ведь все это возрастало в нем..." — говорит Упанишада[34].

Хотя Эго воспринимает — и должно воспринимать — уроборос как ужасную темную силу бессознательного, человечество никоим образом не связывает эту стадию своего досознательного бытия лишь с ощущениями дремоты и страха, даже если для сознательного Эго свет и сознание -- едины, так же, как тьма и бессознательное. Человек все равно догадывается о существовании другого, и поэтому мыслит, исходя из более глубоких, "выходящих за рамки мира" знаний. В мифологии источником подобной интуиции обычно считаются знания, полученные до рождения или после смерти.

В Бардо Тодол, Тибетской Книге Мертвых, умерший человек получает наставление, и это наставление завершается доктриной, что он должен осознавать свое единство с великим белым светом, сияющим вне жизни и смерти:

Твое собственное сознание, сияющее, свободное и неотделимое от "Великого Светила" не имеет ни рождения, ни смерти, оно и есть Неизменный Свет — Будда Амитабха[35].

Это знание — постсознательное, оно — за рамками этого мира и не от этого мира, осознанное и испытанное в совершенстве после смерти, но оно также является и предсознательным, предшествующим миру и пренатальным. Это то, что имеет в виду еврейский мидраш, когда приписывает знание неродившемуся ребенку в лоне, говоря, что над его головой сияет свет, в котором он видит все свершения мира [36],

Вероятно, с этим предварительным знанием связано также и существование во времени, предшествующем началу. Творение, которое все еще существует в круге, участвует в знаниях неоформленных, оно растворяется в океане мудрости. Первозданный океан, который также является символом начала — так как змея-кольцо; уробороса является и океаном — источник не только сотворения, но также и мудрости. Поэтому герои ранних культур часто выходят из моря в образе полурыбы, подобно вавилонскому Оаннесу, и как откровение приносят человеку свою мудрость.

Так как изначальная мудрость предшествует миру, т. е. первична по отношению к Эго и возникновению сознания, мифы говорят, что она пренатальна. Но существование после смерти и пренатальное бытие в уроборосе — это одно и то же. Кольцо жизни и смерти — замкнутый цикл, это колесо перерождений, и умерший человек, получавший наставления в Бардо Тодол, непременно родится снова, если в загробной жизни ему не удастся постичь высшего знания. Поэтому для него наставление после смерти одновременно является и пренатальным.

Мифологическая теория изначального знания также объясняет ту гипотезу, что все знания являются "памятью". Задача человека в мире заключается в том, чтобы при помощи сознательного разума вспомнить знания, существовавшие до появления сознания. В этом смысле цадика называют "совершенным праведным человеком" хасидизма, мистического еврейского течения, датируемого концом XVIII века:

Цадик отыскал то, что было утеряно после рождения, и вернул человеку [37].

Это та же концепция, что и философская доктрина Платона о пренатальном восприятии идей и памяти о них. Изначальные знания того, кто все еще свернут в совершенном состоянии, хорошо прослеживаются в психологии ребенка. В связи с этим во многих примитивных культурах детям оказывали особые знаки уважения. Для ребенка великие образы и архетипы коллективного бессознательного являются живой реальностью, они очень близки ему; действительно, многие его высказывания и реакции, вопросы и ответы, образы и фантазии выражают знание, которое все еще исходит из его пренатального бытия. Это — трансперсональный опыт, не приобретенный индивидуально, владение, пришедшее "свыше". Такие Знания по праву считаются наследственными, а ребенок — вновь родившимся предком.

Теория наследственности, доказывающая, что ребенок несет в себе биологическую наследственность предков и в значительной степени фактически сам "является" этой наследственностью, имеет так же и психологическое оправдание. Поэтому Юнг определяет трансперсональные — или архетипы и инстинкты коллективного бессознательного — как "хранилище наследственных знаний" [38].

Поэтому ребенок, жизнь которого как доличностного организма во многом определяется коллективным бессознательным, фактически является живым носителем этого наследственного опыта.

На заре развития сознания, когда слаборазвитое Эго все еще находится во власти бессознательного, кроме символизма, мифологические стадии которого мы пытаемся описать, действует и другой ряд образов, соответствующих образу магического тела в психике. Определенные группы символов соотносятся с определенными частями тела. Даже сегодня упрощенная схема строения тела — живот, грудь и голова — используется в обычной психологии, где "живот" обозначает сферу инстинктов; "грудь" и "сердце" — область ощущений, а "голова" и "мозг" — сферу духа. По сей день современная психология и язык находятся под влиянием этой исходной структуры тела. Эта схема особенно характерна для индийской психологии; в йоге Кундалини восходящее сознание пробуждает и активизирует различные центры тела-души. Предполагается, что диафрагма соответствует поверхности земли, и развитие за пределы этой области соотносится с "восходящим солнцем", состоянием сознания, которое начало оставлять позади себя бессознательное и все связи с ним.

Схема тела как архетип первичного человека, по образу которого был сотворен мир, является основным символом во всех системах, где части мира соотносятся с частями тела. Это соотношение встречается везде: как в Египте, так и в Мексике, как в индийской литературе, так и в каббале. Не один лишь Господь, а весь мир сотворен по образу человеческому. Связь мира и богов со строением тела является самой ранней проявленной формой "антропоцентрической картины мира", где человек располагается в центре или в "сердце" мира. Эта концепция основана на ощущениях его собственного тела, которое заряжено маной; обычно ее неправильно понимают как нарциссическую.

Заряд маны, первоначально ассоциируемый со всем, что относится к телу, выражается в страхе человека примитивной культуры перед магическим вмешательством, так как любая часть тела, от волос до экскрементов, может представлять тело как целое и заколдовать его. Символизм мифов сотворения, в которых все, что исходит из тела, является созидательным, также получает силу из его маны. Не только семя, но моча и слюна, пот, фекалии и дыхание, слова и кишечные газы полны созидания. Из всего этого возникает мир, и "появление" всего этого есть "рождение".

Для первобытного человека и ребенка, бессознательное которых проявляется очень сильно, особое значение имеет висцеральная область и ее мертвый груз вегетативной жизни. "Сердце" для них является высшим центром, представляющим то, чем для нас является мыслящая голова. Для греков обиталищем сознания была диафрагма, для индусов и древних евреев — сердце. В обоих случаях, мышление здесь эмоциональное, связанное с аффектами и страстью. Эмоциональные компоненты отделились еще не полностью (см. часть II). Лишь когда, мысль есть страсть, охватившая сердце, лишь тогда она может достичь сознания Эго и быть воспринятой; сознание затрагивается лишь мыслью, близкой к архетипу. Но сердце является также и вместилищем этического решения; оно символизирует центр личности, и у египтян в Судный День мертвых оно взвешивается. Ту же роль сердце играет и в еврейском мистицизме [39], и даже сегодня мы говорим, что у человека "доброе сердце", будто бы это орган нравственности. Все, что находится ниже сердца, относится к сфере инстинктов. Печень и ночки являются висцеральными центрами, имеющими огромное значение для психической жизни. "Бог испытывает сердце и почки" того человека, в сознательное и бессознательное которого хочет проникнуть, а осмотр печени в качестве основы для прорицания в арусписи" так же хорошо известен, как и судьба Прометея, который за похищение огня и высокомерный выход за рамки своего сознания был наказан Зевсом agenbite of inwit, который послал орла выклевывать ему печень. Но все висцеральные центры, также функционирущие как эмоциональные, контролирующие сексуальность, уже являются центрами высшего порядка. Глубже лежит психическая плоскость внутрикишечных процессов

пищеварительного тракта. Инстинкт питания голод -- является одним из самых первичных психических инстинктов человека, и соответственно психология живота играет большую роль у первобытных людей и детей. Чем меньше развиты сознание и Эго человека, тем больше состояние его ума зависит от того, голоден он или нет, мучает его жажда или нет. Для Эго, находящегося в эмбриональной фазе развития, пищевая сторона является единственно важной, и эта сфера все еще очень значима для инфантильного Эго, считающего материнский уроборос источником пищи и удовлетворения.

Уроборос правильно называют "пожирающим свой хвост", и во всей этой стадии доминирует символ пищеварительного тракта. "Болотная" стадия уробороса и ранний матриархат, как его описывает Бахофен, есть мир, в котором одно создание пожирает другое. Этой стадии свойственен каннибализм. На этом уровне, который предшествует разделению полов, так как секс еще не задействован, а полярная напряженность полов все еще не проявлена, есть только сильнейший, который поедает, и более слабый, которого поедают. В этом животном мире первое место занимает висцеральная психология голода. Голод и пища являются основными движущими силами человечества.

Во всех мифах первоначального творения мы встречаем прегенитальный пищевой символизм, трансперсональный, потому что он происходит от первоначального напластования символов. Систола и диастола человеческого бытия сосредотачиваются на функциях пищеварительного тракта. Принятие пищи равно входу, рождение — выходу, пища как единая сущность, поддерживающая фундаментальную форму вегетативно-животного бытия — вот девиз. Жизнь = силе = пище, эта самая ранняя формула обретения власти над чем угодно встречается в древнейших Текстах Пирамид. Они говорят о поднявшихся мертвых:

Небо покрывается тучами, звезды дождем падают вниз (?); горы зашевелились, дрожит скот Бога-земли... при виде его, когда он появляется перед ними с живой душой бога, живущего от своих отцов и пожирающего своих матерей.

Это он пожирает людей и живет от богов... Ловец черепов... он ловит их для него. Он, у которого великолепная голова, присматривает за ними для него и гонит их к нему (?)...

Большие из них — ему на завтрак, меньшие — ему на обед, и дети их —

ему на ужин.

Кого бы он ни встретил на своем пути — съедает живьем.

Он лишил богов сердец. Он съел Красную Корону и поглотил Зеленую Корону. Он поедает легкие мудрых людей; он довольствуется жизнью на сердцах и их магии; он радуется (?)... если ему удается поглотить тех, кто находится в Красной Короне. Он процветает, и их магия в его теле и его слава не отняты у него. Он поглотил понимание всех богов... [40]

Мы находим соответствующий символизм и в Индии. В одном из повествований о сотворении первые божества падают вниз в море, и 'Голод" и "Жажда" предоставляются отрицательным си лам первобытных вод. Повествование продолжает:

Голод и жажда сказали ему [Атману]: "Сотвори [пристанище и] нам". Он сказал им: "Я доставляю нам долю в этих божествах, я делаю вас соучастниками и них"- Поэтому,

какому божеству ни приносится подношение, голод и жажда бывают соучастниками в нем.

Он [Атман] подумал: "Вот и миры, и хранители миров. Я сотворю пищу для них".

0ц согрел иоду. Из нее, согретой, он произвел воплощенный образ. Поис-гиие, воплощенный образ, который он произвел, и есть пища.[41]

Л ища становится "космической сущностью", которую нужно захватить, и когда Самому наконец удается схватить ее при помощи апаиа (пищеварительного дыхания), "он поглощает ее". В другом отрывке голод является символом смерти; он - поедатель и пожиратель, о чем свидетельствует смертельный и пожирающий аспект уробороса.

Даже сегодня язык не может преодолеть этих первичных образов. Поедание, пожирание, голод, смерть и пасть — все они сочетаются; и мы до сих нор говорим, как и первобытные, о "пасти смерти", о "пожирающей войне", о "поедающей болезни". "Быть проглоченным и съеденным" является архетипом, который встречается не только во всех средневековых картинах ада и дьявола; мы сами выражаем проглатывание чего-то маленького чем-то большим теми же образами, когда говорим, что человек "поглощен" своей работой, движением или мыслью, или что его "съедает" ревность.

На этом уровне, где уроборос соответствует космогонии, мировой или космической сущностью, которая должна быть "ассимилирована, является пища. Пища — это фаза Брахмы:

Поистине из пищи возникают существа

Те, которые пребывают на земле;

Затем пищей они и живут,

И в нее же они входят под конец,

Ибо пища — старейшее из существ;

Поэтому ее зовут нее [исцеляющей] травой.

Поистине, всякую пишу получают те,

Которые почитают пищу как Брахмана,

Ибо пища — старейшее из существ;

Поэтому ее зовут вес [исцеляющей] травой.

Из пищи рождаются существа;

1'ожденные, они растут благодаря пище;

Она питает и [сама] питается существами

И поэтому зовется пищей.[42]

Силою подвижничества возрастает Брахман,

из него рождается пища,

Из пищи — дыхание, разум,

действительное, миры, [деяния], и в деяниях — бессмертное. [43]

Тот же символизм используется и в Майтри упанишаде [44], где связь между миром и Богом эквивалентна связи между пищей и тем, кто ее употребляет. Бог, однажды прославленный как кормилец Мира, теперь представляется пожирателем мира, так как мир есть жертвенная пища Бога.

В примитивной и мифологии "пищеварительный уроборос" также является космической величиной, поэтому его символизм также появляется в Индии, в сравнительно поздних философских размышлениях, внося ясность в связь между Богом как "субъектом" и миром как "объектом" и наоборот.

В этой связи мы должны упомянуть "Жертвоприношение» которое приносится богу в виде пищи и «поедается» им. Это в одно и тоже время и принятие в себя или «внутреннее пищеварение» и захват для усиления могущества.

Итак, в Индии мир есть "пища для богов". Как объяснил Дьюсен, мир, согласно ранним ведическим понятиям, был сотворен Праджа пати, который одновременно является жизнью и смертью или голодом. Он был сотворен для того, чтобы быть съеденным как жертвоприношение, которое он сам себе подносит. Так интерпретируется жертвоприношение лошади[45], лошадь здесь олицетворяет Вселенную, как в других культурах бык:

Все, что он произвел, он решил пожрать. Поистине, он поедает все, поэтому природа смерти — адити. Кто знает природу смерти — адити, тот становится поедателем всего, что существует, и все становится его пищей. [46]; что более поздняя эпоха, правильно интерпретировав старый символизм, одухотворила или «внутренне усвоила» благодаря действиям поедания, переваривания и усваения мир теперь выступает как средство для того, чтобы добывать и обретать власть над ним. "Знать сущность адити" означало пережить опыт бесконечного бытия творца, который "поедает» созданный им мир Таким образом на примитивном уровне сознательное понимание называется поеданием. Когда мы говорим о сознательном разуме, мы подразумеваем только то что заключает в себе символ поедания и переваривания.
[47]

При желании можно привести еще множество таких примеров из египетской и индийской мифологии, так как подобный элементарный пищевой символизм является архетипическим. Где бы ни появлялись напитки, фрукты, травы и т. д. как средство выражения жизни и бессмертия, включая "хлеб" и "воду" жизни, причащение и любую форму культа еды, вплоть до нашего времени, мы наблюдаем этот древний способ выражения. Материализация психических сущностей, когда сущности, которые мы будем называть "психическими", такие как жизнь, бессмертие и смерть — обретают в мифе и обряде материальную форму и появляются как вода, хлеб, фрукты и т. д., характерна для примитивного разума. Как мы говорим, внутреннее проецируется наружу. В

действительности происходит "психизация" объекта: вес, что находится вне нас, воспринимается символически, как наделенное сущностью, которую мы соотносим с психикой чем-то психическим или духовным. Затем этот материальный объект, находящийся вовне, "ассимилируется", т.е. поедается. Осознанное понимание "разыгрывается" в элементарной схеме пищеварительной ассимиляции, и ритуальное действие конкретного поедания является первой формой ассимиляции, известной человеку. Над всей этой целостной сферой символизма возвышается материнский уроборос в аспекте мать-дитя, где потребность — есть голод, а удовлетворение означает насыщение.

Тело и его "аутоэротическос-нарциссическое" ощущение самого себя - мы будем рассматривать это понятие позднее - является замкнутым уроборическим циклом. В этой прегенитальной стадии самоудовлетворение является не мастурбацией, а удовлетворением от питания, и сменяет его палец, который сосет младенец [47а]. "Получить" значит "съесть", а не "быть оплодотворенным", "произвести", "выразить" означает "извергнуть", "выплюнуть", "выделить с мочой", позднее — "высказать" — но не "родить" или "зачать". Мастурбационная стадия уроборического творения, напротив, имеет генитальный характер и предшествует половой стадии Прародителей Мира, которая является стадией размножения и двойственности, и обоим этим стадиям предшествует стадия пищевого уробороса. Все вышеупомянутые функции организма символизируют что-то, что одновременно является и психическим процессом. Обряды каннибализма, заупокойный пир, поедание богов в Текстах Пирамид и таинства причастия представляют собой действие духовное.

Ассимиляция и усвоение "сущности" съеденной пищи вызывает "внутреннюю перемену. Трансформация клеток тела, вызнанная принятием пищи, является самым элементарным изменением в организме, переживаемым человеком. То, как усталый, слабый, изголодавшийся человек может превратиться в проворное, сильное и удовлетворенное создание, или как человек, умирающий от жажды, может быть оживлен или даже преображен опьяняющим глотком, есть и должно оставаться фундаментальным переживанием до тех пор, пока существует человек.

Появление соответствующего символизма не означает "регрессии к оральной стадии" в том смысле, что это есть "детская, извращенная" форма полового удовлетворения, которую мы должны преодолеть, а просто указывает на возврат к уроборическому символизму (рис. 1), положительно акцентированному бессознательным. Оплодотворение посредством поедания не означает, что отсутствуют знание о половом акте, ни в коем смысле не является это и "заменой по незнанию" это означает, скорее "полную ассимиляцию", чем единение с". Это что-то, что отличается от упоминавшегося выше оплодотворения ветром; в поедании акцентируется прием телом, но в последнем случае — на невидимость привносящего жизнь и оплодотворяющего агента[48], сводящая первое к фазе каннибализма в оральной стадии формирования либидо, а второе - к выделению кишечных газов на анальном уровне, является глубоко пагубной для человека, символические проявления которого таким образом неправильно понимаются и недооцениваются.

Соответственно, на стадии материнского пищевого уробороса всегда акцентируются груди, как например, в мифологических изображениях Великой матери со множеством молочных желез (рис.12) или в бесчисленных статуях богини, выдавливающей молоко из груди. Здесь кормящая Великая Мать является в большей степени генеративной, чем рождающей. Грудь и выделение молока являются генеративными элементами, которые могут появляться и в виде фаллоса, потому что в этом случае молоко символически

воспринимается как оплодотворяющий фактор. Дающая молоко мать, самым распространенным символом которой является корова, дает рождение и может даже иметь отцовский характер. Ее дитя, как что-то ею "оплодотворяемое", в этом случае является рецептивным и женским, независимо от пола. Материнский уроборос все еще остается гермафродитным и досексуальным, подобно ребенку. Так мать размножается, кормя, так же как ребенок оплодотворяется, принимая пищу, и разрождается через опорожнение. Для них обоих питающий поток является символом жизни без полярной напряженности и совершенно асексуальной.

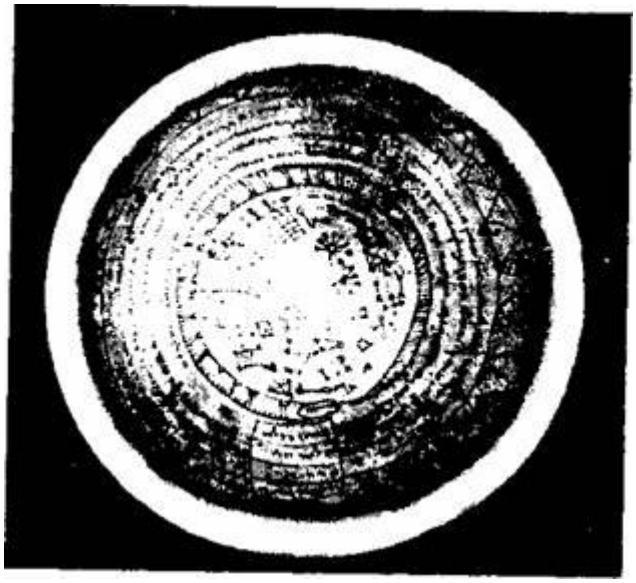

Рис.2. Змея, кусающая свой хвост, окружающая надпись. Чаша Мандатов, Месопотамия, ок. 500 г. н.э.

Д. Миф сотворения

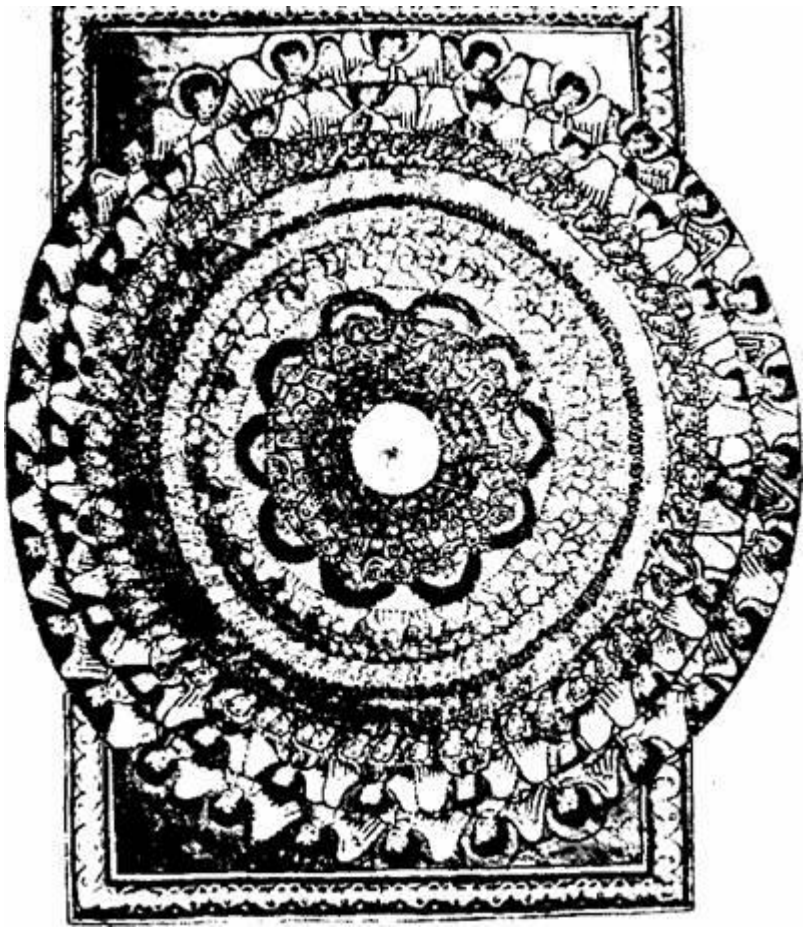

Рис.11. Девять хоров ангелов. Миииашюиа из StJlildegardc oj Bingen, Sc Mfiinii крипт XII в.

Акцентирование груди Матери и ее фаллического характера, однако, уже указывает на стадию переходного периода. Первоначальное состояние — это совершенное нахождение в уроборосе. Когда появляется фаллический образ груди, или Мать предстает как носитель фаллоса — это признак того, что инфантильный субъект начинает дифференцировать себя. Постепенно становятся различимыми активные и пассивные усилия; возникают противоположности. Зачатие посредством поедания и разрождение через опорожнение дифференцируются как отдельные акты в рамках питающего потока, и Эго начинает отличать себя от уробороса. Это означает конец блаженного уроборического состояния абсолютного суверенитета, совершенства и полной самообеспеченности. Пока Эго плавало в животе уробороса, вернее, всего лишь зародыш Эго, оно разделяло это райское совершенство. Такая самостоятельность полностью царит в лоне, где бессознательное существование сочетается с отсутствием недостатка в чем бы то ни было. Все обеспечивается само собой; нет необходимости ни в малейшем усилии, даже в инстинктивной реакции, не говоря уже о регулирующем сознании Эго. Свое собственное бытие и окружающий мир — в данном случае тело матери — существуют в мистическом соучастии, которое никогда больше не повторится, без всякой связи с окружающим. Это состояние неопределившегося Эго, не прерываемое никакими реакциями типа удовольствие-боль, естественно воспринимается более поздним его сознанием как одна из самых совершенных форм самоорганизации, приносящая полнейшее удовлетворение. Платон описывает создание мира словами, которые напоминают это бытие внутри уробороса:

[Он] не имел никакой потребности ни в глазах, ни в слухе, ибо вне его не осталось ничего такого, что можно было бы видеть или слышать. Далее, его не окружал воздух,

который надо было бы вдыхать. Равным образом ему не было нужды в каком-либо органе, посредством которого он принимал бы пищу или извергал обратно уже переваренную: ничто не выходило за его пределы и не входило в него откуда бы то ни было, ибо входить было нечему. [Тело космоса] было искусно устроено так, чтобы получать пищу от своего собственного тления, осуществляя все свои действия и состояния в себе самом и само через себя. Ибо построявший его нашел, что пребывать самодовлеющим много лучше, нежели нуждаться в чем-либо.[49]

Снова мы встречаем уроборический цикл саморазмножения на пищевом уровне. Так же как уроборос оплодотворяет себя через рот, пожирая свой собственный хвост, "так же его собственные отходы служат ему пищей", вечно повторяющийся символ автономности и самообеспеченности. Изначальный образ самоорганизованного уробороса лежит в основе гомункулуса в алхимии, который зарождается в круглом — реторте — при вращении элементов, он даже лежит в основе вечного двигателя в физике.

Мы должны будем рассматривать проблему самоорганизации на всех стадиях нашего исследования, потому что она связана с важным направлением в развитии человека, а именно — с проблемой его самоформирования. Пока мы выделили три стадии уроборической самоорганизации: первая — это плероматическая стадия райского совершенства в еще нерожденном, эмбриональная стадия Эго, которую более позднее сознание будет противопоставлять страданиям несамоорганизованного Эго в мире. Вторая стадия — это пищевой уроборос, закрытый цикл, в котором "его отходы служат ему пищей". Третья, генитально-мастурбационная стадия — стадия Атума, который "спаривается в своей руке". Все эти образы, как и вынашивание самим собой того, кто забеременел через тапас — более поздняя духовная форма самоорганизации — являются образами содержащегося в самом себе созидающего элемента.

Уроборическая самоорганизация, даже когда она появляется как доминирующий архетип, не должна сводиться к уровню ауто-эротизма и нарциссизма. Обе эти концепции являются обоснованными лишь в случаях нарушений развития, когда эволюционная стадия, которой управляет уроборос, продолжается неестественно долго. Но даже в этом случае не следует забывать о положительном аспекте. Самоорганизация — такая же необходимая цель жизни и развития, как и адаптация. Саморазвитие, самодифференциация и самоорганизация являются направлениями либидо не менее закономерными, чем экстравертное отношение к объекту и интровертное отношение к субъекту. Негативная оценка, подразумеваемая терминами "аутоэротизм", "аутизм" и "нарциссизм", оправдана лишь в патологических случаях, когда существуют отклонения от основного естественного положения; так как развитие Эго, сознания, личности и, наконец, индивидуальности фактически само происходит путем самоорганизации, символом которой является уроборос. Поэтому во многих случаях появление уроборического символизма, особенно если его формирующий и стабилизирующий характер сильно выражен, как например, в мандале, указывает на то, что Эго продвигается скорее к самоопределению, чем к объективной адаптации.

Отделение от уробороса, вступление в мир и встреча с универсальным принципом противоположностей являются существенными задачами человеческого и индивидуального развития. Процесс приспособления к объектам внешнего и внутреннего миров, адаптации к общественной жизни человечества, как вовне, так и извне, управляет с разной степенью интенсивности жизнью каждого индивида. Для экстраверта акцент лежит на внешних объектах, людях, предметах и обстоятельствах; для интроверта он лежит на объектах внутренних, комплексах и архетипах. Даже развитие интроверта, которое, в основном, связано с психической подоплекой, в этом смысле "привязано к объекту",

несмотря на то, что эти объекты располагаются внутри него, а не снаружи, будучи, скорее, силами психическими, чем социальными, экономическими или физическими.

Но кроме этого направления развития имеется и другое, в равной мере закономерное, которое направлено на самого себя, или "центровертное", и которое способствует развитию личности и проявлению индивидуальности. Это развитие может инициироваться в равной мере как снаружи, так и изнутри, и является настолько же интровертным, насколько и экстравертным. Однако его фокус лежит не на объектах и отношениях с ними, независимо от того, внешние это объекты или внутренние, а на самоформировании; то есть на построении и расширении личности, которая, как ядро жизненной деятельности, использует объекты внутреннего и внешнего ми-ров в качестве строительного материала для своей целостности. Эта Целостность сама по себе является завершением, самоорганизацией; она достаточно независима от любых ценностей, которые может применить как к внешним, общественным, так и к внутренним психическим силам.

То, что мы тем не менее, имеем здесь дело с созидающим принципом, имеющим решающее значение для цивилизации, будет показано в соответствующем месте.

Самоформирование результаты которого во второй половине жизни Юнг назвал "индивидуацией"[50], имеет решающий, связанный с развитием, характер не только в первой половине жизни, но еще и в детстве. Этим в значительной мере определяются рост сознания и Эго. Стабильность Эго, то есть его способность твердо противостоять дезинтегрирующим тенденциям бессознательного и мира, развивается очень рано, также как и стремление к расширению сознания, что также является важной предпосылкой организации. Хотя в первой половине жизни Эго и сознание, в основном, заняты адаптацией, и тенденция к самоформированию, похоже, временно бездействует, однако начало этого процесса самоопределения, несмотря на то, что он становится заметным лишь с наступающей зрелостью, лежит в глубоком детстве; и именно там решается исход первой борьбы за самоформирование. Так называемая нарциссическая, аутическая, аутоэротическая, эгоцентрическая и, как мы видели, антропоцентрическая стадия уробороса, настолько очевидная в детской самоорганизации ребенка и его наивной сконцентрированности на самом себе, является непременным условием всего последующего саморазвития.

Тот же уроборический символизм, что стоит в начале, перед началом развития Эго, появляется и в конце, когда развитие Эго замещается развитием собственной личности или индивидуацией. Когда универсальный принцип противоположностей уже больше не доминирует, и пожирание мира или пожирание миром уже не имеют первостепенного значения, символ уробороса возникает снова в качестве мандалы в психологии взрослого.

Теперь цель жизни — обрести независимость от мира, отделить себя от него и стать самим собой. Самоорганизующий характер уробороса возникает как положительный символ, указывающий новое направление. В то время как уроборическое кровосмешение невротика и его плероматическая фиксация указывают на неспособность оторваться от своего начала и отказ войти в мир, появление мандалы и символизма уробороса у зрелого человека является признаком того, что он снова должен освободить себя от этого мира --- так как сейчас он "пресыщен им" — и вернуться к себе. Он должен, используя новый процесс, вывести себя из этого мира точно также, как он себя в него ввел в начальной стадии развития Эго.

Отсюда — "совершенство" облика уробороса, стоящего в центре бессознательного мира первобытного человека и ребенка [51], является одновременно центральным символом второй половины жизни и ядром тенденции к развитию, называемого нами самоформированием или центроверсией. Символ круглой мандалы возникает как в начале, так и в конце. В начале он имеет мифологическую форму рая; в конце - Священного Иерусалима. Совершенная форма круга, из центра которого лучами расходятся четыре перекладины креста, в котором мирно сосуществуют противоположности, исторически является очень ранним и очень поздним символом. Он обнаружен в убежищах Каменного века; он есть в раю, где находится начало четырех истоков, и в мифологии ханаанитов он является центральной точкой, в которой располагается великий бог Эл, "у начала истоков посреди источников двух морей" [52].

Уроборос, присутствующий во всех эпохах и культурах, .затем появляется как самый поздний символ индивидуального психического развития и означает тогда круговую завершенность психики, целостность жизни и вновь обретенное совершенство. Это — место преобразования и вдохновения (рис. 11), законченности, а также место мифологического начала.

Таким образом, Великий Круг уробороса аркой изгибается над жизнью человека, заключая в себя его раннее детство и принимая его снова в трансформированной форме в конце. Но в его индивидуальной жизни также можно искать и найти плерому вселенского единства в религиозном мироощущении. В мистицизме, где фигура уробороса появляется как "океан Божественности", часто наблюдается растворение Эго, экстатическая капитуляция, эквивалентная уроборическому кровосмешению. Но когда вместо смертного экстаза Эго преобладает принцип возрождения "St.irb und Werde" и вслед за смертью идет возрождение — это не регрессия, а созидательный процесс[53]. Его отношение к уроборической стадии будет подробно обсуждено в другом месте, так как разграничение созидательных и патологических процессов имеет огромное значение для всей глубинной психологии.

Как символ начала уроборос соответствует обоим этим процессам. Не только в религиозных явлениях, но также и в явлениях созидательных, охватывающая жизнь фигура круга означает возрождающее море и источник высшей жизни. Однако та же самая фигура своими цепкими объятиями не выпускает невротика в жизнь. И тогда это уже больше не изначальная фигура уробороса, а, в случае более развитого Эго, указание на то, что достигнута следующая стадия, а именно — стадия господства уробороса над Эго, или стадия Великой Матери.

[1] Ernest Cassirer, The Philosophy of Symbolic Forms.tr. Manheim, ch.II, pp. 94ff.

[2] Юнг, Психология и алхимия.: М.: Рефл-бук, К., Ваклер, 1997, стр. 106 - Прим. ред.

[3] Платон, Тимей, 336. [Цит. по: Платон. Собрание сочинений в четырех томах. М., Мысль, 1994, том 3, стр. 433. -— Прим. ред.]

[4] Frobenius, Vom Kulturreich des Ferstlander, p. 69; Shatapatha Brahrnana 6.1.1.8; Geldner, Vedismus und Brahmanismus, p.92 ff.

[5] Tao Ten C king, No XXV, перев. Артура Уэйли в The Way and it's Power.

[6] Frobenius, op.cit., p. 112.

[7] Брихадаранъяка упанишада, раздел Мадху, I, 4, 1-3. [Цит. по: Упани-шады в трех книгах. Книга 1. М.: Наука, 1992. — Прим. ред]

[8] Платон, Тимей, 34. [Цит. по: Платон. Собрание сочинений в четырех томах.:М., Мысль, 1994, том 3, стр. 437. Прим. ред] 8а Здесь и далее транскритируется как "уроборос".

[9] Godlschmidt, Alchemie der Aegypter.

[10] Ср. Jung, The Visions of Zosimos, цит. по Artis auriferae (Basel, 1593), т.[, Tractat.ua Avicennae, p. 407.

[11] Leisegang, The Mystery of the Serpent.

[12] Множество примеров таких изображений было собрано в архивах Эра-нос, Аскона, Швейцария; копии архивов находятся в собственности Бол-лингена в Пью Йорке и в институте Варбург в Лондоне.

[13] Kees, Der Gotterlaube im alien Aegypten, p.347.

[14] Pistis Sophia, pp. 160-64, 166-68.

[15] Kerenyi, Die Gotten Natur.

[16] Ср. Newcomb и Reichard, Sandpaintings of the Navajo Shooting Chant, особенно илл. XIII.

[17] См. его Зависть, один из пороков на фресках (около 1305) церкви Арена в Падуе: образ рогатой ведьмы с ушами летучей мыши, изо рта которой вылазит змея, заворачивающаяся обратно, чтобы укусить лицо.

[18] Ciba-Zeitschrift, N. 31, рис. "Heil-Aberglaube der Zigeuner".

[19] См. также рисунки в работах Юнга: Психология и алхимия. К., Ваклер, 1997 и "Парацельс как духовное явление". В кн. Юнг К. Г. Дух Меркурий. М.: Канон, 1996,"ее. 71-163.

[20] См. также работы Юнга и его школы об особенностях изображения мандалы нормальными и больными людьми и детьми (рис.5) и т. д.

[21] Richard Wilhelm, in Das Buck des Alien vom Sinn und Leben (немецкое издание Tao Teh Clung), p.90.

[22] Юнг, Психологические аспекты архетипа матери.

[23] choch-Bodmer, Die Spirale als Symbol und als S trukturelement des Le-bendigen, Leisegang, "Das Mysterium der Schlange".

[24] Тексты Пирамид, заклинание 1248 Scthe, Pyramidentexte.

[25] Книга Апопа, в Roeder, Urkunder zur Religion des alien Aegypten, p. 108.

[26] Moret, The Nile and Egyptian Civilization, p.376.

[27] Kees, Aegypten, p.ii.

[28] Kces,Gotterglaube, p.312.

[29] Shatapatha Brahmana, trans. Gedrier, Vedismus und Brahmanismus.

[30] Book of Apopis, Roeder, op.cit., p.90.

[31] Taittiriya Brahmana 2.2.9.5, Gelder, op.cit., p.90.

[32] Jung The Structure of the Psyche, p. 150

[33] Briffault, t.Il, p.452.

[34] Брихадаранъяка упанишада, раздел Яджнявалкьи, III, 9, 9. [Цит. по: Упанишады в трех книгах. Книга 1. М.: Наука, 1992. — Прим. ред]

[35] Evans-Went, The Tibetian Book of the Dead, p.96

[36] Wunsche, Kleine Midraschim, t.III, p.213ff,

[37] Horodezky, Rabbi Nachman van Brazlaw, p. 188.

[38] "Analytical Psychology and Weltanschaung" p.376.

[39] Bischoff. Die Elernente der Kabbalah, Vol.1, p.234.

[40] Заклинание 273-74 из Erman, Literature of the Ancient Egyptians.

[41] Айтарейя упанишада. I. 2.5-3.2. [Цит. по: Упанишады. В 3-х книгах. М.: Наука, 1992. Прим. ред.]

[42] Тайттрийя упанишада. II. 2.1. [Цит. по: Упанишады. В 3-х книгах. М.: Наука, 1992. - Прим. ред.]

[43] Мундака упанишада. I. 1,8. [Пит. по: Упанишады. В 3-х книгах. М.: Наука, 1992. - Прим. ред.]

[44] VI .9.1 и далее.

[45] Брихадаранъяка упанишада, раздел Мадху, I, 1, 1. [Цит. по: Упанишады в 3-х книгах.. М.: Наука, 1992. Прим. ред

[46] Там лее, 1,2,5.

[47] [См. Guenon, Man and His Becoming According to the Vedanta. Здесь обращается внимание на то (p.79, 2), что от латинского слова sapere ("отведывать, воспринимать, знать") в конце концов происходят две группы слов, а именно: "жизненные силы", salt, seve, "вкус", "вкусный" и т.д. — с одной стороны, и savoir, "мудрый, глубокомысленный" и т.д. — с другой, "согласно аналогии, существующей между ассимиляцией питательных

веществ в организме и когнитивной ассимиляцией в умственной и интеллектуальной сфере - Прим. перев.]

[47a] а См. рис. 1 (фронтиспис). Бог-Творец Вишну, в образе ребенка, сосущего палец ноги, сочетает в себе жизненный цикл уробороса и его автономность.

[48] Психоаналитическая интерпретация (Abraham, A Short Study of the Development of the Libido, Jones, Psychoanalysis of Christi ч nit if)

[49] Платон, Тимей, 33. Щит. по: Платон. Собрание сочинений в четырех томах.:М., Мысль, 1994, том 3, стр. 436. - Прим. ред]

[50] Психология и алхимия, индекс "индивидуация".

[51] Ср. с той ролью, которую играет круг в ранних рисунках детей (рис.5.)

[52] Albright, Archeology and the Religion of Israel, p.72

[53] См. мою Des mystische Mensch.

II
ВЕЛИКАЯ МАТЬ
Эго под господством Уробороса

Когда Эго начинает избавляться от отождествления с уроборосом, и прерывается его связь с лоном, оно занимает по отношению к миру новую позицию. Взгляд индивида на мир меняется с каждой стадией его развития, а трансформация архетипов и символов, богов и мифов является одновременно и выражением, и инструментом этой перемены. Отделение от уробороса означает рождение и переход в низший мир реальности, полный опасностей и препятствий. Рождающееся Эго начинает осознавать существование таких свойств, как боль и удовольствие, а через них испытывать свои собственные боль и удовольствие. В результате мир становится двойственным. Бессознательная жизнь природы, которая является также и жизнью уробороса, сочетает в высшей степени бессмысленное разрушение с величайшей осознанностью инстинктивного созидания, так как полное смысла единство организма так же "естественно", как и пожирающий его рак. То же самое относится и к единству жизни внутри уробороса, который, подобно болоту, зачинает, порождает, а затем снова убивает в нескончаемом цикле. Мир, воспринимаемый пробуждающимся Эго человечества — это мир матриархата, описанный И. Я. Бахофеном, с его богинями материнства и судьбы. Злая, пожирающая мать и добрая мать, щедро дарящая свою любовь, — две стороны великой уроборической Матери Богини, властвующей на этой психической стадии.

Эта растущая двойственность порождает такую же двойственную позицию Эго по отношению к архетипу, во власти которого оно все еще находится.

Подавляющая сила бессознательного, то есть пожирающий, разрушающий аспект, в котором оно также может проявляться, предъявляется в образе злой матери или покрытой пятнами крови богини смерти, чумы, голода, потопа, силы инстинкта или наслажде-влекущего к разрушению. Но в образе доброй матери она изображает изобилие и достаток; дарительницу жизни и счастья, плодородную землю, рог изобилия плодотворного лона. Она выражает инстинктивное знание человечества о глубине и красоте мира, великодушии и милосердии Матери-Природы, которая изо дня в день

выполняет обещание искупления и воскрешения, новой жизни и нового рождения (Рис.12, 13 и 18).

В сравнении с ней Эго — сознание, индивид — остается маленьким и бессильным. Оно ощущает себя крошечной, беззащитной пылинкой, окруженным и беспомощно-зависимым маленьким островком, плавающим по огромным просторам первобытного океана. На этой стадии сознание пока еще не отвоевало для себя никакой прочной опоры из потока бессознательного бытия. Для примитивного Эго все еще погружено в водную пучину, в водоворотах которой оно плещется из стороны в сторону без направления и без ощущения самостоятельности, беззащитное перед этим вихрем таинственного бытия, которое снова и снова заливает его как изнутри, так и снаружи.

Ощущения, возникающие в начале человеческой жизни, когда человек беззащитен перед темными силами мира и бессознательного, неизбежно оказываются ощущениями постоянной опасности. Жизнь в психическом космосе человека примитивной культуры — это жизнь, полная опасности и неопределенности. И демонизм внешнего мира, наполненного болезнями и смертью, засухами и землетрясениями, голодом и наводнениями, неизмеримо усиливается, когда в него привносится влияние того, что мы называем внутренним миром. От ужасов мира, которым управляет безрассудный случай, не освобождает никакое знание законов причинности. Мир становится еще более зловещим благодаря душам умерших, демонам и богам, ведьмам и колдунам. От всех этих созданий исходят невидимые влияния, и реальность этих, все пронизывающих эманации, проявляется в страхах, эмоциональных взрывах, оргиастических безумствах и психических эпидемиях; в сезонных вспышках похоти, кровожадных импульсах, видениях, снах и галлюцинациях. Чтобы понять страх человека примитивной культуры перед миром и его ощущение постоянной опасности, необходимо лишь вспомнить, как велик, даже сегодня, изначальный страх перед миром западного человека, даже несмотря на его сравнительно высоко развитое сознание.

Тот же ужас перед безымянными, тайными силами знаком и ребенку, не способному пока еще к сознательной ориентации и оценке происходящего. Он встречает каждое событие как опустошительное новшество и беззащитен перед всякими причудами природы и человека. В нем также живет этот первобытный страх перед внешним миром, искаженным миром внутренним и, вследствие проекции, таинственным, каким мы видим его в динамической и анимистической картине мира. Этот страх указывает на ту рассветную ситуацию, когда маленькое и слабое Эго-сознание сталкивается с космосом. ему приходится признать превосходство мира предметов и мира бессознательного. Поэтому для ребенка страх является нормальным явлением. Хотя по мере роста силы сознания этот страх проходит, в то же время он обеспечивает трансперсональный стимул такого роста. Существенные компоненты роста Эго и развития сознания, культуры, религии, искусства и науки исходят из желания преодолеть этот страх, придавая ему конкретное выражение. Поэтому совершенно неверно сводить его к личностным факторам или факторам окружающей среды и пытаться таким образом от него избавиться.

Вследствие дезориентации инфантильного Эго ощущения боли и наслаждения воспринимаются как слитые друг с другом или, во всяком случае, предмет восприятия окрашивается смешением их обоих. Единство противоположностей и возникающая в результате противоречивость отношения Эго ко всем объектам вызывает ощущение страха и бессилия. Мир уроборичен и господствует, независимо от того, воспринимается ли это господство как мир или как бессознательное, как внешнее окружение или как собственное тело. Господство уробороса во время младенческой фазы Эго-сознания — это то, что Бахофен описывает как время матриархата, и на этой психической стадии все еще

появляются все те символы, которые он с ним связывает. Мы снова должны подчеркнуть, что под "стадией" подразумевается структурный слой, а не какая-нибудь историческая эпоха. В развитии индивида и, вероятно, также в становлении коллектива эти слои не располагаются один поверх другого в организованном порядке, а, как и в геологической стратификации земли, более ранние слои могут выдвинуться наверх, а более поздние - уйти вглубь.

Позже нам придется рассмотреть различия между мужским и женским развитием. Но одна вещь, какой бы парадоксальной она ни показалась, может быть сразу же определена как фундаментальный закон: даже у женщины сознание имеет мужской характер. Соотношения "сознание-свет-день" и "бессознательное-темнота-ночь" остаются верными независимо от пола и не меняются от того, что полярность душа-инстинкт организована в женщинах и мужчинах на различной основе. Сознание является мужским даже у женщин, точно также как бессознательное мужчин является женским.[1]

Матриархат Бахофена соответствует той стадии, когда Эго-сознание не развито и все еще растворено в природе и мире. Поэтому уроборический принцип также выражен преимущественно в символах земли и растительности.

Как раз не земля имитирует женщину, а женщина подражает земле. Древние считали, что брак имеет сущность земли; вся терминология матримониального права заимствована из сельского хозяйства,[2]

— говорит Бахофен, вспоминая высказывание Платона:

Не земля подражает женщине в том, что она беременеет и рожает, но женщина — земле. [3]

Эти высказывания выражают признание приоритета надличностного и вторичную природу личного. Даже брак, регулирующий взаимодействия противоположных полов, происходит от земного принципа матриархата.

На этой стадии первостепенное значение имеет символизм пищи и органов, ассоциируемых с ней. Это объясняет, почему культуры Матери-Богини и их мифологии тесно связаны с плодородием и ростом и особенно с сельским хозяйством, а отсюда со сферой пищи, которая является материальной и телесной.

Стадия материнского уробороса характеризуется связью ребенка с матерью, которая предоставляет пропитание (Рис.12), но в то же самое время эта стадия является историческим периодом, в течение которого зависимость человека от земли и природы — наивысшая. С этими двумя аспектами связана зависимость Эго и сознания от бессознательного. Зависимость последовательности "ребенок-мужчина-эго-сознание" от последовательности "мать-земля-природа-бессознательное" иллюстрирует отношение личностного к трансперсональному и как одно опирается на другое.

На этой стадии развития правит образ Матери Богини с Божественным Младенцем (Рис.13). Она подчеркивает нуждающуюся и беспомощную сущность ребенка и защитную сторону матери. В образе козы мать вскармливает Критского мальчика Зевса и защищает его от пожирающего отца; Исида возвращает мальчика Гора к жизни, когда его кусает скорпион; и Мария защищает Иисуса, убегая от Ирода, точно также как Лето прячет своих божественно зачатых детей от гнева враждебной Богини. Младенец – это бог-спутник Великой Матери. Как ребенок и Кабир, зависимое от нее существо, он располагается

рядом с ней и чуть ниже. Даже для молодого бога Великая Мать является судьбой. Тогда насколько же это истинное для младенца, сама сущность которого заключается в том, чтобы быть придатком ее тела.

Эта связь наиболее ярко выражается в "до-человеческих" символах, где Мать является морем, озером или рекой, а младенец — рыбой, плавающей в окружающей его воде.[4]

Маленький Гор, сын Исиды, Гиацинт, Эрихтоний, Дионис, Меликерт, сын Ино, и бесчисленное множество других любимых детей — все они подвластны всесильной Матери Богини. Для них она все еще остается благодетельной родительницей и защитницей, молодой Матерью, Мадонной. Пока не существует никакого конфликта, ибо первоначальное нахождение младенца в материнском уроборосе является состоянием ничем не прерываемого взаимного блаженства. Зрелое Эго связывает эту инфантильную стадию с Мадонной, но младенческое Эго, которое еще не имеет центра сознания, все еще ощущает аморфный плероматический характер материнского уробороса.

Тем не менее этого ребенка ожидает тот же рок, что и следующего за ним влюбленного подростка: его убивают. Его жертвоприношение, смерть и воскрешение являются ритуальным центром всех культов жертвоприношения детей. Родившийся, чтобы умереть, умирающий, чтобы возродиться, ребенок соотносится с сезонной жизнью растительности. Критский младенец Зевс, вскормленный Великой Матерью в образе козы, коровы, собаки, свиньи, голубя или пчелы,[5] рождается каждый год лишь для того, чтобы каждый год умереть. Но мальчик является также и светом, а следовательно, чем-то большим, чем просто растением:

Один миф, очень самобытный в своей примитивности, хотя и записанный в более поздние времена, повествует о том, что каждый год рождался ребенок, потому что каждый год из грота сиял свет, "когда при рождении Зевса текла кровь".[6]

Судьба умирающего и приносимого в жертву ребенка, однако, не так трагична, как участь любящего подростка. Возвращаясь к смертоносной Матери, mater larum римлян, он находит убежище и покой, так как объятия Великой Матери охватывают ребенка как в жизни, так и в смерти [7]. Тем не менее здесь необходимо привести некоторые критические наблюдения. Раздел в котором Кереньи обсуждает миф о Деметре и Коре, имеет важное значение для нашего будущего исследования женской психологии и ее отклонений от линии поэтапного развития и потому будет полностью обсуждаться ниже. Принятая нами методика рассмотрения какой-нибудь конкретной группы архетипов с эволюционной точки зрения является "биографической" именно в том самом смысле, который Кереньи отрицает (pp.35-38). Каждый архетип, без сомнения, ни к какому времени не относится и, следовательно, является вечным, подобно Богу, поэтому Божественный Младенец никогда не "становится" божественным юношей, ситуация, скорее, такова, что они оба существуют бок о бок безо всякой связи, как вечные идеи. Но, тем не менее, на самом деле боги "меняются"; они имеют свою судьбу, а, следовательно, и свою "биографию". Этот эволюционный аспект вечного рассматривается как один из множества других истинных и возможных аспектов, и мы обращаемся к стадии ребенка лишь как к стадии перехода от уробороса к юности, не вдаваясь в подробное описание ее независимого существования. В этом отношении работа Юнга и Кереньи значительно обогащает нашу тему.

В архетипе ребенка сознательное Эго пока еще не полностью отделено от бессознательного "я", и повсюду видны признаки его пребывания в уроборосе, изначальном божестве. Поэтому Юнг говорит о "гермафродитизме ребенка" и о "ребенке

как о начале и конце". "Неуязвимость ребенка" выражает не только местонахождение непобедимого бога, то есть уроборос, но и непобедимую природу нового развития, которое в качестве света и сознания представляет собой ребенок. Все эти элементы относятся к вечности Божественного Ребенка.

Однако с его "оставлением" мы начинаем следить за исторической судьбой ребенка. Здесь подчеркиваются его обособленность, отличность и уникальность, а также начало того рокового противодействия Первым Родителям, которое определяет биографическое развитие ребенка и в то же самое время — духовный прогресс человечества.

В тот период, когда сознание начинает переходить в самосознание, то есть отличать и осознавать себя как отдельное индивидуальное Эго, материнский уроборос затмевает его, подобно темному и трагическому року. Теперь картина уробороса для Эго, в абсолютную противоположность первоначальному состоянию довольства, начинает искажаться чувствами конечности и смертности, бессилия и изоляции. Тогда как для слабого Эго-сознания состояние бодрствования вначале было просто изматывающим, а сон — блаженством, так что оно могло с восторгом сдаться уроборическому кровосмешению и вернуться в Великий Круг, то теперь, когда становятся более настойчивыми требования его собственного независимого существования, это возвращение становится все более и более трудным и свершается со все возрастающим отвращением. Для утреннего света зари зарождающегося сознания материнский уроборос становится темнотой и ночью. Ощущение неумолимости бега времени и проблема смерти становятся господствующим чувством в жизни. Бахофен описывает тех, кто рожден от матери, и кто осознает, что происходит лишь от матери и земли, как "печальных по своей природе", ибо увядание и неизбежность смерти являются одной стороной уробороса, в то время как вторая означает рождение и жизнь. Колесо мира, гудящий ткацкий станок времени, Богини Судьбы, колесо рождения и смерти — все эти символы выражают ту печаль, которая правит жизнью юного Эго.

В этой, третьей, фазе зародыш Эго уже достиг определенной степени самостоятельности. Эмбриональная и инфантильная стадии закончились, но, хотя подросток уже не противостоит уроборосу просто как дитя, он все еще не сбросил его сюзеренитет.

Развитие Эго идет рука об руку с ростом выразительности пластики окружающих Эго объектов. Материнский уроборос, бесформенный в смысле формы человеческой фигуры, теперь сменяет образ Великой Матери.

Уроборический характер Великой Матери виден повсюду, где она является объектом поклонения в образе гермафродита, как например, бородатая богиня на Кипре и в Карфагене.[8]

Женщина с бородой или с фаллосом выдает свой уроборический характер отсутствием разграничения мужского и женского. И только позднее этот гибрид заменят определенные в половом отношении фигуры, а сейчас его смешанный, двойственный характер представляет самую раннюю стадию, откуда затем начнется разделение противоположностей.

Так, находящееся на ранней стадии развития сознание, постоянно ощущая свою связь и зависимость от породившей его матки, постепенно становится независимой системой; сознание становится самосознанием, а. размышляющее, осознающее себя Эго проявляется как Центр сознания. Что-то типа сознания существует даже до появления Эго, так как мы

можем наблюдать сознательные действия у ребенка появления Эго-сознания. Но стадия зародыша заканчивается тогда, когда Эго начинает воспринимать себя как нечто отдельное и отличное от бессознательного, и только тогда может сформироваться сознательная система, действующая совершенно независимо. Эта ранняя стадия взаимоотношений сознательного-бессознательного отражена в мифологии Матери Богини и ее связи с сыном-любовником. Такие персонажи, как Аттис, Адонис, Таммуз и Осирис Ближне-Восточных культур[9] не просто рождены матерью; напротив, этот аспект полностью заслоняется тем, что они являются любовниками своей матери: их любят, убивают и хоронят, мать оплакивает их, а затем возрождает через себя. Фигура сына-любовника сменяет стадию зародыша и ребенка. Отделяя себя от бессознательного и вновь подтверждая свое мужское отличие, он чуть ли не становится участником материнского бессознательного; он является как ее сыном, так и любовником. Но пока он еще недостаточно силен, чтобы противостоять ей, он уступает ей, умирая, и прекращает свое существование. Мать-возлюбленная превращается в страшную Богиню Смерти. Она все еще играет с ним в кошки-мышки и затмевает даже его возрождение. Там, где его связывают с плодородием земли и растительностью, как бога, который умирает, чтобы возродиться снова, владычество Матери-Земли настолько же очевидно, насколько сомнительна его собственная независимость. Мужская основа пока еще не является отцовской тенденцией, уравновешивающей материнско-женскую основу; она все еще юна и является всего лишь началом независимого движения от места своего рождения и младенческой зависимости.

Суть подобных взаимоотношений обобщена Бахофеном:

Мать предшествует сыну. Женское — первично, в то время как мужская созидательность появляется лишь впоследствии в качестве вторичного явления. Вначале появляется женщина, а мужчина "рождается". Первичной исходной величиной является земля, основная материнская субстанция. Все видимые создания исходят из ее лона, и только впоследствии происходит разделение полов, только потом действительно появляется на свет мужская форма. Таким образом, мужское и женское не возникают одновременно; это — явления разного порядка... Женщина первична, мужчина — лишь то, что выходит из нее. Он является частью видимого, но постоянно меняющегося сотворенного мира; он существует только в тленной форме. Женщина живет как вечное, самодостаточное, неизменное; мужчина же, развиваясь, подвергается постоянному разложению. Таким образом, в сфере физического мужской принцип занимает второе место, подчиняясь женскому. В этом состоит прообраз и оправдание гинекократии; в этом — корень той вековечной концепции бессмертной матери, которая соединяется со смертным отцом. Она остается вечно неизменной, в то время как от мужчины до бесконечности множатся поколения. Всегда неизменная Великая Мать соединяется с каждым новым мужчиной.

Видимое создание, потомок Матери Земли, подчиняет себя идее Прародителя. /\ тонне, образ ежегодно увядающего и возрождающегося мира природы, становится "Папас", единственным родителем того, чем он является сам. То же самое и с Птутосом. Как сын Деметры, Плутос является видимым, сотворенным миром, который постоянно обновляется. Но как муж Пении, он является отцом и родителем мира. Он одновременно является богатством, рожденным из лона земли, и дарителем этого богатства; объектом и активной потенцией, создателем и созданием, причиной и следствием. Но первое земное проявление земной силы принимает форму сына. Существование сына свидетельствует об отце; о существовании и сущности мужской силы свидетельствует только сын. На этом основана подчиненность мужского принципа материнскому. Мужчина появляется как создание, а не как создатель; как следствие, а не как причина. В отношении матери верно

обратное. Она существует прежде творения, возникает как причина, как первичная дарительница жизни, а не как следствие. Нет необходимости выводить ее из творения, она существует по своему собственному праву. Короче говоря, женщина в первую очередь — мать, а мужчина — сын.

Таким образом, мужчина появляется из женщины посредством чудесной метаморфозы природы, которая повторяется в рождении каждого ребенка мужского пола. Через сына мать трансформируется в отца. Однако козел является только атрибутом Афродиты, он подчиняется ей и предназначен для ее пользования. (Дочери-сыновья Энтории в поэме Эратосфена Эригона, цитируемой Плутархом, имеют такое же значение.) Когда из женского лона рождается мужчина, сама мать удивляется новому явлению. Ибо она узнает в образе своего сына подлинное отражение той оплодотворяющей силы, которой она обязана своим материнством. Ее взгляд с восхищением останавливается на членах его тела. Мужчина становится ее игрушкой, козел — се верховым животным, фаллос - ее постоянным спутником. Аттиса оставляет в тени мать Кибела, Вирбия затмевает Диана, Фаэтона - Афродита. Повсюду преимущество имеет материнский, женский, природный принцип; он заключает в свои объятия, как Деметра — cista, мужской принцип, который является вторичными существует только в тленной форме как постоянно изменчивый вторичный феномен.[11]

Молодые мужчины, выбранные Матерью в качестве своих любовников, могут оплодотворить ее, они даже могут быть богами плодородия, но фактически они остаются всего лишь фаллическими супругами Великой Матери, трутнями, служащими пчелиной матке. Их убивают, как только они выполнят свой долг оплодотворения.

Поэтому эти юные боги-партнеры всегда появляются в форме карликов. Пигмеи, священные на Кипре, в Египте и в Финикии — территориях Великой Матери — имели тот же фаллический характер, что Диоскуры, Кабиры и Дактили, включая даже фигуру Гарпократа. Сопровождающая змея - и ее таинственная сущность — также является символом оплодотворяющего фаллоса. Именно по этому Великая Мать так часто связана со змеями. Не только в крито-микенской культуре и ее Греческих ответвлениях, но даже еще в Египте, Финикии и Вавилоне, а также в Библейской истории о Рае змея является спутником женщины.

При раскопках в Ура и Эрех в самом нижнем слое были обнаружены примитивные изображения очень древних культовых фигур Матери Богини с ребенком, где оба имеют змеиные головы.[12]

Уроборической формой древнейшей Матери Богини является змея, владычица земли, глубин и подземного мира, вот почему ребенок, который все еще привязан к ней, является змеей, как и она сама. С течением времени обоим была придана человеческая форма, но сохранены змеиные головы. Затем линии развития расходятся. Полностью законченной антропоморфной фигуре, человеческой Мадонне с человеческим младенцем, предшествуют фигуры человеческой матери с ее спутником — змеей в виде ребенка или фаллоса, а также фигуры человеческого ребенка с большой змеей.

Уроборос как змея-кольцо, например, Вавилонская Тиамат или Змея Хаоса, или Левиафан, который, как океан, "опоясывает земли кольцом волн", [13] позднее делится (или ее делят) надвое.

Когда Великая Мать принимает человеческую форму, мужская часть уробороса — змееподобный фаллос-демон — появляется рядом с ней как остаток первоначально двуполой сущности уробороса.

Характерно, что фаллические юноши, божества растительности, не являются только лишь богами плодородия; как нечто появившееся из земли, они представляют собой саму растительность. Их существование делает землю плодородной, но как только они достигают зрелости, то должны быть убиты, скошены и убраны в виде урожая. Великая Мать с пшеничным колосом, ее сыном-злаком, является архетипом, сила которого простирается вплоть до Элевсинских мистерий, Христианской Мадонны и пшеничной Гостии, когда поедается пшеничное тело сына. Юноши, принадлежащие Великой Матери, являются богами весны, которых необходимо убить, чтобы Великая Мать смогла оплакать и возродить их.

Все любовники Матерей Богинь имеют некоторые общие черты: все они юноши, красота и привлекательность которых так же поразительны, как и их нарциссизм. Они — нежные цветки, символически изображенные в мифах как анемоны, нарциссы, гиацинты или фиалки, которые наша явная мужская патриархальная ментальность более охотно связала бы с молодыми девушками. Единственное, что мы можем сказать об этих юношах, каковы бы ни были их имена, - это то, что они доставляли удовольствие любвеобильной богине своей физической красотой. Не считая этого, в противоположность героическим персонажам мифологии, они лишены силы и характера, им не достает индивидуальности и инициативы. Они во всех отношениях являются услужливыми юношами, нарциссическое самоочарование которых очевидно (Рис.14).

Культ фаллического плодородия, как и фаллические сексуальные оргии, повсюду являются типичными для Великой Матери. Праздники плодородия и ритуалы весны являются священными для юного фаллоса и его безудержной сексуальности. Или скорее, было бы лучше сформулировать это наоборот: фаллос молодого бога является священным для Великой Матери. Ибо первоначально ее заинтересовал совсем не юноша, а фаллос, обладателем которого он является.[14]

И только позднее, в период вторичной персонализации, первоначальное таинство плодородия с его страшными обрядами кастрации сменяет тема любви. Вместо безличного и надличностного ритуала, всецело гарантирующего общине плодородие земли, появляются мифы, связанные с людьми. Только тогда появляются мифы о приключениях богов и богинь со смертными, и эта линия в конце концов завершается романтичной новеллой и любовной историей, которые больше подходят для психологии личности нашего времени.

Мрачный контраст между этими оргиастическими пирами, на которых центральную роль играли юноша и его фаллос, и последующей ритуальной кастрацией и убийством является архетипическим выражением зависимого положения юношеского Эго и господствующего влияния Великой Матери. Хотя это положение исторически и культурно обусловлено, его необходимо понимать с точки зрения психологической эволюции Эго. Отношения между сыном-любовником и Великой Матерью являются архетипическим состоянием, которое действенно даже сегодня, и его преодоление — непременное условие любого дальнейшего развития Эго-сознания.

Эти подобные цветам юноши недостаточно сильны, чтобы противиться силе Великой Матери и превозмочь ее. Они в большей степени любимцы, чем любовники. Полная желания богиня выбирает Для себя юношей и возбуждает их сексуальность. Инициатива

никогда не исходит от них; они всегда являются жертвами, умирающими, подобно восхитительным цветам. На этой стадии у юноши нет никакой мужественности, нет сознания, нет высшего духовного эго. Он нарциссически отождествлен со своим собственным мужским телом и его отличительным признаком, фаллосом. Не только мать Богиня любит его просто за фаллос и, кастрируя его, овладевает фаллосом, чтобы сделать себя плодородной, но и его самого отождествляют с фаллосом, и его судьба является судьбой фаллоса. Все эти юноши с их слабым Эго и отсутствием индивидуальности не обладают своей собственной судьбой, а имеют лишь судьбу общую; они пока еще не являются индивидами и поэтому не ведут индивидуального существования, только ритуальное. Мать Богиня также связана не с индивидом, а лишь с архетипической фигурой юноши.

Даже возрождающая сторона Великой Матери, ее исцеляющий и положительный аспект, в этом смысле не имеют отношения к индивиду. Это не Эго, а тем более не "я" или личность возрождается и осознает себя возродившейся; возрождение — это космическое событие, анонимное и универсальное, такое же, как и "жизнь". С точки зрения Матери Земли или Великой Матери, все растения одинаковы, каждое новорожденное создание является любимцем матери и остается таковым каждую весну и при каждом рождении, точно также как и она остается такой же, какой была. Но это означает лишь то, что новорожденный является для нее возрожденным, и каждый возлюбленный является все тем же единственным любимым. И когда богиня ритуально соединяется с каждым царем плодородия, с отцом, сыном и внуком, или с каждым из ее верховных жрецов, для нее они всегда являются одним и тем же, потому что половое слияние означает лишь одно, кто является обладателем фаллоса — значения не имеет, важен исключительно сам фаллос. Точно так же в своих жрицах, священных проститутках, она проявляется как множественное лоно, но на самом деле всегда остается самой собой, все той же единственной Богиней.

Великая Мать к тому же и девственница, только не в том смысле, который подразумевал патриархат, позднее ошибочно принявший ее за символ целомудрия. Она является девственницей именно в силу своего плодородия, которое не зависит ни от какого мужчины.[15]

На санскрите "независимая женщина" — синоним шлюхи. Отсюда женщина, не привязанная к мужчине, в античности является не только универсальным типом женственности, но и сакральным типом. Амазонка в своей независимости не связана с мужчиной, но не привязана к мужчине и женщина, которая символизирует и обеспечивает плодородие земли. Она — мать всего, что было или будет рождено; и лишь в кратком приступе страсти, если он вообще возникает, она жаждет мужчину, который является просто средством достижения цели, обладателем фаллоса. Все фаллические культы неизменно отправлялись женщинами. Они играли на одном и одном и том же: анонимной силе оплодотворяющего фактора, фаллосе, как таковом. Человеческий элемент, индивид, является только носителем -- преходящим и временным носителем — того, что не исчезает и неподвластно времени, потому что вечно остается одним и тем же фаллосом.

Соответственно, богиня плодородия — одновременно и мать, и девственница, гетера не принадлежащая ни одному мужчине, но готовая отдать себя любому. Она доступна всем, кто, как и она сама, состоит на службе плодородия. Обращаясь к ее лону, он служит ей, священной представительнице великого принципа плодородия. В этом смысле "брачную фату" следует понимать как символ кедеша, проститутки. Она "неизвестна", то есть анонимна. "Снять фату" значит обнажиться, но это всего лишь иная форма анонимности. Реальным, действующим фактором всегда является богиня, надличностное.

Личностное олицетворение этой богини, то есть конкретная женщина, не имеет никакого значения. Для мужчины она кедеша, священная (кадош = священный), богиня, возбуждающая всю его сексуальность. Иони и лингам, женское и мужское, —- два принципа, нераздельно слитые за пределами личности, в священном союзе, где исчезают и теряют значение личностные характеристики.

Юноши, олицетворяющие весну, принадлежат Великой Матери. Они - ее рабы, ее собственность, потому что они — рожденные ею сыновья. В результате избранные служители и жрецы Матери Богини становятся евнухами. Они пожертвовали самым важным для нее - фаллосом. Кастрация, связанная с этой стадией, впервые появляется здесь в своем истинном смысле как относящаяся конкретно к половому органу. Опасность кастрации появляется вместе с Великой Матерью и является смертельной. Для нее любовь, смерть и кастрация — одно и то же. И только жрецы, по крайней мере в более поздние времена, избегают смерти, потому что, кастрируя самих себя, добровольно подвергаются символическому умиранию ради нее (Рис.15). [16]

Стадия сына-любовника и его отношение к Великой Матери имеют фаллический акцент, то есть активность юноши символизируется фаллосом, а его миром правит ритуал плодородия. Поэтому опасности, для него гибельные, связываются с символизмом кастрации, часто практиковавшейся в реальном ритуале. Но символизм кастрации следует понимать в широком смысле, даже когда его терминология относится к фаллической юношеской стадии. Он в такой же мере присутствует в до-фаллических стадиях, как и в более поздних, постфаллических, мужских и героических стадиях. Практиковавшееся позднее ослепление является символической кастрацией. Отрицательный символизм кастрации является типичным выражением враждебности бессознательного по отношению к Эго и сознанию, но также он тесно связан с положительным символом жертвоприношения, который означает жертву Эго бессознательному. Оба символа — кастрация и жертвоприношение — объединяются в архетипе капитуляции. Он может быть выражен в активной или пассивной форме, может быть положительным и отрицательным, и управляет им отношение Эго к самости на различных стадиях развития.

Существенная характеристика этой юношеской стадии Эго — то, что женщина в аспекте Великой Матери воспринимается как обладающая отрицательным очарованием. Особенно распространенными и хорошо выраженными являются две ее черты: первая — кровавая и дикая сущность Матери Богини, вторая — ее могущество как колдуньи и ведьмы.

Почитаемая от Египта до Индии, от Греции и Малой Азии до самой черной Африки Великая Мать всегда считалась богиней преследования и войны; ее обряды были кровавы, ее празднества — оргиастичны. Все эти черты существенным образом взаимосвязаны. Этот "кровавый слой" в основе Великой Матери Земли лишь делает еще более понятным, почему юноши, любимые ею, должны бояться кастрации.

Лоно земли требует удобрения, а кровавые жертвоприношения и трупы — пища, которая ей больше всего по вкусу. Это — ужасный аспект, смертельная сторона сущности земли. В самых ранних культах плодородия окровавленные куски умерщвленной жертвы раздавались как драгоценные дары и подносились земле, чтобы сделать ее плодородной. Такие человеческие жертвоприношения ради плодородия существуют по всему миру абсолютно независимо друг от друга: в ритуалах Америки и Восточного Средиземноморья, в Азии и в северной Европе. Повсюду в ритуалах плодородия и человеческих жертвоприношений ведущую роль играет кровь. Великий земной закон —

что не может быть жизни без смерти, был рано понят и еще раньше представлен в ритуале. Это означало, что укрепление жизни можно было купить только ценой жертвенной смерти. Но слово "куплено" на самом деле — более позднее и является фиктивным логическим обоснованием. Резня и жертвоприношение, расчленение и кровавые дары предоставляют магические гарантии земного плодородия. Мы неправильно понимаем эти обряды, если считаем их жестокими. Для ранних культур и даже для самих жертв эта последовательность событий была необходимой и самоочевидной.

Основным явлением, на котором основано верование о связи между женщиной, кровью и плодородием, по всей вероятности, является прекращение менструальных кровотечений во время беременности, из которых, с архетипической точки зрения, строился зародыш.[17]

Эта интуитивно прочувствованная связь лежит в основе взаимоотношений между кровью и плодородием. Кровь означает плодородие и жизнь, точно так же, как кровопролитие означает потерю жизни и смерть. Следовательно, первоначально пролитие крови было священным действием, будь то кровь дикого животного, домашнего животного или человека. Чтобы быть плодородной, земля должна пить кровь, и поэтому для увеличения ее силы совершались кровавые возлияния. Но владычицей кровавой зоны является женщина. Она владеет кровавой магией, которая заставляет течь жизнь. Поэтому одна и та же богиня очень часто является повелительницей плодородия, войны (Рис. 16) и охоты.

Двойственный характер великой Матери Богини, если исключить Индию, наиболее отчетливо проявляется в Египте, где великие богини — будь то Нейт или Хатор, Баст или Мут — являются не только кормящими богинями, которые даруют и поддерживают жизнь, но также и богинями жестокости, кровожадности и разрушения.

Нейт, небесная корова и первая родившая, "мать, родившая солнце, родившая до того, как существовали роды" и относительно которой Эрман указывает, что "в древние времена она особенно почиталась женщинами",[18] была богиней войны и руководила наступлением в сражениях. Эта же Нейт, призванная выступить судьей в споре о Горе, угрожающе заявляет: "Или я разгневаюсь, и небо упадет на землю".[19]

Хатор, корова и дарительница молока, также является матерью. Она — также мать солнца, особенно почитается женщинами и является богиней любви и судьбы. Ее празднества свидетельствуют о её разгульной, оргиастической сущности и отличаются танцами, пением, звоном систрума (старинный египетский музыкальный инструмент), бряцанием ожерелий и ритмом ручных барабанов. Она является богиней войны или, скорее, кровожадной, безумной разорительницей человечества. "То истинно, не меньше чем ты жив, что одержала я над людьми победу, и это было утешительно сердцу моему",[20] — сказала она, когда ее послали вершить суд над людьми. Она была настолько опьянена кровью, что боги, чтобы спасти человеческую расу от полного уничтожения, вынуждены были приготовить большое количество красного пива, которое она ошибочно приняла за кровь. "Тогда она выпила его, вкус его был приятен, она вернулась домой и забыла о людях".

Ее отождествляют с дружелюбной богиней-кошкой Баст, которая в своем ужасном аспекте является богиней-львицей Сехмет. Так что совсем неудивительно, как считает Кеес,[21] что в Верхнем Египте было широко распространено поклонение льву. Лев —

самый красивый и самый очевидный символ свирепого характера великого женского божества.

Сехмет также является богиней сражений, изрыгающей огонь. Празднование ее обрядов, как и ритуалов дружелюбной богини Баст, сопровождается танцами, музыкой и систрумом, но в лапе она держит львиную голову, "как будто демонстрирует, что эта страшная голова так же хорошо подходит и ей".[22]

В этой связи мы можем упомянуть легенды о богине-львице Тефнут, которую нужно было вернуть в Египет из пустыни. За эту задачу взялся Тот, бог мудрости. Когда он укоряет ее и говорит, каким несчастным стал Египет после того, как она. в гневе покинула его, она начинает плакать как "грозовая туча", но внезапно плач сменяется гневом, и она превращается в львицу. "Ее грива дымилась огнем, ее спина была цвета крови; ее лик пылал как солнце, ее глаза сверкали огнем".[23]

Таурт, огромное беременное чудовище, стоящее на задних лапах, культ которого относится к доисторическим временам,[24] изображается как гиппопотам со спиной крокодила, задними лапами льва и руками человека (Рис.17). Она является защитницей рожающих женщин и кормящих матерей, хотя ее значение Ужасной Матери довольно очевидно. Позднее, в облике Хесамут ее связали с созвездием Медведицы, материнские черты которой хорошо известны.

Кровь играет также решающую роль в женских табу, что с самых ранних времен и вплоть до патриархальных культур и религий вынуждало мужчин отворачиваться ото всех женских дел, как от чего-то нуминозного. Менструальная кровь, дефлорация и роды доказывают мужчинам, что женщины имеют естественную связь с этой сферой. Но в основе лежит смутное осознание тесной связи с кровью Великой Матери, хтонической повелительницы жизни и смерти, требующей крови и зависящей от пролития крови.

Нам с доисторических времен известна роль божественных царей — они должны были либо убить самих себя, либо быть убитыми, когда их могущество изменяло им, и они больше не могли лично гарантировать плодородия. Все это многообразие обрядов, их значение и широкое распространение, описанное Фрезером, посвящено Великой Матери и служит ее плодородию. Если сегодня в Африке священный царь является творцом дождя, дождем и растительностью одновременно,[25] то изначально он исполнял эти роли как сын-любовник Великой Матери. Фрезер говорит:

"Есть некоторые основания полагать, что в ранние времена Адониса иногда олицетворяли живые мужчины, которые умирали насильственной смертью, как и этот бог".[26]

Но это — весьма сдержанное высказывание, ибо все указывает на то, что в древние времена, чтобы обеспечить плодородие земли, всегда совершалось человеческое жертвоприношение, будь то жертва бога, царя или жреца.

Первоначально жертвой был мужчина, оплодотворяющий фактор, так как оплодотворение возможно только посредством пролития наполненной жизнью крови. Женщине-земле необходимо оплодотворяющее семя-кровь мужчины.

Здесь, как нигде больше, мы можем видеть значение женского божества. Эмоциональный, пылкий характер женщины, предающейся необузданной страсти, является ужасным для мужчины и его сознания. Опасная сторона женского сладострастия,

хотя и замалчиваемая, неправильно понимаемая и преуменьшаемая в патриархальные времена, в ранние века была живой реальностью. Глубоко в эволюционном слое юности страх перед ней все еще живет в каждом мужчине и всегда действует подобно яду, когда ложная сознательная позиция загоняет этот слой реальности в подсознательное. Однако мифология свидетельствует, что женская необузданность и жажда крови подчиняются высшему закону природы, закону плодородия. Оргиастический элемент встречается не только в сексуальных празднествах, представляющих собой праздники плодородия. Женщины также практикуют оргиастические обряды. Эти обряды, часто знакомые нам только по более поздним мистериям, главным образом вращались вокруг оргиастического расчленения священного животного или животного божества, окровавленные куски которого поедались, и смерть его служила плодородию женщины, а следовательно, земли.

Смерть и расчленение или кастрация являются судьбой юного бога, обладателя фаллоса. И то и другое ясно прослеживается в мифе и обряде, и то, и другое связано с кровавыми оргиями культа Великой Матери. Расчленение трупа Сезонного Царя и погребение частей его тела является вековечной частью магии плодородия. Но только рассматривая эти disjecta membra в целом, мы можем понять первоначальное значение этого. Другой стороной этого обряда является сохранение фаллоса и бальзамирование его как залога плодородия. Это дополняет кастрацию, и вместе они составляют символическое целое.

За архетипом страшной Матери Земли угадывается переживание смерти, когда земля забирает обратно свое умершее потомство, разделяет и разлагает его, чтобы стать плодородной. Это переживание заложено в обрядах Страшной Матери, которая в своей земной проекции становится пожирающей плоть, и в конечном итоге саркофагом — последним остатком вековечных и издавна практиковавшихся культов плодородия человека.

На этом уровне кастрация, смерть и расчленение равнозначны. Их связывают с разложением растительности, жатвой и с рубкой деревьев. Кастрация и рубка деревьев, тесно связанные в мифе, символически идентичны. И то и другое встречается в мифе об Аттисе и Фригийской Кибеле, в мифе о Сирийской Астарте и Эфесской Артемиде и в сказке Бата из цикла об Осирисе. Значение некоторых совпадений, например, того, что aithc кастрирует себя под сосной, превращается в сосну, его вешают на сосне и валят как сосну, здесь прояснить не представляется возможным.

Жреческое пожертвование волосами также является символом кастрации, и наоборот, густые богатые волосы считаются признаком повышенной половой потенции. Пожертвование мужчины своими волосами — это древний знак святости (Рис.15), начиная от полностью лысой головы Египетских иерофантов до тонзуры католических священников и буддийских монахов. Несмотря на огромные расхождения в религиозных взглядах, отсутствие волос всегда ассоциировалось с половым воздержанием и безбрачием, то есть с символической самокастрацией. В культе Великой Матери бритье головы играло эту роль официально, и ни в коей мере не являлось только знаком скорби по Адонису, так что здесь снова рубка дерева, жатва зерновых, разложение растительности, обрезание волос и кастрация являются тождественными. У женщины эквивалентом служит пожертвование девственностью. Отдавая себя, последователь культа становится собственностью Великой Матери и в конце концов преображается в нее. Жрецы Гадеса (современный Кадис), как и жрецы Исиды, были бритыми, а брадобреи — в связи с чем, нам неизвестно — входили в число служителей Астарты. [27]

В использовании женской одежды, которую, как нам известно, носили Галли, кастрированные жрецы Великой Матери в Сирии, на Крите, в Эфесе и т. д., сохранившимся сегодня в одеяниях католических священников, такое жертвоприношение выражается через отождествление (Рис. 15). Мужчина не только приносится в жертву Великой Богине, но и становится ее представителем, женщиной, носящей ее платье. Приносит ли он в жертву свою мужественность посредством кастрации или мужской проституции — является лишь модификацией. Евнухи, как и жрецы, также являются священными проститутками, так как кедешим, подобно кедешот, или священным женщинам-проституткам, являются представителями богини, оргиастический, сексуальный нрав которой превосходит ее роль в обеспечении плодородия. Так как эти кастрированные жрецы играют ведущую роль в культах Бронзового Века в Сирии, Малой Азии и даже в Месопотамии, то мы считаем справедливыми одни и те же предположения относительно всех территорий Великой Матери.[28] Смерть, кастрация и расчленение — это опасности, угрожающие юному любовнику, но они не говорят всей правды о его отношении к Великой Матери. Если бы она была только страшной, только богиней смерти, то ее блистательному образу не доставало бы чего-то, что, возможно, делает ее еще более устрашающей, но в то же время и бесконечно желанной. Ибо она является также и богиней, которая сводит с ума и очаровывает, обольщает и приносит наслаждение, полновластной обворожительницей. С ней неразрывно связаны очарование секса и пьяная оргия, достигающие своей высшей точки в бессознательном состоянии и смерти.

В то время как уроборический инцест означал растворение и исчезновение, потому что имел всеобъемлющий, а не половой характер, инцест в юношеской фазе носит половой характер и абсолютно ограничен половыми органами. Великая Мать становится большим лоном, юный любовник — большим фаллосом, и весь процесс полностью разворачивается на половом уровне.

Поэтому фаллос и фаллический культ сопутствуют сексуальности юношеской стадии, а смертельный аспект этой стадии проявляется как убийство фаллоса, то есть кастрация. Оргиастический характер культов Адониса, Аттиса и Таммуза, не говоря уже о Дионисе, является частью этой сексуальности. Юный любовник участвует в разгуле секса, и его Эго растворяется в оргазме, расширяется в смерти. На этом уровне оргазм и смерть идут вместе, точно также как оргазм и кастрация.

Для юного бога с его слабо развитым Эго положительные и отрицательные аспекты сексуальности находятся в опасной близости друг к другу. В состоянии возбуждения он теряет свое Эго и возвращается в лоно Великой Матери, регрессируя до состояния, предшествующего появлению Эго. Он не завершает блаженный уроборический инцест предшествующей стадии, а переживает смертельный экстаз полового инцеста, относящегося к следующей фазе, девиз которой: после совокупления животные печальны

Сексуальность здесь означает потерю Эго и подавление женщиной, что является типичным или, скорее, архетипическим переживанием половой зрелости. Так как секс воспринимается как всемогущие надличностные фаллос и лоно, Эго исчезает и уступает высшему очарованию отсутствия Эго. Мать все еще слишком сильна, бессознательное находится все еще слишком близко для того, чтобы Эго могло сопротивляться волнам крови.[29]

Ужасная Мать является искусительницей, которая приводит чувства в замешательство и лишает мужчин рассудка. Ни один юноша не может противостоять ей; он

преподносится ей как фаллос. Он либо захватывается силой, либо сломленный Великой Матерью, безумный юноша калечит себя и преподносит ей фаллос как жертву.

Безумие является расчленением индивида, точно также как в магии плодородия расчленение тела символизирует растворение личности.

Так как растворение личности и индивидуального сознания относится к сфере Матери Богини, то безумие является постоянно повторяющимся симптомом подчинения ее власти или власти ее представителей. Ибо — и в этом заключается ее магическая и страшная сила — юноша горит желанием, даже когда ему угрожает смерть, даже если удовлетворение его желания сопряжено с кастрацией. Поэтому Великая Мать является колдуньей, которая превращает мужчин в животных — Цирцеей, владычицей диких зверей, которая приносит мужчину в жертву и раздирает его. Действительно, мужчина играет для нее роль животного и не более того, ибо она правит животным миром инстинктов, которые служат ей и ее плодородию. Это объясняет териоморфность мужчин-любовников Великой Матери, ее жрецов и жертвы. И вот почему, например, мужчин-служителей Великой Богини, которые проституировали ради нее и носили женские одежды, называли келабим, "собаки".[30]

Божественный юноша приносит Великой Матери счастье, славу и плодородие, но она вечно остается неверна ему и не приносит ему ничего, кроме несчастья. Вот ответ Гильгамеша на обольщающие уловки Иштар (Рис.16), которой "устремила очи на красоту Гильгамеша":

"Сохрани для себя свои богатства,

Украшенья тела и одежды,

Сохрани для себя питье и пищу,

Пищу твою, что достойна бога,

И питье твое, что владыки достойно.

Ведь любовь твоя буре подобна,

Двери, пропускающей дождь и бурю,

Дворцу, в котором гибнут герои,

Смоле, опаляющей своего владельца.

Меху, орошающему своего владельца.

Где любовник, которого бы ты всегда любила,

Где герой, приятный тебе и в грядущем?

Вот, я тебе расскажу про твои вожделенья:

Любовнику юности первой твоей, Таммузу,

На годы и годы назначила ты стенанья!

Птичку пеструю, пастушка, ты полюбила,

Ты избила ее, ты ей крылья сломала,

И живет она в чаще и кричит: крылья, крылья!

Полюбила ты льва, совершенного силой,

Семь и еще раз семь ему вырыла ты ловушек!

Полюбила коня, знаменитого в битве,

И дала ему бич, удила и шпоры,

Ты дала ему семь двойных часов бега,

ты судила ему изнемочь и тогда лишь напиться,

Силили, его матери, ты судила рыданья!

Пастуха ты любила, хранителя стада,

Он всегда возносил пред тобою куренья,

Каждый день убивал для тебя по козленку,

Ты избила его, превратила в гиену,

И его же подпаски его гоняют,

Его же собаки рвут ему шкуру!

И отцовский садовник был тебе мил, Ишуллану,

Приносивший тебе драгоценности сада,

Каждый день украшавший алтарь твой цветами,

На него подняла ты глаза и к нему потянулась:

"Мой Ишуллану, исполненный силы, упьемся любовью,

Чтоб мою наготу ощущать — протяни свою руку".

И сказал Ишуллану: "Чего от меня ты хочешь?

Мать моя не пекла ли? Я не вкушал ли?

А должен есть снедь стыда и проклятий,

И колючки кустарника мне служат одеждой".

И едва ты услышала эти речи,

Ты избила его, превратила в крысу,

Ты велела ему пребывать в его доме,

Не взойдет он на крышу, не спустится в поле.

И, меня полюбив, ты изменишь мой образ!"[31]

Чем сильнее становится Эго-сознание у мужчины, тем больше оно осознает выхолащивающую, околдовывающую, смертельную и одурманивающую сущность Великой Богини.

Сферы Ужасной Матери

Чтобы проиллюстрировать основные черты архетипа Великой и Ужасной Матери и ее сына-любовника, мы возьмем в качестве примера замечательный миф об Осирисе и Исиде (Рис.18). Патриархальный вариант этого мифа демонстрирует четкие следы перехода от матриархата к патриархату, и, несмотря на редакционные правки и изменения, мы все же еще можем различить первоначальные акценты. Этот миф также сохранился как древнейшая сказка в мировой литературе, а именно, как история о Бата. Несмотря на вторичные персонализации, которые неизбежно возникают, когда миф превращается в сказку, эта история также в ясной и понятной форме сохраняет взаимоотношения и символы, раскрывающие первоначальное значение.

В мифе Исида, Нефти да, Сет и Осирис образуют четверку из двух сестер и двух братьев. Даже в лоне Исида и Осирис держатся вместе, и в своей завершающей части миф представляет Исиду как положительный символ супружеской и материнской любви. Но, наряду со своими характерными чертами сестры-жены, в отношениях с Осирисом Исида сохраняет также нечто магическое и материнское. Ибо когда последнего убивает и расчленяет его враг и брат Сет, именно его сестра-жена Исида возрождает его и, тем самым, проявляет себя одновременно и как мать своего брата-мужа. В последующих изложениях мифа она почти полностью теряет характер Великой Матери и выступает прежде всего как жена. Тем не менее, Исида, которая ищет, оплакивает, находит, узнает и возрождает своего мужа, все же остается великой богиней, обожаемой юношами, а для ее обрядов повсюду типична следующая последовательность: смерть, оплакивание, поиск, нахождение и возрождение.

Существенная функция "доброй" Исиды — отказ от своего матриархального господства, которое было такой выразительной чертой в первоначальном матриархате Египетских Цариц. Типичной для этого отказа и для перехода к патриархальной системе является борьба Исиды за признание богами законности ее сына Гора. Тогда как в "маточной системе", как называет ее Море,[32] сын всегда является сыном своей матери, Исида борется за признание отцовства Осириса в отношении Гора, который должен принять от него отцовское наследие патриархата. На этом наследовании была основана родословная Египетских Фараонов, каждый из них называл себя "Сыном Гора". Осирис является "тем, кто установил справедливость в двух странах; он оставил сына на месте отца".[33]

Сохранилась одна удивительная и очевидно несколько несообразная черта, которая противоречит доброму характеру Исиды как жены и матери. Гор возобновил борьбу своего отца против убийцы Сета и в этом его поддержала Исида. ибо когда в Сета попадает копье Исиды, он взывает к ней с мольбой о сострадании, молвя:

"Как ты можешь поднять оружие против брата его [Гора] матери?" Ее сердце наполнилось состраданием, и она крикнула копью: "Оставь его, оставь его! Ты видишь, он мой брат единоутробный". И копье вышло из него. Тогда его величество Гор разъярился на мать свою Исиду, подобно пантере из Верхнего Египта. И она бежала от него в тот день, на который было назначено сраженье со смутьяном Сетом. И Гор отрубил голову Исиде. Но Тот с помощью своей магии изменил голову Исиды и водрузил на нее снова, теперь она стала называться "Первая из Коров".[34]

Характерно, что Сет, взывая к своей сестре Исиде, говорит, что он в конце концов ее брат от одной матери и что, следовательно, она не Должна любить "постороннего мужчину" больше, чем любит его.[35]

этот посторонний мужчина — либо Осирис, который выступает Здесь не как брат Исиды, а как ее муж, либо, как полагает Эрман, собственный сын Гор, То есть, точка зрения Сета — чисто матариархальная, уходящая корнями в век экзогамии, когда сын уходил из дома а главой семьи был и оставался дядя по материнской линии.

Патриархальную точку зрения, в противоположность матриархальной, классически сформулировал один из богов в споре о законности прав Гора: "Должно ли отдавать власть брату матери, когда жив еще сын от тела ее?" Сравните с возражением Сета: "Неужели ты отдашь власть моему меньшему брату, когда есть я, его старший брат?"[36]

Так что, по-видимому, Исида шагнула назад, вернулась к взаимоотношениям брата и сестры, которые, по свидетельству Бахофена, предшествующим взаимоотношениям мужа и жены. Исида защищает своего брата Сета, даже несмотря на то, что он убил ее мужа Осириса и разрубил его на части, потому что он является ей братом по матери. Гор, отомстив за отца, становится виновным в убийстве матери. Проблема Орестеи, ее мы будем рассматривать позднее как пример конфликта верности сына по отношению к отцу и по отношению к матери, возникает здесь в связи с Исидой, существенно важная функция которой — построение моста от матриархата к патриархальному общественному укладу.

Дальнейший след первоначально "страшного" характера Исиды можно видеть в том странном факте, что, когда Исида вмешивается в сражение между Гором и Сетом, ее копье вначале попадает в ее сына Гора; это был промах, который она тут же исправила. Ужасная I сторона Исиды проявляется и в нескольких других, второстепенных чертах, и, хотя они не относятся к подлинной драме Исиды и Осириса, тем не менее все же исключительно важны. Во время своих поисков Осириса Исида становится нянькой ребенка "царицы Астарты" в [Библе]. Там она пытается сделать ребенка царицы бессмертным, поместив его в огонь, но эта попытка заканчивается неудачей. Младший сын царя умирает при виде ее страданий у гроба Осириса, а старшего она забирает с собой в Египет. Когда мальчик застает ее в слезах, целующей лицо мертвого Осириса, она бросает на него такой гневный взгляд, что ребенок тут же на месте умирает от испуга.[37]

Это явное свидетельство ее колдовства проявляется как второстепенная деталь ее скрытого убийства детей Астарты, царицы Библа — с которой, однако, Исида всегда

отождествлялась. Добрая Египетская Исида, "примерная" мать Гора, стоит бок о бок со Страшной Матерью, которая в Библе убивает своих детей, детей Астарты.

Астарте и одной из ее двойников, Анат, поклонялись как Исиде в святилище в Филе, что доказывает родство этих двух богинь.[38]

фигура Астарты-Анат соответствует матриархальной Исиде, которая тесно связана со своем братом Сетом. И в разбирательстве по поводу Гора Анат достаётся Сету в качестве "компенсации".[39]

Когда патриархальное развитие Исиды в хорошую жену и мать завершается, ее страшный матриархальный аспект переходит к Сету, дяде Гора по материнской линии.

Другой поразительный факт, что у Гора рождаются четыре сына от его матери Исиды. Это — всего лишь повторение того, что происходит повсюду на территории поклонения Великой Матери. Для всех поколений мужчин она остается Единственной.

Ужасная сторона Исиды также раскрывается в том обстоятельстве, что Осирис, возрожденный с ее помощью, остается кастрированным. Его половой член никогда не был найден; его проглотила рыба. Расчленение и кастрация осуществляются уже не Исидой, а Сетом. Однако результат остается тем же.

Далее следует отметить, что Исида зачинает Гора, Гарпократа у греков, от мертвого Осириса. То, что этот бог-сын зачинается Осирисом после его смерти, является несколько озадачивающим моментом. Этот символизм повторяется в истории о Бата, жена которого забеременела от щепки срубленного дерева-Бата. Это становится более понятным, если принять во внимание, что оплодотворение Великой Матери предполагает смерть мужчины и что Мать Земля может стать плодородной только в результате смерти, убийства, кастрации и жертвоприношения.

Мальчик Гор, зачатый мертвым Осирисом, изображается, с одной стороны, слабым на ноги, а с другой стороны — в виде фаллоса. Он держит во рту палец, что предположительно указывает на сосание. Обычно он сидит в центре цветка, а его отличительной чертой является длинный вьющийся локон волос, кроме этого он носит рог изобилия и урну. Он символизирует очень молодое солнце, и его значение — несомненно фаллическое. Об этом свидетельствуют изображения эрегированного фаллоса, пальца и локона волос. В то же время он имеет и женские атрибуты и является тем, кого мы можем назвать истинным любимцем матери. Достаточно любопытно, что Даже когда он переодевается в старца, то носит с собой корзину. Этот Гарпократ символизирует детскую стадию существования в Уроборосе; он сосунок, пойманный в материнском кольце. Его отец — дух ветра, мертвый Осирис, и поэтому он относится к матриархальной стадии уробороса, где нет отца как личности, а только великая Исида.

Расчленение Осириса и кража его фаллоса, позднее приписываемая Сету, являются самыми древними частями ритуала плодородия. Исида возмещает недостающий член деревянным фаллосом и вслед за этим оплодотворяется мертвым Осирисом. Мы можем восстановить этот ритуал следующим образом: когда оторванные и разбросанные по полям части тела Осириса обеспечивают плодородие на год, не достает фаллоса. Ибо Осириса лишили его фаллоса, который забальзамирован и сохраняется до последующего повторения праздника плодородия. Но именно от этого забальзамированного фаллоса Исида зачинает ребенка Гора. Поэтому для Гора-ребенка, также как и для Гора-бога солнца, боле важно то, что Исида была его матерью, а не то, что Осирис был его отцом.

То, что Царица Библа отождествлялась с Хатор, имеющей голову коровы, а Исида получила голову коровы, предав Гора и Осириса, завершает картину. В Книге Мертвых содержатся напоминания о страшной Исиде, где говорится о "мясницком ноже, которым Исида отрезала кусок плоти от Гора",[40] и о "тесаке Исиды".[41]

И опять, когда нам говорят, что Гор предотвратил "наводнение, вызванное его матерью",[42] — это только подтверждает ее разрушающий характер.

То же самое мы находим и у Хатор. Она появляется как гиппопотам и как корова. Первоначально гиппопотам был священным для Сета, но миф об Осирисе рассказывает, как он перешел к фракции Осирис-Гор. Здесь также вопрос состоит в том, чтобы одолеть Великую и Страшную Мать в личине беременного гиппопотама и в ее превращении в хорошую мать, корову.

Ужасный аспект Исиды уничтожается и трансформируется лишь только тогда, когда Гор, как сын своего отца, обезглавливает страшную Исиду, сестру Сета. После этого бог мудрости Тот наделяет ее головой коровы, символом хорошей матери, и она становится Хатор. Как таковая она является хорошей матерью и покорной женой патриархального века. Ее власть делегируется ее сыну Гору, наследнику Осириса, и через него — патриархальным Фараонам Египта, ее ужасная сторона подавляется в бессознательное.

Свидетельство этого подавления можно обнаружить в других мифологических фигурах Египта. Рядом с весами, на которых взвешиваются сердца во время Суда Мертвых, сидит чудовище Амам; или Аммит, "пожирательница мертвых". Те из мертвых, кто не прошел проверку, поедаются этой "женщиной-чудовищем"[43] и погибают окончательно. У этого чудовища весьма удивительная форма:

"Ее передняя часть — от крокодила, ее задняя часть — от гиппопотама, и ее середина — от льва".[44]

Таурт[45] также представляет собой сочетание гиппопотама, крокодила и львицы; только здесь более сильно выражены черты богини-львицы Сехмет. Таким образом, мертвых пожирает Ужасная Мать смерти и потустороннего мира, хотя и не в своей великолепной, первоначальной форме. Она "подавлена" и сжалась близ судных весов в образе ужаса. Как говорит Эрман,[46] она была "не той темой, развитие которой по вкусу народу".

Дальнейшее подтверждение этому предоставляет Книга Мертвых в рассказе об Амам, представленном здесь как бог мертвых:

"Он делает так, чтобы не росли кедры, чтобы не плодоносила акация".[47]

Нельзя представить себе лучшего описания Ужасной Матери, если помнить, что кедр и акация символически очень тесно связаны с Осирисом, жизнь и бессмертие которого они символизирует.

Далее ужасный аспект Исиды подкрепляется Историей о Двух Братьях, связь которой с мифом об Исиде и Осирисе широко признана и подтверждена последними раскопками в Библе. [48]

Мы коротко перечислим моменты, которые связывают миф об Осирисе с историей о Бата. Мертвый Осирис, разыскиваемый Исидой, был найден в Ливане в Библе, кроме того он был найден как дерево; то есть, он был заключен в ствол дерева. Отсюда его доставили обратно в Египет. Основным символом Осириса является "джед столб", фетиш дерева, что само по себе достаточно примечательно для безлесного Египта; и в Библе тоже дерево, завернутое в льняное полотно, пропитанное маслом, почиталось как "дерево Исиды".[49]

Ввоз деревьев из Ливана был одним из существенных условий для Египетской культуры и прежде всего для культа мертвых. Мы знаем о Египетской дани Царице Библа, начиная еще с 2800 г. до н. э. Бесспорно, что тесная связь между Египетскими и Сирийскими Центрами культуры уходит еще глубже в прошлое.

Фаллическое дерево-фетиш как символ юного любовника известно нам из многочисленных мифов. Рубка деревьев являлась ритуальным актом еще в большей мере, чем жатва зерновых, означающая смерть сына, рожденного Матерью Землей. Могучая сила этого сына представленного в форме дерева, делала жертвоприношение еще более значимым и впечатляющим. Мы уже обсуждали умерщвление и повешение сыиовей-любовников-жрецов на деревьях и отмечали, что их кастрацию следует приравнивать к валке деревьев.[50]

Правильность нашей точки зрения теперь подтверждает обратный процесс, возведение джед столба Осириса при церемониях коронации на празднике Сед, символизирующим восстановление силы Фараона.

События в Истории о Двух Братьях происходят в Долине Кедров у Библа. Героиня, жена старшего брата Бата, пытается соблазнить его. Это — старая тема о целомудренном человеке. Бата не поддается ее уговорам; жена обвиняет его перед мужем, который после этого пытается убить своего младшего брата. Бата в доказательство своей невиновности кастрирует себя. Боги создают прекрасную жену в качестве спутницы кастрированного Баты. Бата предостерегает ее — и это примечательный момент — об опасностях моря, говоря: "Не заходи в воду, ибо море унесет тебя. Я не смогу защитить тебя от моря, ибо я женщина, также, как и ты".[51]

Это предостережение относительно моря исключительно интересно. Мы помним, что фаллос Осириса проглотила рыба, причем рыба этого вида считалась Египтянами священной и ее нельзя было использовать в пищу.[52] говорит: "В Древнем Царстве пиктограммой краткого изложения ритуальной нечистоплотности в большинстве случаев служила так называемая рыба бунни или усач-бунни, что, по всей вероятности, соответствует lepidotus древних, а отсюда виду рыбы, которая чаще всего считалась священной".

Знаменательно, что в большинстве ранних культов рыбы центральными фигурами являлись боги-женщины, а боги-мужчины были исключением. Это доказывают изображения рыб, увенчанных короной Хатор.

К рыбе оксиринх питали как отвращение, так и почтение. Предполагалось, что она съела фаллос Осириса и зародилась из его ран Страбо (XVII, 818) утверждает, что как лепидотус так и оксиринй почитались египтянами. По свидетельству Кееса, документы Римской рыболовной гильдии в Фаюме доказывают правильность этого утверждения.

Рыбоподобная форма Осириса в Абидосе подтверждает, что основным значением материнского элемента является вмещающее рыб море. Оживляющая и оплодотворяющая

сила воды может быть также представлена фаллические как рыба. Рыба являете одновременно и фаллосом, и ребенком. Материнский уроборос появляется как море в образе Сирийской богини, которая изображается как "обитель рыб". А Греко-Беотийская Великая Мать Артемида из Иолка, владычица диких зверей трех царств, носила платье, словно символизировавшее водное царство, так как на нем была большая рыба.

Добрая мать — это вода, которая лелеет зародыш; она — дарующая жизнь рыба-мать, будь эта рыба ребенок, оплодотворяющий мужчина или живой индивид. В равной мере в качестве Ужасной Матери она — губительные воды засасывающих глубин, наводнение и воды пучины. Раскопки древнего Угарита (сейчас Рас Шарма, Сирия) сделали Астарту, Владычицу Моря, настолько же известной нам, как рожденную из пены Афродиту. Первозданный океан -"воды глубин" Еврейской легенды — всегда является территориальными водами Ужасной Матери. Например, пожирающая детей Лилит, соперница мужчины, которая отказывается покориться Адаму, удаляется в место, называющееся "глотка моря".[53]

Жене Бата угрожает опасность быть унесенной волнами, то есть быть сломленной своим отрицательным характером Астарты. Первоначально, в аспекте Атаргатис, Астарта имела форму рыбы. Как Деркето Астарта также напоминала рыбу или водяную фею, и во многих из мифов она ныряет в свою родную стихию.

В сказке о Бата, происходит именно то, чего Бата боится и чего не может предотвратить ни один женоподобный евнух. Его жена становится женой египетского царя и приказывает, чтобы кедр, отождествленный с Бата, "сердце которого покоится на его цветке", был срублен. Однако мертвого Бату воскрешает его брат, и он является в Египет в образе быка. Его снова 'убивают и из капель его крови вырастают платаны, также срубленные по требованию жены. Но на этот раз Бата попадает в рот своей жены в виде щепки от дерева, и она беременеет. Таким образом, он рождается снова как свой собственный сын от Ужасной Матери. Его усыновляет Царь Эфиопии, и в конце концов он становится Царем Египта. Взойдя на трон как патриарх, он убивает свою жену, которая была также его сестрой, и делает своего брата Наследным Принцем.

Мы не можем здесь останавливаться ни на мотиве двух братьев, ни на теме самовоспроизводства, ни на том, в какой мере эта сказка относится к более поздней стадии борьбы с драконом и конфликта с мужским принципом. Мы хотели бы только указать на ее связь с мифом об Осирисе и с фигурой Ужасной Матери, которая скрыта в Исиде, хорошей жене и матери.

Бата является сыном-любовником Великой Матери, как и следовало ожидать от той культурной области, к какой относится Библ. Тема целомудренного человека, рубка деревьев, самокастрация, животная форма жертвы, которую приносят в образе быка, кровавое жертвоприношение как принцип плодородия, что вызывает рост деревьев, и все это только для того, чтобы они были срублены снова — все это нам знакомо. Везде женщина "ужасна"; она обольстительница, орудие кастрации, причина двух рубок деревьев и смерти быка. Но, несмотря на все, она не только ужасна; она также плодородная мать-богиня, зачинающая от деревянной щепки, чтобы родить соблазненного, убитого и принесенного в жертву Бату как своего сына.

Осирис, подобно Бате, имеет форму дерева и быка. Поваленное дерево является его символом, и кроме того, что кедр фактически завозился в Египет из Библа, миф определенно повествует, что Осирис был найден Исидой в Библе в форме дерева и был доставлен оттуда в Египет. Весь миф определенно связывает Осириса как бога

растительности с фигурами Адониса, Аттиса и Таммуза. Даже его культ является культом умирающего и возрождающегося бога.[54]

Но сила материнского уробороса, как мы видели, в Исиде уже идет на убыль. Фигура страшной Астарты, богини Библа, ясно представленная в сказке о Бате, сменяется Исидой, доброй матерью; но рядом с ней появляется отрицательная фигура Сета, мужского принципа и брата-близнеца. Он перенимает роль убийцы. В то время как в легенде об Аттисе отрицательная мужская сторона гермафродитной, уроборической Матери Богини проявляется только как вепрь, убивающий Аттиса, в мифе об Осирисе она представлена независимо существующей фигурой и оказывается свойственной не только Осирису, но в конце концов также и Исиде.

Рассказ о Бата представляет страшную сущность Великой Матери как сущность женщины в целом. Но с прекращением матриархального правления египетских цариц и с появлением патриархального Гора, бога-солнца, стоящего за фараонами, Исида постепенно сливается с архетипом Доброй Матери, которая стояла во главе патриархальной семьи (Рис.18). Ее магическая сущность как воскресительницы своего брата и мужа была отодвинута на задний план.

Важное подтверждение всему этому дали ставшие известными недавно Ханаанские мифы, которые были обнаружены во время раскопок в Рас Шарма. Мы затронем здесь только те их моменты,-которые касаются символизма уробороса и Великой Матери.

Олбрайт [55] установил, что Ханаанская религия, по сравнению с религиями соседних государств, оставалась сравнительно примитивной и локальной. В качестве примера он приводит факт, что отношения богов друг к другу, и даже их пол, варьируют; далее он отмечает тенденцию ханаанской мифологии сводить вместе противоположности, то есть, например, бог смерти и разрушения является также богом жизни и исцеления, точно так же, как богиня Анат является разрушительницей и, в то же время, богиней жизни и воспроизведения. Уроборическое совпадение противоположностей выражается в этом наслоении положительных и отрицательных черт, мужских и женских качеств.

Три богини Ашерах, Анат и Аштарот являются просто тремя различными, но неотчетливыми проявлениями архетипа Великой Матери. Ашерах — враг героя Баала и мать чудовищ пустыни, явившихся причиной его смерти, и в то же самое время она — противник Анат, сестры-богини Баала. Но здесь так же, как и в случае с Исидой, мать-возлюбленная и сестра, губительница и помощница являются неразделимыми аспектами. Архетип пока еще не разделился и не принял четких очертаний различных богинь.

Подобно Исиде, Анат воскрешает своего мертвого брата-мужа и побеждает злобного брата Мот-Сет. В Аштарот, имя которой Олбрайт переводит как "выводящая овец", мы можем узнать первичный образ Рахель, мать-овцу. Но Аштарот и Анат в одно и то же время являются девственницами и матерями людей, "великими богинями, которые зачинают, но не рождают, то есть богинями, вечно плодородными, но сохранившими девственность; таким образом, обе они — матери-богини и божественные куртизанки". Наряду с этим все трое являются зловещими богинями секса и войны, их кровожадность соперничает даже с воинственностью Хатор и индусской Кали. Более поздняя картина обнаженной богини, скачущей верхом на лошади и размахивающей пикой, ярко представлена в эпическом цикле о Баале. После того, как она устроила резню рода человеческого, "крови было так много, что она шла по ней, утопая по колено, даже по шею свою. Под ее ступнями были человеческие головы; над ней, подобно саранче, летали человечески руки; в своем чувственном восторге она украсила себя, увешавшись головами

и прицепив отрубленные руки к своему поясу". Ее радость от кровавой бойни описывается все более садистским языком: "Ее печень разбухла от хохота, ее сердце переполнилось удовольствием, печень Анат была полна ликования".[56]

Как для всех богинь этого типа, кровь является росой и дождем земли, которая должна напиться крови, чтобы быть плодородной. В Аштарот мы также можем распознать первичный образ Владычицы Моря; она представляет собой более ранний и дикий образ морской богини Афродиты, и в одной Египетской сказке[57] боги, которым угрожает море, привозят Сирийскую Астарту в Египет, чтобы ее можно было умиротворить почитанием.

В ханаанской мифологии соединены вместе не только рождение и смерть, но и вновь появляется первоначальная гермафродитная форма уробороса в отношении между мужской утренней звездой, Астар или Аттар, и женской вечерней звездой, Иштар Месопотамии.[58]

Двуполость божества является примитивной чертой, как и сочетание девственности и плодородия у богинь, и плодородия и кастрации у богов. Мужские черты женщины все еще сосуществуют бок о бок с женственными чертами мужчины. Если богиня держит в одной руке лилию, женский символ, а в другой — змею, мужской символ, то это полностью согласуется с тем, что служащие ей евнухи являются мужчинами-проститутками, танцорами и жрецами.[59]

Таким образом, в Ханаане мы находим все черты канона, сформированного уроборической фигурой Великой Матери и неполной дифференциацией мужского принципа.

Крито-Микенская культура также является типичной сферой господства Великой Матери; группы символических и ритуальных особенностей, характерные для Египта и Ханаана повторяются в Финикии, Вавилонии, Ассирии и в Ближне-Восточных культурах в целом, как у хеттов, так и у индейцев. Эгейская культура образует связующее звено между Египтом и Ливией, с одной стороны, и Грецией и Малой Азией, с другой. Для нас не имеет никакого значения, как волны культуры распространялись исторически, потому что для нашей темы имеет намного большее значение чистота архетипического образа, чем вопрос первенства.

Нам приходится полагаться, главным образом, на изобразительные свидетельства Крито-Микенской религии, потому что тексты пока еще не расшифрованы; но здесь сравнительная интерпретация символов снова доказывает свою ценность и приводит нас к архетипу Великой Матери. В Крито-Эгейской культуре господствует фигура Великой Матери как богини природы; первоначально ей поклонялись в пещерах, и ее жрицами были женщины. Она была владычицей гор и диких зверей. Для нее были священными змеи и существа подземного мира, но птицы тоже символизировали ее присутствие. В особенности ее символом служил голубь, и она до сих пор остается богиней-голубем, как Афродита и как Дева Мария (голубь Святого Духа). Зарождение ее культа, очевидно, уходит назад к Каменному Веку, на что указывают меховые одежды, использовавшиеся во время обряда. Ее характер Великой Матери раскрывается в одеждах богини и ее жриц и в женском костюме в целом, оставлявшем груди открытыми; этот характер также очевиден в многочисленных сохранившихся изображениях матерей в образе животных. Мифологическое значение этих рисунков коров с телятами и коз с молодняком на фаянсе,[60] несомненно связано с мифами, которые дошли до нас из Греции через Крит.

Мы уже упоминали, что молодой Зевс был критским Зевсом-ребенком, которого выкормила коза, корова, сука или свинья, представлявшие Гею, Мать Землю, на попечение которой он был отдан.[61]

Центральной фигурой великого Критского культа плодородия является бык, мужской инструмент достижения плодородия, а также его жертва. Он является главным действующим лицом охоты и праздничных игр; его кровь — это кровь жертвоприношений; его голова и рога, наряду с обоюдоострым топором или лабрисом, священным орудием для жертвоприношений[62] являются типичными символами Критских святилищ. Этот бык символизирует юного бога, сына-любовника Великой Матери, которая, как Европа в Греческой мифологии, владычествовала на Крите. Она является супругой Критского быка, в образе которого Зевс похитил ее.

Так же как Эшум кастрировал себя лабрисом, чтобы убежать от Астронои, иначе известной как А старта- Афродита, так и Титаны убили Загрея-Диониса лабрисом.[63]

Это — инструмент священной кастрации. С его помощью приносили в жертву быка, позднее служившего заменой Дионису. Его неолитическая форма сохранилась в кремниевых ножах, которыми галлы Малой Азии кастрировали себя, а также в кремниевом ноже, приписываемом Сету. В более поздние времена жертвоприношение, кастрация и расчленение проводились уже не на человеческих жертвах, а на животных. Вепрь, бык и козел символизировали богов Диониса, Загрея, Осириса, Таммуза и т. д. Обезглавливание быка «последствие было заменено принесением в жертву фаллоса, и подобным же образом его рога стали фаллическими символами. В Египте голову священного быка Осириса-Аписа использовать в "Ищу не разрешалось, ее бросали в Нил; и это согласуется с мифом о том, что фаллос Осириса, после его расчленения, исчез в Ниле. Связь между фаллосом и головой имеет величайшее значение в мифологических стадиях развития сознания.[64]

Здесь достаточно сказать, что они могут символизировать друг друга, и что обычно голова быка символизирует человеческий фаллос. Эту замену проще понять, если знать, что бык все еще появляется в современных сновидениях как архетипический символ сексуальности и плодородия.

Существует достаточное количество подтверждений нашего мнения, что на Крите ритуал плодородия первоначально также исполнялся Великой Матерью и ее сыном-любовником и заканчивался принесением его в жертву, но впоследствии на замену пришло жертвоприношение быка. Отдельные детали приобретают смысл, только если вставить их в целостную картину, а именно, архетипическое господство Великой Матери. Как и повсюду, Великая Мать богиня Крита, Деметра Греков как владычица подземного мира, является также богиней смерти.[65]

Умершие, названные Плутархом "деметриори", являются ее собственностью; ее земное лоно является лоном смерти, но вместе с тем и лоном плодородия, где зародилась вся жизнь.

Приравнивание Таммуза, Аттиса, Адониса, Эшмуна и т. д. к критскому Зевсу, кроме того, подкрепляется высказыванием, приписываемым Теодору из Монсуэтии:

"Критяне обычно говорили о Зевсе, что он был принцем, его разорвал дикий вепрь, и он был погребен".[66]

Вепрь является типичным символом обреченного сына-любовника, и убийство вепря — это мифологическое представление принесения его в жертву Великой Матери. На Этрусском бронзовом рельефе Великая Мать изображена в своей первоначальной форме как Торга, душащая обеими руками львов и широко расставившая ноги в ритуальном эксгибиционизме.[67]

Этот же фрагмент показывает и охоту на вепря, известную нам по критским и греческим картинам времен господства Крита.

Забой вепря — древнейший известный нам символ умерщвления сына-любовника Великой Матери. Здесь богиня плодородия выступает свиньей, и это в равной мере верно и в отношении Исиды, а позднее и в отношении элевсинской Деметры. Когда богиню-свинью вытесняет корова и вместо свиноподобной Исиды, например, которая все еще была связана со свиноподобным Сетом, появляется Хатор-Исида, в это же время и вепрь также заменяется быком.

Как мы видели, жатва и рубка деревьев являются эквивалентами смерти, расчленения и кастрации в ритуале плодородия; и на Крите обламывание веток и срывание фруктов, сопровождаемые оргиастическим священным танцем и причитаниями занимают важное место в обрядах.[68]

Таким образом, устанавливается канон последующих празднеств Адониса, во время которых жрецы носили женские одежды. Кроме того, ритуальное обновление царского титула на Крите, после каждого "большого года", состоящего из восьми лет правления, представляет близкую параллель египетскому празднику обновления Сед.

Точно так же, как обновление царского титула следует интерпретировать в качестве последующей замены первоначального принесения в жертву царя года, так и на Крите мы также можем проследить путь, ведущий от его кастрации и ежегодной смерти к замене их на человеческую, а затем на животную жертву и, в конце концов, к празднику обновления, когда царская власть восстанавливалась ритуально. Вероятно, таким образом можно объяснить человеческие жертвоприношения Минотавру, царю-быку Крита, согласно Греческой легенде, первоначально состоявшие в дани из семи юношей и девушек, а также чувства к быку царицы Пасифаи, матери Минотавра.

Из Египта, Африки и Азии и даже из Скандинавии накапливаются свидетельства, что человеческое жертвоприношение обеспечивало и продлевало силу царя.[69]

На Крите, как и в Египте, набирающий силу патриархат с сосредоточением власти в руках царя и его вельмож, несомненно, разрушил сюзеренитет матери-богини. В ходе этого процесса годичное Царствование было заменено властью одного царя, хотя вначале ему приходилось продлевать его силой оружия, но позднее оно стало беспрерывным царским правлением, продолжение которого освящали искупительные жертвоприношения и ежегодные обряды пролонгации и полного обновления.

Мы показали, что Крито-Микенская эра поклонения Великой Матери стыкуется с Малой Азией, Ливией и Египтом, но ее связующие звенья с греческим мифом и легендарной историей теперь представляются в совершенно ином свете. Историческая точность мифов доказывается снова; сомнения относительно их правдивости исходят из эпохи, когда были утеряны все знания об эгсйской культуре. И опять Бахофен оказался единственным, кто, благодаря своей проницательности в отношении мифа, на основании

исторических свидетельств понял истинное содержание Критской культуры даже прежде, чем был выявлен фактический материал об Эгейской цивилизации.

От Европы и ее близости с быком, с критским и додонским Зевсом и с Дионисием мифология выводит всю мрачную критскую дистастию: Минос, Радамант и Сарпедон. Ее братом был Кадм, следов истории которого в Греции мы пока еще не обнаружили. Оба они — дети Агенора, царя Финикии, среди предков которого были Ливия, дочь Эпафа, и его мать Ио, странствующая молочно-белая лунная корова Микен. В Египте Эпафу поклонялись как быку Апису, а Ио — как Исиде.

Историческая связь между Ливией, Египтом, Финикией, Критом, Микенами и Грецией выражается в генеалогии. Точно также мы можем видеть символическую и мифологическую последовательность: белая луна-корова, микенская Ио, является египетской Исидой и критской Европой, в то время как с ними связаны критский бык Зевс-Дионис, египетский бык Апис и Минотавр.

Настолько же значимой является история Кадма, легендарного брата Европы, который пришел из Финикии, чтобы основать город Фивы. Это с ним Геродот связывает переход мистерий Осириса-Диониса из Египта к Пифагору; другими словами, Геродот прослеживает происхождение более поздних греческих мистерий и их пифагорейских и орфических предшественников через Финикию обратно к Египту. Он также связывает додонского Зевса, фаллического Гермеса и до-греческий или пелагический культ Карибов на острове Самотраки с Осирисом в Египте и с Амоном в Ливии. Прежде эта связь отрицалась наукой, но сегодня она очевидна, так как культурная неразрывность, которая связывает Ливию и Египет через ханаанскую Финикию и Крит с Грецией, подтверждается множеством фактических доказательств.

Основатель Фив Кадм находится в союзе с Афиной, но его отношение к Афродите и ее мужу Аресу крайне двойственно. Он убивает хтонического дракона, сына Ареса, но женится на Гармонии, дочери Ареса и Афродиты. Корова с лунным серпом вместо рогов, ведущая! его из Дельф, основанных Критянами, к месту, где должны будут возведены Фивы, и которую он там приносит в жертву, является древней матерью и лунной богиней до-греческих времен. Она руководит его жизнью и жизнью его детей и оказывается более могущественной, чем его помощница Афина.[70]

В дочерях Кадма просматривается образ древней богини-коровы Афродиты, и в них проявляется ужасная мифологическая сила Матери Богини. Одной из его дочерей является Семела, мать Диониса. Даже несмотря на то, что как смертная любовница Зевса, она погибает в его молнии, она остается богиней, родившей бога. Его вторая дочь — Ино. В приступе безумия она бросается в море вместе со своим сыном Милекертом. Милекерт относится к циклу обреченных сыновей-любовников, их убивают и оплакивают, им поклоняются посредством оргиастических обрядов. Его третьей дочерью является Агава, мать Пентея; она также страшная мать, ибо в безумии оргии убивает и разрывает на куски своего сына и, торжествуя, уносит его окровавленную голову. Сам Пентей становится Дионисом-Загреем, расчлененным богом, которому он пытался противиться. Четвертая дочь — Автоноя, мать Актеона, юного охотника, который нечаянно увидел девственную Артемиду в ее наготе и, охваченный ужасом, бежал от нее в образе оленя, только для того чтобы быть разорванным на куски своими собственными гончими. Снова превращение в животное, расчленение и смерть. Девственная Артемида, богиня лесов, является до-греческой формой Страшной Матери богини, так же, как и Артемида Эфеса, Беотии и т. д.

Таковы дочери Кадма, во всех них мы видим страшное влияние грозной Афродиты. Единственный сын Кадма — Полидор, его внук — Лаий и правнук Эдип. И даже в том, что касается внука, - отношения мать-сын приводят к катастрофе. Но только в его случае эта роковая связь между Великой Матерью и сыном-любовником, наконец, разрывается.

Европа и Кадм образуют один приток мифологической реки, который берет начало в Ливии (Ио) и достигает Греции через Финикию. Другой приток, также начинающийся в Ливии, ведет к Данаидам и Аргосу. Аргос, важная часть Критской культуры в Греции, ("вязан в легенде с Данаем, основателем культа Аполлона Ликейс-кого. Согласно Геродоту,[71] его дочери, Данаиды, принесли в Грецию из Египта праздник Деметры — Тесмофорию. Тесмофория и ее мистерии - это празднество плодородия. Их центральной деталью была яма, представлявшая лоно Матери Земли. В эту яму-лоно бросали подношения, а именно: сосновые шишки, фаллосы дерева-сына и живых свиней, являвшихся потомством беременной Матери Земли свиноматки. В яме кишели змеи, постоянные спутники Великой Матери. Они всегда ассоциировались с горгоновым лоном. Затем зловонные останки свиней поднимали наверх и, согласно вековым обрядам плодородия, торжественно разрывали на куски и разбрасывали по полям.

Бахофен убедительно показал, что Данаиды в связи с тем, что они убивали женихов, навязанных им силой, относятся к сфере "эмансипированной" матери-девственницы. Лишь только Гиперменестра, вопреки их взаимному соглашению, не убила своего мужа, и с ней любовные взаимоотношения в мифологии становятся вопросом личного решения. Соответственно, она становится первой в ряду матерей таких героев, как Персей и Геракл. Эти герои ниспровергают отрицательную власть Великой Богини и основывают мужскую культуру. Они оба относятся к типу героев — сыновей богов-мужчин. В дальнейшем им оказывала помощь Афина. Миф о Персее — это миф о герое, победившем символ матриархального господства в образе Ливийской Горгоны, как позднее Тесей в случае с Минотавром.

Так, в потомках Ио, хотя не только в этой ветви мифологии, конфликт между матриархальным и патриархальным миром представлен как эпическая история и персонализирован как семейная история в Греческих мифах о героях. Несомненно, научное исследование истории и религии сегодня было удовлетворено уменьшением количества этнологических группирований; но с психологической точки зрения, которую интересует развитие человеческого сознания, смена стадии Великой Матери и ее сына-любовника новой мифологической стадией является не случайным историческим, а неизбежным психологическим событием. Соотнести новую стадию-с определенной расой или национальной группой невозможно, как; это видно сегодня. Ибо бок о бок с преодолением архетипа матери, в греко-индо-германской культуре стоит его не менее полное соответствие в древнееврейско-семитской.

Покорение архетипа матери занимает свое надлежащее место мифе о герое, и позднее мы это обсудим. Сейчас же мы должны более внимательно рассмотреть стадию Великой Матери и ее господства над сыном-любовником.

Мифологическая и историческая связь между крито-эгейской областью и Грецией очевидна и в других фигурах греческого мифа. Страшная богиня Геката является матерью пожирающей людей Эмпусы и ламий, которые сосали кровь юношей и поедали их плоть; Но эта трехтелая, уроборическая Геката, владычица трех царств) неба, земли и подземного мира — является учителем искусства магии и разрушения Кирки и Медеи. Ей приписывают способность заколдовывать и превращать людей в животных и насылать безумие, дар, который присущ ей, как и всем богиням луны. В Элевсине мистерии

Великой Матери праздновались женщинами довольно мирно, но в культе Диониса это происходило кровавым образом; а оргиастическое раздирание на части быка или козла с поеданием окровавленных кусков как символический акт оплодотворения простирается от Осириса к Дионису-Загрею и Орфею, Пентею и Актеону. Как гласит орфическое присловие: "Жертва должна быть разорвана на куски и съедена".[72]

Мать-богиня является владычицей диких зверей, выступает ли она как Таврополос, вступающая в схватку с быками и душащая змей, птиц и львов, на Крите и в Малой Азии, или как Кирка, которая порабощает людей, превращенных ею в животных.

То, что поклонение Земле и Богине Смерти часто связано с болотистыми районами, Бахофен интерпретировал как символ существования во влажных условиях, в которых, уроборически говоря, живет дракон, пожирающий ее потомство сразу же, как только она производит его. Война, бичевание, кровавые подношения и охота являются лишь более мягкими формами поклонения ей. Великая Мать такого типа не обнаруживается лишь в доисторические времена. Она господствует в элевсинских мистериях более позднего времени, и Эврипид еще знает Деметру как гневную богиню, разъезжающую в колеснице, запряженной львами, под аккомпанемент вакхических трещоток, барабанов, цимбал и флейт. Она достаточно мрачна, чтобы стоять очень близко к Азиатской Артемиде и Кибеле, а также к египетским богиням. В Спарте Артемида Ортия требовала человеческих жертвоприношений и порки мальчиков; человеческие жертвоприношения требовались также для Таврической Артемиды; а в честь Эфесской Артемиды женщины устраивали ночные танцы, во время которых вымазывали лица грязью.

Никаким "варварским" богиням здесь не поклоняются с "чувственными" и "азиатскими" обычаями; все эти вещи являются просто глубоко залегающим пластом поклонения Великой Матери. Она богиня любви, обладающая властью над плодородием земли, людьми, скотом и урожаями; она также осуществляет контроль над всеми Рождениями и таким образом является в одно и то же время богиней судьбы, мудрости, смерти и подземного мира. Повсюду ее обряды безумны и оргиастичны; как владычица диких зверей она правит всеми существами мужского пола, которые в образе быка и льва поддерживают ее трон на высоте.

Существует множество изображений этих богинь, демонстрирующих свои половые органы в ритуальном эксгибиционизме,[73] как в Индии, так и в Ханаане, как, например, изображения Египетской Исиды или Деметры и Баубо греков. Обнаженная богиня, "томно лежащая на земле и отдавшаяся любви" — ранний вариант Великой Матери, но в уродливых женщинах-идолах времен неолита можно видеть еще более ранние ее варианты. Ее атрибутом является свинья, очень плодовитое животное; и на ней, или на корзине — символ женщины, как и рог изобилия — богиня сидит, широко расставив ноги, даже в великой Элевсийской мистерии. [74]

Свинья в качестве примитивного знака Великой Матери встречается не только как символ плодородия, на очень ранней стадии ее можно встретить также в виде космической проекции:

"Еретическое изображение небесной женщины в виде свиньи, в пасть которой заходят дети-звезды, подобно тому, как свинья поедает свое потомство, можно найти в очень раннем, в лингвистическом отношении, драматическом тексте, сохранившемся в ложной гробнице Сети 1 в храме Осириса в Абидосе".[75]

Исида, подобно Нут, как и Коче Когти (небесная дева),[76] появляется как "белая свинья",[77] а голова старого бога Сета интерпретируется как голова свиньи.[78] В Трое Шлиманн нашел фигуру свиньи, усыпанную звездами,[79]очевидно, представляющую небесную женщину как свинью, культ свиньи как матери-богини оставил после себя многочисленные следы.

Наверное, самой примитивной и самой древней из связанных со свиньей ассоциаций является таковая с женскими половыми органами, которые даже на греческом и на латыни назывались "свинья", хотя эту ассоциацию можно проследить еще дальше, к примитивному названию раковины каури.[80]

Образ Исиды, сидящей с широко расставленными ногами на свинье, продолжает линию через Крит и Малую Азию к Греции. Говоря; о Крите, где свинья вскормила Царя Миноса, Фарнелл говорит:

"Критяне считают это животное священным и не едят его мяса; а мужчины Пресса отправляют тайные обряды со свиньей, делая ее первым подношением жертвоприношения".[81]

То, что сирийцы Гиераноля во времена Луциана могли дискутировать о священности или несвященности свиньи, является просто признаком невежества и упадничества. Ее священность подтверждается не только барельефом матери-свиньи, обнаруженным в Библе [82] и, вероятно, относящимся к культу Адониса, но даже в большей мере финикийским обычаем не употреблять в пищу свинину и приносить в жертву свиней в годовщину смерти Адониса. Фрезер[83] продемонстрировал идентичность Аттиса, Адониса и Осириса и их отождествление со свиньей. Повсюду, где принятие в пищу свинины запрещено, а свинья считается нечистым животным, мы можем быть уверены в ее первоначально священном характере. Ассоциация свиней с плодородием и сексуальным символизмом сохранилась и по сегодняшний день там, где сексуальные вопросы все еще отрицательно описываются как "свинство".

Керени привлек внимание к связи свиньи как "маточного животного" земли с Деметрой и Элевсином.[84]

Однако интерес автора исключительно к греческой мифологии не позволяет ему достаточно ясно выделить архетипический характер этого явления. Важно вспомнить, что, когда Элевсину разрешили чеканить свою собственную монету, в качестве символа мистерий была выбрана свинья.[85]

Большой праздник Афродиты в Аргосе, когда женщины наряжались мужчинами, а мужчины надевали фату, называлось "Истерия" в честь связанных с ним жертвоприношений свиней.

"Во время празднований этих годовщин жрицы Афродиты доводили себя до состояния дикого исступления, и термин Истерия стал отождествляться с состоянием эмоционального расстройства, которое ассоциировалось с такими оргиями... Слово Истерия употреблялось в том же смысле, что и Афродизия, то есть как синоним праздников этой богини".[86]

Мы можем также упомянуть, что именно Афродита в ее первоначальной сущности Великой Матери насылает "Манию Афродизии". (афродизиак – средство усиливающее половое чувство)

Это не только подчеркивает связь архетипа Великой Богини с сексуальностью и "истерией", но еще более важно то, что гермафродитное празднество с его взаимообменом полами и одеждой называлось "Гибристика". Отречение патриархальной Греции от гибридного, уроборического состояния выражено в этом названии, которое, как предполагается, происходит от одного корня со словом гибрис ("разврат", "безобразие").

Таким образом, свинья символизирует женщину, плодоносное и восприимчивое лоно. Как "маточное животное" она относится к земле, зияющей яме, которая во время Тесмофории оплодотворяется через жертвоприношение свиньи.

К символам пожирающей бездны мы должны отнести лоно в его угрожающем аспекте, сверхъестественные головы Горгоны и Медузы, женщину с бородой и фаллосом и паука, пожирающего мужчин. Открытое лоно является пожирающим символом уроборической матери, особенно когда оно связано с фаллическими символами. Скрежечущая пасть Медузы с кабаньими клыками совершенно отчетливо выдает эти черты, в то время как выступающий язык очевидно связан с фаллосом. Кусающее — то есть, кастрирующее — лоно представляется челюстями ада, а змеи, извивающиеся вокруг головы Медузы, являются не личностной составной частью — лобковыми волосками — а агрессивными фаллическими элементами, характеризующими пугающий аспект уроборического лона.86а

К этой группе символов можно отнести паука, не только потому, что самка пожирает самца после совокупления, но также потому, что он в целом символизирует женщину, которая расставляет сети на неосмотрительного мужчину.

Этот опасный аспект значительно усиливается элементом плетения, как в случае Богинь Судьбы, вьющих нить жизни, или Норны, плетущей паутину мира, в которую попадает каждый мужчина, рожденный женщиной. И наконец мы приходим к покрывалу Майя, которое и мужчины и женщины считают "иллюзией", засасывающей пустотой, ящиком Пандоры.

Повсюду, где пагубный характер Великой Матери превосходит ее положительную и созидательную сторону или равен ей, и везде, где ее разрушительная сторона — фаллический элемент — появляется вместе с ее плодородным лоном, на заднем плане все еще действует уроборос. Во всех этих случаях юношеская стадия Эго еще не пройдена, и Эго еще не отвоевало независимости от бессознательного.

Отношения между сыном-любовником и Великой Матерью

В отношениях юного любовника к Великой Матери мы можем различить несколько стадий.

Самая ранняя из них отмечена естественной покорностью судьбе,. силе матери или уробороса. На этой стадии страдания и горе остаются анонимными; юные, подобные цветам, боги растительности, обреченные на смерть, все еще слишком близки к стадии приносимого в жертву ребенка. Этой стадии свойственна благочестивая надежда природного создания на то, что он, подобно природе, возродится через Великую Мать, благодаря всей полноте ее милости, без всякого участия или заслуги с его стороны. Это стадия полного бессилия перед лицом уроборической матери и ошеломляющей силы судьбы, как мы до сих пор находим это в греческой трагедии и особенно в фигуре Эдипа. Мужественность и сознание пока еще не завоевали независимости, а уроборический инцест уступил место матриархальному инцесту юности. Смертельный экстаз полового

инцеста симптоматичен для юношеского Эго, еще недостаточно сильного, чтобы противостоять силам, символизируемым Великой Матерью.

Переход к следующей стадии осуществляется "борцами". Их страх перед Великой Матерью является первым признаком центре-версии, формирования "я" и стабильности Эго. Этот страх выражается в различных формах бегства и сопротивления. Первичным символом бегства, все еще выражающим полное превосходство Великой Матери, является самокастрация и самоубийство (Аттис, Эшмун, Бата и т. д.). Здесь позиция неповиновения, отказ любить все равно приводит именно к тому, чего хочет Ужасная Мать, а именно к жертве фаллоса, хотя эта жертва делается в отрицательном смысле. Юноши, которые в ужасе и безумии бегут от требований Великой Матери, в акте самокастрации выдают свою постоянную фиксацию на центральном символе культа Великой Матери, фаллосе; и они предподносят его ей, хотя и с возражениями сознания и протестом Эго.

Неприязнь к Великой Матери, как выражение центроверсии, можно ясно видеть в образах Нарцисса, Пентея и Ипполита. Все трое противятся пламенной любви великих богинь и наказываются ими или их представителями. В случае Нарцисса, который отвергает любовь, а затем роковым образом влюбляется до безумия в свое собственное отражение, поворот к самому себе и прочь от всепоглощающего объекта с его настоятельными требованиями достаточно очевиден. Но выдвинуть эту акцентуацию и любовь к своему собственному телу на исключительно видное место — недостаточно. На этой стадии существенной и непременной чертой является стремление Эго-сознания, которое начинает осознавать себя, стремление всего самосознания, всего размышления видеть себя как в зеркале. Формирование "я" и осознание "я" начинаются по-настоящему, когда человеческое сознание развивается в самосознание. Самоанализ характерен для пубертатной фазы человечества, так же, как и для пубертатного периода индивида. Это — необходимая стадия человеческого знания, и только тенденция к задержке на этой стадии имеет фатальные последствия. Разрыв фиксации на Великой Матери посредством интроспекции является символом не аутоэротизма, а центроверсии.

Нимфы, которые тщетно преследуют Нарцисса своей любовью, являются просто олицетворением обольщающих сил, и сопротивление им равнозначно сопротивлению Великой Матери. Значение фрагментации архетипов для развития сознания мы рассмотрим в другом месте. В греческих мифах мы можем видеть, как происходит эта фрагментация. Ужасный аспект Великой Матери почти полностью подавляется, и за чарующим образом Афродиты можно уловить лишь его проблески. И сама Афродита уже больше не выступает в своем надличностном величии; она раскололась и воплотилась в образы нимф, сирен, водяных фей и дриад, или же она выступает как мать, мачеха или любимая, как Елена или Федра.

Это не значит, что в истории религии этот процесс всегда является абсолютно четким. Нашей исходной точкой является архетип и его отношение к сознанию. Однако хронологически нимфы — то есть частичные аспекты архетипа — могут с такой же легкостью появиться до исторического поклонения архетипу матери, как и после. Структурно они остаются частичными аспектами архетипа и являются его психическими фрагментами, даже несмотря на то, что историк может указать на культ нимф, предшествующий культу Великой Матери. В коллективном бессознательном все архетипы одновременны и существуют бок о бок. Только лишь с развитием сознания мы приходим к определенной иерархии в рамках самого коллективного бессознательного. (См. Часть II)

Нарцисс, обольщенный своим собственным отражением, в действительности является жертвой Афродиты, Великой Матери. Он уступает ее роковому закону. Система его Эго раздавливается исходящей от нее ужасной инстинктивной силой любви. То, что она заимствует его отражение, чтобы обольстить его, делает ее только еще более вероломной.

Пентей — еще один из этих "борцов", которые не могут успешно осуществить героический акт освобождения. Хотя его усилия направлены против Диониса, судьба, определенная ему за его грехи, показывает, что его истинным врагом является Великая Мать. Тесная связь Диониса с оргиастическим поклонением Великой Материи с ее сыновьями-любовниками, Осирисом, Адонисом, Таммузом и т.д. хорошо известна. Мы не можем здесь останавливаться на двойственном образе Семелы, матери Диониса, но Бахофен говорит о взаимосвязи Диониса с Великой Матерью, и современные исследования подтверждают его точку зрения в этом:

"Дионису поклонялись в Дельфах как младенцу или купидону в корзине для просеивания зерна. Его культ — это хтонический культ с богиней луны Семелой в качестве Матери Земли. Так как он родился во Фракии и обосновался в Малой Азии, где влился в культ Magna Mater, то возможно... что широко распространенный исконный культ, относящийся к первоначальной до-греческой культуре, продолжил в нем свое существование".[87]

Героический Царь Пентей, так гордящийся своим здравомыслием, пытается с помощью своей матери, ближайшей родственницы Диониса, противиться оргиям, но ими обоими овладевает дионисово безумие. Ему достается судьба всех жертв Великой Матери: охваченный безумием он облачается в женскую одежду и присоединяется к оргиям, после чего его мать в сумасшедшем бреду принимает его за льва и разрывает на куски. Затем она, торжествуя, уносит его окрававленную голову домой — напоминание о первоначальном акте кастрации, который сопровождал расчленение трупа. Таким образом его мать, вопреки велению ее сознательного разума, превращается в Великую Мать, в то время как ее сын, несмотря на сопротивление, оказываемое его Эго , становится ее сыном-любовником. Безумие, переодевание в женскую одежду, а затем превращение в животное, расчленение и кастрация — здесь вся архетипическая судьба; Пентей, прячась на верхушке сосны, становится Дионисом-Аттисом, а его мать — Magna Mater*.

Образ Ипполита занимает место рядом с образами Пентея и Нарцисса. Из-за любви к Артемиде, из-за целомудрия и любви к самому себе, он, пренебрегая любовью своей мачехи Федры, пренебрегает Афродитой. По велению его отца и при участии бога Посейдона его постигла смерть, когда собственные кони волоком протащили его по земле.

Мы не можем здесь остановиться на более глубоком конфликте, бушующем в Ипполите, между любовью к своей матери, царице Амазонок, и к своей мачехе, сестре Ариадны, этот конфликт объясняет его сопротивление Федре и его преданность Артемиде. Мы только представим краткий анализ мифа в том, что касается нашей темы. В связи со вторичной персонализацией миф, представленный Еврипидом в виде драмы, превратился в личностную судьбу с наложением деталей личного характера. Но все же он остался достаточно понятным, чтобы его можно было проследить обратно к его истокам.

Отвергнутая Афродита и отвергнутая мачеха идут рука об руку. Они представляют влюбленную Великую Мать, которая преследует сына и убивает его, когда он оказывает сопротивление. Ипполит привязан к девственнице Артемиде - не к первоначальной матери-девственнице, а к Артемиде как к духовному образу, как к "подруге", которая напоминает Афину.

Сам Ипполит находится на стадии решающего сопротивления Великой Матери. Он уже осознает себя молодым мужчиной, борющимся за самостоятельность и независимость. Это ясно видно из того, что он отвергает заигрывания Великой Матери и ее фаллическую, оргиастичную сексуальность. Однако его "целомудрие" означает намного большее, чем неприятие секса; оно выражает приход к сознанию "высшей" мужественности, в противоположность "низшей" фаллической разновидности. На субъективном уровне — это сознательное осознание "солнечной" мужественности. Бахофен противопоставляет ее "хтонической" мужественности. Эта высшая мужественность связана со светом, солнцем, взором и сознанием.

Любовь Ипполита к Артемиде и к целомудрию природы отрицательно характеризуется его отцом как "добродетельная гордыня" и " самообожание ".[88]

То, что Ипполит относится к тому, что мы назвали бы юношеским обществом, находится в полном соответствии с этими характеристиками. Позднее мы остановимся на упрочении мужского принципа посредством мужской дружбы, а также на значении "духовной" сестры для развития мужского сознания. Однако в случае Ипполита неповиновение юноши заканчивается трагедией. В персоналистической интерпретации это означает, что Афродита отомстила за себя; клеветническим обвинениям отверженной им мачехи верит его отец Тесей; она убивает себя, а отец проклинает своего сына. Автоматически Посейдон должен выполнить данное Тесею обещание и удовлетворить его желание, убив Ипполита. Это довольно бессмысленная история происков Афродиты, ничуть не трагическая с нашей точки зрения, имеет совершенно иное содержание, если ее интерпретировать психологически.

Ипполит так же не может сохранять свою позицию неповиновения, как Эдип не может выстоять против героического инцеста со своей матерью. Сила Великой Матери, безумие любви, насылаемое Афродитой, сильнее, чем сопротивление его сознательного Эго . Его волокут собственные лошади — то есть, он падает жертвой мира инстинктов, покорением которых он так гордился. Лошади — что достаточно характерно, представленные кобылами - исполняют беспощадную волю Афродиты. Когда знаешь, каким образом Великая Мать вершит свое мщение в мифах, то эта история предстает в соответствующем обрамлении. Самоувечье и самоубийство Аттиса, Эшмун и Баты; Нарцисс, умирающий от самовлюбленности; Актеон, подобно множеству других юношей, превращенный в зверя и разорванный на куски — все это по своей сути одно и то же. И будь то Антон, сгорающий в огне своей собственной страсти, или Дафнис, томящийся неутолимым желанием, потому что не любит девушку, посланную ему Афродитой; интерпретируем ли мы смерть Ипполита, которого понесли его собственные лошади, как безумие, любовь или возмездие — в любом случае центральным фактом является месть Великой Матери, подавление Эго скрытыми силами.

Характерно также, что Посейдон, даже если лишь косвенно, является орудием в руках Афродиты, за очарованием которой скрывается Ужасная Мать. Именно Посейдон посылает из моря страшного быка, который до безумия пугает лошадей Ипполита, и те волокут своего хозяина к смерти. Снова мы встречаемся с фаллической фигурой Сотрясателя Земли и владыки пучины, компаньона Великой Матери. Афродита ищет возмездия, потому что Ипполит в растущей гордости Эго-сознания "презирает" ее и провозглашает ее "нижайшей среди божественных".[89]

Мы уже встречали такую ситуацию в нареканиях Гильгамеша по отношению к Иштар. Но в противоположность фигуре Ипполита — весьма отрицательного героя — Гильгамеш

с его более сильно развитой мужественностью является настоящем героем. Поддерживаемый своим другом Энкиду, он ведет жизнь героя, совершенно независимую от Великой Матери, в то время как Ипполит остается бессознательно связанным с ней, хотя открыто не повинуется ей и отвергает ее своим сознательным разумом.

Борющемуся за самосознание юноше теперь приходится иметь собственную судьбу, в той мере, в какой он является индивидом, и Для него Великая Мать становится неверной и несущей смерть. Она выбирает для своей любви одного юношу за другим, чтобы потом уничтожить. Таким образом, она становится "шлюхой". Священная проститутка — которой в действительности является Великая Мать как сосуд плодородия — приобретает отрицательный характер непостоянной шлюхи и разрушительницы. С этим начинается великая переоценка женского принципа, после чего его превращение в отрицательный принцип в патриархальных религиях Запада доводится до предела. Рост самосознания и укрепление мужественности отодвигают образ Великой Матери на задний план; патриархальное общество раскалывает его, и в сознании сохраняется только картина доброй Матери, ее ужасный аспект переносится в бессознательное.[90]

В результате этого разделения убийцей является уже не Великая Мать, а враждебное животное, например, вепрь или медведь, со стоящей рядом фигурой скорбящей доброй матери. Бахофен [91] показал, что медведь является символом матери и подчеркнул его тождественность с Кибелой. Сегодня мы знаем, что медведь как символ матери относится к общей группе архетипов и встречается в равной мере как в Европе, так и в Азии.[92]

Бахофен также показал, что последующая замена медведя львом совпадает с вытеснением культа матери культом отца.[93]

Этот круг замыкается свидетельством Винклера о том, что в астрологии бог солнца располагается в созвездии Большой Медведицы, также называемым созвездием Вепря.[94]

Так как астрологические образы являются проекциями психических образов, то мы находим здесь те же связи, что и в мифологии. Таким образом, в дальнейшем развитии фигура Великой Матери расщепляется на отрицательную половину, представляемую в виде животного, и положительную половину, имеющую человеческую форму.

Как Аттиса, так и критского Зевса убивает вепрь, что является вариацией темы кастрации, а также связано с запретом принятия в пищу свинины в культе Аттиса и с фигурой Великой Матери в образе свиньи. Отцовское значение вепря как мстителя, посланного ревнивым богом-отцом является более поздним. На этой стадии юного бога, обреченного на смерть, отец не играет никакой роли. На самом деле божественный юноша, не осознавая этого, является отцом самому себе, только в иной форме; другого прародителя отца, кроме самого сына, пока еще нет. Господство материнского уробороса характеризуется фактом, что "мужские" черты, позднее приписываемые отцу, все еще остаются интегральной частью уроборической сущности Великой Матери. Здесь можно упомянуть один единственный зуб сестер Грай и другие явно мужские элементы, связанные с Богинями Судьбы, колдуньями и ведьмами. Она это и свинья которая поросится, и кабан, который убивает, точно также, как борода и фаллос являются частями ее гермафродитной сущности.

Появление убийцы мужского пола в цикле мифов о Великой Матери является эволюционным шагом вперед, ибо оно означает, что сын обрел большую степень независимости. В самом начале вепрь является частью уробороса, но в конце он становится частью самого сына. Тогда вепрь является эквивалентом самоуничтожения,

представляемого мифом как самокастрация. Самец-убийца пока еще не имеет отцовского характера; он представляет собой только символ деструктивной склонности, которая в акте самопожертвования оборачивается против самой себя. Это раздвоение можно видеть в теме враждующих братьев-близнецов, архетипе разделения "я". Фрезер и Джеремиас[95] оба вполне обосновано доказали, что герой и убивающий его зверь очень часто тождественны, хотя авторы не дают объяснения этому факту.

Тема враждующих братьев-близнецов относится к символизму Великой Матери. Она появляется, когда мужчина приходит к самосознанию, разделив себя на два противоположных элемента, один — деструктивный, другой — созидательный.

Стадия борцов отмечает отделение сознательного Эго от бессознательного, но Эго еще недостаточно устойчиво, чтобы следовать дальше к разделению Первых Родителей и к победной борьбе героя. Как мы подчеркивали, центроверсия проявляется вначале отрицательно, под личиной страха, бегства, вызова и сопротивления. Эта отрицательная позиция Эго, однако, еще не направлена против объекта, Великой Матери, как в случае героя, а обращается против самого Эго, в самоуничтожении, самоувечьи и самоубийстве.

В мифе о Нарциссе Эго, пытающееся побороть силу бессознательного посредством интроспекции, уступает губительной любви к самому себе. Его самоубийство утоплением символизирует растворение Эго-сознания , и то же самое повторяется в настоящее время в самоубийствах таких молодых людей, как Вейнингер и Сейдель. Книга Сейделя Bewusstsein als Verhangnis и работа Вейнингера несут на себе четкий отпечаток того, что они были написаны поклонниками Великой Матери. Они роковым образом очарованы ею, и Даже в предпринятом бесполезном сопротивлении свершают свою архетипную судьбу.95а

Архетипическая ситуация борющегося и сопротивляющегося любовника играет важную роль в психологии самоубийства у современных невротиков, архетипическими представителями которых являются мифологические борцы, а также имеет свое законное место в психологии пубертатного периода. Для этой ситуации характерны отрицание, самопожертвование, вселенская Скорбь обострившиеся этот период наклонности к самоубийству, а кроме того и очарование одновременно заманчивое и опасное — которое исходит от женщины. Конец. периода возмужания отмечается успешнай-борьбой героя, о чем свидетельствуют обряды инициации. Юноши, умирающие от" своих собственных рук в период полового созревания, представляют всех тех кто не выдержал опасностей этой борьбы, кто не может добиться своего и погибает в ходе испытаний инициации, которые проходят, как и всегда, только в бессознательном. Их самопожертвование и трагическое внутреннее раздвоение тем не менее, являются героическими. Борцов можно описать как обреченных героев. Самец-убийца, стоящий за деструктивной тенденцией, все еще является инструментом Великой матери. хотя Эго не знает этого и вепрь, который убивает Адониса, является, так сказать, обретшим независимость клыком горгоны, но не смотря на все это, Эго, хотя и убивает само себя, является более активным, более Независимым и индивидуальным, чем печальное смирение меланхолического любовника.

В отделении мужского антагониста от объединяющего в себе мужское и женское уробороса и в расщеплении Великой Матери на хорошую мать и ее деструктивного супруга-мужчину мы уже можем различить определенную дифференциацию сознания и разрушение архетипа. Это отделение и последующее появление конфликта между братьями-близнецами отмечает важную стадию на пути к окончательному разложению уробороса, разделению Прародителей Мира и консолидации Эго-сознания.

Давайте снова рассмотрим изначальные, мифологические образы, отражающие это событие. Точно также как тема близнецов является определяющим фактором в египетском мифе об Осирисе и Сете и играет решающую роль в ханаанской мифологии, где она проявляется как борьба между Баалом и Мот, Решеф и Шалман — такой же мы находим ее, с персоналистическими вариациями, в Библейской истории об Иакове и Исаве и в Еврейских легендах.

Интересно отметить, что действительно существует пиктографическое представление этой группы символов, на которое обращает внимание Олбрайт:

"На культовой стойке примерно двенадцатого века до н. э. из Бет-Шан [Палестина] видна замечательная рельефная картина: обнаженная богиня, сидящая с расставленными ногами, чтобы продемонстрировать свой пол, держит в руках двух голубей; под ней расположены два бога-мужчины со сцепленными в борьбе (?) руками и с голубем у ног одного из них; снизу к ним ползет змея, а сбоку приближается лев".[96]

Борьба между змеей и львом – борьба жизни со смертью — сохранилась также и в намного более позднем митраизме с тем же самым значением. Эта религия, будучи патриархальной, привнесла некоторые вариации; но в культовых изображениях жертвоприношений быка мы находим под быком тех же двух животных, змею и льва, символизирующих ночь и день, небо и землю, а по бокам расположены представители жизни и смерти, два юноши, один с поднятым факелом, а другой — с опущенным. Лоно Великой Матери, первоначально вмещавшее противоположности, представлено здесь только в символической форме, как большая чаша для вина, гарант возрождения, и к ней спешат два животных, Мужская религия, подобная митраизму, уже больше не терпит прямого представления женского божества.

К сожалению, в настоящем контексте мы не можем показать, что и сегодня архетипы остаются все такими же могущественными силами бессознательного, какими они всегда были в проекциях мифологии. Нам хотелось бы только отметить, что изначальный образ из Бетшан бессознательно возникает в работе современного автора, Роберта Льюиса Стивенсона, где он сохраняет то значение, которое имел и тысячи лет тому назад. В повести Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда, которая в современной персоналистической форме излагает историю мифологической борьбы между братьями-близнецами Сетом и Осирисом,[97] герой Стивенсона, доктор Джекиль делает следующую запись в дневнике. Этот отрывок формулирует тему всего произведения:

Это немыслимое объединение в одну двух столь различных линий, эта непрерывная борьба двух враждующих близнецов в истерзанной утробе сознания[98] были извечным проклятием человечества. Но как же их разъединить?"

Современное понимание этой психологической проблемы предоставляет психоанализ Фрейда, постулировавший противостояние инстинкта жизни и инстинкта смерти в бессознательном. Эта проблема также вновь появляется в качестве принципа противоположностей в аналитической психологии Юнга. Таким образом, здесь мы имеем один и тот же психический архетип — братьев-близнецов, сцепившихся в смертельной борьбе в лоне Великой Матери — в виде мифа, пиктографического изображения, темы повести и психологической концепции.

Мы обобщим значение этой проблемы для развития мужественности, когда подойдем к рассмотрению различия между "Ужасным Мужчиной" и "Ужасным Отцом".[99]

Здесь мы можем только сказать, что из-за противостояния мужчины теперь уже не превосходящей силе Великой Матери, а другому мужчине, врагу, развивается конфликтная ситуация, где впервые возникает возможность самозащиты.

Это психологическое развитие соответствует изменению в первоначальном ритуале плодородия, который составляет подоплеку этих мифов. [100]

Вначале юного царя плодородия убивали, его труп разрезали, куски разбрасывали по полям, а фаллос мумифицировали как гарантию урожая следующего года. Приносилась ли одновременно в жертву представительница Матери Земли — сомнительно, но вначале, вероятно, было так. Однако с увеличением власти матери богини ее представительница, Царица Земли, оставалась в живых, чтобы праздновать свой ежегодный брак с юным царем. Позднее на смену жертвоприношению, по-видимому, пришел поединок. Царь года укрепил свои позиции, и ему было дозволено защищать свою жизнь в поединке со следующим претендентом. Если он терпел поражение, то его приносили в жертву как старый год; если одерживал победу, то вместо него умирал его противник. Еще позднее, когда матриархат сменился париархатом, ежегодно или через установленные промежутки времени праздновался обряд обновления, и царя оставляли в живых, потому что искупительные человеческие или животные жертвоприношения во время праздника, который назывался в Египте "Поднятием священного джеда", делали его смерть ненужной. Таким образом, это развитие идет параллельно с развитием, которое первоначально касалось Богини-Царицы.

Мы увидим финальную стадию борьбы между Эго-сознанием и бессознательным, когда в более поздней фазе развития женщина будет сведена патриархатом к простому сосуду, а мужчина, воспроизводя себя, станет действующей силой своего собственного возрождения.

Однако во время переходной стадии, регенеративная сила, созидательная магия матери продолжает существовать бок о бок с мужским принципом. Она делает целое и новое, объединяет разрозненные части, дает новую форму и новую жизнь тленному и ведет за пределы смерти. Но ядро мужской личности остается незатронутым регенеративной силой матери. Оно не погибает, будто бы предвидя возрождение. Как будто бы какой-то остаток, такой как "маленькая косточка Луз"[101] из Еврейской легенды, не может быть уничтожен смертью и содержит в себе силу, необходимую для своего собственного воскрешения. В противоположность смертоносному уроборическому инцесту, где зародышевое Эго растворяется как соль в воде, окрепшее Эго пускается в жизнь после смерти. И, хотя эта жизнь дарована матерью, в то же время она загадочно обусловлена остаточным ядром Эго. Как гласит один из гимнов Ригведы:

"Войди в землю, в мать,

В широкую, просторную, самую священную землю!

Мягка, как шерсть, земля для сведущих.

Да защитит она тебя на следующем этапе пути.

Выгни свою широкую спину, не дави вниз,

Откройся с легкостью, впусти его свободно;

Как мать сына подолом платья своего

Накрой его, О земля".[102]

Смерть — это не конец, а переход. Это — период нахождения под паром, а также убежище, предоставленное матерью. Умирающее Эго не ликует, когда находит себя "обратно" в матери, а не в бытии; оно простирает свою волю к жизни за рамки смерти и переходит через нее к следующему этапу пути, в новое.

Однако это развитие, когда смерть не является предопределенным концом, а смертность индивида — единственным аспектом жизни, происходит уже не в прежних условиях, то есть не в отношениях юного любовника с Великой Матерью. Мужской принцип теперь Достаточно силен, чтобы достичь осознания себя. Эго-сознание уже больше не является спутником-сыном материнского уробороса, прикованным ко всемогущему бессознательному, а становится поистине независимым и способным действовать самостоятельно.

И здесь мы приходим к следующей стадии в развитии сознания, а именно, к разделению Прародителей Мира, или к принципу противоположностей .

[1] Это не противоречит утверждению Юнга о том, что у женщины Эго имеет женский характер, а бессознательное — мужской. Часть своей героической борьбы женщина ведет с помощью своего мужского сознания или, на языке аналитической психологии, с помощью "анимуса", но эта борьба для нее не единственная и не окончательная. Однако в отношении возникающей здесь проблемы "матриархального сознания" можно обратиться к моей работе по женской психологии.

[2] Bachofen, Urreligion und antike Symbole, Vol. II, p.309.

[3] Платон, Менексен, 238.

[4] The Cambridge Ancient History, Vol. Of Plates I, p.197.

[5] Nilsson, "Die Griechen", in Chantepie de la Saussaye, Lehrbuch der Reli-gionsgeschichte, Vol. II, p.319.

[6] Там же.

[7] Важные положения нашего исследования дополняет книга Юнга и Кереньи Essays on a Science of Mythology.

[8] Przyluski, "Ursprunge und Entwicklung des Kultes der Mutter-Gottin".

[9] Frazer, The Golden Bough, p.378.

[10] Bachofen, op.cit., Vol. II, pp.356-58.

[11] Там же, с.359.

[12] Kaiser Wilhelm II, Studien zur Gorgo; Childe New Light on the Most Ancient East, PI. XIII c.

[13] Gunkel, Schopfung und Chaos, p.46.

[14] Самым ранним изображением такого праздника плодородия вполне может послужить картина времен неолита в Когуле, Испания (Hoernes, Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa, pi. on p. 154 b p.678), на которой изображены девять женщин, танцующих вокруг юноши с эрегированным фаллосом. Число девять, если оно не случайно, еще в большей мере подчеркивает характер плодородия.

[15] Harding, Woman's Mysteries.

[16] Чтобы избежать неправильного понимания, необходимо раз и навсегда подчеркнуть, что везде, где мы говорим о кастрации, мы имеем в виду символическую кастрацию, а не личностный комплекс кастрации, приобретенный в детстве и имеющий непосредственное отношение к мужским половым органам.

[17] Это мнение господствовало во всем древнем мире и встречается даже на более поздних стадиях развития культуры, например, в еврейских легендах и индусской литературе.

[18] Erman, Die Religion der Agypter, p.33.

[19] Там же, с.77.

[20] Roeder, Urkenden zur Religion des alien Aegypten, p. 143. А. Миф сотворения

[21] Kees, Gotterglaube, p.7.

[22] Erman, op.cit., p.34.

[23] Там же, с.67.

[24] Kees, Gotterglaube, p. 13.

[25] Seligman Egypt and Negro Africa, p.33.

[26] The Golden Bough, p.394.

[27] Pietschrnann, Geschichte der Phonizier.

[28] Albright. From the Stone Age to Christianity.

[29] Характерно, что обряды инициации при наступлении половой зрелости всегда начинаются именно здесь: мужская солидарность помогает уменьшить силу Великой Матери. В женской психологии на этой стадии оргиастический элемент имеет другое значение, но здесь мы не имеем возможности рассмотреть этот вопрос.

[30] Pietschrnann, op.cit., p.233. Хотя другие исследователи (A.Jeremias, Das Alte Testament im Lichte des Alien Orients; F.Jeremias, "Semitische Vol-ker in Volderasien", in Chantepie de la Saussaye, Lehrbuch der Religion-sgeschichte и не связывают это слово с

келев, "собака", а предполагают, что это "жрец", однако упоминание о принесении в жертву собак в/ Исайя, 66:3 допускает возможность сравнения жрецов с собаками. '

[31] Гильгамеш. Перев. Н. Гумилева. [Цит. по: Ново-Басманная, 19. М.: Художественная литература, 1990. — Прим. ред.]

[32] Moret, The Nile and Egyptian Civilization, p.96.

[33] Там же, с.98.

[34] Kees, Aegypten, p.35.

[35] Erman, Religion, p.80.

[36] Там же, с.77.

[37] Там же. с.85.

[38] Там же, с. 150.

[39] Там же, с. 177.

[40] Budge, The Book of the Dead, Ch.l53a.

[41] Там же, гл.153Ь.

[42] Там же, гл.138.

[43] Budge, British Museum, Guide to the First, Second and Third Egyptian Rooms, p.70.

[44] Budge, The Book of the Dead, p.33.

[45] Там же, с. 135.

[46] Erman, Religion, p.229.

[47] Budge, The Book of the Dead, p.461.

[48] Virolleaud, "Ischtar, Isis, Astarte" and "Anat-Astarte".

[49] Erman, op.cit., p.85.

[50] F/azer, The Golden Bough, Ch.XXVIII.

[51] The Tale of the Two Brothers", in Erman, Literature, p.156.

[52] Для обозначения слова "отвращение" служил знак рыбы. Kees (Goiter Я la Jibe), p. 63

[53] Bin Gorion, Sagen der Juden, Vol.1, "Die Urzeit", p. 325; Scholem, Ein Kapital aus dem Sohar, p. 77; Scheftelowitz, Alt-palastinischer Bauern-glaube.

[54] Иную интерпретацию см. ниже, с.243 и далее.

[55] Archaeology and the Religion of Israel, p. 71.

[56] Там же, p. 77.

[57] Erman, Literature, pp.169 f.

[58] Albright, Stone Age.

[59] Там же, p. 178.

[60] Символизм коровы и теленка обнаруживается в Египте очень рано, например, на знамени 12-го нома, места пребывания Исиды, изображена корова с теленком (Kees, Gotterglaube, p. 76).

[61] Nilsson, in Chantepie de la Saussaye, Lehrbuch, Vol II, p. 297.

[62] Д. Мережковский, Атлантида — Европа. Тайна запада, М.Русская книга, 1992, с. 206, 340.

[63] Glotz, The Aegean Civilization, p.75.

[64] См. ниже, с. 184 и далее.

[65] Picard, "Die Grosse Mutter von Kreta bis Eleusis".

[66] Цитируется Cook, Zeus, Vol. I, p.157, n.3; после него Merezhkovski, op.cit., p.280.

[67] Hausenstein, Die Bildnerei der Etrusker, рис.2, 3.

[68] The Cambridge Ancient History, Vol. of Plates I, 200b.

[69] Frazer, The Golden Bough, Ch.XXIV.

[70] Важный вклад в генеалогическую интерпретацию см. Philippson, "Genea-logie als mythische Form" в Untersuchungen uber den griechischen Mythos.

[71] Книга II.

[72] Д. Мережковский, ibid., с.384.

[73] Picard, "Die Ephesia von Anatolien; а также Pietschmann, Geschichte der Phonizier, p.228.

[74] Picard, "Die Grosse Mutter von Kreta bis Eleusis". В высшей степени вероятно, что мышь, как известно, почитаемая финикийцами, языческими соседями евреев, в связи с высокой интенсивностью ее размножения — качество, которое она разделяет со свиньей, была священным в отношении плодородия животным. Фрезер указывает на отрывок в Исайя (66:17), где говорится, что израильтяне тайно отмечали языческий праздник, на котором ели свиней и мышей. Это упоминание, очевидно, относится к ханаанскому обычаю, связанному с культом Матери Богини. Это подкрепляется тем фактом, что возле

руки богини Картадж, признаваемой Великой Матерью, представлены изображения мышей (A. jeremias, указ. соч.). Отрицательная стороны мыши заключается в том, что она является переносчиком бубонной чумы, на что указывается в Илиаде, у Геродота и в Ветхом Завете.

[75] Kees, Gotterglaube, p.42.

[76] Там же, с.6.

[77] Стела Меттерниха, в Roeder, Urkunden, p.90.

[78] Budge and Hall, Introductory Guide to the Egyptian Collections in the British Museum, p. 130.

[79] G.E.Smith, The Evolution of the Dragon, p.216.

[80] Там же.

[81] Cults of the Greek States, Vol.1, p.37.

[82] Renan, Mission de Phenicie, pi.31; Pietschmann, op.cit., p.219n.

[83] Frazer The Golden Bough, p.546.

[84] Kerenyi, "Kore", p.119 (Torchbooks edn.)

[85] Smith, The Evolution of the Dragon, p. 153.

[86] In Hastings, Encyclopaedia of Religion and Ethics, s.v. "Aphrodisia".

86a Ср. с танцевальными масками богини Рангда с острова Бали (Рис.19), "кровожадной, пожирающей детей... колдуньи-вдовы, повелительницы черной магии". Согласно Коврибиасу (Island of Bali, pp.326 ff.), Рангда (что значит "вдова") изображается уродливой старухой, обнаженной, с черными и белыми полосами и с чудовищно обвислыми грудями, окруженными черной шерстью. Ее длинные волосы достигают пят, и сквозь них видны выпученные глаза, кривые клыки и длинный, красный, с огненным кончиком язык маски. "На ней были белые перчатки с огромными когтями, а в правой руке она держала ткань, чтобы закрыть свое ужасное лицо, приближаясь к своим ничего не подозревающим жертвам". Сравните также с Горгоной (Рис.25).

[87] Bernoulli, in Bachofen, Urrereligion, Vol.11, p.74.

[88] Euripides, Hippolytus, V, 1064 and 1080.

[89] Там же, 13.

[90] Разделение Великой Матери на сознательную "добрую" мать и бессознательную "злую" является основным явлением в психологии невроза. В этом случае складывается ситуация, когда невротик сознательно имеет "хорошее отношение" к матери, но в пряничной обители этой любви скрывается ведьма, которая поедает маленьких детей, а в качестве награды обещает им пассивное, безответственное существование без Эго. Психоанализ обнаруживает здесь образ Ужасной Матери, внушающей ужас фигуры,

которая с помощью угроз и запугивания ставит запрет на сексуальность. Результатом являются мастурбация, реальная или символическая импотенция, самокастрация, самоубийство и т. д. Не имеет никакого значений, остается ли образ Ужасной Матери бессознательным или проецируется; в любом случае сама мысль о совокуплении, о какой-либо связи с женщиной будет активировать боязнь кастрации.

[91] Urreligion, Vol.1, pp.138 ff. (относительно его "Der Bar in den Religionen des Alterturns", 1863).

[92] Breysig, Die Volker ewiger Urzeit.

[93] Frobenius, Kulturgeschichte Afrikas, pp.85 f.

[94] Winckler, "Himmels- und Weltenbild der Babylonier".

[95] A. Jeremias, Handbuch der altorientalischen Geicteckultur, p.265.

[95](a) Отто Вейнингер родился в Вене в 1880 г., там же застрелился в 1903 г. В его основной работе Пол и характер (Англ, перев., 1906 г.) утверждается о духовной и моральной неполноценности женщин. Подробный рассказ о Вейнингере см. в Abrahamsen, The Mind and Death of a Genius. Работа Альфреда Сейделя Bewusstsein ah Verhangms была опубликована в Бонне в 1927 г., посмертное издание. Сейдель, родившийся в 1895 г., застрелился в 1924 г. - Прим. изд.]

[96] Albright, From the Stone Age to Christianity, p.178.

[97] [Эта же тема встречается в романе Стивенсона Владетель Баллантрэ. -Прим. перев.]

[98] Имеется в виду бессознательное.

[99] См. ниже, с.208 и далее.

[100] Lord Raglan, Jocasts's Crime, p.122.

[101] [Последняя кость позвоночника (as coccygis), считалась неразрушимой и местонахождением центра воскресения тела. Сравните с крестцом Осириса, который является частью столба джед, ниже, с.248. - Прим.

[102] Гимны ригведы 10.18.45, перевод из Geldner, Vedismus und Brahma-nismus, p.70.

III
РАЗДЕЛЕНИЕ ПРАРОДИТЕЛЕЙ МИРА: ПРИНЦИП ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Первоисточником, от которого зародились все вещи, боги и люди, считались Ранги и Папа, небо и земля. Эти двое, все еще слитые, пока еще не разъединенные, пребывали но тьме; и дети, рожденные ими, постоянно думали, в чем же разница между светом и тьмой. Они знали, что существа множились и число их росло, но все же свет никогда не проливался на них, вечно длилась тьма. Вот что говорит об этом древняя каракия: "Тьма была с первого отрезка времени по десятый, по сотый, по тысячный", — то есть очень долго; и каждый из этих отрезков времени считался существом, и каждое называлось По, и именно из-за них существа, которые тогда жили, не знали пока еще яркого мира света, а лишь тьму.

Наконец изнуренные гнетом тьмы существа, порожденные Ранги и Папа, посоветовались меж собою и сказали: "Давайте решим, что нам делать с Ранги и Папа; что будет лучше — их убить или разъединить?" Тогда сказал Туматауенга, самый свирепый из сыновей Ранги и Папа: "Хорошо, давайте убьем их".

Потом молвил Тане-махута, отец лесов, всего того, что населяет леса, и того, что построено из дерева: "Нет, не так. Лучше разъединить их и позволить Ранги стоять над нами, а Папа лежать под нашими ногами. Пусть Ранги станет для нас как чужой, а земля останется близкой нам, как кормящая мать".

Братья согласились на это предложение, за исключением Тавхириматеа, отца ветров и бурь; и он, опасаясь, что его царство будет уничтожено, горевал при мысли, что родители будут разъединены.

В древней каракии есть и такие высказывания: "О По, о По, свет, свет, поиски, искания, в хаосе, в хаосе", — они описывают, как потомки Ранга и Папа искали, как поступить со своими родителями, чтобы люди могли множиться и жить. А выражение: "Множество, продолжительность", - означает множество их мыслей и продолжительность времени их размышлений...

Когда они согласовали свои планы, поднялся Ронго-ма-Тане, бог и отец выращиваемой пищи, чтобы разъединить Ранги и Папа; он боролся, но не разъединил их. Затем поднялся Тангароа, бог рыб и гадов, чтобы разъединить Ранги и Папа; он также боролся, но не разъединил их. Следующим поднялся лаумиа-тики-тики, бог и отец пищи, которую не выращивают, и он боролся, абсолютно безрезультатно. Затем поднялся и боролся Ту-матауенга, бог и отец свирепых созданий, но и он боролся тщетно. затем наконец поднялся и боролся со своими родителями Тане-махута, бог и отец лесов, птиц и насекомых: тщетно всею силою рук своих пытался он разъединить их. Он остановился; он прочно уперся головой в свою мать Папа, землю, а свои ноги он поднял вверх, уперев их в отца своего Ранги, небо; он напряг спину и конечности в могучем усилии. Разъединились теперь Ранги и Папа, и с горестными упреками громко закричали: "За что вы убиваете родителей своих? Зачем свершать такое страшное преступление, убивать нас, разъединять нас, ваших родителей?" Но Тане-махута не останавливался; он не обращал внимания на их крики и стоны; далеко, далеко вниз под себя он оттеснил Папа, землю; далеко, далеко, вверх над собой он оттолкнул Ранги, небо. Поэтому в древности говорили: "Именно сильнейший толчок Тане оторвал небо от земли, так что они разъединились, и появилась тьма, и появился свет".[1]

Этот миф Маори о сотворении содержит все элементы той стадии в эволюции человеческого сознания, которая следует за стадией господства уробороса. Разделение Прародителей Мира, расщепление единства на противоположности, создание неба и земли, верха и низа, дня и ночи, света и тьмы — деяние, являющееся чудовищным преступлением и грехом — все моменты, которые по отдельности встречаются в большом количестве мифов, здесь слиты воедино. Фрезер пишет об этом разделении Прародителей Мира:

"То, что небо и земля первоначально были соединены вместе - широко распространенное убеждение примитивных народов; небо либо прямо лежало на земле, либо было немного приподнято над ней, и между ними не было достаточно места, чтобы люди могли ходить выпрямившись. Там, где такие верования господствуют, нынешнее возвышение неба над землей часто приписывается могуществу какого-нибудь бога или

героя, который так толкнул небосвод, что тот взмыл вверх и с тех пор так там и остается".[2]

В другом месте Фрезер интерпретирует кастрацию первичного отца как разделение Прародителей Мира. В этом мы видим обращение.! к первоначальному уроборическому состоянию, когда небо и земля* считались "двумя матерями".

Снова и снова мы возвращаемся к основному символу, свету, — центральному элементу мифов о сотворении. Этот свет, символ сознания и просвещения, является главным объектом космогонии всех | народов. Соответственно, "в легендах о сотворении почти всех народов и религий процесс сотворения совпадает с приходом света".[3]

Как гласит текст Маори: "Свет, свет, поиски, искания, в хаосе, в хаосе

Только в свете сознания человек может знать. И этот акт познания, сознательного различения, раскалывает мир на противоположности , ибо восприятие мира возможно только через противоположности. Мы еще раз должны подчеркнуть, что символизм мифов помогая нам понять соответствующие стадии развития человека, не является философией или абстрактной теорией. Точно также поднимаются из глубин психики и скрывают свое значение проницательному толкователю произведение искусства и сновидение, со всей своей многозначностью, хотя достаточно часто это значение не улавливает сам художник или видящий сон. Также и мифическая форма выражения — это наивная демонстрация психических процессов, идущих в человечестве, хотя само человечество может воспринимать и передавать миф как нечто совершенно иное. Мы знаем, что, по всей вероятности, формированию мифа всегда предшествует ритуал, то есть некая церемония или последовательность действий, и, несомненно, что это действие должно идти впереди знания — бессознательное свершение перед облеченным в слова содержанием. Поэтому наши формулировки являются абстрактными выводами — иначе мы не смогли бы даже надеяться охватить многообразие имеющегося у нас материала — а не утверждениями, которые примитивный человек мог бы сознательно высказать о самом себе. Пока мы не ознакомимся с основными образами, направляющими ход человеческого развития, мы не сможем понять те вариации и ответвления, которые окружают основной путь.

Сознание равно освобождению: вот девиз, начертанный над всеми усилиями человека освободиться от объятий первичного дракона уробороса. Как только Эго определяется как центр и упрочивается по полагающемуся ему праву как Эго-сознание, первоначальная ситуация неизбежно разрушается. Истинное значение этого самоотождествления пробуждающейся человеческой личности с Эго мы можем видеть только, когда вспомним противостоящее этому состояние participation mystique, которым управляет уроборическое бессознательное. Каким бы банальным оно ни показалось, логическое утверждение личности: "Я — это я" — фундаментальное утверждение сознания, в действительности является огромным достижением. Только этот акт, посредством которого Эго становится основой, а личность отождествляется с этим Эго — каким бы ошибочным это отождествление ни оказалось позднее - создает возможность появления самоориентирующегося сознания. В этой связи нам хотелось бы снова процитировать отрывок из Упанишад:

"Вначале [все] это было лишь Атманом в виде пуруши. Он оглянулся вокруг и не увидел никого кроме себя. И прежде всего он произнес: "Я есмь"... Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга".[4]

Если, как мы видели раньше, существование в уроборосе было существованием в participation mystique, то это также означает, что пока еще не был развит какой-либо центр Эго, позволяющий установить связь мира с собой и себя с миром. Вместо этого человек был всем одновременно, и его способность изменяться была почти универсальной. Одновременно он был частью своей группы, "Красным Какаду",[5] и воплощенным духом рода. Все, что внутри, было внешним, то есть все его идеи приходили к нему снаружи, как веления духа, колдуна, или "птицы-знахаря". Но также и все внешнее находилось внутри. Между преследуемым животным и волей охотника существовала магическая таинственная связь, точно так же, как между исцелением раны и оружием, нанесшим ее, так как рана ухудшалась, если оружие нагревали. Именно это отсутствие дифференциации и определяло слабость и беззащитность Эго, которые, в свою очередь, усиливали включенность в мир. Таким образом, вначале все было двойным и имело двойное значение, как мы видели из уроборического смешения мужского и женского, плохого и хорошего. Жизнь в уроборосе означала одновременную глубинную связь с бессознательным и с природой, между которыми существовала подвижная среда, циркулирующая в человеке, подобно току жизни. Он был захвачен этим кругообращением, этим потоком, идущим от бессознательного к миру и из мира обратно к бессознательному, и приливно-отливное движение этого потока бросало его вперед и назад в переменном ритме жизни, к которой он был открыт, не осознавая этого. Дифференциация Эго, разделение Прародителей Мира и расчленение первичного дракона освобождают мужчину как сына и открывают его свету, и только тогда он рождается как личность с устойчивым Эго.

В первоначальной картине мира человека целостность мира была нетронутой. Уроборос жил во всем. Все было полно смысла или, по крайней мере, могло стать таким. Этот мировой континуум стал распадаться на отдельные фрагменты жизни. Они выделились благодаря своей поразительной, чудесной изменчивости, и стали производить впечатление заряженных маной. Эта способность "впечатлять" являлась универсальной — то есть любая часть мира могла поразить, все было потенциально "священным" или, если говорить более точно, могло оказаться удивительным и потому наполненным маной.

Мир начинается только с приходом света (Рис.20), который устанавливает противоположность между небом и землей как основной символ всех противоположностей. До этого царит "безграничная тьма", как сказано в мифе Маори. С восходом солнца или — на языке Древнего Египта — с сотворением небосвода, отделяющего верхнее от нижнего, начинается день человечества, и вселенная со всем ее содержимым становится видимой.

По отношению к человеку и его Эго сотворение света и рождение солнца связаны с разделением Прародителей Мира и положительными и отрицательными последствиями этого для героя, разъединяющего их.

Однако существуют другие представления о сотворении как о не связанном с разделением Прародителей Мира космическом явлении, стадии в эволюции самого мира. Но даже в том варианте, который мы сейчас приведем из Упанишад, мы видим за эволюционными процессами действие фактора, затрагивающего личность, хотя в данном тексте это не акцентируется.

"Солнце — это Брахман, таково наставление. Вот его объяснение. Вначале этот [мир] был несуществующим. Он стал существующим. Он стал расти. Он превратился в яйцо.

Оно лежало в продолжение года. Оно раскололось. Из двух половин скорлупы яйца одна была серебряной, другая — золотой.

Серебряная [половина] — эта земля, золотая - небо.

И то, что родилось, это солнце. Когда оно рождалось, поднялись возгласы, крики и [поднялись] все существа и все желанное. Поэтому при его восходе и каждом его возвращении поднимаются возгласы, крики, и все существа, и все желанное."[6]

Кассирер, использовав достаточно подтверждающего материала, показал, как противоположность между светом и тьмой наполнила Духовный мир всех людей и придала ему форму. Священный порядок мира и священное пространство -- храм или территория вокруг него — "ориентировались" согласно этой противоположности.[7]

Не только человеческие теология, религия и ритуал, но также и правовые, и экономические порядки, которые позднее зародились из них, структура государства и весь образ светской жизни, вплоть до понятия собственности и ее символизма, берут начало от этого Установления различий и определения границ, которое стало возможным с приходом света.

Структура мира, планировка города, схема храмов, разбивка римского военного лагеря и пространственный символизм Христианской Церкви — все это является отражением первоначальной мифологии пространства, классифицирующей и выстраивающей мир в непрерывные ряды противоположностей, начиная с противоположности между светом и тьмой.

Пространство появилось только тогда, когда, согласно Египетскому мифу, бог воздуха Шу разделил небо и землю, встав между ними (Рис.21). И только тогда, в результате его вмешательства, создавшего свет и пространство, появились небо вверху и земля внизу, перед и зад, лево и право — другими словами, только тогда было организовано пространство по отношению к Эго.

Первоначально никаких абстрактных пространственных понятий не существовало, по отношению к телу они были магическими, имели мифический, эмоциональный характер, были связаны с богами, красками, значениями, намеками.[8]

Постепенно, с ростом сознания, вещи и места организовывались в абстрактную систему и дифференцировались друг от друга; но первоначально вещь и место совмещались в континууме и были неустойчиво связаны с постоянно меняющимся Эго. В этом начальном состоянии не было различия между Я и Ты, внутри и снаружи, или между людьми и вещами, точно также, как не было четкой разделительной линии между человеком и животными, человеком и человеком, человеком и миром. Все было включено во все, жило в одном и том же неразделенном состоянии, перекрывая друг друга, в мире бессознательного, как в мире сновидений. Отражение этого раннего состояния до сих пор продолжает жить в нас в сплетении образов и символических присутствий, сотканном сновидениями, указывая на первоначальную беспорядочность человеческой жизни.

Не только пространство, но и время, его течение ориентируются посредством мифической картины пространства, и эта благоприятствующая развитию способность ориентировать себя по последовательности света и темноты, расширяющая поле сознания и сферу постижения реальности, простирается от ступенчатой организации примитивного общества с его разделением на возрастные группы до современной "психологии

жизненных стадий". Поэтому практически во всех культурах деление мира на четыре части и противоположность дня и ночи играют исключительно важную роль. Так как свет, сознание и культура стали возможны только после разделения! Прародителей Мира, первичный дракон уробороса часто представляется как дракон хаоса. С точки зрения упорядоченного сознания} мира света и дня, все, что существовало прежде, было ночью, тьмой) хаосом, беспорядком. Как внутреннее, так и внешнее развитие культуры начинается г приходом света и разделением Прародителей Мира. Не только день и ночь, перед и зад, верхнее и нижнее, внутреннее и внешнее, Я и Ты, мужчина и женщина появляются из этого развития противоположностей и отделяются от первоначального смешения, но теперь определяется место в этом мире таким противоположностям, как: "священное" и "мирское", "добро" и "зло".

Включение зародышевого Эго в уроборос социологически соответствует состоянию, при котором преобладали коллективные идеи, доминировали группа и групповое сознание. В этом состоянии Эго не было самостоятельной, индивидуализированной сущностью, обладающей своими собственными знанием, моралью, волей и активностью; оно функционировало исключительно как часть группы, и группа с ее превосходящей силой являлась единственным реальным субъектом.

Освобождение Эго, когда "сын" утверждает себя как Эго и разъединяет Прародителей Мира, совершается на нескольких различных уровнях.

В начале сознательного развития все еще является смешанным, и каждая архетипическая стадия такой трансформации, как разделение Прародителей Мира, всегда открывает нам различные уровни действия, с различными следствиями и значениями. Это делает задачу изложения исключительно сложной.

Ощущение "я не такой" — первостепенный фактор нарождающегося Эго-сознания появляется на заре установления различий, разделяет мир на субъект и объект; на смену неопределенному существованию человека в туманной дымке предыстории приходит ориентация в пространстве и времени и образует его раннюю историю. Наряду с высвобождением себя из слияния с природой и группой, Эго, противопоставив себя не-Эго в качестве иного исходного уровня восприятия, начинает одновременно выстраивать свою независимость от природы как независимость от тела. Позднее нам придется вернуться к вопросу о том, как Эго и сознание воспринимают свою собственную реальность, обособляя себя от тела. Это один из фундаментальных фактов человеческого ума и обнаружения самого себя как чего-то, отличного от природы. Вначале человек находился в гаком же положении, как и младенец или маленький ребенок: его тело и его "внутренний мир" были частью чужого мира. Обретение способности к произвольному мышечному движению, когда Эго открывает в самом себе то, что его сознательная воля может контролировать тело, вполне может быть основным ощущением, лежащим в корне всей магии. Эго, располагающееся, так сказать, в голове, в коре головного мозга и воспринимающее нижние области тела как нечто ему незнакомое, как чуждую реальность, постепенно начинает осознавать, что существенные части этого нижнего телесного мира подчиняются его желанию и воле. Оно обнаруживает, что "верховная власть мысли" является реальным и подлинным фактом: рука пред моим лицом и нога внизу делают то, что я хочу. Очевидность этих фактов не должна закрывать от нас то огромное впечатление, которое это очень раннее открытие должно было произвести и, несомненно, произвело на ядро каждого примитивного Эго. Если технические науки являются продолжением "инструмента" как средства покорения окружающего нас мира, то инструмент, в свою очередь, является ничем иным, как продолжением мускулатуры. Желание человека повелевать природой является всего лишь продолжением и проекцией

этого фундаментального ощущения Эго потенциальной власти над телом, обнаруженной в произвольности мышечного движения.

Противоположность Эго и тела является, как мы говорили, начальным состоянием. Нахождение в уроборосе и его власть над Эго на телесном уровне означают то, что Эго и сознание вначале постоянно находятся во власти инстинктов, импульсов, ощущений и реакций, идущих из мира тела. Вначале Эго, существующее сперва как точка, а затем как островок, ничего не знает о себе и вследствие этого ничего не знает о своем отличии. По мере увеличения его силы оно все больше и больше отделяет себя от мира тела. Это в конечном итоге ведет, как мы знаем, к состоянию систематизированного Эго-сознания, когда вся телесная сфера в значительной мере является бессознательной, а сознательная система отделена от тела как представляющего бессознательные процессы. Хотя в действительности разрыв не так уж и велик, иллюзия его настолько сильна и реальна для Эго, что сфера тела и бессознательного может быть открыта заново лишь с большим усилием. В йоге, например, предпринимается напряженная попытка вновь соединить сознательный разум с бессознательными телесными процессами. Это занятие, если в нем переусердствовать, ведет к болезни, но само по себе оно довольно разумно.

Вначале сфера Эго-сознания и духовно-психическая сфера нераздельно слиты с телом. Инстинкт и волевой акт так же незначительно разделены, как и инстинкт и сознание. Глубинная психология обнаружила, что даже в современном человеке разделение между этими двумя сферами, явившееся результатом культурного развития — ибо их взаимные напряженные отношения составляют то, что мы называем культурой — является большей частью иллюзией. За действиями, которые Эго согласовывает со сферой принятия решения и волеизъявления, лежит деятельность инстинктов, и еще даже в большей степени инстинкты и архетипы являются скрытой причиной наших сознательных позиций и ориентации. Но в то время, как у современного человека существует, по крайней мере, возможность принятия решения и сознательной ориентации, психология архаичного человека и ребенка отличается смешением этих сфер. Желания, настроения, эмоции, инстинкты и соматические реакции все еще практически слиты вместе. То же самое относится к первоначальной амбивалентности аффектов, которые позднее превращаются в полярные позиции. Любовь и ненависть, радость и печаль, наслаждение и боль, да и нет, привлекательность и отвращение поначалу смешаны, налагаются друг на друга и не обладают тем антитетическим характером, который впоследствии представляется характерным для них.

Глубинная психология открыла, что даже сегодня противоположности лежат ближе друг к другу и более тесно связаны, чем можно было бы предполагать из фактической степени их разделения. Не только у невротика, но также и у нормального человека полюса находятся близко друг к Другу; удовольствие превращается в боль, ненависть в любовь, печаль в радость намного легче, чем мы могли бы ожидать. Это очень ясно можно видеть у детей. Смех и плач, начало и прекращение какого-то дела, симпатия и антипатия быстро сменяют друг друга. Ни одно состояние не является прочно установившимся и ни одно не является прямой противоположностью другому. Оба они мирно сосуществуют бок о бок и реализуются в теснейшей последовательности. Воздействия льются внутрь и вовне со всех сторон; окружение, Эго, внутренний мир, объективные тенденции, сознание и телесные стремления действуют одновременно, и все это время никакое достойное внимания или даже очень крохотное Эго не систематизирует, не концентрирует, не принимает и не отвергает данные воздействия.

То же самое относится к такой паре противоположностей, как мужское и женское. Первоначальный гермафродитный характер человека в значительной мере все еще

сохраняется в ребенке. Без нарушающих равновесие воздействий извне, способствующих видимым проявлениям половых различий в раннем возрасте, дети оставались бы просто детьми; в действительности активные мужские черты также обычны и естественны у девочек, как и пассивные женские у мальчиков. И только в результате разграничивающего влияния культуры, управляющего ранним воспитанием ребенка, Эго отождествляется со свойственными только одному полу тенденциями личности и начинает сдерживать или подавлять врожденную двуполость. (См. Часть II).

Разрыв между внутренним и внешним у архаичного человека и у ребенка не более выражен, чем разрыв между добром и злом. Воображаемый друг является одновременно реальным и нереальным, как и все остальное, и образ в сновидении так же реален, как и действительность вокруг. Здесь все еще правит истинная "Реальность Души",[9] эта шаткая фантазия, отражением которой являются колдовство, искусство и сказки. Здесь каждый из нас может быть всем, и, так называемая, внешняя реальность пока еще не заставила нас забыть настолько же важную реальность внутреннюю.

Тем не менее, в то время как миром ребенка, эти законы управляют полностью, только отдельные части реальности архаичного человека остаются в этом смысле детскими и первоначальными. Рядом существует мир реальности, в котором он справляется со своим окружением рационально и практически, организует и развивает его; другими словами, он имеет что-то типа культуры, которую мы находим в более развитой форме у современного человека.

В начале, как мы говорили, не существует и разделения между добром и злом. Человек и мир еще не разделены на чистое и нечистое, доброе и плохое; самое большее --- это различие между тем, что действует, наполнено маной или обременено табу, и тем, что не действует. Но то, что действует, превосходит все иное, оно вне добра и зла. Все, что действует — могущественно, будь оно черным или белым, или тем и другим, одновременно или поочередно. Сознание архаичного человека обладает не большей способностью к различению, чем сознание ребенка. Есть хорошие колдуны и плохие колдуны, но сама сфера их действия кажется намного более важной, чем добро или зло самого акта. Сложнее всего для нас — понять глубину наивности этого уровня существования, где кажущееся зло принимается с такой же легкостью, как добро, и здесь, по-видимому, нет даже намека на то, что впоследствии человек воспринимает и признает в качестве морального порядка мира.

Внутри первоначального уроборического единства существовали многочисленные взаимозависимые символические слои, лежащие близко друг к другу, ставшие явными только на стадии разделения.

Это подтверждает точку зрения Юнга о поливалентности ранней в эволюционном отношении конституции, а отсюда — и детской конституции. На более поздних стадиях различные слои символов выделяются из первоначальной смешанности и предстают перед Эго. Мир и природа, бессознательное и тело, группа и семья - все это различные системы взаимоотношений, которые как независимые части, отделившиеся от Эго и друг от друга, теперь оказывают целый ряд разнообразных влияний и образуют множество систем, действуя совместно с Эго. Но это разворачивание позиции и контрапозиции лишь частично описывает ситуацию, возникающую на стадии разделения Прародителей Мира.

Переход от уробороса к юношеской стадии характеризовался появлением страха и осознания смерти, потому что Эго, не наделенное еще полной властью, воспринимало превосходство уробороса как непреодолимую опасность. Эту перемену эмоциональной

тональности необходимо подчеркивать во всех фазах развития сознания, и ее неявное присутствие указывает на эмоциональные компоненты, значение которых еще предстоит выяснить.

Рассматривая юношеский период, мы уже видели, как переход от пассивности к активности вначале принял форму сопротивления, вызова и разделения "я", которые на этой стадии вели к самоуничтожению. Точно так же на стадии сына, разделяющего Прародителей Мира, или эквивалентной ей стадии сражения с драконом, изменяется не только содержание, но и уровень эмоциональности.

Действие Эго в разделении Прародителей Мира представляет собой борьбу, созидательный акт, и в последующих разделах, посвященных борьбе с драконом, мы уделим должное внимание этому аспекту, а также решающему изменению личности, которое вытекает из этой решимости преодолеть опасность.

Однако в данный момент мы обратимся к другому аспекту этого свершения: к тому, что оно воспринимается как грех и, более того, как первородный грех, падение. Но сначала мы должны обсудить эмоциональную ситуацию и понять, что это свершение, хотя и проявляется как приход света и как сотворение мира и сознания, искажается настолько сильным чувством страдания и потери, что оно почти уравновешивает созидательный выигрыш.

Посредством героического акта сотворения мира и разделения противоположностей Эго выходит из магического круга уробороса и оказывается в состоянии одиночества и разлада. С появлением полностью оформившегося Эго райское положение вещей прекращается; младенческое состояние, при котором жизнью управляло что-то более обширное и охватывающее, прекращается, а с ним — и естественная зависимость от этих щедрых объятий. Мы можем посмотреть на это райское состояние с точки зрения религии и сказать, что все контролировал Бог; или же мы можем представить его этически и сказать, что все еще было добром и что зло еще не пришло в мир. Одни мифы останавливаются на "беззаботности" Золотого Века, когда природа была щедрой, а тяжелый труд, страдания и боль еще не существовали; другие подчеркивают "вечность", бессмертие такого существования.

Общим фактором для всех этих ранних стадий является то, что психологически они кое-что рассказывают нам о стадии до появления Эго, когда не было деления на сознательный и бессознательный мир. В этом отношении все эти стадии являются до-индивидуальными и коллективными. Не было чувства одиночества — обстоятельства, неизбежно сопутствующего существованию Эго и особенно Эго-сознанию своего существования.

Эго-сознание не только влечет за собой чувство одиночества; оно также приносит в жизнь человека страдание, тяжелый труд, тревогу, зло, болезнь и смерть, как только Эго начинает различать их. Открыв себя, одинокое Эго одновременно постигает отрицательное и определяет свое отношение к нему, так что оно тут же устанавливает связь между этими двумя фактами, принимая свое собственное возникновение — как грех, а страдание, болезнь и смерть — как заслуженное наказание. На все восприятие жизни примитивного человека накладывают отпечаток окружающие его отрицательные воздействия, а также осознание того, что во всем отрицательном, что случается, виноват он сам. Это все равно, что сказать, что для примитивного человека случайностей не существует; все отрицательное исходит от нарушения табу, даже если это нарушение бессознательное. Его мировоззрение или его концепция причин и следствий; в большей

степени имеет эмоциональную окраску, потому что основывается на восприятии жизни, в значительной степени выведенном из равновесия ростом Эго-сознания. Первоначальное уроборическое восприятие жизни ушло, ибо чем более обособленным и самостоятельным становится Эго-сознание человека, тем больше оно ощущает свою собственную незначительность и бессилие. Из-за этого господствующим чувством становится зависимость от существующий сил Теперь исчезает безразличие животного, но исчезает, как сказал Рильке, и "открытый" взгляд.

"И все же теплый и тревожный зверь

изведал также вес и тяжесть горя.

Ведь и ему знакомо то,

что нас так часто поразит: воспоминанье.

Как будто все, к чему стремимся мы,

когда-то было ближе и безмерно нежней, чем ныне.

Здесь — отдалено, там все вблизи дышало.

После прежней так зыбко-мнима новая отчизна.

О, малой твари дивное блаженство —

она родное лоно не покинет;

о счастье мошки, пляшущей под кровом

и в брачный час: весь мир — ей отчий кров."

Но для существа, которым стало Эго , имеет значение только "другое":

"Судьбой зовется это: быть вблизи, вблизи, вблизи — и в вечном отдаленьи".10

Это пребывание в отдаленьи, а не в лоне вызывает мрачное чувство, пронизывающее сознание всегда, когда Эго оказывается обособленным и одиноким.

Это признак человека, которому предстоит противостоять миру, это его горе и его отличительная особенность; ибо то, что поначалу кажется потерей, оказывается положительным приобретением. Но не только; на более высоком уровне человеку и только человеку выпадает существенно важная черта "связанности", потому что он как индивид вступает во взаимоотношения с объектом, будь то другой человек, вещь, мир, его собственная душа или Бог. Тогда он становится частью более высокого и качественно иного единения, которое уже больше не является доэгоидным единением в уроборосе, а представляет собой союз, где Эго, или скорее "я", целостность индивида, остается неприкосновенной. Но это новое объединение также основано на "противоположности", вошедшей в мир с разделением Прародителей Мира и рассветом Эго-сознания.

Только с разделением Прародителей Мира мир стал двойственным, как повествует еврейский мидраш. Это разделение обусловлено Фундаментальным расколом на

сознательную часть личности, Центром которой является Эго, и намного большую бессознательную часть. Это разделение вызывает также модификацию принципа амбивалентности. В то время как первоначально противоположности могли функционировать бок о бок без чрезмерного напряжения и без исключения друг друга, то теперь, с развитием и совершенствованием противоположности между сознательным и бессознательным, они расходятся порознь. То есть, теперь уже невозможно в одно и то же время любить и ненавидеть объект. Эго и сознание отождествляют себя в принципе с одной стороной противоположности и оставляют другую в бессознательном, либо не допуская ее проявления вообще, то есть сознательно сдерживая ее, либо подавляя ее, то есть исключая ее из сознания без осознания этого. В этом случае только глубокий психологический анализ может обнаружить бессознательную контрапозицию. Но пока Эго на допсихологическом уровне не осознает этого, оно остается в неведении относительно другой стороны и вследствие этого теряет целостность и завершенность своей картины мира.

Эта потеря целостности и общей бессознательной интеграции с миром переживается как первая потеря; это подлинная утрата, происходящая в самом начале эволюции Эго.

Мы можем назвать эту первичную потерю первичной кастрацией. Однако необходимо подчеркнуть, что первичная кастрация, в отличие от кастрации на матриархальном уровне, не имеет отношения к половым органам. В первом случае разделение и потеря подобны отсечению от большего контекста; на персоналистическом уровне; например, эта потеря ощущается как отделение от материнского тела. Это потеря, обусловленная самим собой, разрыв, осуществленный самим Эго, но все равно переживаемый как потеря и чувстве вины. Это самоосвобождение является отсечением пуповины, а не увечьем; но вместе с ним окончательно разбивается большее единение, тождественность матери и ребенка в уроборосе.

Угроза матриархальной кастрации нависает над Эго, которое не порвало еще своих уз с Великой Матерью, и мы показывали, каким образом для такого Эго потеря себя была символически идентичен потере пениса. Но первичная потеря на стадии разделения Прародителей Мира касается всего индивида, тем самым он становится независимым. Здесь потеря имеет эмоциональную окраску, выражается в чувстве вины и основана на потере participatin mystique.

Избавление от обоеполого уробороса может иметь либо отцовский, либо материнский акцент и может ощущаться как отделение бога-отца или выход из райского, материнского состояния, или к то и другое вместе.

Первичная кастрация совпадает с первородным грехом и потерей рая. В иудейско-христианской культуре древние мифологические темы подверглись сознательному видоизменению и более поздней интерпретации, так что мы находим здесь лишь следы мифа о разделении Прародителей Мира. В литературе нет ничего, кроме слабого отголоска вавилонского варианта, где божественный герой Мардук разрубает змею Тиамат, Мать Хаоса, и строит из ее частей мир. Согласно иудейской концепции Бога и мира, на передний план теперь выходит моральный элемент, знание добра и зла рассматривается как грех, а отказ от первоначального уроборического состояния низводится до изгнания из рая.

Однако эта тема не ограничивается негреческими культурами. Еще в до-сократовские времена Анаксимандр считал, что основа первородного греха — космическая. Он говорит об этом:

"Началом всех вещей является Безграничное. И туда, откуда все они зародились, они снова уходят, как и должно быть; ибо они, согласно временному порядку, возмещают убытки и заглаживают вину друг перед другом за свою несправедливость".[10]

Предполагается, что изначальное единство мира и Бога было расколото каким-то грехом еще до появления человека, и поэтому мир, родившийся из этого раскола, должен нести наказание. Тот же принцип проходит через орфизм и пифагорейство.

С точки зрения гностиков это чувство утраты стало движущей силой мирового развития, хотя они привнесли весьма парадоксальный поворот. Однако, здесь мы не имеем возможности проанализировать его более подробно. В связи с этим сложным ощущением потери существование в мире означало быть одиноким и отрезанным; человек был полностью покинут, предоставлен чуждому элементу. Его первоначальная плероматическая обитель, из которой происходит часть, достойная спасения, является явно уроборической, несмотря на то, что слишком большое внимание уделяется аспектам духа и души. Фундаментальная дуалистическая концепция гностицизма о высшей духовной части и низшей материальной части предполагает разделение Прародителей Мира. Несмотря на это, плерома носит уроборический характер совершенности, целостности недифференцированности, мудрости, изначальности, и.т.д. с тем исключением, что здесь уроборос имеет в большей мере мужской и отцовский характер, сквозь который проблескивают черты женской Софии, в противоположность материнскому уроборосу, где мужские черты менее выражены. Поэтому для гностиков путь к спасению лежит в усилении сознания и возвращении к трансцендентному духу, с потерей бессознательной стороны, тогда как уроборическое спасение через Великую Мать требует оставления сознательной основы и возвращения обратно в бессознательное.

В каббале, как ни в каком ином культурном явлении, четко можно видеть, насколько сильны эти основные архетипические образы психики. Иудаизм всегда пытался исключить тенденцию мифологизации и всю сферу психики в пользу сознания и морали. Но в эзотерических доктринах каббалы, которая является скрытым пульсирующим источником жизненной силы Иудаизма, тайно продолжало существовать компенсирующее противоположно направленное движение. Каббала не только открывает большое количество архетипических доминант, но через них она оказывает существенное воздействие на развитие и историю Иудаизма.

Так, в трактате, касающемся доктрины зла в Лурианской каббале, мы читаем:

"Человек не является лишь конечной целью творения, его владения не ограничиваются лишь этим миром, а от него зависит совершенствование высших миров и самого Бога".

Это высказывание, подчеркивающее антропоцентрическую интерпретацию каббалы, лежит в основе следующего заявления:

"С точки зрения каббалы, первородный грех по существу состоял в следующем: Богу был нанесен вред. Относительно сущности этого вреда имеются, различные мнения. Наиболее общепринятое заключается в том, что Первый. Человек, Адам Кадмон, разделил Царя и Царицу, разбил союз Шекины с ее супругом и отделил ее от всей иерархии Сефирот".[11]

Здесь мы видим древний архетип разделения Прародителей Мира, но в таком состоянии чистоты, какое не было известно даже гностикам, которые, вполне возможно,

могли оказать влияние на каббалу. Говоря в общем, влияние гностицизма кажется в высшей степени сомнительным в том, что касается многочисленных отрывков, где в каббалистических писаниях встречаются архетипические формулировки и образы, как например, в случае Натана из Гачы, последователя и вдохновителя Саббатая Цеви*.[12]

Мы должны смириться с тем, что это влияние, как и теорий миграции, является второстепенным, и вместо него мы будем основываться на открытии Юнга, впоследствии подтвержденном всем глубинным психологическим анализом, о том, что архетипические образы действуют в каждом человеке и проявляются спонтанно всегда, когда активируется слой коллективного бессознательного.

Первичное деяние, разделение Прародителей Мира в Великих религиях теологизировано. Предпринимается попытка логически обосновать и морализировать явное чувство неполноценности, свойственное освободившемуся Это. Понимаемое как грех, отсупничество, бунт, непослушание, это освобождение в действительности является фундаментальным освободительным актом человека, который избавляет его от ярма бессознательного и утверждает его как Эго, как сознательного индивида. Но в связи с тем, что этот акт, подобно всякому поступку и всякому освобождению, влечет за собой жертвы и страдания, решение предпринять такой шаг является еще более важным.

Разделение Прародителей Мира является не просто прекращением первоначального сожительства и разрушением совершенного космического состояния, символизируемого уроборосом. Этого самого по себе или в связи с тем, что мы назвали первичной потерей, было бы достаточно, чтобы вызвать чувство первичной вины, именно потому, что уроборическое состояние по своей природе является состоянием целостности, охватывающим мир и человека. Однако решающим моментом является то, что это разделение переживается не только как пассивное страдание и утрата, но также как активно деструктивное деяние. Символически оно тождественно убийству, жертвоприношению, расчленению и кастрации.

Весьма поразительно, что именно то, что теперь отношение материнского уробороса к юному любовнику переносится на сам уроборос. В мифологии часто описываются как кастрация бога-отца богом-сыном, так и расчленение первичного дракона и создание из него мира. Увечье — тема, популярная также и в алхимии — является условием всего творения. Таким образом, здесь мы имеем дело с двумя архетипическими темами, безусловно, составляющими одно Целое и характерными для всех мифов о сотворении. Без умерщвления старых родителей, их расчленения и нейтрализации не может быть начала. Нам придется несколько подробнее остановиться на той проблеме убийства родителей. Она, несомненно, влечет за собой истинное и неизбежное чувство вины.

Освобождение юного любовника от уробороса начинается с действия явно отрицательного, с акта разрушения. Его последующая психологическая интерпретация позволяет нам понять символическую сущность "мужественности", лежащей в основе всего сознания.

Мы изобразили юношеское продвижение к независимости и освобождению как "саморазделение". Осознание себя, осознание вообще, начинается с заявления "нет" уроборосу, Великой Матери, бессознательному. Внимательно изучая действия, создающие сознание и Эго, мы должны признать, что прежде всего они все являются действиями отрицательными. Отделить, отличить, выделить, обособить себя от окружающего контекста — вот первичные действия сознания. Типичным примером этого процесса является экспериментирование как научный метод: разрывается естественная

связь, что-то изолируется и анализируется, ибо девизом всего сознания является determinatio est negatio."

Против тенденции бессознательного соединять и растворять, говорить всему "tat tvam asi" — "то есть ты" — сознательное возражает ответом "Я не есть то".

Формирование Эго может происходить только посредством различения не-Эго, а сознание появляется только там, где оно отделяет себя от бессознательного; индивид приходит к индивидуальности, только когда он выделяет себя из анонимного коллективного.

Разрушение уроборического исходного состояния приводит к дифференциации в двойственности, к расколу первичной амбивалентности, разъединению гермафродитной конституции и разделению мира на субъект и объект, на внутреннее и внешнее и к появлению добра и зла, которые выделяются только с изгнанием из уроборического Райского Сада, где противоположности сосуществуют бок о бок. Вполне естественно, что как только человек становится сознательным и обретает Эго, он начинает ощущать себя разделенным, так как существует также и мощная другая сила, противовес процесса становления сознания. Его охватывают сомнения, и пока его Эго остается незрелым, эти сомнения могут привести к отчаянию или даже к самоубийству, то есть убийству Эго, или самоувечью, приводящему к смерти в Великой Матери.

Пока юношеское Эго окончательно не упрочится и не будет в состоянии стоять на своих собственных ногах, что, как мы увидим возможным только после успешной борьбы с драконом, оно остается непрочным. Эта непрочность обусловлена внутренним расколом на две противоположные психические системы, из них сознательная система, с которой Эго отождествляет себя, все еще слаба, неразвита и имеет несколько смутное представление о сути своей специфической основы. Эта внутренняя непрочность, принимая, как мы сказали, форму сомнения, вызывает два комплиментарных явления, характерных для юношеской стадии. Первое — это нарциссизм с его чрезмерным эгоцентризмом, самодовольством и поглощенностью самим собой; второе — это Weltschmerz.

Нарциссизм является неизбежной переходной фазой в период консолидации Эго. Освобождение Эго-сознания от рабского подчинения бессознательному приводит, как и всякое освобождение, к преувеличению своего собственного положения и значения. "Возмужание Эго-сознания" сопровождается умалением места его рождения — бессознательного. Это умаление бессознательного ведет в том же направлении, что вторичная персонализация и истощение эмоциональных компонентов (см. Часть II). Значение всех этих процессов заключается в укреплении основы Эго-сознания. Но этой линии развития присуща опасность, состоящая в преувеличенном самомнении, мегаломаниакальном Эго-сознании, которое считает себя независимым от всего и которое начинается с обесценивания и подавления бессознательного и заканчивается полным его отрицанием. Переоценка Эго, как признак незрелого сознания компенсируется депрессивным саморазрушением, которое в форме Weltschmerz и ненависти к самому себе часто заканчивается самоубийством. Все это — характерные симптомы возмужания.

Анализ этого состояния открывает чувство вины, первопричина которого трансперсональна, то есть выходит за рамки сложностей персоналистического "семейного романа". Отвратительное деяние разделения Прародителей Мира представляется как первородный грех. Но — и это важный момент — в известном смысле обвинение выдвигает не Эго, а именно Прародители Мира, само бессознательное. Как представитель

древнего закона, уроборическое бессознательное борется за то, чтобы не допустить освобождения своего сына, сознания, и таким образом мы снова оказываемся в сфере деятельности Великой Матери, которая хочет уничтожить сына. До тех пор пока Эго-сознание соглашается с этим обвинением и принимает смертный приговор, оно ведет себя как сын-любовник и подобно ему кончит самоуничтожением.

Совсем иная ситуация, когда сын меняется ролями с Ужасной Матерью и занимает ее деструктивную позицию, только не по отношению к себе, а по отношению к ней. Этот процесс мифологически представлен как борьба с драконом. Суммируя изменение личности, к чему мы вернемся позднее, как следствие этой борьбы, мы можем сказать, что психологически данный процесс соответствует формированию сознания, "высшего Эго " героя и откапыванию зарытого сокровища, Знания. Тем не менее Эго вынуждено ощущать свою агрессию как вину, потому что убийство, расчленение, кастрация и жертвоприношение оставляют чувство вины, даже если служат необходимой цели, покорению такого врага, как дракон уроборос.

Это уничтожение тесно связывается с актом приема пищи и ассимиляцией и часто представляется в такой форме. Формирование сознания идет рука об руку с дроблением мирового континуума на отдельные объекты, части, фигуры, которые лишь после этого могут быть ассимилированы, присоединены, интроецированы, осознаны — одним словом "съедены". Когда герой-солнце, будучи nроглочен драконом тьмы, вырезает и съедает его сердце, он принимает в себя сущность этого объекта. В результате агрессия, разрушение, расчленение и убийство тесно связываются с соответствующими телесными функциями принятия пищи, жевания, кусания и особенно с символизмом зубов как инструмента этих видов деятельности, существенно важных для формирования независимого Эго. В этом заключается более глубокий смысл агрессии на протяжении ранних) фаз развития. Будучи далеко не садистской, она представляет собой: положительную и обязательную подготовку к ассимиляции мира.

Но именно вследствие изначальной связи с миром природы, примитивный разум всегда считал убийство, даже уничтожение животных и растений, преступлением против мирового порядка, требующим искупления. Души убитых, если их не умилостивить, будут мстить. Боязнь мести сильных мира сего за разделение Прародителей Мира и за преступное освобождение человека от власти божественного уробороса — источник страха и вины, первородный открывающий историю человечества.

Борьба с этим страхом, с опасностью снова оказаться погруженным в первичный хаос вследствие регрессии, которая уничтожь достигнутое освобождение, во всех своих модуляциях представляется в борьбе с драконом. Только лишь после нее сознание и Эго могут прочно утвердиться. Сын Прародителей Мира должен проявить себя героем в этой борьбе; новорожденное и беспомощное Эго должно трансформировать себя в родителя и завоевателя. Победивший герой символизирует новое начало, начало сотворения, но сотворения посредством рук человека, называемого культурой, в противоположность естественному сотворению, дарованному человеку в начале и предшествующему его воле.

Как мы уже указывали, то, что бессознательное считается преимущественно женским, а сознание — преимущественно мужским, согласуется с сознательно-бессознательной структурой противоположностей. Эта связь очевидна, потому что бессознательное, способное как порождать, так и уничтожать, поглощая, имеет женские свойства. Женское мифологически понимается как аспект этого архетипа; уроборос и Великая Мать, оба, являются женскими доминантами, и все управляющие ими психические формации находятся под господством бессознательного. И наоборот, его противоположность,

система Эго-сознания, является мужской. С ней связываются качества воли, решительности и активности, в противопоставление детерминизму и слепым "побуждениям" досознательного состояния, до появления Эго.

Развитие Эго-сознания, как мы описали его в общих чертах, состояло в постепенном освобождении от подавляющих объятий бессознательного, мощно действующих со стороны уробороса и в меньшей степени со стороны Великой Матери. Рассматривая этот процесс более внимательно, мы обнаружили, что его центральными моментами являлись растущая независимость мужественности, первоначально присутствующей только в зародыше, и систематизация Эго-сознания, лишь самые незначительные следы чего обнаруживаются в ранней истории человечества, так же, как и в раннем детстве.[13]

Сознательная система Эго, представленная нами как "мужская" — термин, продиктованный не прихотью, а мифологией — также присуща и женщине, и ее развитие так же важно для ее культуры, как и для культуры мужчины. И обратно, "женская" система бессознательного также свойственна мужчине и, как и у женщины, определяет его естественное существование и его отношение к созидательному фону. Но здесь мы должны указать на существенное различие в структуре мужчины и женщины, чему никогда не уделялось достаточного внимания. Мужчина воспринимает "мужскую" структуру своего сознания как свою собственную особенность, а "женское" бессознательное как нечто чуждое ему, тогда как женщина чувствует себя чужой в сознании и как Дома в бессознательном.

Таким образом, стадия разделения Прародителей Мира, инициирующего независимость Эго и сознания вследствие появления принципа противоположностей, является также стадией растущей мужественности. Эго-сознание находится в мужественной оппозиции женскому бессознательному. Усиление сознания поддерживается установлением запретов и моральных позиций. Заменив невольное побуждение преднамеренным действием, они разграничивают сознательное и бессознательное. Значение ритуала, независимо от тех полезных результатов, которые примитивный человек ожидает от него, заключается именно в укреплении сознательной системы. Магические формы, приводящие архаичного человека к согласию со своим окружением, являются, кроме всего прочего, антропоцентрическими системами господства над ., миром. В своих ритуалах он делает себя ответственным центром космоса; от него зависит восход солнца, богатство урожая и все деяния богов. Эти проекции и различные приемы, выделяющие из толпы . Великих Индивидов в качестве вождей, знахарей или божественных царей, демонов, духов и богов, выкристаллизовываются из неразберихи неопределенных "сил". Они выражают процесса центрирования, устанавливающий порядок в хаосе бессознательных событий и предоставляющий возможность сознательного действия. Хотя природа и бессознательное обычно воспринимаются примитивным человеком как область невидимых сил, где нет места случаю, жизнь зародыша Эго остается хаотической, темной и непостижимой до тех пор, пока невозможна ориентация по отношению к этим силам. Но ориентация приходит через ритуал, через покорение мира посредством магии, устанавливающей мировой порядок. Хотя этот порядок отличен от установленного нами, связь между нашим сознательным порядком и магическим порядком примитивного человека можно доказать во всех отношениях. Важно то, что сознание как действующий центр предшествует сознанию как когнитивному центру, точно так же, как ритуал предшествует мифу или магическая церемония и этический поступок предшествуют научному взгляду на мир и антропологическим знаниям; Общим центром для сознательного действия через волеизъявление и для сознательного знания через познание является, тем не менее, Эго,

Под воздействием внешних сил оно постепенно развивается в действующую силу, и открывшиеся ему знания поднимают его из состояния подавленности к свету сознательности. И опять же, этот процесс вначале происходит не в коллективе, а только в выдающихся, то есть дифференцировавшихся индивидах, типичных носителях группового сознания. Они — указующие предвестники И лидеры, за которыми следует группа. Ритуальный брак между ополодотворителем и богиней земли, между царем и царицей, становится примером для всех браков между членами коллектива. Бессмертная душа божественного царя Осириса становится бессмертной душой абсолютно каждого египтянина, точно так же, как Христос Спаситель становится Христовой душой каждого христианина, "я" внутри нас. Таким же образом функция вождя, заключающаяся в волеизъявлении и принятии решения, становится моделью для всех последующих действий свободного волеизъявления Эго индивида; и функция установления законов, первоначально приписываемая Богу, а позднее личности, наделенной малой, в современном человеке стала внутренним судом его совести.

Мы будем обсуждать этот процесс интроекции позднее, но на данный момент определим маскулинизацию сознания и ее теоретическое значение следующим образом: вследствие маскулинизации и освобождения Эго-сознания, оно становится "героем". Представленное в мифах предание о герое является историей этого самоосвобождения Эго, его борьбы за освобождение от власти бессознательного и за то, чтобы в противостоянии значительно превосходящим силам удержать свою собственную позицию.

[1] Andersen, Myth and Legends of the Polynesians, pp.367-68.

[2] The Worship of Nature, p.26.

[3] Cassirer, The Philosophy of Symbolic Forms, trans. Manheim, Vol. II, p.96.

[4] Брихадараньяка упанишада I. 4. 1-3. Щит. по: Упанишады, в 3-х книгах. М.: Наука, 1992. Книга 1. - Прим, ред.]

[5] Хороню известный пример participation mystique между человеком и животным, который приводит von den Steinen, Unter den Naturvolkern Zentral-Brasiliens, p.58.

[6]Чхандогья упанишада. III. 19. 1-3. [Цит. по Упанишады. В 3-х книгах. М.: Наука, 1992. Книга 3. Стр. 82. - Прим. ред.]

[7] The Philosophy of Symbolic Forms.

[8] Danzel, Magie und Geheimwissenschaft, pp.31 f.

[9] [Ссылка на работу Юнга Wirklichkeit der Seele. — Прим, перев. |

[10]Рильке. Восьмая элегия. [Цит. по: Р. М. Рильке. Новые стихотворения. М.: Наука, 1977. Перев. Г. Ратгауза. — Прим. ред].

[11] Перевод Burnet, из Greek Philisophy, p.52. Fishby, "The Doctrine of Evil and the 'Klipah' in the Lnrian Cabala".

[12] Srholem, Majior Trends in Jewish Mesticism, pp.283 f.

[13]Позднее нам нужно будет рассмотреть, насколько женские доминанты, Уроборос и Великая Мать, отличаются в отношении их роли в сравнительной психологии мужчин и женщин.

В. Миф о герое

РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

С мифом о герое мы вступаем в новую фазу поэтапного развития. Происходит радикальный сдвиг центра тяжести. Во всех мифах о сотворении доминантной чертой являлось космическое качество мифа, его универсальность; но теперь миф фокусирует внимание на мире как на центре вселенной, на месте нахождения человека. С точки зрения стадиального развития это означает, что Эго-сознание человека стало независимым, но также и то, что вся его личность отделилась от естественного контекста окружающего мира и бессознательного. Хотя разделение Прародителей Мира является, строго говоря, интегральной частью мифа о герое, то, что на стадии разделения могло быть представлено только космическими символами, теперь вступает в фазу очеловечивания и формирования личности. Таким образом, герой является архетипическим предшественником человечества в целом. Его судьба — образец, в соответствии с которым должно жить человечество, и всегда жило, хотя нерешительно и непоследовательно; и как бы далек ни был миф о герое от образа идеального человека, он стал неотъемлемой частью личностного развития каждого индивида.

Процесс маскулинизации наконец окончательно кристаллизуется и оказывается определяющим для структуры Эго-сознания. С рождением героя начинается основная борьба — борьба с Первыми Родителями. Эта проблема, в личностной и трансперсональной форме, имеет господствующее влияние на все существование героя, его Рождение, его сражение с драконом и его трансформацию. Овладевая своей мужской и женской стороной, которые не следует рассматривать как "отцовскую" и "материнскую", и выстраивая внутреннее ядро личности, интегрируя в ее структуре старые и новые стадии, герой завершает модель развития, коллективно воплощенную в мифологических проекциях мифа о герое, и оставила индивидуальные следы в становлении человеческой личности (Часть II).

Реальное значение битвы с драконом, или, скорее, убийства Прародителей Мира, можно понять, только если мы более глубоко исследуем сущность героя. Однако сущность героя тесно связана с его рождением и с проблемой его двойственного происхождения.

Центральный момент в каноне мифа о герое — то, что герой имеет двух отцов и двух матерей. Кроме собственного отца у него есть еще "высший", то есть, архетипический отец, и точно так же, рядом с его собственной матерью появляется фигура архетипической матери. Это двойное происхождение, существование контрастирующих личностных и трансперсональных родительских фигур, и составляет драму жизни героя. Важная часть анализа сражения с драконом уже была изложена в Психологии бессознательного Юнга;[1] но ранний вариант этой работы требует, чтобы обсуждаемая в ней проблема была скорректирована, дополнена и систематизирована с позиции последних открытий аналитической психологии.

Неопределенность проблемы Первых Родителей, ее двойственное и даже противоречивое значение и сегодня привносит путаницу в наши аналитические методики. Для истинного понимания рассматриваемых явлений необходимо окончательно избавиться даже от намека на Эдипов комплекс, преследующий наши западные умы. Эти явления имеют фундаментальное значение для будущего психологического развития

западного человека, и, следовательно, они затрагивают также и его этическое и религиозное развитие.

Как указал и вполне обосновано доказал А. Джеремиас,[2] сущность мифологического канона героя-спасителя состоит в том, что он не имеет отца или матери, что один из его родителей часто божественен, и что мать героя часто является самой Матерью Богиней или же обручена с богом.

Эти матери являются матерями-девственницами. Но это не значит, что психоаналитики верно интерпретируют этот факт.[2a]

Как и повсюду в древнем мире, девственность просто означает, отсутствие принадлежности какому-либо мужчине персонально; девственность в сущности священна не потому, что является состоянием физической нетронутости, а потому, что представляет состояние психической открытости Богу. Мы видели, что девственность, является существенно важным аспектом Великой Матери, ее дательной силы, не зависящей не ни от какого супруга. Но в Великой Матери присутствует также и порождающий мужской элемент. На уроборическом уровне этот элемент анонимен; позднее он становится подчиненной Великой Матери фаллической энергией, а еще позднее появляется рядом с ней как ее супруг. И, наконец, в патриархальном мире ее свергает с престола принц консорт и она оказывается в подчинении.[3]

Рождение героя определенно приписывается девственнице. Девственница и Левиафан, которого должен победить герой (Рис.22 и 23) — это два аспекта архетипа матери: рядом с темной и ужасной матерью стоит другая, светлая и милосердная. И точно так же, как страшный драконов аспект Великой Матери, "Старуха Запада", является вечным архетипом человечества, так и дружелюбный аспект, щедрая, вечно прекрасная Дева Мать героя-солнца выражается в бессмертном архетипе "Девушки Востока", несмотря на переход от матриархата к патриархату.[4]

Кедешот, как и все непорочные матери героев вплоть до Девы Марии, являются типичными примерами отождествления с женщиной богом — например, Ашторет — которая в объятиях мужчины готова отдаться только чему-то трансперсональному, богу и никому, кроме бога. Эта особенность женской психологии будет рассмотрена в другом месте. В настоящем контексте имеет значение только ее отношение к надличностному. В результате, кроме девственных матерей, существуют другие. Для них мужчины являются просто пустым местом, как Иосиф для Марии, или появляются только как смертные отцы смертного из близнецов. Возникает ли порождающее божество в виде чудовища или Голубя Святого Духа, и превращается ли Зевс в молнию, золотой дождь (Рис.24) или в животное — значения не имеет. Важный момент в отношении рождения героя -его исключительная, сверхчеловеческая или нечеловеческая сущность исходит от чего-то исключительного, сверхчеловеческого или нечеловеческого — другими словами, считается, что он зачат демоном или божеством. В то же время сущность мифа состоит в полной поглощенности матери событием рождения и особенно рождения героя. Ее удивление по поводу того, что она родила нечто исключительное только подчеркивает факт рождения как таковой. Подчеркивает, в частности, чудо того, что женщина способна произвести Из себя мужчину. Это чудо, как мы знаем, первоначально приписывалось женщинами примитивной культуры нуминозному, ветру или родовым духам. Такие допатриархальные взгляды предшествовали времени, когда причиной деторождения стали считать половой акт следовательно, связывать его с мужчиной. Первоначальное восприятие женщиной рождения является матриархальным. Отец ребенка — не мужчина: чудо деторождения исходит от Бога. Таким образом, на матриархальной стадии правит не

отец как личность, а трансперсональный предок или сила. Созидательная энергия женщины оживает в чуде рождения, благодаря которому она становится "Великой Матерью" и "Богиней Землей". В то же время именно на этом глубочайшем и самом архаичном уровне непорочная мать и невеста Бога является живой реальностью. Бриффо показал, что невозможно понять раннюю историю человечества с патриархальной позиции, потому что она является продуктом более позднего развития, повлекшим за собой многочисленные переоценки. Соответственно, первичные изображения матерей героев как девственниц, обрученных с божеством, воплощают существенные элементы женского допатриархального восприятия. Эту раннюю матриархальную стадию очень легко увидеть в более поздних, патриархальных трансформациях мифа о герое. В самом начале Великая Мать была единственным истинным творцом — как Исида, возродившая мертвого Осириса (Рис.29) — позднее же ее оплодотворяет надличностный и божественный предок. Как мы видели, этот бог впервые появляется в древнем ритуале плодородия как обожествленный Царь. Он постепенно укрепляет свое положение, пока в конце концов не становится Царем-Богом. Самую раннюю матриархальную стадию можно видеть в Египте, на Празднике в Эдфу,[5] где, сопровождаемые оргиями, торжественные "брачные объятия Гора" при»:;; водили к непосредственному зачатию юного Гора-Царя. Здесь зачинающий и зачатый все еще являются одним лицом, как это было в сфере господства Великой Матери. Фигура непорочной невесты Бога имеет аналогию на празднестве в Луксоре, где царственная жрица Хатор соединяется в вековечном додинастическом ритуале с богом солнца для рождения божественного сына. Позднее, в патриархальные времена, эту роль взял на себя царь, представляющий бога-солнца. Двойная сущность бога и царя ясно выражается в словах "Они нашли ее спящей в роскоши дворца". После слова "они" Блэкман добавляет в скобках "сочетание бога и царя". Двойная сущность отца воспроизводится в сыне Горе, которого он зачинает и который является "сыном своего отца и в то же время сыном верховного Бога.[6]

Эта двойственность героя появляется также в архетипической теме Братьев-Близнецов, одном смертном, другом бессмертном Самый очевидный пример этого — греческий миф о Диоскурах. мать в одну и ту же ночь зачала бессмертного сына в объятиях Зевса и смертного сына в объятиях своего мужа Тандарея. Геракл также был зачат Зевсом, а его брат-близнец - Амфитрионом. Также и мать Тесея в одну и ту же ночь была оплодотворена Посейдоном и Царем Эгеем. Существует бесчисленное количество других героев — сыновей смертных матерей и бессмертных богов. Кроме Геракла и Диоскуров, нам хотелось бы упомянуть в качестве примеров только Персея, Иона, Ромула, Будду, Карну и Зороастра.[7]

Очевидно, что во всех этих случаях понимание двойственной сущности героя, которая стала фактором такого исключительного исторического значения, уже больше не обусловлено исключительно женским представлением о рождении.

Во-первых, из-за того, что герой отклоняется от человеческой нормы, он представляется героем и божественно зачатым существом самому человечеству, коллективному. Во-вторых, идея внутренней двойной сущности героя исходит от его собственного представления о самом себе. Он является человеческим существом, таким же как и другие, смертным и коллективным, как и они, однако в то же самое время ощущает себя чужаком по отношению к обществу. Он открывает в себе нечто — хотя и "принадлежащее" ему и являющееся, так сказать, его частью — что он может описать только как странное, необычное, богоподобное. В процессе того, как его возвеличивают как деятеля, провидца и творца, он ощущает себя человеком "вдохновенным", совершенно исключительным, сыном бога. Таким образом, из-за отличия от других, герой воспринимает своего трансперсонального родителя совершенно иначе, чем земного отца,

с которым разделяет свою телесную и коллективную сущность. С этой точки зрения мы можем понять также и раздвоение фигуры матери. Женским воплощением божественной родительницы героя является уже не "личностная мать", а также надличностная фигура. Мать, которой он обязан своим существованием в качестве героя — это непорочная мать, к которой является бог. Она также представляет собой "духовную" фигуру с трансперсональными характеристиками. Она существует рядом с личностной матерью, которая выносила его в своем теле, и то ли как животное, то ли как кормилица, выкормила его. Таким образом, родительские фигуры героя дублируются, и имеют как личностный, так и трансперсональный характер. Их смешение друг с другом и особенно проекция надличностного образа на личностных родителей является постоянным источником проблем в детстве.

Трансперсональный архетип может появляться в трех формах: как щедрая и кормящая Мать Земля, как Мать Девственница, оплодотворенная богом, и как хранительница сокровищ души. В мифах эта неопределенность часто выражается как конфликт между кормилицей и принцессой и т.п. С фигурой отца ситуация более сложна, потому что архетипический Отец-Земля редко появляется в патриархальные времена. По причинам, еще требующим изучения, личностный отец обычно возникает как "мешающая" фигура рядом с божественным родителем. Однако непорочная мать, рождающая героя после божественного оплодотворения, является духовной женской фигурой, открытой небесам. Она имеет множество форм, начиная от невинной девственницы, которой овладевает небесный посланник, и юной девушки, принимающей бога в экстазе страстного желания, до скорбной фигуры Софии, рождающей божественного сына, Логоса, зная, что он послан Богом и что судьба героя — страдания.

Рождение героя и битву с драконом можно понять только тогда, когда осмыслено значение мужественности. Только с мифом о герое Эго занимает достойное место как носитель мужественности. Поэтому необходимо прояснить символическую сущность мужественности. Такое прояснение существенно важно, чтобы отличать "мужское" от "отцовского", тем более, что ошибки психоанализа, обусловленные ошибочной интерпретацией так называемого Эдиповой; комплекса и тотемной мифологии, привели к величайшей путанице

Пробуждающееся Эго воспринимает свою мужественность, то есть; свое все более и более активное самосознание как хорошее и плохое) одновременно. Оно выталкивается из материнского лона и обретает себя, отличая себя от этого лона. В социологическом смысле мужчина, вырастая и становясь независимым, также выталкивается из первоначальной среды так сильно, что начинает ощущать и акцентировать своё собственное отличие и неповторимость. Одно из фундаментальных переживаний мужчины заключается в том, что рано или поздно он должен воспринять среду, в которой первоначально жил в participd tion mystique, как "Ты", не-Эго, нечто отличное и чужое. Здесь, как и везде в данном фундаментальном обзоре развития сознания, Мы должны избавиться от предубеждения патриархальной семейной ситуации. Первоначальное состояние человеческой группы можно назвать до-патриархальным, если мы хотим избежать несколько сомнительного термина "матриархальное".

Даже у животных молодое поколение самцов часто изгоняется и мать остается с молодыми самками.[8]

Первичная матриархальная семейная группа матерей и детей с самого начала предполагает, что молодой мужчина будет иметь большую склонность к скитаниям. Даже если он остается в матриархальной группе, то будет объединяться с другими мужчинами,

чтобы образовать группу охотников или воинов, которая координируется с женским центром матриархата. Эта мужская группа неизбежно является подвижной и предприимчивой; более того, она находится в ситуации постоянной опасности и поэтому имеет дополнительный побуждающий стимул для развития своего сознания. Возможно, уже здесь возникает контраст между психологией мужских групп и матриархальной психологией женщины.

Матриархальная группа, в связи с общая эмоциональностью матерей и детей, привязанностью к месту и сильной инерция, в значительной степени связана с природой и инстинктами. Менструация, беременность и периоды лактации активируют инстинктивную сторону и усиливают вегетативную сущность женщины, что до сих пор свойственно и психологии современной женщины. Кроме этого, существует сильная связь с землей, возникшая с развитием огородничества и сельского хозяйства — традиционно женских занятий — и в связи с зависимостью этих занятий от природных ритмов. Усиление participation mystique как следствие того, что матриархальная группа живет в тесном соприкосновении ее .членов в пещерах, домах и деревнях, также играет свою роль. Все эти факторы усиливают погружение в бессознательное, что является характерной чертой женской группы.

С другой стороны, мужская группа, путешествующая, занимающаяся охотой и войнами, представляла собой кочевую группу воинов еще задолго до того, как одомашнивание животных привело к появлению кочующих объединений пастухов, даже если эта группа имела свое постоянное место жительства вокруг матриархального семейного ядра.

Матриархальная система экзогамии препятствует формированию мужских групп, потому что мужчинам приходится жениться вне своего племени, из-за чего они рассеиваются и вынуждены жить матрилокально, как чужаки в племени жены.[9]

Мужчина выступает чужаком в том клане, куда переходит после Женитьбы, но и как член своего собственного клана он также отдаляется от своего дома. То есть, когда он живет матрилокально, там, где живет его жена, а первоначально так было всегда, он является чужаком, его только терпят, а в своем родном клане, где его права все еще остаются действительными, он живет только от случая к случаю. Как показал Бриффо, такой обычай укрепляет автономию женской группы, так как женская линия идет от бабушки к матери и от матери к дочери, в то время как формирование мужских групп нарушается. Поэтому точка зрения Прейсс относительно мужской группы верна, особенно если ядро общины представлено матриархальным континуумом матерей, женщин и детей:

"Следовательно, мы должны заключить, что братья, как интегральные части целого, состоящего из родителей и детей, в самом начале находятся в постоянной опасности не устоять перед женским влиянием, если не смогут освободиться от него, держась абсолютно в стороне. В таком положении оказываются все члены экзогамной группы".[10],

Наверное, это одна из причин возникновения мужских союзов. Со временем мужская группа неуклонно набирает силу, а политические, военные и экономические соображения в конце концов приводят к образованию организованных мужских групп в нарождающемся городе и государстве. Внутри этих групп становление дружеских отношений важнее, чем соперничество, большее ударение ставится на сходство мужчин и на отличие от женщины, чем на взаимную подозрительность.

Место, где мужчина впервые действительно открывает себя — это» юношеская группа, состоящая из молодых мужчин одного возраста Когда он ощущает себя чужаком среди женщин и своим среди мужчин, возникает социологическая ситуация, соответствующая открытию Эго-сознанием самого себя. Но "мужское", как мы говорили; никоим образом не тождественно "отцовскому", и менее всего персонализированной фигуре отца, в отношении которого нельзя предположить, что он имел большое влияние в допатриархальные времена. Женскую группу возглавляют старые женщины, тещи матери; и, как и у многих животных, она образует замкнутую организационную единицу. Ей принадлежит все, включая и мальчик до определенного возраста. Экзогамное принятие мужчины в группу, вследствие подчеркивания его "посторонности", открыв; его для воздействия зловредной тещи — фигуры мощного табу, то время как со стороны какого-нибудь мужского авторитета всякое влияние отсутствует.

В своей первоначальной форме, как система союзов между членами различных возрастных групп, мужская группа была организована на строго иерархической основе. Обряды, которые официально переводили мужчину из одной возрастной группы в другую, представляли собой соответственно обряды инициации. Повсюду эти мужские общества имели огромное значение, не только для развития мужественности и для осознания мужчиной самого себя, но также и для развития культуры в целом.

Эта горизонтальная организация возрастных групп устраняет личностный конфликт в смысле враждебных отношений типа отец-сын, потому что термины "отец" и "сын" отражают групповые характеристики, а не личные взаимоотношения. Старшие мужчины являются "отцами", молодые мужчины — "сыновьями", и эта коллективная групповая солидарность — первостепенна. Конфликты возникают, если вообще возникают, между возрастными группами и имеют скорее коллективный и архетипический характер, чем личный и индивидуальный. Инициации позволяют молодому мужчине подняться вверх по социальной лестнице и выполнять различные функции в группе. Испытания выносливости являются проверкой зрелости и устойчивости Эго; их не следует принимать персоналистически как "месть стариков" молодым, так же, как наши вступительные экзамены являются не местью старшего поколения поднимающемуся молодому, а всего лишь свидетельством зрелости для вступления в коллектив. Почти во всех случаях возраст приносит увеличение влиятельности и значимости, основанное на расширении знаний, обретенных в ходе последовательных инициации, так что пожилые люди имеют мало причин для недовольства.

Мужские общества, тайные общества и товарищеские общества зародились в матриархальных условиях. Они являются естественным дополнением власти матриархата.[11]

Самовосприятие Эго, сознающего свою особую близость с миром мужчин и свое отличие от женской среды, отмечает решающую стадию в его развитии и является непременным условием независимости. Введение в мужскую обитель, где Эго осознает себя — это "таинство", вознаграждающее секретными знаниями, которые всегда окружают "высшую мужественность". Подразумеваемая здесь высшая мужественность не имеет никакого фаллического или хтонического акцента; ее содержание — не сексуальность, как во многих "инициациях девушек, а противоположный полюс, дух, который появляется вместе со светом, солнцем, головой и глазом как символами сознания. Акцентируется именно этот дух, и именно к нему ведут инициации.

Мужчины стоят в одном ряду с отцами, со старейшинами, представляющими собой "оплот закона и порядка",[12] а значит и в одном ряду с мировой системой, которую мы

символически можем назвать "небом", потому что она расположена на противоположном от женской земли полюсе. Эта система охватывает весь священный и магический порядок мира, вплоть до закона и реальности государства. "Небо" в этом смысле — это не обитель Бога или небесное место; оно просто указывает на духовную основу души, которая в мужских культурах порождает не только патриархального Бога, но так же и научную философию. Мы употребляем символическое выражение "небо", чтобы характеризовать эту сложную область в ее целостности, до того как она дифференцировалась, используя с этой целью всеобъемлющий термин в соответствии с мифологическим символизмом древних времен. [13]

Не имеет значения, является ли это "небо" неопределенной массой "сил" или населено определенными фигурами — духами, предками, тотемными животными, богами и т. п. Все они являются пред ставителями мужского духа и мира мужчин и поддерживают связи с неофитом, по принуждению или без него, после его изгнания материнского мира. Поэтому в обрядах инициации юноши, так сказать, проглатываются опекающим духом этого мужского мира и воз рождаются уже скорее как дети духа, а не матери; они — сыновья неба, а не просто сыновья земли. Духовное возрождение означает рождение "высшего человека", который даже на примитивном уровне не ассоциируется с сознанием, Эго и силой воли. Отсюда и фундаментальная связь между небом и мужественностью. В этом заключается "высшая активность" сознательного действия, сознательного знания и сознательного созидания, в отличие от слепого побужден: бессознательных сил. И именно потому, что мужская группа, в соответствии не только с ее "характером", но и с ее социологически: и психологическими тенденциями, требует, чтобы индивид действовал независимо как ответственное Эго, инициация в мужское общество всегда связана с испытанием и укреплением сознания, тем, что — мифологически говоря — может быть названо "зарождением высшей мужественности".

Огонь и другие символы бодрствования и бдительности играют важную роль в обрядах инициации, где юноши должны "бодрствовать и наблюдать", то есть учиться одолевать тело и инерцию бессознательного, борясь с усталостью. Сохранение бодрствующего состояния и выносливость по отношению к страху, голоду и боли выступают вместе как существенные элементы укрепления Эго и тренировки воли. К тому же, обучение и посвящение в передаваемые из поколения в поколение знания в такой же мере являются частью обрядов, как и свидетельством силы воли, которая должна быть передана. Критерием мужественности является неустрашимая воля, . способность быстро встать на защиту Эго и сознания, если возникает необходимость, и способность подчинять себе бессознательные импульсы и детские страхи. Даже сегодня обряды инициации при достижении половозрелости все еще имеют характер посвящения в тайный мир мужского духа. Скрыт ли этот дух в массе родовых мифов, законах и обычаях коллектива или в таинствах религии — все едино. Все это — различные по своему статусу и положению выражения одного и того же мужского духа, который является характерной принадлежностью мужской группы.

Поэтому женщинам под, страхом смерти запрещается присутствовать при инициации, и поэтому первоначально их не допускали в места богослужения во всех мировых религиях. Мужской мир, представляющий "небо", символизирует закон и традицию, богов былых времен, поскольку они были мужскими богами. Не случайно, что вся человеческая культура, а не только одна Западная цивилизация, является мужской по своему характеру, от Греции и иудейско-христианской культуры до Ислама и Индии. Хотя вклад женщины в эту культуру невидим и главным образом бессознателен, мы не должны недооценивать его значение и масштаб. Однако мужская направленность ведет к большей координации духа, Эго, сознания и воли. Так как мужчина открывает свое истинное "я" в сознании и

является чужим в бессознательном, которое он неизбежно должен воспринимать как женское, развитие мужской культуры означает развитие сознания.

Исторически говоря, нам кажется, что для развития "неба" и духовного мира мужчины большое значение имеет явление тотемизма. Ибо это явление, хотя и зародилось в матриархальную эпоху, по своему духу определенно мужское.

Отождествление с порождающим духовным началом является исключительно важным фактором в жизни примитивных людей. Здесь так же Фрейд сделал существенное открытие, хотя исказил и неправильно понял нечто еще более существенное. Тотем действительно является частично отцом, но он никогда не имел личностного характера, а тем более характера персонализованного отца. Напротив, вся суть ритуала заключается в том, чтобы порождающий дух воспринимался как что-то отдаленное и отличное, и вместе с тем "духовно близкое". Вот почему очень часто тотем — это животное, но он может быть также растением или даже вещью. Хотя душа примитивного человека намного ближе к "вещам", чем мы, он может установить свою тождественность с ними только посредством магических обрядов. Его ритуальное вступление в духовный мир родового тотема с помощью преобразующей маски указывает на то, что трансперсональное нуминозное должно восприниматься как источник, откуда он, как посвященный, ведет свое существование. Таково значение всех ритуалов, где необходимо переступить границы чисто: личностного. Инициация возмужания, как и все инициации, направлена на создание чего-то сверхличностного, а именно сверхличностной и коллективной части индивида. Поэтому создание этой части является вторым рождением, новым поколением, идущим от муже кого духа, и сопровождается передачей тайных доктрин, родовых и космических знаний, чтобы оборвать все узы с чисто семейным существованием незрелых индивидов.

Мужская группа является местом рождения не только сознан и "высшей мужественности", но также индивидуальности и героя. Мы не раз говорили о связи центроверсии с развитием Эго. Тенденция к цельности, которую представляет центроверсия, действует совершенно бессознательно в самой ранней фазе, но на формируют стадии она проявляется как групповая тенденция. Эта группа в целостность уже больше не совсем бессознательна; она ощущает через проекцию на тотем. Тотем - неопределимая величина, которую различные части группы разделяют в разной мере; другими словами, они бессознательно тождественны ему. С другой стороны, между поколениями существует уходящее в прошлое связующее звено тотем — это предок, но в большей мере в смысле духовного основателя, чем прародителя. В первую очередь он — это нуминозное надличностное духовное существо. Он надличностный, потому что будучи животным, растением или чем-либо еще, является таков не как индивидуальная сущность, не как личность, а как идея, род то есть, на примитивном уровне он — дух, наделенный маной, владеющий магией, являющийся табу, и к нему должно подходить предельной торжественностью.

Это тотемное существо образует основу целого, тотемной общины — скорее естественной биологической организационной единицы, чем духовной или психической структур. Это уже объединение братство в современном смысле, то есть, вид духовного коллектива. Тотем и социальный порядок, зависящий от него, ввиду того, что они "основываются" и зарождаются посредством духовного акта совершенно отличаются от матриархальной группы, чисто биологической организационной единицы.

Мы знаем, что существенным содержанием инициации у североамериканских индейцев, и не только у них одних, является обретение индивидуального "духа-хранителя".[14]

Этот дух, живущий в животном или в вещи, привносит в жизнь вновь посвященного, который "роднится" с ним, целый ряд ритуальных обязанностей и обрядов и имеет решающее значение для всех шаманов, жрецов и пророческих фигур в примитивных обществах и во всем классическом мире. Это универсальное явление выражает "личное откровение" Бога, оно может происходить на всех уровнях и принимать любые формы. Развитие тотемизма следует - рассматривать как миссионерскую религию примитивного типа, ибо мы можем предположить, что индивид, если ему было даровано видение духа в обрядах инициации, затем образует группу с другими, имеющими сходный склад ума и приобщает их к единению с духом. Такой способ формирования группы используется по настоящее время в образовании сект; а церемонии инициации примитивных людей, таинство религий древнего мира и великие институционные религии зарождаются по одному и тому же образцу. Основателем тотемизма, ранних форм институционной религии, является жрец-пророк; он пользуется привилегией непосредственного общения со своим индивидуальным духом и передает его культ. Как снова и снова повторяют мифы, он является героем в анналах своего тотема и духовным предком.

Он и тотем составляют одно целое. Вокруг них впоследствии группируется община. Герой и основатель, как личностное, воспринимающее Эго и тотем, воспринимаемый им как духовное существо, составляют одно целое не только в психологическом смысле, когда Духовное "я" каким-либо образом воздействует на Эго. Для общины эти две фигуры также всегда совпадают. Так, Моисей, например, приобретает черты Иеговы, а Богу Любви поклоняются в образе триста. Для Эго и влияющего на него трансперсонального священная формула "Я и Отец едины" всегда остается психологически Действенной, независимо от того, происходит ли это влияние через животное, дух или фигуру отца.

Поэтому дух-тотем и предок, впервые увидевший его, часто встречаются в фигуре духовного "Отца основателя", где слово "основатель" следует понимать буквально как обозначающее духовного создателя или творца. То, что это основание является вдохновенным можно видеть из описания и анализа каждого обряда инициации) каждой тотемной церемонии.

Духовный коллектив, каким мы находим его во всех инициация и во всех тайных обществах, сектах, мистериях и религиях, по существу является мужским, и, несмотря на его общественный характер, существенным образом индивидуальным в том смысле, что каждый человек принимается в него индивидуально, а то, что он при этом переживает, уникально и накладывает отпечаток на его индивидуальность. Индивидуальный акцент и избранный характер группы заметно контрастируют с матриархальной группой, где доминируют архетип Великой Матери и соответствующая стадия развития сознания. В противостоящей группе мужских обществ и тайных организаций преобладает архетип героя и мифология битвы с драконом, что и представляет следующую стадию развития сознания Мужской коллектив является первоисточником всех табу, законов и обычаев, призванных уничтожить власть уробороса и Великой Матери. Небо, отец и дух идут рука об руку с мужественностью представляют победу патриархата над матриархатом. Это не означает, что матриархат не ведает закона; но закон, который правит нем — это закон инстинкта, бессознательного, естественного функционирования, и этот закон, скорее, служит воспроизводству, сохранению и эволюции рода, чем развитию отдельного индивида. С ростом силы сознания мужского Эго биологическая слабость жене» группы беременных или кормящих матерей, детей и т.п. имеет тенденцию увеличивать сознание

власти у защищающей группы воинов. Положение мужчин укрепляет Эго и сознание, точно так же как положение женщин укрепляет инстинкт и группу. Охота и война благоприятствуют развитию индивидуального Эго, способного ответственно действовать в опасной ситуации, и в равной мере способствуют развитию лидерства. Независимо от того, выбирается лидер, чтобы справиться с какой-нибудь определенной ситуацией, скажем, с конкретной целью построения каноэ, или для охотничей экспедиции, или для того, чтобы стать постоянным лидером — ситуация лидера и ведомых рано или поздно обязательно возник в мужской группе, даже если эту группу все еще координирует матриархальное ядро.

С появлением и укреплением лидерства группа становится еще более индивидуализированной. Выдвигается не только лидер как герой из расплывчатого примитивного тотемного образа начинают кристаллизовываться фигуры духовного прародителя, бога-творца, предка, идеального лидера и т. п. Для "бога-источника" — очень ранней фигуры в истории религии — характерно, что его рассматривают не как праотца, а в большей мере как отца, "творца всех вещей". Он — это духовная фигура, связанная с природой не фундаментально; он относится к первобытным временам, к заре истории и появляется оттуда, чтобы принести человечеству культуру и спасение. Он — вне времени, в том смысле, что не относится к определенному времени, а пребывает у истоков времени, в изначальном времени, которое управляет нашей земной хронологией. Характерно также его отношение к истории и морали; ибо как племенной предок он непосредственно и тесно связан со знахарями и старейшинами, представителями власти, силы, мудрости и эзотерических знаний.[15]Эта фигура творца является сверхъестественной проекцией, из нее выводится образ героя Бога-Царя. Короче говоря, герой появляется как сын бога, если сам не является богом. Бог-творец как образ тождественен мифологическому "небу", то есть мужскому, духовному, верховному, уроборическому фону, хотя "небесное" не следует отождествлять с небесным богом. Слияние предка с богом-творцом и культурным героем обусловлено процессом персонализации, который придает форму бесформенному.

Герой не может вступить в сражение с драконом до тех пор, пока он не отождествит себя с тем что мы называем мужским небом. Это отождествление достигает высшей точки в ощущении что он сын Бога воплощающий в себе всё могущество неба. Это равносильно тому, что все герои рождены от бога. Лишь божественная помощь ощущение того, что корни уходят вверх, к богу отцу, который является не просто главой семьи, а созидательным духом, делает возможным с драконом Великой Матери Представляя и защищая этот духовный мир перед лицом дракона, герой становится освободителем и спасителем, новатором, фигурой, несущей мудрость и культуру.

Юнг продемонстрировал, что инцест героя обеспечивает его возрождение, что он является героем только как дважды рожденный, наоборот, каждый, претерпевший двойное рождение, должен рассматриваться как герой. Возрождение является единственной целью рядов инициации не только у примитивных народов. Каждый освященный в мистерии гностик, каждый индусский Брахман и каждый крещеный христианин является человеком возродившимся.. Ибо, подвергаясь героическому инцесту и входя в пожирающую пасть бессознательного, Эго изменяет составляющий его сущность характер и возрождается "другим".

Трансформация героя в битве с драконом — это преображение, восхваление, действительно апофеоз, в центре которого - рождение высшей формы личности. Именно эта качественная и существенно важная перемена отличает героя от обычного человека. Как мы говорили, мифология представляет героя как сына двух отцов: собственного отца,

не имеющего большого значения, или отца плотского, низшего человека, смертной части; и небесного отца, отца героической части, высшего человека, человека "исключительного" и бессмертного.

Поэтому архетипом мифа о герое часто является миф о солнце или даже миф о луне. Восхваление означает обожествление. Герой — это солнце или луна, то есть божество. В реальности, как простой смертный, он является просто сыном собственного отца, но, как герой он — сын бога и отождествляется с ним.

Наверное, самый ранний исторический пример этому можно опять же увидеть в египетском фараоне. Цари Египта по отцовской линии были сыновьями Гора, наследниками Осириса; с появлением царского титула они отождествлялись не только с Осирисом, луной, но и с Ра, солнцем. Царь величал себя "богом Гором". Люди говорили о нем как о "Боге", и это не просто "красивая фраза", как полагает Эрман, а символичный факт, который лишь в настоящее время вырождается во фразу "богоданное право царей".

Подобным же образом царя называли "живым солнцем" и новым образом Бога на земле". Еще во времена Четвертой Династии царь являлся одновременно и сыном Ра. Это также относится перечню его титулов.

"Это выражение уходит корнями к представлению, обнаруживаемому та же в других местах и эпохах — что царь, хотя внешне и был сыном свое отца, одновременно являлся и сыном верховного Бога".[16]

Неспособность современного человека понять это явление "двойного отцовства" свойственно также и психоаналитикам, в частности Эрману, который добавляет в заключение: "Естественно, наше ограниченное понимание не позволяет нам постичь, как такое быть возможно".

Таков "просвещенный" комментарий исследователя, спустя почти две тысячи лет после рождения Христа. Феномен психической двойственности, ясно выраженный в египетском ритуале и теологически сформулированный тысячи лет спустя в знаменитом диалоге между Никодимом и Иисусом,[17] до сих пор живет сегодня в часто возникающем чувстве человека, что он "дитя Господне", хотя и является сыном или дочерью Мистера X. Двойное отцовство, очевидно, соответствует какой-то двойственности в человеческой природе, представленной здесь в метафоре героя.

Архетипы отца и матери первоначально появляются в связи с героем и его судьбой, то есть с кем-то, кто исключителен и уникален. Но здесь снова, как раньше в случае с бессмертием Осириса, hieros gamos и т. п., то, что было уникальным и символическим, позднее становится общим достоянием коллектива. С постепенной индивидуализацией человечества и его выходом из начального состояния participation mystique Эго каждого человека приобретает более четкую определенность; но в ходе этого процесса индивид становится героем и должен, в свою очередь, подтвердить примером миф о битве с драконом.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что мифологическая судьба героя представляет архетипическую судьбу Эго и всего развития сознания. Она служит моделью для последующего развития коллектива, и ее стадии повторяются в развитии каждого ребенка.

Если в ходе нашего изложения мы "персонифицируем", говоря, например, о личном восприятии героя, или описывая мифологическую ситуацию с женской точки зрения, то

следует понимать, что мы выражаемся фигурально и кратко. Наша ретроспективная психологическая интерпретация не соответствует ни одной принятой в прежние времена точке зрения; это — сознательная разработка содержания, которое бессознательно и символически было экстраполировано когда-то на мифологические проекции. Однако эти символы можно интерпретировать как носители психического содержания, и из него мы можем определить психическое состояние, которое лежит в основе возникновения этих символов.

При обсуждении героя и его двойных родителей, убийство матери. Не менее существенно, чем убийство отца, ибо кроме трансперсонального отца, он должен также обрести и сверхличностную мать.

[1] [Автор цитирует первоначальный вариант Wandlungen und Symbole der i-ibido, потому что во время написания этой работы переработанный вариант 1952 г. Symbole der Wandlung, еще не был опубликован. Поэтому здесь также цитируется первоначальный вариант, хотя сейчас существует значительно переработанный вариант на немецком как Sym> der Wandlung и на английском как Symbols of Transformation. библиографию. — Прим, перев.].

[2] Handbuch der altorientalischen Geisteskultur, pp.205 f, мифологический материал дополняется и подкрепляется этнологическими данными. Ве] в рождение героя от непорочного зачатия, как показал Бриффо (Mothers, Vol.11, p.450), распространена по всему миру, особенно в верной и Южной Америке, Полинезии, Азии, Европе и Африке.

[2a] О. Ранк. Миф о рождении героя.

[3] Przyluski, "Ursprunge und Entwicklung des Kultes der Mutter-Gottin".

[4] Обширный материал на эту тему представил в Die Marienmythe Др: Но выводя рождение героя-солнца из созвездия Девы, которое появляется на востоке 24 декабря, в самой нижней точке зимнего солнцестояния, он путает причину и следствие. Обозначение этого созвездия им нем Девы является просто проекцией архетипа девственницы на небо Оно называется созвездием Девы, потому что каждый год в нем рождается герой-солнце — как солнце.

[5] Blackman, "Myth and Ritual in Ancient Egypt", in Hook, Myth a\ Riyual, p.34.

[6] Erman, Religion, p.53.

[7] О. Ранк. Указ. соч.

[8] Briffault, The Mothers, Vol. I. p.122.

[9] Там же, с.251.

[10] Preuss, Die geistige Kultur der Naturvolker, p.73.

[11] Даже сегодня в случаях мужской гомосексуальности мы почти всегда находим матриархальную психологию, где бессознательно господству Великая Мать.

[12] Goldenweiser, Anthropology, p.409.

[13] Там, где, как например в Египте, мы находим богиню неба и бога земли господствует Великая Мать, как правильно определил Бахофен. По1 еще не развившийся мужской принцип заключен в ней в непроявленном состоянии.

[14] Goldenweiser, op.cit., p.242.

[15] Van der Leeuw, Religion in Essence and Manifestation, Ch.20.

[16] Erman, Religion, p.53.

[17] От Иоанна, 3.

II УБИЙСТВО МАТЕРИ

Когда уроборос разделяется на пару противоположностей, а именно на Прародителей Мира, а между ними становится их "сын", тем самым упрочивая свою мужественность, тогда успешно завершается первая стадия его освобождения. Эго, стоящее в центре между Прародителями Мира, бросает вызов обеим сторонам уробороса и этим враждебным актом настраивает против себя оба принципа, верхний и нижний. Теперь оно оказывается перед лицом того, что мы назвали сражением с драконом, активной борьбой с этими противостоящими силами. Только исход этой борьбы покажет, было ли освобождение действительно успешным и избавилось ли Эго, наконец, от цепкой хватки уробороса.

Обращаясь к битве с драконом, основному элементу всех мифологий, мы вначале должны выделить различные стадии этой борьбы и ее компоненты. Многочисленные возможные способы интерпретации этой ключевой темы бессознательного требуют осторожности с нашей стороны. Противоположные интерпретации выступают вместе как различные стадии одной основной ситуации, и только лишь в единении всех этих интерпретаций может быть раскрыта истинная картина.

Борьба с драконом имеет три основных компонента: герой, дракон и сокровище. Побеждая дракона, герой получает сокровище — конечный результат процесса, символизируемого борьбой.

Характер этого сокровища, называемого "богатством, которое трудно добыть", пленником, жемчужиной огромной цены, живой водой или травой бессмертия, будет обсуждаться позднее. Сейчас перед нами стоит фундаментальный вопрос: что означает символ Дракона?

Как уже установил Юнг,[1] хотя и не придавая этому должного значения в своей интерпретации, этот дракон имеет все признаки уробороса. Ему присущи мужские и женские черты одновременно. Таким образом, борьба, с драконом - это борьба с Первыми Родителями, сражение, в котором убийцы и отца, и матери, а не только одного из них, занимают ритуально предписанное им место. Боры с драконом составляет центральную главу в развитии человечества! как индивидуальности и в личностном развитии ребенка, она связана с событиями и процессами, названными психоанализом Эдиповым комплексом. Мы считаем это проблемой Первых Родителей.

Теория Фрейда об убийстве отца, развитая затем Ранком объединяет в систематическое единство следующие моменты: семейный роман, поскольку он сосредотачивается вокруг мальчика, достигает) своей высшей точки в сексуальном желании сына по отношению к матери, исполнению которого препятствует отец. Герой — это юноша, который убивает

отца и женится на матери. Таким образом, о герое становится простой фантазией о прямом или косвенном осуществлении этого намерения. Эта теория поддерживается или, быть более точным, накладывается, на нелогичную и антропологически недоказуемую гипотезу Фрейда о существовании отца-гориллы. Этот страшный обезьяноподобный патриарх забирает женщин у своих сыновей, и в конце концов его убивает группа братьев Героизм заключается в уничтожении отца. Фрейд принимает все за чистую монету, выводит из этого тотемизм и основные черты культуры и религии. Здесь, как и везде, Фрейд со свойственной ем; предубежденностью неправильно понял нечто очень важное. Тем менее, убийство отца остается существенно важным элементом сражения с драконом, хотя и не ключевым, в отношении всей истории человечества.

В то время как Ранк слепо придерживается теории Фрейда, Юнг предоставляет совершенно иное решение этой проблемы в своей р; ней работе Психология бессознательного. Он приходит к двум выводам, по нашему мнению, решающим. Во-первых, он показывав что борьба героя — это борьба с матерью, которую нельзя рассматривать как персонализированную фигуру из семейного романа, персонализированной фигурой матери стоит, как видно из символизма, то, что Юнг позднее назвал архетипом матери. Юнг сможет доказать трансперсональное значение борьбы героя, потому что отправным пунктом человеческого развития определял не личности семейный аспект современного человека, а развитие либидо и е: трансформацию. В этом процессе трансформации борьба героя играет вечную и фундаментальную роль. Герой преодолевает инерцию либидо символизирующего дракон-мать, то есть охватывающее Эго бессознательное.

Второй вывод Юнга, хотя его значимость в психологии принимается пока еще не всеми, демонстрирует, что "инцест" героя является рождающим инцестом. Победа над матерью, принимающая зачастую форму фактического вхождения в нее, то есть инцеста, приносит возрождение. Инцест приводит к трансформации личности, только она делает героя героем, то есть высшим и идеальным представителем человечества.

В настоящем исследовании, опираясь на открытия Юнга, мы предпринимаем попытку выделить отдельные типы борьбы с драконом и ее различные стадии и таким образом скорректировать и объединить две противоположные теории — Фрейда и Юнга. В Психологии бессознательного Юнг все еще находится под сильным влиянием фрейдовской теории отца, поэтому его интерпретации должны быть скорректированы и переработаны в свете его последних открытий.

Покорение или убийство матери образует отдельный пласт в мифе о сражении с драконом. Успешная маскулинизация Эго выражается в его воинственности и готовности к опасности в образе дракона. Отождествление Эго с мужским сознанием вызывает психический раскол, что приводит к противостоянию с драконом бессознательного. Эта борьба представляется по-разному: как вход в пещеру, спуск в подземный мир или как проглатывание героя — то есть инцест с матерью. Это наиболее ясно показано в мифах о герое, которые принимают форму мифов о солнце; здесь проглатывание героя драконом — ночью, морем, подземным миром - соответствует ночному путешествию солнца, откуда оно победоносно возвращается, одолев тьму (Рис.22 и 23).[2]

Все редуктивные интерпретации утверждают, что проглатывание тождественно кастрации, страху перед драконом и страху перед отцом, не допускающим инцеста с матерью. То есть, инцест с матерью сам по себе желанен, но страх перед отцом делает его ужасным. Мать считается положительным объектом желания, а отец — реальным препятствием. Эта интерпретация ошибочна, потому что инцест и страх кастрации

появляются уже на той стадии, когда отец еще не выступает как какая-либо действующая сила и тем более как Ревнивый отец.

Вопрос более глубок, он затрагивает более ранние уровни. Страх дракона соответствует не боязни отца, а чему-то более первичному, а именно, страху мужчины перед женщиной в целом. Инцест героя — это инцест с Великой и Ужасной матерью, которая ужасна по своей природе, а не становится таковой опосредованно, через вмешательство третьего лица. Верно, что дракон символизирует также и страх героя, но дракон достаточно ужасен и без какого-либо дополнительного устрашения. Спуск в пучину, в море или глубокую пещеру достаточно страшен и без преграждающего путь пугала отца. Двуполая конституция уроборического дракона показывает, что Великая Мать имеет мужские, но не отцовские черты. Агрессивные и деструктивные черты Великой Матери — например, ее функция убийцы — можно считать мужскими, среди ее атрибутов мы находим также фаллические символы, как уже указал Юнг. Это особенно ясно видно в атрибутах Гекаты: ключ, плеть, кинжал и факелы это мужские, но все же не отцовские символы.

Когда жрецы-евнухи Великой Матери осуществляют кастрации и жертвоприношения, они представляют ее ужасный характер; но представлять этих кастрированных жрецов в качестве образов отца невозможно. Фаллические фигуры, более соответствующие этой роли, всегда зависимы; Великая Мать контролирует и использует их, и это противоречит их независимому значению как фигур отца. Агрессивные и деструктивные элементы, присущие Великой Матери; могут также представляться символически и ритуально как отдельные, обособленные от нее фигуры, в виде ее спутников, жрецов, животных и т.д. Воинствующие группы, предающиеся мужским оргиям, такие как Куреты, часто относятся к сфере Великой Матери, так же как и фаллические супруги, которые вершат ее разрушительную волю. На еще более поздней стадии в матриархально организованных группах индейцев Северной Америки исполнительная, власть вождей зависит от Старой Матери. В эту категорию мы должны также включить не только вепря, который убивает юного бога, но и дядю по материнской линии как инструмент совокупной власти, направленный, к примеру, против сына Исиды, Гора. Даже фаллическо-хтонический бог моря Посейдон и стая его чудовищ по своей природе относятся к сфере Великой Матери, а не к области Великого и Ужасного Отца.

Однако позднее, когда на смену владычеству Великой Материй пришел патриархат, роль Ужасного Отца проецируется на мужских представителей ее ужасной стороны, особенно если в интересы патриархального развития входит подавление этого аспекта и выдвижение на передний план фигуры "доброй матери".

Рассмотренные нами две формы инцеста по существу пассивный уроборический инцест, в котором погибал зародыш Эго, и матриархальный инцест, в котором мать соблазняла сына, а инцест заканчивался матриархальной кастрацией. Но героя отличает именно активный инцест, намеренное и сознательное открытие себя опасному влиянию женщины и преодоление извечного страха мужчины перед женщиной. Преодолеть страх кастрации значит преодолеть страх материнской власти, которая для мужчины ассоциируется с опасностью кастрации.

Это подводит нас к вопросу, имеющему важное диагностическое, терапевтическое и теоретическое значение. Разграничение различных архетипических стадий позволяет нам решить, с каким типом инцеста мы имеем дело и каково положение Эго и сознания — короче говоря, определить эволюционную ситуацию в каждом отдельном случае. В Психологии бессознательного Юнг еще настолько зачарован Фрейдом, что не может

распознать архетипических различий в этой ситуации и в результате упрощает проблему героя, рассматривая ее редуктивно.

Женский элемент гермафродитного сына-любовника,[4] который Юнг выводит из регрессии к матери, напротив, является совершенно первичным, как показывает структурно недифференцированный характер гермафродита, и не является результатом регрессии уже развившейся мужественности. Этот характер складывается на более глубоком уровне, где еще господствует Великая Мать, и мужественность еще не упрочилась; поэтому никакого "самоотречения от мужественности" нет, просто эта мужественность пока еще не достигла никакой независимости. По общему признанию, самокастрация, посредством которой юноша жертвует своей мужественностью, регрессивна, но это лишь частичная регрессия, или, если быть более точным, мы можем сказать, что его развитие было подавлено в зародыше.

Женоподобный характер юноши является промежуточной стадией, ее можно также считать межполовой стадией. Интерпретация жреца или пророка как представителя такого промежуточного типа,[5]психологически точна, хотя и не верна биологически. Нужно отличать созидательную связь зрелого Эго с Великой Матерью и связь, при которой Эго еще не в состоянии избавиться от ее власти.

Но читатель может спросить, что означает кастрация на этой стадии героического инцеста? Не является ли представление о извечном страхе мужчины перед женщиной вводящим в заблуждение обобщением психологии неврозов? : Для Эго и для мужчины женщина — синоним бессознательного и не-Эго, а поэтому — синоним темноты, пустоты, небытия, бездонной ямы. Юнг пишет:

"...следует заметить, что пустота является великой женской тайной. Это* нечто совершенно чуждое мужчине; бездна, неизведанные глубины, инь."[6]

Мать, лоно, яма и ад тождественны. Лоно женщины — это место из которого появился человек, и поэтому каждая женщина является первичным лоном Великой Матери всего порожденного, лоном бее сознательного. Она угрожает Эго опасностью самоуничтожения, потери самого себя — другими словами, смертью и кастрацией. Мы видели, что нарциссический характер одержимого фаллосом юноши образует связь между сексуальностью и страхом кастрации. Смерть фаллоса в женщине символически приравнивается к кастрации Великой Матерью, а на языке психологии это означает растворение Эго в бессознательном.

Но мужественность и Эго героя уже больше не тождествен фаллосу и сексуальности. На этом уровне иная часть тела поднимается символически как "высший фаллос" или "высшая мужественность": голова, символ сознания, с глазом в качестве его руководящего органа — и с этим Эго теперь отождествляет себя.

Опасность, которая угрожает "верхнему" принципу, символизируемому головой и глазом, тесно связана с помощью, оказываемой герою тем, что мы назвали "небом". Эта верхняя часть уже развита и активна еще до начала борьбы с драконом. В мифологическом смысле это доказывает его божественное происхождение и его рождение как героя; психологически это указывает на его готовность предстать перед драконом в качестве героя, а не в качестве низшего обычного человека.

Если борьба увенчивается победой, эта верхняя часть его характера укрепляется и окончательно формируется, но в случае поражения ей грозит уничтожение.

Нет необходимости демонстрировать здесь, что голова и глаз де выступают как символы мужской и духовной стороны сознания "неба" и солнца. Группы символов дыхания и Логоса также относятся к этому канону символов, где высшая мужественность отличается от низшей мужественности фаллической стадии. Поэтому интерпретировать обезглавливание и ослепление как кастрацию правильно, но эта кастрация происходит вверху, а не внизу. Это не подразумевает "перемещение вверх", когда "потеря головы" была , тождественна импотенции — приравнивание, которое неверно ни мифологически, ни символически, ни психологически. Существуют как "верхние", так и "нижние" евнухи, и приверженцы фаллоса так же могут быть евнухами в верхней части, как и интеллектуалы — в нижней. Лишь сочетание обеих областей дает целостную Мужественность. Здесь снова Бахофен своим разграничением хтонической и солнечной мужественности уловил сущность проблемы. Соответствующий символизм можно видеть в истории о Самсоне, вторично персонализированном мифе или, что встречается также часто, вторично мифологизированной истории о герое.

Как и во многих других местах Ветхого Завета, сущность истории заключается в борьбе Иеговы с принципом ханаанско-филистимлянской Астарты. Основные черты довольно ясны: Самсон — приверженец Иеговы, но его инстинкты поддаются уловкам Далилы- Астарты. Поэтому его судьба предрешена, что приводит к обрезанию волос, ослеплению и потерю силы Иеговы.

Кастрация принимает форму обрезания волос, и это тем более знаменательно, потому что поклонники Иеговы и противники принципа Астарты не могли обрезать свои волосы. Кроме того, потеря волос и силы относится к архетипической стадии героя-солнца, которого кастрируют и пожирают.

Второй элемент — это ослепление. И это снова "верхняя", а не "нижняя" кастрация. Верхняя кастрация; или утрата силы Иеговы, приводит к пленению героя филистимлянами в царстве Астарты. Он влачит жалкое существование в подземном мире, где должен "вращать мельницу". Джеремиас [7] указывает, что вращение мельницы - это религиозный мотив. Это подтверждается упоминанием о храме Дагона, в котором Самсон удерживался в плену, ибо Дагон является богом злаков у Ханаанитян, богом растительности, как и Осирис. Дагон — отец Баала,[8] но все территории этого ненавидящего Иегову Баала подчиняются правлению Великой Матери Ханаанитян. Поэтому пленение Самсона выражает порабощение покоренного мужчины Великой Матерью, точно так же как и тяжкий труд Геракла у Омфалы, когда он носил женскую одежду — еще один хорошо известный символ порабощения Великой Матерью, которой мы должны отнести также и мельницу как символ плодородия

Рабская зависимость от мира Астарты в конце концов преодолевается возрождением победоносной солнечной силы героя. Самсон рушит колонны храма Дагона, и с его жертвенной смертью восстанавливается былая сила Иеговы в Назарете. С крушением храма и возрождением Самсона в смерти, Иегова одерживает победу над своими врагами и над принципом Астарты.

Борьба героя всегда связана с угрозой для духовного мужского принципа со стороны уроборического дракона и с опасностью быть проглоченным материнским бессознательным. Самый распространенный архетип борьбы с драконом — миф о солнце, где героя каждый вечер пожирает ночное морское чудовище, обитающее на Западе, а затем герой сражается с его двойником, так сказать драконом, которого встречает в утробе чудовища. Затем он возрождается на востоке как победоносное солнце,

sol invictus или, скорее он осуществляет свое собственное возрождение, прорубая себе выход из чудовища. В этой последовательности: опасность, сражения и победа — свет, значение которого для сознания мы подчеркивали неоднократно, является центральным символом подлинной сущности героя. Герой - это всегда фигура, несущая с собой свет, хранитель света. В самой нижней точке ночного морского путешествия, когда герой-солнце проходит через подземный мир и должен выстоять схватке с драконом, в полночь вспыхивает новое солнце, и герой побеждает тьму. В этой же самой нижней точке года рождается Христос как сияющий Спаситель, как свет года и свет мира, и знак поклонения ему — рождественская елка во время зимнего солнцестояния. Новый свет и победу символизируют сияние и преображение головы, увенчанной и украшенной ореолом. Хотя более глубокое значение этого символизма станет понятным для нас лишь позднее, ясно видно, что победа героя несет с собой новый духовный статус, новые знания и изменение сознания.

В тайных религиях неофит также должен перенести опасность подземного мира, пройти через семь ворот — очень ранний элемент встречающийся еще при спуске в ад Иштар — или провести двенадцать ночных часов в темной полусфере, как пишет Апулей, описывая мистерии Исиды. Кульминационный момент мистерий - обожествление, что в мистериях Исиды означает отождествление с 6огом солнца. Вновь посвященный получает корону жизни, высшее посвящение; его голова освящается светом и помазывается славой.[9]

Вундт[10] характеризует героический век как "господство индивидуальной личности". Это, говорит он, именно то, чем и является герой он выводит божественную фигуру из героя, видя в Боге лишь более выраженный образ героя. Даже если этот взгляд не совсем верен, тем не менее существует связь между героем, как носителем эго с его способностью дисциплинировать волю и формировать личность и стадией формирования, на которой боги выкристаллизовываются из массы безличных сил. В мифе о герое представлено развитие системы сознания, в центре которого находится Эго, преодолевшее деспотическую власть бессознательного.

Затем бессознательные силы этой, теперь уже отжившей психической стадии, выступают против героя-Эго как страшные чудовища и драконы, демоны и нечистые духи, которые угрожают проглотить его снова. Таким образом, Ужасная Мать, всеобъемлющий символ этого пожирающего аспекта бессознательного, является Великой Матерью всех чудовищ. Все опасные аффекты и импульсы, все зло, которое исходит от бессознательного и подавляет Эго своим динамизмом – это её потомство. Именно это подразумевается когда Гойя использует в качестве девиза для своих работ серии Капричос слова: "Сон разума рождает чудовищ» или когда в греческой мифологии Геката, первозданная и всемогущественная богиня, выступает как мать поедающей людей Эмпусы и Ламий, которые пожирают плоть мальчиков. Она является заклятым врагом героя, укрощающего лошадь бессознательного, как всадник или рыцарь, или убивающего дракона, как Михаил. Он несет с собой свет, форму и порядок из чудовищного, кишащего хаоса Матери Природы.

Одна из первых фигур, встреченная нами в нашем исследовании мифа о герое, — герой, чье имя стало притчей во языцех в современной психологии и который был так злополучно неверно истолкован: Эдип. Это — тип героя, чья борьба с драконом успешна лишь отчасти. Его трагическая судьба красноречиво свидетельствует об этой неудавшейся попытке и может быть понята только с принятой нами трансперсональной точки зрения.

В мифе об Эдипе существуют три имеющих решающее значение момента, которые необходимо иметь ввиду, если мы хотим определить ему его законное место в эволюции человеческого сознания: во-первых, победа над Сфинксом; во-вторых, инцест с матерью; в Третьих, убийство отца.

Эдип становится героем и убийцей дракона, потому что побеждает сфинкса. Сфинкс — извечный враг, дракон пучины, представляющий могущество Матери Земли в ее уроборическом аспекте. Она является Великой Матерью, чьи беспощадные законы правят на не имеющей отца земле, угрожая уничтожением всем людям, не способным ответить на ее вопрос. Предлагаемую ею роковую загадку ответ на которую есть "Человек", может решить только герой. Он один отвечает судьбе, покоряя ее, и одерживает победу потому, что его ответ — это ответ самой судьбе. Этот героический ответ, делающий его настоящим мужчиной, представляет собой победу духа триумф человека над хаосом. Таким образом, побеждая Сфинкса Эдип становится героем и убийцей дракона, и как таковой, совершает инцест со своей матерью, как и каждый герой. Инцест героя и победа над Сфинксом — тождественны, это две стороны одного и того же процесса. Преодолевая свой ужас перед женщиной, входя в ее лоно, пучину, в опасное бессознательное, он победоносно соединяется с Великой Матерью, которая кастрирует юношей, и со Сфинксом, который уничтожает их. Его героизм трансформирует его в абсолютно зрелого мужчину, достаточно независимого, чтобы преодолеть силу женщины и — что более важно — воспроизвести в ней новое существо.

Здесь, где юноша становится мужчиной, и активный инцест превращается в инцест репродуктивный, мужчина объединяется со своей женской противоположностью и рождает новое, третье: осуществляется синтез, в котором впервые мужское и женское уравновешиваются в едином целом. Герой не только побеждает мать; он также уничтожает ее ужасный женский аспект, чтобы высвободить аспект плодотворный и щедрый.

Если мы доведем это направление мысли до конца и пока проигнорируем значение убийства отца, то сможем увидеть, почему Эдип был героем только наполовину, и почему настоящий подвиг героя, остался свершенным только наполовину: хотя Эдип и побеждает Сфинкса, свой инцест с матерью и убийство своего отца он осуществляет неосознанно.

Он совершенно не знает, что сделал, а когда выясняет это, то не может смотреть в лицо своему собственному поступку, поступку героя. Поэтому его постигает судьба, которая постигает всех тех для кого Вечное Женское вновь обращается Великой Матерью: он регрессирует к стадии сына и переживает судьбу сына-любовника. Он совершает акт самокастрации, ослепляя себя. Даже если мы не будем принимать в расчет интерпретацию Бахофена, который видит в пряжке, использовавшейся для ослепления, символ старой матриархальной системы, остается фактом, что он использует в качестве инструмента предмет, принадлежащий его жене и матери. Ослепление уже больше не загадка для нас. Оно символизирует разрушение высшей мужественности, характеризующей героя; и эта форма духовной самокастрации сводит на нет все, что было достигнуто победой над Сфинксом. Развитие мужского принципа героя отбрасывается назад все тем же — страхом перед Великой Матерью, который охватывает его после того, что он совершил. Он становится жертвой побежденного им Сфинкса.

В Эдипе в Колоне Софокла старик, наконец, обретает покой и спасение в роще Эриний, представительниц древней власти матери, и его путь закругляется в полный уроборический цикл. Его кончина венчает его трагическую жизнь возвышенной мистической торжественностью. Слепой и немощный, он таинственно исчезает в недрах

земли, направляемый Тесеем, идеальным героем более позднего времени, который отказался подчиниться своей мачехе, колдунье Медее. Великая Мать Земля принимает Эдипа Пухлоногого, своего фаллического сына, обратно в себя. Его могила становится святилищем.

"Он представляет собой одну из великих человеческих фигур, которых агония и страдание привели к более милосердному и цивилизованному поведению. Они, все еще оставаясь частью старого порядка, продуктом чего они являются, выступают здесь как его последние великие жертвы и в то же время как основатели новой эры".[11]

Не случайно, что истории о происхождения Эдипа не достает всех тех характерных черт рождения героя, связывающих его с божеством. Эта история, в том виде, в каком мы находим ее у Софокла, является не героической трагедией, а прославлением неподвластной человеку судьбы, находящейся в руках бесстрастных богов. Драма содержит следы ранней матриархальной эпохи, когда человеческое и божественное еще не сблизилось, и зависимость Эго от сильных мира сего была крайне выраженной. Власть Великой Матери проявляется здесь с философским оттенком как абсолютная зависимость от судьбы. Все такие пессимистический системы представляют собой тонко завуалированные изложения доминирующего влияния Матери на Эго и сознание.

Крепко держащая Мать Земля представляется герою драконом, которого необходимо одолеть. В первой части борьбы с драконом она оживает сына и старается прочно удерживать его как зародыш, Не давая ему родится или делая его" вечным младенцем в своих руках и любимцем матери. Она является смертоносной и уроборической матерью, бездной запада, царством мертвых, преисподней пожирающей утробой земли куда обыкновенный смертный, утомленный и смиренный, погружается навстречу своей смерти в растворении уроборического или матриархального инцеста Проглатывание часто представляется как предварительное поражение в борьбё с драконом. Даже в типичном мифе о победителе, например о Вавилонском герое Мардуке, есть стадия пленения и поражения в его битве с чудовищем Тиамат.[12]

Однако если герой преуспеет в своей роли, если он докажет свое высокое происхождение и родство с божественным отцом, тогда подобно герою-солнце, он входит в ужасную мать страха и опасностей и выходит окутанный славной из чрева кита или авгиевых конюшен или из пещеры лона земли. Убийство матери и отождествление с отцом-богом совпадают. Если посредством активного инцеста герой проникает в темную, материнскую, хтоническую сторону, то он может сделать это только благодаря своей близости к "небу", своему родству с Богом. Прорубая путь из тьмы наружу, он возрождается как герой в образе Бога, но в то же время как сын богом оплодотворенной девственницы и возрождающей Доброй Матери.

Если первая половина ночи, когда заходящее на западе солнце опускается в чрево кита, темна и пожирающа, то вторая половина — светла и щедра, ибо из нее герой-солнце поднимается к востоку, возрожденным. Полночь решает, родится ли солнце снова как герой, чтобы пролить новый свет на обновленный мир, или героя кастрирует и проглотит Ужасная Мать, уничтожающая небесную часть, которая и делает его героем. Тогда он остается во тьме, в плену. Он не только оказывается прочно приросшим к скалам подземного мира, как Тесей, или прикованным к утесу, как Прометей, или пригвожденным к кресту, как Христос, но мир остается без героя, и, как говорит в своей драме Эрнст Барлах,[13] рождается "мертвый день".

Мы несколько подробно обсудим эту драму, мифологический символизм которой более глубок, чем символизм большинства классических трагедий, потому что в ней тема борьбы с драконом появляется вновь уже у современного автора.

Основная тема произведения — материнское сопротивление росту и развитию сына. Он всегда жил с ней, но теперь грозится уйти. Эта мифическая мать зачала своего сына от бога солнца, который уходя, сказал, что вернется, когда мальчик станет мужчиной, и посмотрит как хорошо она воспитала его. Затем мы встречаемся со слепым персонализованным отцом, мужем нашей Великой Матери: Он понимает, что сын является героем, сыном бога, и с помощью духа семьи своей жены пытается сделать так, чтобы судьба героя и ее неизбежность стали очевидными и для нее и для мальчика. Этот семейный дух видит только божественный взор сына, Дух говорит сыну "Ходят слухи, что в доме твоей матери есть взрослый ребенок", — и добавляет: "Мужчины рождаются от мужчин". Но мать заставляет его замолчать. Слова "достаточно матери, слишком мало отца" и "мужчина родня отцу, а кормилица, что говорит ему об отце, дает ему больше пищи, чем мать, которая молчит" так же ненавистны ей, как и заявление мужа о том, что их сын — герой. Тогда слепой, земной отец говорит: "Возможно, он так же прочно прикован к миру, как птенец, вылупившийся из яйца. Своим взором он живет в другом мире, который нуждается в нем", — и: "Сыновья богов — не маменькины сынки". На это мать отвечает: "Мой сын не герой, мне не нужен сын герой", — и кричит: "То, что хорошо для мира, для матери - смерть!" Но сыну приснилось, что ему явился его отец как "мужчина с солнцем вместо головы", и в этом сне он скакал на солнечном коне будущего, полученном от отца. Этого коня зовут "Херзорн", у него "ветер во чреве", он "затмевает солнце". Он уже стоит в конюшне и радует сердце мальчика. Невидимый конфликт сосредотачивается вокруг наличия или отсутствия этого коня.

Затем слепой отец пытается объяснить сыну мир. Он говорит ему об образах будущего, которые могут и должны выйти из ночи, и что герой должен пробудить их ото сна, чтобы мир стал лучше. Он говорит об истине, о солнце, "что было, есть и будет", пытаясь воспитать сына, хотя тот не является его собственным. Но на все это мать бесстрастно отвечает: "Будущее сына — это прошлое матери", — и: "Герой сначала должен похоронить свою мать". Сын начинает понимать, что: "наверное, наша жизнь — также и жизнь богов", — но мать не дает ему права на собственное будущее, боясь, что сын, повзрослев, уйдет от нее. Однажды ночью она тайно убивает солнечного коня и этим убийством разрушает будущее как своего сына, так и мира. Теперь приходит "мертвый день", или как с осознаваемой иронией говорит мать: "Просто маленький мальчик, рождённый ночью, новорожденное создание без света или сознания . В отчаянии сын кричит: "Но никто же не может быть кем-то еще больше никто не может быть тем, кем являюсь я -- никто, кроме меня!" Но мать дает ему пощечину и говорит, что он должен оставаться сыном своей матери и не должен иметь Эго.

Все еще не подозревая, что мать убила коня, сын растет в уверенности, что он не такой, как семейный дух, который был рожден только лишь одним родителем. Таким образом, он не питает никакой надежды, что когда-либо возродится только лишь через мать: "Мать родила меня не одна, поэтому она не может вернуть мне жизнь, данную не только ею". Он жалуется, что ему не достает отца, заявляя, что ему необходимы физическое присутствие отца и его пример и сетует на его "невидимость". Сына, воспитанного в духе прозаической мудрости матери: "человек не может жить хлебом, испеченным в сновидениях", — бранит домашний дух, сын отца, родившегося без матери, который говорит ему: "Ты сосунок, сны моего отца показали бы мне мое наследие и без его личного примера. Тело не помощник; оно должно оставаться верным духу". Таким образом сын разрывается между родителями "верха" и "низа". Он слышит "солнце,

ревущее над пеленой тумана" и "огромное сердце земли стучащее в глубинах" и сокрушается: "Отголоски, идущие сверху! снизу, борются за внимание моих ушей!" Распятый между отцом и матерью, он дважды взывает к отцу. Но его третий зов возвращается обратно — к матери. И так как он снова порывает с ней, она проклинает его и убивает себя. Теперь он должен решать. Отвергая роковой нож самоуничтожения, он говорит: "Отец тоже не сделал бы этого", — только для того, чтобы затем последовать за матерью со словами: "В конце концов путь матери подходит мне больше".

Мать убила его коня и таким образом кастрировала своего сына. Наступил мертвый день, день без солнца. Отречение от отца-бога тождественное самоувечью, заканчивается самоубийством. Проклятие матери, не нейтрализованное отцовским благословением, сбывается. Он повинуется матери, родившей его, и умирает от ее проклятия, как сын, проклятый матерью.

Эта драма повторяет древний миф. В ней представлена история мужчин в период между эпохой Великой Матери и промежуточной стадией борьбы с драконом, главным героем которой в античной выступает Эдип — Эдип сломленный, так и не победивший. Следующая стадия драматически представлена в Орестее. Она описывает победу сына, убившего мать, чтобы отомстить за отца начавшего новый век патриархата с помощью отцовского-солнечного символа. Мы употребляем слово "патриархат" в том смысле котором понимал его Бахофен, чтобы обозначить преимущественно мужской мир духа, солнца, сознания и Эго. При матриархате, напротив, высшая власть принадлежит бессознательному, и преобладающей чертой является до-сознательный, до-логический и до-индивидуальный образ мышления и восприятия.[14]

В Орестее сын твердо стоит на стороне отца. Освобождение от матери продвинулось вперед ещё на одну стадию. Также как в индусской мифологии Рама по требованию отца обезглавливает топором мать, [15] так и в Оресте, а с некоторыми вариациями и в Гамлете, дух отца выступает побудительной силой, которая замышляет смерть грешной матери. Здесь отождествление с отцом настолько полно, что материнский принцип может быть убит даже когда он появляется не в символической форме дракона, а в качестве реальной матери – убит именно потому, что этот принцип согрешил против принципа отца.

Защищаясь от материнского мира мстительных Фурий, разыскивающих убийцу матери, чтобы убить его самого, Орест берет в союзники мир света.[16] Аполлон и Афина помогают ему добиться справедливости, и справедливость в этом случае означает введение нового закона в противоположность старому матриархальному закону, который не знал прощения за непостижимое преступление убийства матери. Его поступок поддерживает богиня Афина которая сама не была рождена женщиной, а вышла из головы Зевса и потому по природе своей глубоко враждебна хтоническо-женскому элементу в каждой матери и в каждой женщине, родившейся от матери. Этот аспект Афины в женщине связан с психологическим значением анимы-сестры.[17]

На помощь герою в его борьбе с матерью- драконом приходит это самое девственное качество и помогает ему преодолеть ужас перед Эриниями женского бессознательного.

[1] Символы трансформации.

[2] Ворон, типичный герой индейцев северо-западной Америки, побеждает проглотившего его кита,

[4] Jung. Symbols of Transformation там же.

[5] Carpenter, Intermediate Types among Primitive Folk.

[6] Психологические аспекты архетипа матери.

[7] AJeremias, Das Alte Testament im Licht des alien Orients, p.678.

[8] bright, Archaeology, p.74.

[9] Silberer, Problems of Mysticism and Its Symbolism, pp.97 ff.

[10] tents of Folk Psychology, p.281 f.

[11] Bachofen Multerrecht, Vol. li, p,-142.

[12] Gadd, "Babylonian Myth and Ritual", in Hooke, Myth and Ritual, p 59

[13] Der Tote Tag (1912).

[14] В этом смысле матриархат всегда предшествует патриархату, и в отношении целой группы невротиков мы можем все еще говорить о матриархальной психологии, которую необходимо заменить психологией патриархата.

[15] Zimmer, Mat/a, der Indische Mythos, pp.219 f.

[16] Heyer, "Erinnyen und Eumeniden".

[17] Van der Leeuw, Religion in Essence and Manifestation.

III УБИЙСТВО ОТЦА

Но если борьба с драконом означает инцест с матерью, тогда что же означает убийство отца, особенно в связи с тем, что мы представили борьбу с драконом и инцест с матерью как допатриархальные, то есть, не связанные с патриархальной формой общества или с патриархальной семьей? Если дракон, как считали Фрейд и ранний Юнг, символизировал не страх перед отцом, преграждающий путь к матери, а скорее саму ужасную мать, тогда мы должны объяснить, почему борьба героя связана с убийством отца.

Опасности бессознательного, его раздирающий, разрушающий, пожирающий и кастрирующий характер противостоит герою в виде чудовищ, зверей, великанов, сверхъестественных фигур и так далее, которых он должен победить. Анализ всех этих образов показывает, что они гермафродитичны и, как уроборос, обладают мужскими и женскими символическими качествами. Соответственно, против героя выступают оба его Первых Родителя, и он должен побороть как мужскую, так и женскую части уробороса. Сведение всех этих образец к фигуре отца — это своевольное и насильственное искажение фактов. Положение героя предполагает намного более сложные «родительские взаимоотношения», чем допускает упрощённый семейный роман Фрейда. Тип героя, представленный, например, Гераклом, которому помогает его отец и преследует злобная мачеха нельзя интерпретировать в соответствии со схемой пригодной для мифа об Эдипе.

Прежде чем мы сможем интерпретировать убийство отца, необходимо фундаментально прояснить отцовский принцип.

Структура "отца", как личностного так и трансперсонального, Двусторонняя, также как и структура матери: положительная и отрицательная. В мифологии рядом с созидательным, положительным отцом стоит разрушительный, отрицательный отец, и оба образа отца так же живы в душе современного человека, как и в проекциях мифологии.

Однако между отношением Эго к отцу и образу отца и его отношением к матери и к образу матери существует различие. Его значение для мужской и женской психологии не следует недооценивать По отношению к Эго образ матери имеет как плодотворный, так и разрушительный аспект, но сверх того он сохраняет определенную и неизменность и непреложность. Хотя он двойственен и может принимать множество форм, для Эго и сознания он всегда остается миром начала, миром бессознательного. Поэтому в общем мать представляет инстинктивную сторону жизни. По сравнению с меняющимся состоянием Эго и сознания она оказывается постоянной и сравнительно неизменной, независимо от того, хорошо это или плохо, полезно и плодотворно или же пагубно и ужасно. В то время как Эго человека и его сознание за последние шесть тысяч лет изменились кардинально, бессознательное, Мать, представляет собой психическую структуру, определившуюся навечно и почти неизменную. Даже когда образ матери принимает характер духовной матери, Софии, он сохраняет свою неизменность, ибо является олицетворением вечного и всеобъемлющего, исцеляющего, поддерживающего, любящего и спасающего принципа. Он вечен в том смысле, , что совершенно отличается от того, в котором вечен образ отца. Трансформации и развития в созидательной основе в бессознательном символизме всегда связываются с мужской подвижностью и динамизмом в том виде, как они выражены в Логосе-сыне. По сравнению с ним, движущей силой и движимым элементом, София по матерински неподвижна. Это ясно раскрывается в современной психологии, где архетип матери заслоняет значение реальной матери намного больше, чем значение отца. Образ матери меньше обусловлен временной и культурной структурой.

С другой стороны, наряду с архетипическим образом отца, образ земного отца также имеет значение, хотя оно в меньшей степени обусловлено его собственной личностью, чем характером культур и меняющимися культурными ценностями, выраженными в нем. Существует значительное сходство между фигурами матери первобытной, классической, средневековой и современной эпох; они остаются слитыми с природой. А фигура отца меняется в зависимости от типа культуры, которую он представляет. Хотя в этом случае также заднем плане стоит неопределенная архетипическая фигура родного отца или бога-творца, она является пустой формой. Она полняется только образами отца, меняющимися с развитием туры. Как пишет Ван дер Лее:

«Когда, например, мифы называют бога "Отцом" они делают это не на основе действительного существовавшего отцовства, а устанавливается образ отца. К нему должна приспособится каждая конкретная фигура отца» [1]

Мужской коллектив, посредством создания мифов определяющий архетипический образ отца, придает видимой форме архетипа решающий характер и окраску, в зависимости от культурной ситуации. Наше утверждение о том, что есть существенная разница между образом отца и образом матери, самым удивительным образом подтверждает и дополняет одно из центральных открытий Юнга, а именно: психологию анимы мужчины и психологию анимуса женщины.[2]

Эмпирический факт, прежде очень трудно объяснимый — что бессознательное женщины наполнено множеством мужских враждебных фигур духа-анимуса, в

противоположность единственной двуликой фигуре души-анимы в бессознательном мужчины, теперь становится более понятен. Культурное многообразие того, что мы назвали "небом", то есть многочисленные образы отца-мужа, известные человечеству, оставили свой отпечаток на бессознательном восприятии женщины, точно так же как на бессознательном восприятии мужчины оставил отпечаток целостный образ матери-жены.

В допатриархальные времена мужчины и старейшие представляют "небо" и передают коллективное культурное наследие своего времени и поколения. "Отцы" выступают как представители закона и порядка, от самых первых табу до самых современных правовых систем; они передают высочайшие ценности цивилизации, в то время как матери контролируют высочайшие, то есть глубочайшие ценности жизни и природы. Таким образом, мир отцов — это мир коллективных ценностей; он историчен и связан с колеблющимся уровнем сознания и культурного развития группы. Господствующая система культурных ценностей, то есть канон ценностей который придаёт культуре её специфический облик и её стабильность, имеет свои корни в отцах, зрелых мужчинах. Они представляют и укрепляют религиозную, этическую, политическую и социальную структуру коллектива.

Эти отцы являются стражами мужественности и осуществляют контроль над всем образованием. То есть, их существование не чисто символическое; как столпы порядков, которые олицетворяют культурный канон, они контролируют воспитание каждого индивида и удостоверяют его совершеннолетие. Не имеет значения, что собой вставляет этот культурный канон, определяют ли его законы и табу племени охотников за головами или законы христианских наций. Отцы всегда следят за тем, чтобы внушить молодежи текущие ценности, и за тем, чтобы к взрослым были причислены только те кто разделяет эти ценности. Защита канона ценностей, унаследованного от отцов и упроченного воспитанием, проявляется в психической структуре индивида как "сознание".

Этот отцовский авторитет, необходимость которого для культуры и развития сознания не подлежит никакому сомнению, отличается от материнского тем, что по существу он относителен, обусловлена своим временем и поколением, и не имеет абсолютного характер материнского авторитета.

В обычные времена, когда культура стабильна, а отцовский канон остается в силе на протяжении поколений, отношения отец-сын стоят в передаче этих ценностей сыну и внушении их ему после той как он пройдет испытания вступления в зрелый возраст. Такие времена и сопутствующая им психология отличаются отсутствием проблемы отец-сын или лишь незначительным намеком на нее. Нас не должны вводить в заблуждение иные обычаи нашего собственного "исключительного" века. Стабильной культуре свойствено монотонное однообразие отцов и сыновей. Это однообразие означает только то, что отцовский канон обычаев и порядков, делающих юношей взрослым, а отца старым, имеет бесспорное господство, так что юноша так же естественно совершает предписанный переход к совершеннолетию, как отец — к старости.

Однако здесь существует одно исключение, и этим исключении является творческий индивид — герой. Как говорит Барлах, герой должен "пробудить спящие образы будущего. Необходимо, они вышли из ночи и придали миру новый и лучший облик". неизбежно делает героя разрушителем старого закона. Он является врагом старой правящей системы, старых культурных ценностей существующего суда совести, и таким образом неизбежно вступает в конфликт с отцами и их представителем, собственным отцом.

В этом конфликте "внутренний голос", веление надличностного отца или архетипа отца, который желает, чтобы мир изменился вступает в противоречие с собственным отцом, охраняющего ста порядок. Больше всего мы знаем об этом конфликте из Библии истории о велении Иеговы Аврааму: "Пойди из земли твоей от родства твоего и из дома отца твоего, и иди в землю, которую я укажу тебе" (Бытие, 12:1). Мидраш[3] толкует это так, что Авраам должен уничтожить богов своего отца. Проповедь Иисуса представляет собой всего лишь продолжение того же самого конфликта, который повторяется в каждой революции. Противоречит ли новая истина Бога и мира старой картине или собственному отцу — - значения не имеет отец всегда представляет старый порядок, а, следовательно, и старую картину, в его нынешнем культурном каноне.

Если придерживаться точки зрения Ранка, то можно начать с двух утверждений. Первое — что герой является ребенком аристократических родителей, обычно сыном царя. Это, между прочим, верно лишь отчасти, потому что множество героев и спасителей имеют "низкое" происхождение — а второе говорит о том, что отец всегда получает предупреждение. Кроме того, имеют место необычные обстоятельства рождения героя, то, что его зачинает бог и рождает девственница. Теперь мы можем понять, что говорят нам символы и мифы относительно неотъемлемой сущности героя. Непорочная мать, прямо соединенная с богом, устанавливающим новый порядок, но лишь косвенно связанная с мужем, рождает героя, которому предназначено ввести в действие новый порядок и уничтожить старый. Поэтому героя часто "изгоняют" вместе с его матерью, потому что пророчество провозглашает, что ее ребенок возьмет в свои руки власть старого царя.[4]

Происхождение героя из царствующего рода символично для борьбы за систему правления, ибо на самом деле именно за это и идет борьба. Важное отклонение от общей мифологической схемы — история о Моисее. Фрейд[5] тщетно пытался интерпретировать ее в редуктивном ключе.

Как правило, отец-царь выгоняет героя в детском возрасте из Царствующего дома, только для того чтобы позднее он с триумфом восстановил там свое положение. В истории о Моисее ситуация несколько иная. Во-первых, он не сын царя, а найденыш. Во-вторых, хотя фараон, мифологический страшный отец, в высшей степени заинтересован в убийстве героя-ребенка — в убийстве перворожденного — ему не только не удается сделать это, но Иегова, надличностный отец, с помощью дочери фараона и в противоречии с мифологической схемой, снова помещает ребенка-спасителя в чуждую систему правления. Он должен быть изгнан из нее, а затем ниспровергнуть ее. В этом иудейском варианте родство с собственным отцом Амрамом — сохраняется в утвердительном смысле, но только как второстепенный момент. Реальная причина того, почему протеже Иеговы помещается в семью бога-царя Фараона, состоит в том, что это выявляет надличностное значение конфликта, уже проявившегося в рождении героя.

Аналогичную ситуацию мы находим в мифе о Геракле, хотя он взят из другой культурной сферы и из другого уровня бытия. Здесь злобный отец-царь Эвристей в союзе с ревнивой мачехой, богиней Герой, навязывает Гераклу ряд задач. Герой выполняет их с помощью своего божественного отца Зевса.

Именно преследования и опасности со стороны ненавистной фигуры отца, делают его героем. Препятствия, воздвигаемые на его пути старой патриархальной системой, становятся внутренними побудительными мотивами героизма, и, в том, что касается убийства отца, Ранк совершенно прав, когда говорит, что "героизм заключается в победе над отцом, провоцирующим изгнание героя и ставящим перед ним ряд задач". В равной

мере верным будет сказать, что герой, "решая задачи, которые отец навязывает ему, чтобы уничтожить его, из недовольного сына превращается в ценного для общества реформатора, победителя чудовищ-людоедов, опустошающих провинции, первооткрывателя, основателя городов и фигуру, несущую с собой культуру". Но лишь приняв во внимание надличностный задний план, мы подходим к интерпретации, по достоинству оценивающей героя как вершителя человеческой истории и видящее в мифе о герое великое прототипное событие, почитаемое всем человечеством.

Это — не покорный жене страшилище-отец, на правах отца семейства выгоняющий своих сыновей, чтобы защитить себя от насилия со стороны своего потомства, быстро растущего и жаждущего власти; не злобный царь, отправляющий своего сына убить чудовище, которым является он сам, в чем хочет нас убедить нелепая психоаналитическая интерпретация. Нет, сражение с драконом каким мы видим его сейчас, представляет собой совершенно иную картину.

Следует иметь в виду фигуры двух отцов и двух матерей. "Злобный царь", или фигура собственного отца представляет старую правящую систему и посылает героя на борьбу с чудовищем — Сфинксом, ведьмами, великанами, дикими зверями и т. д. — в надежде на его гибель. Сражение с драконом является борьбой с уроборической Великой Матерью, с бессознательным. Герой может легко уступить ему, потому что в нем локализовано беспокойство Эго; угроза бессилия. Однако, с помощью божественного отца, герой уничтожает чудовище. Его высшая сущность и благородное происхождение одерживают победу и утверждают себя. Крах, который прочит ему отрицательный отец, способствует его славе и провалу юге отрицательного отца. Таким образом, изгнание старым царем а сражение героя и убийство отца явно связаны между собой. Они образуют необходимый канон событий, символически и фактически вызванный самим существованием героя — как человек, несущий новое он должен разрушить старое.

Рядом с ним стоит хорошая мать в образе его собственной матери и сестра-девственница, либо слитые воедино, либо как две отдельные фигуры. В критической ситуации в качестве помощника может вмешаться божественный отец, или же он может оставаться в ожидании за кулисами. В ожидании, потому что он признает свое подлинное отцовство, только если герой выдержит испытание, точно так же как Гор мог быть признан настоящим сыном Осириса только после того, как победил Сета. Таким образом, ожидающего и испытывающего божественного отца можно легко спутать с отрицательным отцом, ибо фигура отца, отправляющего сына навстречу опасности, допускает двоякое толкование и имеет как личностные, так и безличные характеристики.

Но инструментом нового проявления отца-бога всегда выступает герой как несущий с собой новое. В нем патриархальные боги борются с. Великой Матерью, боги приходящие с богами местными, Иегова с богами язычников. По существу, это борьба между двумя образами бога или группами богов, где старый отец-бог защищает себя от нового сына-бога, а старая политеистическая система противится захвату власти новым монотеизмом, примером чему служат архетипические войны богов.

Картина становится более сложной, когда герой перестает быть инструментом богов и начинает играть свою собственную независимую роль как человек, и когда в конце концов в современном человеке он становится полем сражения сверхличностных сил, где человеческое Эго вступает в схватку с божеством. Как нарушитель старого закона, человек становится противником старой системы, несущим с собой новую, которую он дарует человечеству против воли старого бога. Самый типичный пример этого — похищение огня Прометеем; еще один — история о Рае в интерпретации гностиков. Здесь

Иегова -- мстительный старый бог, в то время как Адам, в союзе с Евой и змеей, выступает как герой, передающий человечеству новые знания. Но он является также и сыном нового отца-бога, спасителем. Он создает новую систему Как и во всех гностических системах, он является сыном неизвестного высшего бога и должен принять на себя борьбу со старым.

Теперь мы должны предпринять попытку проанализировать результаты столкновения героя с "Ужасным Мужчиной".

Как мы говорили, герой сражается с гермафродитической фигурой уробороса. В космической проекции небесных сражений в самом начале мы находим борьбу света и тьмы, где тьма ассоциируется с рядом символических компонентов, а свет всегда отождествляется Я с героем, будь он лунным, солнечным или звездным. Однако пожирающая тьма с одинаковой легкостью может выступать как в жене - в такой форме в качестве Тиамат, хаоса и т. д., так и в мужской форме в качестве чудовища, подобного Сету или волку Фенриру.

Таким образом, все пожирающие детей фигуры отцов символизируют мужской аспект уробороса и мужскую отрицательную сторону Первых Родителей. В этих фигурах акцент ставится главным образом на пожирающую силу, то есть на утробную полость. Даже когда? позднее, при патриархате, они появляются как фигуры подлинных Ужасных Отцов, например, Кронос или Молох, их уроборический характер просматривается до тех пор, пока символизм принятия пищи находится на переднем плане, а, следовательно, и их близостей к Великой Матери.

Точно так же фаллическо-хтонические божества земли и моря являются, как правильно определил Бахофен, просто спутниками Великой Матери. Для Ипполита Великой Матерью была Афродит для Персея — Медуза, и в обоих этих мифах Посейдон, хотя выступает как независимый бог, остается инструментом разрушительной воли Великой Матери.

Ранняя стадия, на которой мы встретились с томной фигурой юноши, героем Эго-сознания, и которую мы описали как стадию подчинения власти Великой Матери, в действительности включает в себя две стадии: первая, когда обреченный и скорбный герой вступает Великой Матери; вторая, когда его сопротивление увеличивается, и он оказывается в безнадежной ситуации конфликта. Вторая стадия возрастающего сопротивления соответствует нарцисическому отходу от Великой Матери, и именно в этот момент на смену пассивной судьбе быть кастрированным и сведенным с ума приходит активная самокастрация и самоубийство.

Растущая мужественность юного героя теперь воспринимает разрушительную сторону Великой Матери как нечто мужское. Это жестокие спутники, с которыми связаны разрушительные элементы камень и железо,[6] приносят в жертву юного сына. В мифологии эта сторона проявляется как темная, убийственная мужская сила, как дикое животное, в особенности вепрь, который сродни свинье, символу Великой Матери, но позднее она проявляется как мужчина, её супруг-воин или как жрец, выполняющий кастрацию. В этот момент начинается восприятие мужчиной самого себя, например принесение его в жертву в качестве мужчины другим мужчиной старых обрядах плодородия. Когда с ростом самоосознания он понимает свое отношение к противнику, а жертвуемый осознает свое тождество с совершающим жертвоприношение, и наоборот, до этого космическое противоположение света и тьмы начинает восприниматься как противостояние человеческих или божественных близнецов, а длинная череда случаев

братской вражды в мифологии открывается ссорами между Осирисом и Сетом, Баалом и Мот. [7]

Самая ранняя стадия конфликта братьев-близнецов, основанного на естественной периодичности лета и зимы, дня и ночи, жизни и смерти, все еще полностью находится под господством Великой Матери. Темная, отрицательная сила смерти мужчины все еще воспринимается как ее разрушительный инструмент, точно так же как социологически и мифологически Сет, дядя Хора по матери, является инструментом враждебной, исполнительной власти матриархата.

С ростом силы мужского самосознания за стадией матриархата следует фаза разделения. Этому переходному периоду в мифологии соответствует тема братьев-близнецов, которая выражает взаимную близость противоположностей. Это разделение оказывается разрушительным для самого себя вследствие самоувечья и самоубийства. Как мы видели, в уроборической и матриархальной кастрации воля Великой Матери была первостепенной. Но тенденция к центроверсии, которая лежит в основе борьбы Эго-героя за самосохранение и вначале проявляется в форме беспокойства, ведет дальше, проходит пассивную, нарциссическую стадию и превращается в сопротивление, вызов и агрессию, направленные против Великой Матери, как это мифологически показано в легенде об Ипполите. Уничтожение системы Эго, враждебно настроенной по отношению к бессознательному, символизируемое в мифах как преследование, расчленение и безумие, предполагает наличие Эго, которое достигло сравнительно высокой степени самостоятельности и зрелости. То, что для Великой матери отец и сын являются не более, чем оплодотворяющим фаллосом, можно также сформулировать и с мужской точки зрения, говоря, что победитель и жертва, всегда одинаковы: торжествующий жертвоприносящий сам становится будущей жертвой. Опознавание связи между мужчинами-противниками является началом мужского самосознания. Это не означает, что у жертвоприносящего и жертвуемого развиваются "личные" чувства по отношению друг к друг Так как описываемые процессы являются надличностными, то можем делать выводы только из типичных событий. Одно из так» типичных событий состоит в том, что при матриархате подчиненна мужская группа постепенно ощущает и упрочивает свою независимость и уже больше не позволяет делать себя орудием пагубных нее ритуалов. Развитие мужского самосознания является как причиной, так и результатом этого открытия самого себя, и постепенно мужская враждебность сменяется мужской дружбой.

Акцентуация взаимоотношений мужчины с мужчиной в конечном итоге ведет к свержению матриархата патриархальными правителями. Точно так же как в Спарте с ее поздними матриархальными условиями можно наблюдать заметно выраженные мужские взаимные отношения среди пар юных воинов, так и в намного более ранние времена мы находим то же самое в эпической поэме о Гильгамеше и многочисленных других мифах о герое. Бесчисленные дружественные отношения между мужчинами в Греческой мифологии, и отношения между Гильгамешем и Энкиду, оправдывают себя в сражении с драконом Великой Матери.

Принцип противоположностей, прежде разделявший недружелюбных братьев, теперь стал принципом братства. Эти дружественные союзы часто существуют между неравными братьями, которые несмотря на смертность одного и бессмертие другого, должны рассматриваться как близнецы. В связи с рождением героя мы помнить что очень часто бессмертный близнец и его смертный брат зачинаются в одну и ту же ночь разными отцами. Теперь эти две чай объединяются. В любом случае взаимоотношения мужчины с мужчиной укрепляют сознание и придают силу принципу Эго, независимо от того, возникает ли союз психологически как объединение Эго и тени или как объединение Эго

и самости. То есть, на одном уровне более очевидна ассимиляция Эго своего земного брата-тени ,то есть его инстинктивной, деструктивной и самоуничтожающей стороны, в то время как на другом — это союз земного Эго с бессмертным братом-близнецом, самостью.

В противоположность пассивному, эгоцентричному и нарцисическому сопротивлению матери, скоротечному вызову и самоуничтожению, это укрепление мужского сознания ведет к тому, что Эго в борьбу против господства матриархата, к процессу, который может быть полностью осуществлен как социологически, так психологически. Социологически продвижение вперед состоит в переходе от матрилокально-матриархального брака к патрилокальному-матриархальному и наконец к патриархальному браку. Потеря силы женщины наиболее ясно видна в ее статусе. Поначалу, как давшая рождение, она имела полную власть над ребенком; никакого соперничающего с ней отца не существовало, особенно пока связь между половым актом и рождением оставалась непризнанной. Затем отец был чужаком, установленный порядок отказывал ему в какой-либо власти над детьми. При патриархате же, напротив, хозяин ребенка — отец, зачавший его, а женщина — просто сосуд, родовой проход, кормилица. Мы имеем соответствующий психологический процесс, когда с укреплением мужественности и Эго-сознания сражение с драконом матери становится борьбой героя, то есть Эго, за самоосвобождение. В этой борьбе соединение героя с мужским "небом" вызывает самовозрождение, при котором мужчина воспроизводит себя без помощи женщины.

Становление патриархата приводит к переоценке. Матриархат, представляющий превосходство бессознательного, теперь становится негативным. Соответственно, мать принимает характер дракона и Ужасной Матери. Она — старый порядок, который необходимо преодолеть. Вместо нее появляется старший брат, дядя но материнской линии, носитель комплекса власти при матриархате, как мы видим это в конфликте между Сетом и Гором.

Конфликт между дядей по материнской линии и сыном в конце концов сменяется конфликтом между отцом и сыном. Это развитие очень ясно показывает, как архетипическое связующее звено между плохим старым порядком и "врагом" меняется с различными стадиями сознания и проецируется на других носителей, но все же продолжает существовать как таковое, потому что оно архетипично. Герой представляет новое сознание. Для него враждебный дракон — это старый порядок, устаревшая психическая стадия, которая грозит снова поглотить его. Самой ранней и всеобъемлющей формой этого является Ужасная Мать; за ней следует авторитарный мужской представитель матриархата, дядя по материнской линии; и ним идет недружелюбный старый царь, и лишь после этого появляется отец.

Убийство отца в мифологии является частью проблемы Первых родителей, и его не следует связывать с личностными родителями, а тем более выводить из сексуальной фиксации сына на матери. Предполагаемая первичность патриархальной семьи является, как правильно полагал Бриффо, психологическим наследием, обусловленным чрезмерной опорой на исследование Библии.[8]

С опровержением этого предположения рушится теория убийства отца, а вместе с ней и Эдипов комплекс и антропологические доказательства, которые Фрейд использует в Тотеме и табу.

Мифология ясно дает понять, что Гор был положительно настроен к своему отцу и отрицательно к своему дяде по материнской линии Сету, который, как мы знаем, был облечен всей властью матриархальной семьи. Это подтверждают данные Малиновского [9] о том, что в примитивных обществах, основанных на матриархальном законе, существует желание убить не отца, а брата матери, который "представляет дисциплину, авторитет и исполнительную власть в семье". Поэтому намерение убить, или скорее лежащая в его основе амбивалентность, никоим образом не обусловлена сексуально и не имеет своей целью обладание матерью.

Отношение мальчика к отцу, обладающему матерью в сексуальном плане, являются, пожалуй, нежным. Но в отношении дяди по материнской линии действительно существует желание смерти, хотя мать в сексуальном и во всех других отношениях с раннего детства была для него табу. И если в этих культурах бессознательно желается запретная в сексуальном смысле сестра, то она является таким же табу для дяди по матери, как и для самого мальчика, так что мотив сексуальной ревности оказывается несостоятельным также и в случае сестры.

Чем же тогда вызвано желание смерти? Тем, что дядя по материнской линии является носителем того, что мы назвали "небом", что символизирует мужественность. Малиновский говорит, что дядя по материнской линии приносит "обязанность, запрет и принуждение" в детскую жизнь. "Он обладает властью, его идеализируют, и ему подчиняются мать и дети". Через него мальчик постигает такие понятия, как "социальное честолюбие, репутация, гордость происхождения и волнение за свое племя, надежда на будущий достаток и социальное положение". Именно против этой власти, поддерживающей коллективный закон, и направлено желание смерти мальчика, 'О либо потому, что его детская сторона ощущает эту власть как слишком подавляющую, либо его героическая сторона находит ее слишком ограничивающей. Таким образом, коллективно определяемый компонент Суперэго архетипа отца — сознание — воспринимается именно через этого дядю по материнской линии. Его убийство никоим образом не связано и не может быть связано с соперничеством за мать, потому что такого соперничества не существует. (Мы понимаем, что на термин "архетип отца" наложила отпечаток наша собственная патриархальная культура, но, тем не менее, мы все же сохраняем его, так как он помогает пояснить нашу точку зрения.)

Это громкое поражение психоаналитической теории является особенно поучительным в том, что демонстрирует привычку психоаналитика выводить ложный универсальный принцип из поздних персоналистических явлений. Но оно имеет значение еще и потому, что доказывает важность надличностных факторов, таких как авторитарная сторона архетипа отца. Надличностный фактор проецируется на различные объекты, иногда на дядю по материнской линии, а иногда на отца, в соответствии с социологической и исторической ситуацией. Но в каждом случае должна быть встреча с носителем этого фактора, ибо без убийства "отца" невозможно никакое развитие сознания и личности.

С развитием власти мужчины усиливается соперничество в мужских группах, которое растет пропорционально расширению отдельных деревень, племен и государств и накоплению собственности. Примитивная культура характеризуется строгой изоляцией обособленных групп, которая иногда доходит до такого абсурда, что различные племена, населяющие один и тот же остров, не знают друг о друге и остаются в состоянии доисторической ксенофобии. Распространение цивилизации влечет за собой все больше перекрестных связей и конфликтов. Так начинается политическая жизнь человека, которая почти всегда тождественна подъему патриархата, и с ней приходит другой сдвиг в принципе противоположностей, а именно — мужское противостояние между молодыми и

старыми, хотя первоначально оно ни в коей мере не означало конфликта между отцом и сыном.

Первоначально при принесении в жертву сезонного царя в обрядах плодородия представитель старого года или годичного цикла был так же молод, как и новый царь, приходящий ему на смену после смерти. Только вследствие его отождествления с годом он был символически стар и потому обречен на смерть. О ритуальном характере этого жертвоприношения свидетельствует то, что даже в Довольно поздние времена сразу же за оплакиванием, безо всякой паузы, следовало воскрешение. Это также опровергает натуралистическое объяснение, будто бы растительность уничтожается летней жарой и вновь возрождается весной. Это означало бы, что между смертью и воскрешением лежит период засухи и зимы - некоторый промежуток времени, в этом случае совершенно отсутствующий. Напротив, воскрешение — первоначально возрождение нового царя — следовало сразу же после смерти старого. Конфликт между двумя царями был лишь символическим, а не фактическим конфликтом между старым и молодым. Позднее, во время перехода к патриархату, на смену ежегодному царю, или временному царю, который правил несколько лет, пришел царь, имевший право защищать свою жизнь в сражении. Власть царя обновлялась ежегодно или через более продолжительные интервалы. Его замещал сезонный царь, которого приносили в жертву, хотя позднее это было заменено жертвоприношением животного. Таким образом, постоянный царь, жизненная сила которого представляла плодовитость группы, теперь действительно мог состариться и стать немощным, в то время как ожидалось, что он уцелеет в поединке со своим заместителем или с любым, кто бросит ему вызов. Пока он одерживал победу, он оставался царем. Если же он терпел поражение, его приносили в жертву, а победитель сменял его.

Следовательно, лишь с учреждением постоянного царя, как его описал Фрезер, действительно возникает некий конфликт между старым и молодым, постоянным царем, представляющим старое, и его молодым противником. Эта ранняя стадия патриархата имела большое значение для мифа о герое, потому что в этот и только в этот период возникает конфликт между старым царем и молодым героем. Мифологический элемент — конфликт между отчимом и героем — не является маскировкой конфликта между настоящим отцом и сыном. Снова и снова мы видим из древней истории, что основание династий героями и свержение старых царей и старых династий являются историческими реалиями. Основополагающий принцип противоположностей, даже когда он появляется в символической форме, намного предшествует патриархальной семье, и его нельзя выводить из нее или сводить к ней.

Таким образом, Ужасный Мужчина, которого необходимо убить и его конечная форма — Ужасный Отец, имеет предысторию, что не характерно для Ужасной Матери. Это подтверждает нашу гипотезу о вечной и неизменной сущности архетипа матери и культурном характере архетипа отца. По сравнению с однородным характером устрашения дракона матери, дракон отца представляет собой культурно стратифицированную структуру. С этой точки зрения она представляет собой природу, а он — культуру. Ужасный Мужчина, подобно Ужасной Женщине, всегда стар, злонамерен и должен быть свергнут — по крайней мере в том, что касается героя, призванного совершить нечто необычное. Однако Ужасный Мужчина функционирует не только как принцип, дезинтегрирующий сознание, но даже в большей степени как принцип, который закрепляет сознание в неверном направлении. Именно он препятствует дальнейшему развитию Эго и поддерживает старую систему сознания. Он является разрушительным инструментом матриархата, он — его оруженосец; он представляет его власть как дядя по материнской линии; он — отрицательная сила самоуничтожения и желания вернуться к

отправной точке брата-близнеца; и наконец, он представляет власть патриархата как Ужасный Отец.

Ужасный Отец появляется перед героем в двух трансперсональных фигурах: как фаллический Отец Земля и как пугающий Духовный Отец. Отец Земля, повелитель всех хтонических сил, психологически относится к сфере Великой Матери. Чаще всего он проявляется как подавляющая агрессивность фаллического инстинкта или как разрушительное чудовище. Но всякий раз, когда Эго подавляется сексуальными, агрессивными или властными инстинктами мужчины или любой другой формой инстинкта, мы можем видеть господство Великой Матери. Ибо она является правителем инстинктов бессознательного, повелителем животных, а фаллический Ужасный Отец — это только ее спутник, а не равнозначный ей мужской принцип.

Но, с другой стороны, Ужасный Отец препятствует сыну и задерживает его саморазвитие скорее, как духовная преграда, чем как фаллическая. Точно так же как в Мертвом дне Барлаха ужасная Мать Земля мешает своему сыну стать героем и таким образом "кастрирует" его, так и здесь Ужасный Отец кастрирует сына, не позволяя ему достичь самовыражения и победы. И снова этот отец надличностен. Он действует, так сказать, как духовная система, которая извне и свыше захватывает силой и уничтожает сознание сына. Эта духовная система появляется как сдерживающая сила старого закона, старой религии, старой морали, старого порядка; как сознание, обычай, традиция или любое другое духовное явление, что завладевает сыном и мешает его продвижению в будущее. Любое содержимое, которое действует посредством своего эмоционального динамизма, такого как парализующая хватка инертности или вторжение инстинкта, относится к сфере матери, природы. Но все содержимое, поддающееся сознательному пониманию, ценность, идея, моральный канон или какая-либо иная духовная сила, связаны с системой отца и никогда со сферой матери.

Патриархальная кастрация имеет две формы: порабощение и одержимость. Порабощенное Эго остается полностью зависимым от отца как представителя коллективных норм — то есть оно отождествляется с низшим отцом и таким образом теряет свою связь с созидательными силами. Оно остается связанным традиционной моралью и сознанием и, словно кастрированное по обычаю, теряет высшую половинку своей двойственной сущности.

Другой формой патриархальной кастрации является отождествление с отцом-богом. Это приводит к состоянию одержимости небесной напыщенностью, "уничтожению через дух". Здесь также Эго-герой теряет сознание своей двойной сущности вследствие потери контакта со своей земной частью.

За патриархальной кастрацией в виде напыщенности вырисовывается пожирающая фигура уробороса, сочетающего в себе ненасытность мужчины и женщины. В водовороте божественной плеромы отцовский и материнский аспекты уробороса сливаются в один . Уничтожение через дух, то есть через небесного отца и уничтожение через бессознательное – то есть через мать землю, как показывает изучение каждого психоза тождественны. Коллективные духовные силы в такой же мере являются частями уробороса, как коллективные инстинктивные силы, тянущие в противоположном направлении.

Уничтожение через дух — это тема еще вавилонского мифа об Этане, где герой поднимается в небо на орле и разбивается о землю. (Здесь недосягаемое небо относится к матери-богине Иштар, которая, уроборически говоря, является небом и землей

одновременно). Та же мифологическая ситуация повторяется с Икаром, который слишком близко подлетает к солнцу, и с Беллерофонтом, который пытается добраться до неба на крылатом коне Пегасе, но падает на землю и теряет рассудок. Высокомерие Тесея и других героев представляют такие же качества. Только вследствие того, что он зачат богом, герой должен быть "предан богу" и полностью осознавать то, что делает. Если он действует с заносчивостью самовлюбленности, которую греки называли высокомерием, и не почитает нуминозум, против которого борется, то его свершения неизменно сведутся к нулю. Подняться слишком высоко и упасть, опуститься слишком глубоко и завязнуть — все это сходные симптомы переоценки Эго, которая заканчивается несчастьем, смертью или безумием. Разбивается ли герой о землю, как Этан, падает в море, как Икар, застревает в подземном мире, как Тесей, его приковывают к скале, как Прометея, или он отбывает наказание, как Титаны — самонадеянное презрение к надличностным силам всегда приводит к краху.

Патриархальная кастрация, включающая, как это и должно быть, жертвоприношение земной стороны человека, приводит, не меньше, чем матриархальная кастрация, к жертвоприношению фаллоса. Это еще один признак таинственной тождественности отцовского и материнского уробороса. Соответственно символы кастрации часто встречаются у тех, кто всецело поглощен духом, например, в гностицизме и в тайных религиях. В гностическом гимне культа Аттиса,[11] Аттис отождествляется с Адонисом, Осирисом, Гермесом, Адамасом, Корибасом и Папасом. Обо всех них говорится, что они являются "трупом, Богом и бесплодными". Здесь снова появляется элемент, который мы уже встречали у "борцов" против матриархата, а именно самокастрация как акт вызова Великой Матери. Гностические борцы одержимы Духовным Отцом. Очарованные, они уступают патриархальной кастрации и таким образом уроборической плероме, которая оказывается Великой Матерью и именно тем, чему они пытались противостоять. Их постигает та же участь, что и борцов в мифе.

Тем не менее, патриархальная кастрация имеет несколько иную окраску. В то время как матриархальная кастрация оргиастична, вторая имеет склонность к аскетизму. Как и в случае всех крайностей эти две формы перекрываются. Например, некоторые некоторый гностические секты позволяли себе сексуальные оргии, но эта практика была аннулирована типично гностическим образом. Оргия, будучи экстатическим явлением, связывалась с Духовным Отцом, тогда как в то же самое время отрицание принципа плодородия, приписываемого материнскому божеству или демиургу, доходило до систематических абортов и детоубийства.

Сыновья отцов — аналоги уже обсуждавшихся сыновей матерей. Они обязаны своим бессилием патриархальной кастрации, для которой, когда она принимает форму "порабощения", мы можем ввести термин "комплекс Исаака". Авраам готов принести в жертву своего сына Исаака, который безоговорочно доверяет ему. Мы не будем здесь рассматривать религиозное и психологическое положение Авраама, потому что в данном случае нас интересует исключительно ситуация его сына. Характерными являются два симптома. Первый, ясно обозначенный в Библии, состоит в полном доверии Исаака отцу, которому он следует во всем, никогда не полагаясь на самого себя. Второй — это специфический характер его религиозного восприятия, то есть части его личности, способной к самостоятельному проявлению и воспринимающей Бога как "pachad Yizchak" — страх и трепет Исаака.[12]

Во всех таких случаях бессилия и чрезмерного уважения закона "сознание" или авторитет старого коллективного отца заглушает "внутренний голос", возвещающий о новом проявлении Божественного. Точно также как для сыновей матерей Ужасная Мать

затмевает бога отца, а сами они бессознательно удерживаются в лоне, отрезанные от созидательной, солнечной стороны жизни, так и для сыновей отцов родившая героя богиня полностью затмевается Ужасным Отцом. Они живут полностью на сознательном уровне и заточены в чем-то тина духовного лона, которое никогда не позволяет им приблизиться к их плодотворной женской стороне, творческому бессознательному. Таким образом, они оказываются кастрированными, подобно сыновьям матерей. Их подавленный героизм проявляется как бесплодный консерватизм и реакционное отождествление с отцом. Ему не хватает живой, диалектической борьбы поколений.

Обратную сторону этого комплекса отца - которая ни в коей мере не подразумевает освобождения от него можно видеть в "вечном сыне , вечном революционере. Он_ отождествляет сёбя с убивающим дракона героем, но абсолютно не осознает своего родства с божественным отцом. Отсутствие отождествления с отцом не позволяет вечному юноше когда либо обрести его царство. Его отказ стать отцом и взять в свои руки власть представляется ему гарантией вечной молодости, ибо взять в свои руки власть означает признать факт что она должна быть передана будущему сыну и правителю. Индивидуалист по своему существу неархетипичен - то есть, с возрастом вечный революционер оказывается невротиком, который не готов вести себя как подобает в его возрасте и принимает свои ограничения. Преодолеть комплекс Исаака не означает выйти из-под его влияния.

Таким образом, в сражении с драконом задача героя заключается не только в победе над матерью, но и над отцом. Конфликт никогда не бывает личностным, он всегда надличностный. Даже там, где собственные родители играют некоторую роль — а на практике это всегда так — их личный вклад сравнительно невелик, в то время как вклад надличностных родительских образов, действующих через них, имеет огромное значение. Когда мы изучаем историю индивида, то находим, что собственная реальность родителей не только искажена, но иногда может быть даже полностью инвертирована, если того требует архетипический канон. Даже Фрейд с удивлением отмечал, что запрет может настойчиво приписываться родителям который никогда ничего подобного не выражал.[13] Снова и снова случается так, что помимо вторичной персонализации, которая всегда демонстрирует Эго ложную картину, действующими факторами являются надличностные компоненты бессознательного. Только встреча Эго с этими надличностными факторами создает личность и закладывает ее "властные структуры".[14] Для этого в качестве модели служит герой; его свершения и его страдания иллюстрируют то, что позднее выпадет на долю каждого индивида. Формирование личности символически изображается в его жизни — он является первой "личностью", и его примеру следует каждый, кто становится личностью.

Тремя основными элементами мифа о герое являются герой, дракон и сокровище. Сущность героя разъяснена в главе, касающейся его рождения, а значение дракона — в главах об убийстве матери и отца. Остается проанализировать третий элемент, цель сражения с драконом.

Эта цель, будь то возлюбленная, девушка, попавшая в беду, или "трудно достижимое сокровище", тесно связана с тем, что происходит с героем во время битвы.

Только в этом сражении герой проявляет себя как герой и меняет свою сущность; ибо будь он вершителем, который избавляет, или победителем, который освобождает, то, что изменяет он, преобразовывает также и его самого. Поэтому третьей и последней стадией является миф о трансформации. Мифы первой стадии о природе и сотворении, которые

привели к борьбе сущностей в мифе о герое, достигают своей вершины в триумфальном мифе о трансформации, о котором сказано: "Природа правит природой".

[1] Van der Leeuw, Religion in Essence and Manifestation.

[2] Отношения между Я и бессознательным.

[3] Bin Gorion, Sagen der Juden, Vol. II, "Die Erzvater", XI.

[4] О. Ранк. Миф о рождении героя. См. A. Jeremias, обоснованные надличностные интерпретации которого персонализированы и доведены банком до абсурда.

[5] Моисей и Монотеизм.

[6] См. связь между Сетом, братом Исиды, и кремниевым ножом; или между Марсом, любовником Афродиты, и железом.

[7] Ранк (Psychoanalytische Beltrage zur Mythenforschung, p.374), как и вес фрейдисты, просто заменяет проблему близнецов конфликтом между старшим и младшим братьями, а затем между отцом и сыном, чтобы снова свести все к Эдипову комплексу. Обсуждаемые здесь исторические и психологические стадии необходимо разделять и нельзя интерпретировать персоналистически.

[8] Бриффо (.The Mothers, Vol. I, p.201) продемонстрировал, что начала общества лежат не в патриархальной семье, а в матриархальной, и что психология человекообразных обезьян не дает никаких свидетельств в пользу первичности патриархальной семьи.

[9] Mutterrechtliche Familie und Odipus Komplex', The Father in Primitive Psychology, etc.

[10] Aldrich, The Primitive Mind and Modern Civilization, p.6.

[11] Leisegang, Die Gnosis, pp.129 f.

[12] Даже если филологические исследования докажут, что pac had означает "родство" и что интерпретировать его как "страх" неверно, последнее значение пользуется общим признанием и поэтому действенно. (См. A1-bright, Stone Age в отношении интерпретации слова "родство".) Исаакова психология отец-сын характерна для еврея, у которого она до сих пор встречается как комплекс Исаака. Для него закон и старый порядок служат убежищем от требований реальности. Закон становится "грудью Авраама", а Тора •- чем-то типа мужского духовного лона, из цепкой хватки которого не может родиться ничего нового.

[13] "Из истории одного детского невроза".

[14] См. ниже, с. 360 и далее.

С. Миф о трансформации

I. ПЛЕННИЦА И СОКРОВИЩЕ

Мифологической целью сражения с драконом почти всегда является дева, пленница, или, более широко, "трудно достижимое сокровище". Следует отметить, что чисто материальная груда золота, такая как клад Нибелунгов, является более поздней и

выродившейся формой первоначальной темы. В самых ранних мифологиях, в ритуале, в религии, как в мистической литературе, так и в сказках, в легенде и в поэзии золото и драгоценные камни, но особенно бриллианты и жемчуг ([1]), первоначально были символическими носителями нематериальных ценностей. Точно так же и живая вода, исцеляющая трава, эликсир бессмертия, философский камень, волшебные кольца и кольца исполнения желаний, магические шлемы и крылатые плащи - все это также символы сокровища.

Существует одно явление, которое имеет большое значение в психологической интерпретации, и это явление мы назовем типологическим двойным фокусом мифа и символа. Это значит, что характерным для мифов и сказок является одинаковое воздействие, хотя и различным образом, на противоположные психологические типы ([2]). То есть, как экстраверт, так и интроверт находят "себя" изображенными в мифе и видят в нем обращение к себе. Поэтому для экстраверта миф нужно интерпретировать на объективном уровне, а для интроверта - на субъективном, ([3]) но обе эти интерпретации необходимы и взаимодополняемы.

Например, "пленницу" на объективном уровне следует понимать как реальную живую женщину. Проблема взаимоотношений мужчины и женщины, ее сложности и пути решения будут понятны и самому недалекому уму, если он найдет аналог этому в мифе. Но в примитивные времена, когда вопрос партнера не представлял такой проблемы, какую он представляет сегодня для нас, завоевание и освобождение пленницы означало намного большее. Борьба за нее была формой встречи мужчины и женщины, но, подобно Первой Матери и Первому Отцу, эта женщина является надличностной и символизирует коллективный психический элемент человечества.

Таким образом, наряду с объективной интерпретацией, с самого начала существует другая, настолько же обоснованная интерпретация, которая видит пленницу как нечто внутреннее - то есть саму душу. Мифы затрагивают отношение мужского Эго к этой душе, приключения и опасности борьбы и ее окончательное освобождения Волшебное и нереальное в событиях, достижение цели борьбы с драконом, выдвигается на такое видное место, что происходящее на психическом заднем плане - а для интроверта именно это является центром внимания - несомненно должно было отразиться в мифологическом символизме.

Естественно, реакции разного типа, когда акцент ставится то на психической подоплеке, то на мире как внешнем объекте, всегда остаются бессознательными. События, происходящие на заднем плане души проецируются вовне и воспринимаются через объект как искусственное единство, состоящее из внешней реальности и психической активации этой реальности. Однако миф и его символизм характеризуются преобладанием внутреннего психического элемента, который отличает мифологическое событие от "фактического".

Кроме двойного фокуса мифологических тем, психологическая интерпретация должна также учитывать наложение личностных и надличностных факторов. Это не значит, что разница между личностной и надличностной интерпретацией такая же, как и уже упомянутая нами разница во взглядах экстравертного и интровертного типа. Оба типа могут иметь архетипические впечатления, так же как и оба могут быть ограничены чисто личностным уровнем. Например, интроверт может задерживаться на личном содержимом своего сознания или своего личного бессознательного, которое наполнено значением для него, в то время как экстраверт может воспринимать надличностную природу мира через объект. Поэтому "пленница" как внутренняя величина может восприниматься и

личностно, и надличностно на субъективном уровне, точно так же как она может восприниматься личностно и надличностно в качестве внешнего женского объекта. Личностная интерпретация не более свойственна объективному уровню, чем надличностная интерпретация - субъективному.

Миф, будучи проекцией надличностного коллективного бессознательного, изображает трансперсональные события, и независимо от того, интерпретировать ли их объективно или субъективно, личностная интерпретация ни в коем случае не будет адекватной. Кроме того, так как миф зародился в коллективном бессознательном, субъективная интерпретация, воспринимающая миф как надличностное психическое явление, является более справедливой, чем попытка интерпретировать его объективно, например, как метеорологическое или звездное явление.

Соответственно, миф о герое никогда не имеет отношения к личной истории индивида, а всегда связан с каким-нибудь прототипным и надличностным явлением коллективного значения. Даже личностные черты имеют архетипическое значение, независимо от того, насколько могут отличаться друг от друга отдельные герои, их судьбы и цели их битв с драконом.

И опять же, даже когда мы интерпретируем сражение и его цель субъективно, как процесс, происходящий внутри героя, то в действительности этот процесс оказывается надличностным. Даже являясь внутренними явлениями, победа и трансформация героя имеют силу для всего человечества; они приводятся для нашего собственного размышления, для того чтобы мы пережили их в наших собственных жизнях или, по меньшей мере, прочувствовали их снова. В то время как современная историография с ее личностным уклоном склонна считать, что коллективные явления в жизни народов и человечества зависят от личных прихотей монархов и вождей, миф отражает трансперсональную реальность, стоящую за конкретными событиями жизни героя. В большом количестве мифов целью сражения героя является освобождение пленницы из-под власти чудовища. Архетипически это чудовище - дракон или, если архетипические и личностные черты смешаны, - ведьма, колдун, или, личностно, - злобный отец или злобная мать.

До сих пор мы пытались интерпретировать сражение с драконом как встречу с архетипом матери-отца. Остается прояснить отношение пленницы и сокровища к стерегущим их силам, символизируемым двуликим драконом, и объяснить, что означает цель для самого героя.

В конце пленница всегда выходит замуж за героя: союз с ней является непременным исходом сражений с драконом по всему миру. Старые мифы и ритуалы плодородия, лежащие в основе всех Празднеств весны и нового года, составляют культовый прототип, частью которого является миф о герое.

Победа над чудовищами и врагами является условием триумфального союза юного героя-царя с Богиней Землей, которая магически возвращает плодородие года. Освобождение и завоевание пленницы в результате сражения с драконом является ответвлением этого старого ритуала плодородия. Мы уже обсуждали развитие мужественности героя в его борьбе с драконом и в преодолении влияния Ужасной Матери, что есть одно и то же. Завоевание и освобождение пленницы является дальнейшей стадией в эволюции мужского сознания.

Трансформация, которой подвергается мужчина в ходе сражения с драконом, включает перемену в его отношении к женщине, символически выраженную в освобождении пленницы из-под власти дракона. Другими словами, женский образ высвобождается из объятий Ужасной Матери, процесс, известный в аналитической психологии как кристаллизация анимы из архетипа матери. За союзом юного сына с Великой Матерью следует фаза развития, в которой зрелый мужчина объединяется с партнером-женщиной своего возраста и типа в hieros gamos. Только сейчас он достаточно зрел для того, чтобы воспроизвести себя. Он больше не инструмент превосходящей его Матери Земли, а, подобно отцу, принимает на себя заботу и ответственность за свое потомство и, установив постоянные взаимоотношения с женщиной, основывает семью как ядро всей патриархальной культуры, а позже династии и государства.

С освобождением пленницы и основанием нового царства вступает в силу патриархальный век. Он пока что патриархальный не в том смысле, что женщина покорена, а только в том, что мужчина обладает независимым контролем над своими детьми. Разделяет ли женщина с ним этот контроль или мужчина присваивает всю власть себе, как в тиранической форме патриархата, имеет второстепенное значение по сравнению с тем, что теперь пришел конец деспотической власти матери над своим потомством. Ранее мы говорили об извечном страхе мужчины перед женщиной, возникающем после преодоления детской зависимости от щедрой Доброй Матери, когда он становится обособленным существом.([4]) Это отделение является естественным и необходимым. То есть, внутренние тенденции, нацеленные на самоосвобождение, более сильны, чем внешние, требующие этого освобождения и укрепляющие его. Нет никакой злобной фигуры отца, лишающей ребенка матери; даже если этот образ действительно появляется, то он всегда является проекцией внутреннего, "небесного" авторитета, который настаивает на самоосвобождении Эго, точно так же как в образе отца он побуждает героя к борьбе. Как юношеский страх перед пожирающей Великой Матерью, так и младенческая блаженная отдача себя уроборической Доброй Матери являются первичными формами познания мужчиной женщины; но для того чтобы могли развиться реальные взаимоотношения мужчины и женщины, они не должны быть единственными. До тех пор, пока мужчина любит в женщине только щедрую мать, он остается инфантильным. И если он боится женщину как кастрирующее лоно, то он никогда не сможет соединиться с ним и воспроизвести себя.

Герой убивает только ужасную сторону женщины и делает это для того, чтобы высвободить плодотворную и радостную ее сторону после чего она соединяется с ним.

Освобождение положительного женского элемента и отделение его от ужасающего образа Великой Матери означает освобождение пленницы и убийство дракона, в заточении у которого она томится. Великая Мать, до этого единственная и полновластная форма восприятия женщины, свержена и убита.

Предзнаменование этого процесса в мифологии, трансформация Ужасной Матери, было описано Кеесом ([5]) как тема "укрощения хищника", ([6]) хотя он и не рассматривает связи, интересующие нас здесь. Он пишет: "Овладение необузданными силами хищника, магическое укрощение губительных сил "злых" божеств природы и, прежде всего, в завоевание змеи Урея в

качестве царственной короны Буто - весьма характерный вклад человеческой мысли в историю". В действительности укрощение страшных божеств в мифологии уходит корнями в доисторические времена. Еще египетскую Хатор успокаивали, а ее "гнев" предотвращали с помощью танцев, музыки и опьяняющих напитков; а Баст, дружелюбная

форма богини-львицы Сехмет, становится богиней исцеления, а ее жрецы - целителями. Однако в Египетской мифологии это развитие скоро достигает более высокого уровня:

"И произошло чудо. Жестокая богиня изменила свой характер и, как "добрая сестра" своего божественного партнера, превратилась в человеческую женщину".

Здесь трансформация ужасной женщины происходит еще на божественном уровне, и, что достаточно характерно, успокоить Тефнут, ([7]) еще одну ужасную богиню-львицу, берется Тот, бог мудрости. Но в мифе о герое, где действие переходит в мир человека, задача трансформации и освобождения женщины поручается герою. В качестве пленницы она больше выглядит не как могущественный, надличностный архетип, а как человеческое существо, партнер, с которым мужчина может объединиться непосредственно. Более того: она взывает о помощи, спасении и освобождении, она требует, чтобы мужчина доказал свою мужественность, не был просто носителем фаллического инструмента оплодотворения, а проявил себя как духовная сила, как герой. Она ждет от него силы, ловкости, находчивости, смелости, защиты и готовности сражаться. Ее требования в отношении спасителя многочисленны. Они включают открытие темниц, избавление от смертоносных и магических сил, как отцовских так и материнских, уничтожение колючих чащоб и разрушение пылающих заборов сдерживания и тревоги, освобождение спящей или скованной женственности в ней, решение загадок и выигрыш в игре на смекалку в сражении умов, освобождение от безрадостной депрессии. Но освобожденная пленница всегда - конкретная личность и потому является возможным партнером для мужчины, в то время как опасности, которые ему необходимо преодолеть, являются надличностными силами. Они, объективно говоря, удерживают пленницу, или, субъективно, мешают отношениям героя с ней.

Наряду с этими мифами об освобождении и убийстве дракона существуют другие, где герой убивает чудовище с помощью дружественной женской фигуры. В этой серии женщина - например, Медея, Ариадна, Афина - активно враждебна по отношению к дракону пожирающего архетипа матери. Эти мифы демонстрируют нам полезную, сестринскую сторону женщины, стоящей плечом к плечу с героем как его возлюбленная, помощница и товарищ, или как Вечное Женское, ведущее его к спасению. Сказки обращают основное внимание на сестринство этих фигур, приходящих на помощь герою в период опасности, трогательно готовых принести себя в жертву и любить его своей чисто человеческой любовью, что дополняет самого героя. Многозначная фигура Исиды не случайно была не только женой Осириса и матерью, которая вновь родила его, но также и его сестрой.

Сестринская сторона взаимоотношений мужчины и женщины - это та их часть, которая подчеркивает общий человеческий элемент; соответственно, она дает мужчине образ женщины, наиболее близкой к его Эго и более дружественной по отношению к его сознанию, чем сексуальная сторона. Это - не реальная форма взаимоотношений, а символическая. Мать, сестра, жена и дочь являются четырьмя естественными элементами в любых взаимоотношениях мужчины и женщины. Они не только различаются типологически, но каждый из них имеет свое законное место в развитии - и в неправильном развитии - индивида.

Однако на практике эти основные типы могут быть смешаны; например, в отношениях мужчины с сестрой могут присутствовать материнские или супружеские черты. Но важным моментом является то, что сестра, женский образ души, который появляется личностно как Электра и надличностно как Афина, является духовным существом, представляющим женщину как обособленного, осознающего себя индивида, который

совершенно отличен от женского коллективного аспекта "Матерей". После того, как вследствие освобождения пленницы была познана анима-сестра, взаимоотношения мужчины и женщины могут развиваться во всей сфере человеческой культуры. Освобожденная пленница - это не просто символ мужских эротических отношений в узком смысле. Задача героя состоит в том, чтобы освободить через нее живое отношение к "ты", к миру в целом. Примитивная психология мужчины характеризуется тенденцией либидо к активации кровосмесительных семейных уз, которую Юнг назвал "родственное либидо" ([8]) То есть первоначальное состояние participation mystique в уроборосе проявляется как сила инерции, которая удерживает мужчину самыми древними и тесными из семейных уз. Эти семейные узы личностно проецируются на мать и сестру; и поэтому символический инцест с ними, стремление вернуться в уроборос характеризуется "низшей женственностью", привязывая индивида и его Эго к бессознательному.

С освобождением пленницы герой освобождает себя из рабства эндогамного родственного либидо и продвигается к "экзогамии": завоеванию женщины вне семьи или племени. В этом аспекте "выбора женщины" анима всегда имеет характер "высшей женственности", потому что анима-сестра, как пленница, ожидающая освобождения и как помощница, связана с высшей мужественностью героя, то есть с активностью его Эго-сознания.([9])

Познание пленницы и помощницы в рамках угрожающего, чудовищного мира бессознательного, контролируемого Матерями, выделяет спокойное пространство, в пределах которого дута, анима, Может принять форму женской дополняющей части героя и дополнить его Эго-сознание. Хотя фигура анимы также имеет надличностные характеристики, она ближе к Эго, и контакт с ней не только возможен, но и исключительно плодотворен.

Близкое знакомство с этим "высшим" аспектом женщины помогает мужчине преодолеть свой ужас перед клыкастым и кастрирующим лоном, Горгоной, преграждающей ему путь к пленнице, то есть преграждающей вход в созидательное, восприимчивое лоно реальной женщины.

Наряду с фигурой Софии-Афины, "Вечной Женственностью", мы также встречаем образ плененной принцессы, которая не только подталкивает героя "вперед и вверх", но и тянет его "в себя", таким образом превращая его из неоперившегося юноши в своего повелителя и хозяина. В этом смысле пленница - Ариадна, Андромеда и т. д. - является главным образом возлюбленной, Афродитой. Но эта Афродита - уже больше не изначальный океан, символизирующий Великую Мать; она вышла из него и несет в себе его следы в измененной форме. Мы не можем останавливаться на многочисленных аспектах анимы плененной принцессы и их отношении к Великой Матери; достаточно сказать, что герой объединяется с освобожденной им женщиной и основывает с ней свое царство.

Обряд бракосочетания начинается от той роли, которую царь играл в старых обрядах плодородия. Союз Богини Земли с богом-царем становится прототипом брака, и только с введением этого символического ритуала действительно начал сознательно пониматься акт сексуального слияния, бесконечно повторяющийся миллионы лет. Теперь стал очевидным тот абстрактный и реальный факт, что объединение, которое ранее было бессознательным и направлялось только инстинктом, очень важно. Его связь с надличностным наделяет бессмысленное естественное явление торжественной значимостью ритуального акта.

Таким образом, освобождение пленницы героем соответствует открытию психического мира. Этот мир так же огромен, как и мир Эроса. Он охватывает все, что мужчина когда-либо делал для женщины, все, что он пережил и создал ради нее. Мир искусства, героических свершений, поэзии и песен сосредотачивается вокруг освобожденной пленницы, вытягивается, подобно целомудренной деве, которая вырвалась из мира Первых Родителей. Из этого прямого и обратного взаимодействия полов или, скорее, мужского и женского исходят великие пути всей человеческой культуры, а не только одного искусства. Но символизм, связанный с освобождением пленницы, идет даже дальше. Ибо с освобождением пленницы в дружественный союз с мужской личностью, если не с самим его сознанием, вступает часть чужого, враждебного, женского мира бессознательного.

Личность строится главным образом при помощи интроекции: пережитое снаружи поступает вовнутрь. Такие "внешние объекты", кроме того, что они являются содержимым объективного внешнего мира, то есть предметы и личности, могут быть также содержимым внутреннего психического мира объектов. В этом смысле освобождение пленницы и расчленение дракона означают не только "анализ" бессознательного, но и его ассимиляцию, в результате чего формируется анима, как властная структура в рамках личности. Когда женский, "сестринский" элемент - неосязаемый, но весьма реальный - присоединяется к мужскому Эго-сознанию как "моя любимая" или "моя душа", это является огромным шагом вперед. Слово "мое" отделяет от анонимной, враждебной территории бессознательного область, которая ощущается как исключительно "моя" собственная, принадлежащая "моей" индивидуальной личности. И хотя она воспринимается как женская, и потому "иная", она имеет избирательное сродство с мужским Эго, немыслимое в связи с Великой Матерью.

Сражение с драконом психологически соответствует различным фазам онтогенетического развития сознания. Условия сражения, его цель, а также его возрастной период варьируют. Оно может происходить в детстве, в период совершеннолетия и при изменении сознания во второй половине жизни, фактически всегда, когда необходимо возрождение или переориентация сознания. Ибо пленница - это "новый" элемент, высвобождение которого делает возможным дальнейшее развитие.

Испытания мужественности и свидетельства устойчивости Эго, силы воли, отваги, знания "неба" героя, имеют историческое соответствие в обрядах совершеннолетия. Точно так же, как проблема Первых Родителей разрешается в борьбе с драконом, а за ней, в свою очередь, следует встреча героя с женщиной как партнером и Душой, так и посредством церемонии инициации неофит отделяется от родительской сферы и становится взрослым молодым мужчиной, способным основать семью. По то, что происходит в мифе и в истории, также происходит и с индивидом, на основе того же архетипического детерминизма. Центральной чертой психологии совершеннолетия является синдром сражения с драконом. Постоянные неудачи в сражении с драконом, то есть трудности в решении проблемы Первых Родителей, оказываются центральной проблемой невротиков в первой половине жизни и причиной их неспособности установить взаимоотношения с партнером.

Личностные аспекты этой ситуации, незначительная часть которых была сформулирована психоаналитически как личностный Эдипов комплекс, являются всего лишь поверхностными аспектами конфликта с Первыми Родителями, то есть с родительскими архетипами. И в ходе этого процесса не только мужчина, но, как будет показано в другом месте, и женщина тоже, должны "убить родителей", свергнув тиранию родительских архетипов. Только через убийство Первых Родителей может быть найден

путь из конфликта в личную жизнь. Завязнуть в этом конфликте и поддаться его очарованию склонны многие невротики, а также мужчины определенного духовного типа, чья граниченность заключается именно в провале попыток овладеть женской психикой в борьбе с драконом.

До тех пор, пока конфликт с Первыми Родителями занимает передний план, сознание и Эго остаются прикованными к магическому кругу этих взаимоотношений. Хотя этот круг почти бесконечен, и сражение в нем - это борьба с первичными силами жизни, остается . фактом, что активность индивида, ограниченного этим первоначальным кругом, по своему характеру, главным образом, отрицательна. Он является жертвой своей собственной изоляции и уединения. Люди, вовлеченные исключительно в эти первичные силы, архетипы Первых Родителей, остаются в "реторте", как говорят алхимики, и никогда не достигают стадии "красного камня". То, что им не удалось вызволить и вернуть свою женскую сторону, зачастую психологически выражается сильной поглощенностью универсалиями с исключением личностного человеческого элемента. Их героической и идеалистической заботе о человечестве в целом не достает самоограничения любовника, готового посвятить себя индивиду, а не исключительно человечеству и вселенной.

В отношении всех фигур спасителей и избавителей, чьи победы заканчиваются без освобождения пленницы, без священного объединения с ней, а следовательно, без основания царства, с психологической точки зрения есть нечто сомнительное. Явное отсутствие их взаимоотношений с женщиной компенсируется излишне сильной бессознательной привязанностью к Великой Матери. Отсутствие освобождения пленницы выражается в продолжении власти Великой Матери ([10]), в ее смертоносном аспекте, а конечным результатом этого является отчуждение от тела и земли, ненависть к жизни и неприятие мира.

Несмотря на исключительное значение пленницы для развития сознания, мы не находим в мифах никакой особенной характеристики ее как индивида, но это и не соответствовало бы сущности анимы. Только связь пленницы с "трудно достижимым сокровищем" раскрывает ее сущность, ибо пленница сама является сокровищем или каким-то образом связана с ним. Сокровище наделено магическими свойствами: нашедший его обретает способность колдовать, исполнять желания, становиться невидимым и неуязвимым, менять свою форму, иметь откровения, покорять пространство и время, становиться бессмертным.

Мы постоянно встречаем утверждение, что волшебное сокровище является просто возобновлением "детского стремления видеть все таким, как хочется, а не таким, как оно есть в действительности", и что приобретаемые таким образом способности являются ничем иным, как желаемыми идеями. Это, по-видимому, вопрос того, что позднее Фрейд назвал "высшей силой мысли", выражение, которое с тех пор стало популярным. Под этим он подразумевал особенность детского и первобытного характеров верить в то, что желания и мысли имеют силу, то есть -реальны. Здесь Юнг сделал открытия, имеющие фундаментальное значение. Они представлены в Психологии бессознательного, хотя в то время он рассматривал значительную часть материала в узком психоаналитическом смысле и позднее пересмотрел свои взгляды в Психологических типах. Это главным образом относится к интроверсии, обращению либидо внутрь, которое требует интерпретации на субъективном уровне. Но прежде, чем пришло осознание, что интроверсия и экстраверсия являются в равной мере законными типами позиций, сам Юнг интерпретировал интроверсию редуктивно и неверно понимал ее как архаичное и регрессивное явление, то есть как возврат к примитивному образу функционирования.

Эта точка зрения хорошо видна, когда Юнг интерпретирует "труднодостижимую ценную вещь" как мастурбацию, особенно когда целью борьбы героя является похищение огня.([11]) Поначалу совсем не понятно, почему, если ценной вещью является мастурбация, ее настолько "трудно" достичь, особенно, если с точки зрения психоанализа она является совершенно естественной стадией детской сексуальности. Такое утверждение граничит с парадоксом, когда в связи с этой драгоценной вещью внезапно возникает пленница. Тем ни менее психоанализ уловил здесь существенный аспект мифологической ситуации. Он был прав, рассматривая факты символически, но интерпретировал их личностно, а поэтому ошибочно. Как трудно достижимую ценную вещь мастурбацию следует рассматривать в связи с похищением огня в качестве символа созидательного творения([12]), и в этом смысле в ней прослеживаются замечательные соответствия по отношению к добыванию огня трением, а также к бессмертию, возрождению и открытию самого себя.([13]) И действительно, если освобождение пленницы и обретение сокровища высвобождает в душе поток продуктивности, заставляющий индивида ощутить себя в этом созидательном акте богоподобным, тогда не удивительно, что мифология уделяет такое горячее внимание символу сокровища.

Обсуждая мифы о сотворении, мы указывали на то, что детский вопрос "откуда возникает жизнь" связан с вопросом о родителях и с сущностью рождения и размножения. Мы обнаружили, что личностные интерпретации и объяснения, принимающие во внимание только сексуальность, были неадекватными, и это верно также и в отношении данного контекста. Точно так же, как на самом деле ребенок спрашивает о "Первых Родителях" всего живого, так и здесь - это вопрос не мастурбации, а созидательных и самопорождающих сил души. Человечество не инфантильно, и его невозможно обмануть, выдавая желаемое за действительное. Несмотря на все отличительные черты человеческого характера, чисто иллюзорный тип мышления, даже в случае примитивного человека, резко контрастирует с его талантом к адаптации и его чувством реальности, которому мы обязаны всеми нашими элементарными открытиями, сделавших возможной цивилизацию.

Например, магическая связь между ритуальным изображением убийства животного в живописи палеолита и действительным его убийством не "реальна" - то есть, не "действует" - в том виде, в каком ее, возможно, представлял человек примитивной культуры. Мы, с нашим логическим образом мышления, вначале понимаем это магическое действие с точки зрения причинности, а затем объявляем, что никакой такой причинной связи не существует. Но примитивный человек воспринимает магический эффект иначе и более правильно. В любом случае действие изображения убийства на реальное убийство животного не является действием "мысли", так что говорить о "верховной власти" мысли крайне проблематично. Можно признать научным фактом, что обряд вряд ли оказывает какое-то объективное влияние на животное, но это не означает, что вследствие этого магический обряд является иллюзорным, детским и просто принимает желаемое за действительное.

Магическая сила обряда довольно реальна и ни в коей мере не иллюзорна. Более того, она на самом деле влияет, как и предполагал человек примитивной культуры, на успех его охоты; только влияние осуществляется не через объект, а через субъект. Магический обряд, как и вся магия, и на самом деле всякое высшее намерение, в том числе и религии, действуют на субъект, практикующий магию или исповедующий религию, изменяя и повышая его собственную способность действовать. В этом смысле результат действия, будь то охота, война или что-либо еще, в высшей степени объективно зависит от влияния магического ритуала. Современному человеку оставалось только сделать

психологическое открытие, что действующим фактором в магии является "реальность души", а не реальность мира. Первоначально реальность души проецировалась на внешнюю реальность. Даже сегодня мольбы о победе обычно считаются не внутренним изменением психики, а попыткой воздействовать на Бога. Точно таким же образом охотничья магия воспринималась как попытка воздействовать на преследуемого зверя, а не как воздействие на самого охотника. В обоих случаях наш просвещенный рационализм в своей научной гордости от открытия, что объекты не поддаются воздействию, неправильно понимает магию и религию как иллюзорные. В обоих случаях это неверно. Влияние, исходящее от изменения в субъекте, объективно и реально.

Реальность души является одним из основных и самых непосредственных ощущений человечества; им пропитано все отношение человека примитивной культуры к жизни, естественно, при этом он не осознает, что это внутреннее ощущение. Оживляющий принцип магии, действие магии, магическая сила духов и реальность коллективных идей, сновидений и испытаний всем этим управляют законы данной внутренней реальности, на которую современная глубинная психология пытается пролить свет. Мы не должны забывать, что открытие объективного внешнего мира является вторичным явлением, результатом стараний сознания человека понять, с огромными усилиями и помощью инструментов и абстракций современной науки, объект как таковой, независимо от первичной реальности, которой является реальность психики. Но древний человек связывает себя прежде всего с этой первичной реальностью психических доминант, архетипов, первоначальных образов, инстинктов и типов поведения. Эта реальность является объектом его науки, а его попытки воздействовать на нее в культах и ритуалах были так же успешны в управлении и манипулировании внутренними силами бессознательного, как и усилия современного человека, направленные на управление и манипулирование силами физического мира.

Это открытие реальности психики мифологически соответствует освобождению пленницы и получению сокровища. Изначальные созидательные силы психики, которые в мифах о сотворении проецировались на космос, теперь воспринимаются очеловечено, как часть личности человека, как его душа. Только теперь герой становится очеловеченным, и только вследствие этого акта освобождения надличностные процессы бессознательного становятся психическими процессами самого человека.

Освобождая пленницу и добывая сокровище, человек овладевает сокровищами своей души, которые являются не просто "желаниями", то есть образами чего-то, чего у него нет, но что он хотел бы иметь, а возможностями, то есть образами чего-то, что он мог бы и должен иметь. Задача героя состоит в том, чтобы "пробудить те спящие образы, которые могут и должны выйти из ночи, чтобы придать миру лучший облик", и, действительно, далека от "мастурбации". И тем не менее лишь поглощенность самим собой, направление потока либидо внутрь, а не на партнера - что-то типа мастурбационного самооплодотворения на уроборический манер, делает возможным созидательный процесс психического палингенезиса или саморождения.

Реальность всей культуры, включая нашу собственную, заключается в осознании этих образов, скрытых в психике. Все искусство, религия, наука и технология, все, что когда-либо было сделано, сказано и продумано, произошло из этого созидательного центра. Самопорождающая сила души является подлинной и конечной тайной человека, благодаря которой он устроен но образу и подобию Бога-творца и отличается от всех других живых существ. Эти образы, идеи, ценности и потенциальные возможности сокровища, скрытого в бессознательном, извлекаются и реализуются героем в различных

его масках - спасителя и энергичного человека, провидца и мудреца, основателя и художника, открывателя и изобретателя, ученого и вождя.

Представляется очевидным, что проблема созидания лежит в основе мифологического канона, который когда-то господствовал по всему Ближнему Востоку повсюду драма умирающего и возрождающегося бога, разыгрываемая в День Нового Года царем как преемником бога, сопровождалась изложением текущей истории о сотворении.([14])

Если мы примем это драматическое представление мифологических событий за проекцию психологических процессов, происходящих в герое, тогда связь между сотворением, ритуалом Нового Года и возрождением становится самоочевидной. Теперь можно ответить на вопрос, почему человечество так неустанно, так страстно и внешне так бессмысленно "воспроизводит" в своих культах и ритуалах естественный процесс. Коли примитивный человек считает ритуал необходимым для плодородия земли и постулирует магическую связь между первым и вторым, то мы, несомненно, должны задать вопрос: почему он делает это? Как получается, что он явно не замечает того очевидного факта, что растительность продолжает расти и природа прекрасно может обойтись и без него?

Магко-религиозное поведение человека, которое аптропоцентрически включает его собственные действия как существенную часть естественного процесса, является первоисточником всей культуры. Неверно говорить, что он "воспроизводит" природу: скорее, посредством аналогичного ряда символов он воссоздает в своей собственной душе тот же созидательный процесс, который находит вне себя в природе. Это приравнивание созидания внутри и созидания снаружи можно видеть в отождествлении Великого Индивида, который представляет человечество или группу - например, царя плодородия - с богом-творцом. Герой - это человек, несущий культуру, как царь, равный богу. Считается, что Осирис вывел египтян из дикости и каннибализма и дал им их законы, не только научив почитать богов, но и сеять пшеницу, собирать фрукты и выращивать виноград.([15]) Иными сливами, ему приписывается развитие цивилизации и сельского хозяйства. Но почему именно ему? Потому что он не просто бог плодородия в том смысле, что он контролирует природную растительность. Наряду с этим его созидательность, включая эту способность, ею не ограничивается. Каждый культурный герой достигает синтеза между сознанием и творческим бессознательным. Он находит в себе плодотворный Центр, точку обновления и возрождения, которая в новогодний праздник плодородия отождествляется с созидательным божеством. Благодаря ей мир продолжает существовать. Обряд - а через него человечество - "подразумевает", что вокруг этого познания созидательной точки, скрытого сокровища, каковым является живая вода, бессмертие, плодородие и жизнь после смерти, слитые воедино, неустанно вращаются все стремления человечества. Кристаллизация этой точки является не "воспроизведением" природы, а подлинным творением, и символическое повторение истории сотворения в канун нового года приобретает в этот момент свое законное место.([16]) Эта внутренняя цель ритуала является не естественным процессом, а контролем над природой через соответствующий созидательный элемент в человеке.

Однако сокровище найти невозможно, пока герой прежде не найдет и не спасет свою собственную душу, свою собственную женскую половину, которая зачинает и порождает. Эта внутренняя рецептивная сторона на субъективном уровне является освобожденной пленницей, непорочной матерью, которая зачинает от святого духа-ветра и одновременно является вдохновением мужчины, его возлюбленной и матерью, колдуньей и пророчицей, точно также как герой выступает ее любовником и отцом.

Плодородие Великой Матери - иными словами, господствующее влияние коллективного бессознательного - вызывает вторжение волны бессознательного материала в личность, унося ее с собой, а иногда даже сметая, подобно стихийной силе. Но созидательная сила героя, завоевывающего пленницу - это человеческая и культурная созидательность. Объединение Эго-сознания героя с созидательной стороной души, когда он "знает" и понимает как мир так и аниму, дает подлинное рождение, синтез первого и второго.

Символический брак Эго-героя и анимы, наряду с тем, что он является предварительным и непременным условием плодородия, также дает личности прочную основу для сражения с драконом, будь этот дракон миром или бессознательным. Герой и принцесса, Эго и анима, мужчина и женщина создают пару и образуют личностный центр, который, смоделированный по примеру

Первых Родителей, но тем не менее противостоящий им, составляет собственно человеческую сферу действия. Этот брак, согласно древнейшим мифологиям,([17]) заключался па празднике Нового года сразу же после поражения дракона. Здесь герой олицетворяет "небо" и является архетипом отца, точно так же, как плодотворную сторону архетипа матери олицетворяет омоложенная и очеловеченная фигура спасенной девственницы. О результате спасения пленницы из-под власти уроборической матери, в которой дракон и непорочная мать все еще были одним целым, освобождаются девственница-жена, молодая мать и партнерша; но теперь благодаря активированному мужскому сознанию героя они наконец дифференцируются друг от друга.

Обсудив символ пленницы во всем его многообразии, мы подведем итог, взяв в качестве парадигмы мифа о герое легенду о Персее, ибо только сейчас можно понять подоплеку и символическое значение всех мифологических данных. Персей был сыном Данаи. Она зачала его от Зевса, пролившегося на нее в виде золотого дождя. "Отрицательный отец" появляется в личностной форме дважды. Первый раз - как дед, царь Аргоса Акрисий. Из-за того, что оракул предсказал ему смерть от руки его же внука, он велит заточить свою дочь Данаю и ее непредусмотрительно рожденного ребенка в сундук и бросить в море. Вторая отрицательная фигура отца - Полидект, "гостеприимный" правитель, он женится на Данае и, чтобы избавиться от Персея, велит ему принести голову Горгоны.

Горгоны - это дочери Форкиса, "Седого". Как и две его сестры, Кето ("чудовищная") и Эврибия ("могучая") и его брат Тавмант ("творящий чудеса"), он был ребенком пучины, Понта. Все они произвели на свет ужасающий мифический выводок чудовищ. Горгоны с металлическими крыльями, со змеями вместо волос и вместо поясов, с клыками; как у вепря, бородатые и шипастые, с высунутыми языками, являются уроборическими символами того, что мы можем справедливо назвать "Адским Женским". Их сестрами и стражами были Граи, их имя означает "страх и ужас". У них один глаз и один зуб на всех, и они также являются уроборическими созданиями, обитавшие у крайних границ ночи и смерти, далеко на западе, у берегов первозданного океана.

Сторону Персея приняли Гермес и Афина, божества, покровительствующие мудрости и сознанию. С их помощью ему удалось перехитрить Грай и узнать у них дорогу к нимфам. Эти добрые морские богини дали ему шлем-невидимку Гадеса, пару крылатых сандалий и заплечный мешок. Гермес подарил ему меч, а Афина дала бронзовый зеркальный щит, чтобы он мог видеть отражение головы Медузы и таким образом убить ее, ибо прямой взгляд на лик Горгоны означал верную смерть, немедленное превращение в камень. Мы не можем более подробно вникать в этот исключительно интересный символизм, а лишь

скажем, что символы интеллекта и одухотворения играют здесь в высшей степени важную роль. Полет, невидимость и отраженный образ составляют однородную группу, и к этому как символ подавления мы бы добавили заплечный мешок, в который Персей прячет голову Горгоны, таким образом делая ее невидимой и безопасной. Довольно странным представляется то, каким образом Персей изображается в раннем Греческом искусстве. ([18]) Основным моментом является не убийство Горгоны, как можно было бы подумать, а стремительное бегство героя от преследующих его сестер. Для нашего образа мыслей действительно странно снова и снова видеть доблестного Персея, стремглав несущимся беглецом.

Очевидно, что крылатые сандалии, шлем-певидимка и скрывающий голову заплечный мешок намного важнее для него, чем смертоносный меч, и его страх значительно увеличивает ужасающий аспект убитой, но вечно преследующей Горгоны. Мы снова встречаемся здесь с мифологическим прототипом Ореста, преследуемого Фуриями, ибо, точно так же и Персей становится героем, потому что убивает Ужасную Мать.

Уроборический характер Горгоны можно определить не только по символам, но также из истории религии. О горгоноподобной скульптуре на храме Артемиды на Корфу, датируемой шестым столетием, Вудворд пишет: «Может показаться странным, что этой грубой, гримасничающей фигуре отведено такое почетное место на фронтоне храма, но стоящая за этим идея возвращает нас к временам, гораздо более ранним, чем те, когда эти горгоноподобные фигуры стали отождествляться с созданиями из легенды о Персее. В сопровождении львов она олицетворяет великий Дух Природы примитивных верований. Она появляется в ранних азиатских и ионийских произведениях искусства как богиня с геральдически размещенными по обе стороны от нее птицами, львами или змеями, она - прототип Кибелы фригийского культа и Артемиды греков. Здесь, благодаря одному аспекту ее сущности, она стала отчасти отождествляться с Медузой".([19])

Оставив этот отрывок без комментариев, мы можем считать, что тождественность Горгоны, убитой Персеем, и фигуры Великой Матери, которая правит дикими животными, доказана даже для исследователей, незнакомых с реальной подоплекой мифа.

Таким образом, бегство и спасение героя очень ясно свидетельствуют о подавляющем характере Великой Матери. Несмотря на помощь Гермеса и Афины, невзирая на чудесные подарки, жалованные ему нимфами, и несмотря на то, что он отворачивается, чтобы нанести смертельный удар, он является мужчиной, едва способным убить ее. (Заметьте, что парализующее и превращающее в камень действие ужасной маски смерти снова появляется как "тема прочного прирастания ([20]) в истории о Тесее. Пытаясь похитить Персефону из подземного мира, он прочно прирастает к скалам, его терзают Эринии, пока на помощь ему не приходит Геракл.) Сила Великой Матери слишком подавляюща, чтобы какое-либо сознание могло схватиться с ней напрямую. Горгона может быть уничтожена лишь косвенным образом, когда отражается в щите Афины - иными словами, только с помощью богини-покровительницы сознания, которая, как дочь Зевса, символизирует "небо".

После убийства матери, на обратном пути, Персей спасает Андромеду от ужасного морского чудовища, которое опустошает страну и уже готово сожрать девушку. Это чудовище было послано Посейдоном, "любовником Медузы"([21]) и владыкой океана и также чудовищем. Он - Ужасный Отец и, как любовник Медузы, явно связан с Великой Матерью как ее непобедимый фаллический супруг. Снова и снова в своем гневе он

посылает чудовищ опустошать страну и уничтожать ее обитателей; он является драконом или быком, представляющим деструктивную мужскую сторону уробороса, которая откололась и стала автономной. Нанести поражение чудовищу - это задача героя, независимо от того, кто он - Беллерофонт или Персей, Тесей или Геракл. Таким образом, последовательность событий, типичная для мифа о герое, повторяется в легенде о Персее следующим образом: убийство надличностных матери и отца (Медузы и морского чудовища) предшествует освобождению пленницы, Андромеды. Его отец - бог, его мать - невеста бога, собственный отец, который ненавидит его, затем убийство надличностных Первых Родителей и наконец освобождение пленницы - таковы стадии, отмечающие прогресс героя.

Но этот путь может быть триумфально завершен только с помощью божественного отца, посредником которого здесь выступает Гермес, и с помощью Афины, чей Духовный характер и враждебность по отношению к Великой Матери мы уже подчеркивали.([22])

То, что затем Персей отдает голову Горгоны Афине и что она украшает ею свой щит, венчает все происшедшее как победу Афины под Великой Матерью, победу воительного аспекта, благоприятного для мужчины и сознания. Мы также встречаем его в Орестее. Самой поразительной чертой в образе Афины является нанесение Поражения старой матери-богине новым женским духовным принципом. Афина все еще сохраняет все характеристики великой критской богини. В многочисленных изображениях на вазах она окружена змеями; на самом деле великая змея является ее постоянной спутницей до самого конца. Ее критское происхождение выдает также ее эмблема, дерево, и ее появление в образе птицы. Но она укротила изначальную силу женщины; теперь она носит на своем щите голову Горгоны как трофей. С довольно ранних времен она была богиней-покровительницей правителя, и ей поклонялись в его дворце,([23]) так что она стала символизировать революцию, которая в век патриархата низвергла власть материнского божества. Вышедшая из головы Зевса, она рождена отцом и не имеет матери, в противоположность рожденным матерью и не имеющим отца фигурам древних времен; и, опять же, в противоположность враждебности Ужасной Матери ко всему мужскому, она выступает как товарищ и помощник героя-мужчины. Эта дружба между мужчиной и женщиной изображена на вазе, датируемой второй четвертью шестого столетия до н.э., на которой представлен Персей, метающий камни в чудовище. Андромеда не изображена, как обычно, закованной и пассивной; она стоит рядом с Персеем как его помощница.

Другая символически важная черта мифа рассказывает, что крылатый конь Пегас вышел из обезглавленного туловища Горгоны. Конь относится к хтонически-фаллическому миру, и говорится, что он - детище Посейдона; он представляет природу и инстинкт, которые являются всемогущественными у всех получеловеческих созданий, таких как кентавры. Вариацией этой же темы является резвящаяся среди увенчанных белыми гребнями бурунов мирская полурыба-полуконь. Как движимый и движущий элемент в бурном море бессознательного, он представляет деструктивный импульс; в то время как в лошади, домашнем животном, природа укрощена и послушна. Интересно отметить, что в ранней картине убийства Медузы (7 век до н. э.) ([24]) она изображена в облике кентавра.([25]) Этот символизм представляется первичным и является основой истории о том, что Пегас вышел из поверженной Медузы; крылатый конь освобождается, когда кентавра-женщину убивает крылатый мужчина.

Крылатый конь символизирует освобождение либидо от Великой Матери и его парящий полет, другими словами, его одухотворение. Именно с помощью этого самого Пегаса Беллерофонт совершает свои героические подвиги. Он не поддается обольщениям

Антеи, посылающей его сражаться с Химерой и Амазонками. И снова символизм достаточно ясно указывает на победу мужского, сознательного духа над силами матриархата. Глубокая психологическая интуиция мифа еще более поразительно раскрывается в том, что высвобожденному из Медузы Пегасу приписывают созидательную работу на земле. Нам говорят, что, когда крылатый конь средь грома и молний взлетел к Зевсу, он выбил из земли Ключ Муз. Архетипическая близость между конем и ключом такая же, как и между естественным импульсом и созидательным оплодотворением. В Пегасе оно принимает форму трансформации и сублимации- крылатый конь выбивает из земли родник поэзии. Как мы увидим позднее, этот аспект мифа о Пегасе лежит в основе всей способности к творчеству.

Уничтожение дракона означает не только освобождение пленницы, но и восхождение либидо. В мифе о Пегасе динамично представлен процесс, известный в теории психологии как кристаллизация анимы из архетипа матери. Смерть дракона высвобождает парящие, созидательные силы. Пегас - это либидо, которое как крылатая духовная энергия несет героя Беллерофонта (также называвшегося Гиппоноем, что означает "искусно правящий конем") к победе, но также он и направленное внутрь либидо, которое бьет ключом творческого искусства. Высвобождение либидо никогда не является ненаправленным; оно поднимается в направлении духа.

Таким образом, если сформулировать это абстрактно, герой Персей заключает союз с духовной стороной, он крылат, и его союзниками в борьбе с бессознательным являются боги духа. Его противник - уроборическая Горгона, обитающая далеко на западе, в стране смерти, в окружении своих страшных сестер Грай, жительниц глубин. Персей побеждает бессознательное символическим актом осознания. Он недостаточно силен, чтобы прямо взглянуть в парализующее лицо уробороса, поэтому он вызывает его образ в сознание и убивает его "через отражение". Он обретает сокровище - во-первых, Андромеду, освобожденную пленницу, и, во-вторых, Пегаса - духовное либидо Горгоны, теперь высвобожденное и трансформированное. Следовательно, Пегас является духовным и трансцендентным символом одновременно. Он сочетает в себе духовность птицы с конским характером Горгоны.

Развитие личности проходит в трех различных направлениях. Первое - это внешняя адаптация к миру и вещам, иначе известная как экстраверсия; второе - это внутренняя адаптация к объективной психике и архетипам, иначе известная как интроверсия. Третье - это центроверсия, формирующая "я" или индивидуализирующая тенденция, протекающая внутри самой психики, независимо от первых двух позиций и их развития.

В предшествующих строках мы пытались показать, что означают для экстравертной и интровертной позиций цель и суть сражения с драконом - пленница и сокровище. В заключение мы должны продемонстрировать их значение с точки зрения центроверсии.

[1] См. Jung and Wilhelm, The Secret of the Golden Flower', Jonas, "Lied von der Perle", in Gnosis und spayanticer Geist, pp.320 f.; Preus, Die geistige Kultur der Naturvolker, p. 18; К. Г. Юнг. Психология и алхимия, рис. 61.

[2] Юнг. Психологические типы.

[3] Jung, "On Psychic Energy".

[4] СМ. выше, с. 181, 184.

[5] Der Gotterglaube, pp. 134 ff.

[6] Kees, "Die Befriedigung des Raubtiers", pp.56 f.

[7] Erman, Religion, pp. 66 f.

[8] Юнг, Психология переноса, пар. 431.

[9] Нет необходимости говорить, что только этот фактор может сгруппировать высшую женственность. Так называемые "духовные" аргументы, которые активируют родственное либидо и ведут к инцесту, относятся к сфере низшей женственности, в то время как сексуальные мотивы, ведущие к сражению с драконом, должны быть отнесены к высшей.

[10] См. ниже, с. 268.

[11] Symbols of Transformation, p. 160.

[12] См. выше, с. 35 и далее

[13] Юнг, указ. соч.

[14] Hooke, Myth and Ritual, pp. 8 f.

[15] Frazer, The Golden Bough, p. 4 21.

[16] Hooke, op.cit., p.3.

[17] Там же, с.8.

[18] Woodward, Perseus: A Study in Greek Art and Legend.

[19] Там же, с. 39.

[20] [СМ. Coomaraswamy, "A Note on the Stickfast Motif". - прим. перев.]

[21] Woodward, op.cit., p. 74.

[22] СМ. выше, с. 193. Гермес, Афина и Персей представляют тройственный союз "я", Софии и Эго против бесознательного, то есть Медузы. Эта триада соответствует более ранней тройственной группировке Осириса, Исиды и Гора против Сета, которую мы будем рассматривать в следующей главе. Афина символизирует непорочную мать героя Софию, представителя земной анимы которой он освобождает в лице Андромеды.

[23] Nilson, in Chantepie de la Saussaye, Lehrbuch, Vol. II, p.316.

[24] Woodward, op.cit., PI.3a.

[25] О связи Великой Матери как Фраи-Гекаты-Деметры, Медузы с лошадью смотрите Philippson, Thessalische Mythologie.

II ТРАНСФОРМАЦИЯ, ИЛИ ОСИРИС

Цель героя экстравертного типа — действие: он основатель, лидер и освободитель, его свершения меняют облик мира. Интровертный тип несет с собой культуру, он избавитель и спаситель, он открывает внутренние ценности, возвеличивая их как знания и мудрость, как закон и веру, как требующую завершения работу и как пример для подражания. Созидательный акт добычи скрытого сокровища характерен для героев обоих типов, а необходимым предварительным условием его является союз с освобожденной пленницей, которая в такой же степени выступает матерью созидательного акта, как герой — его отцом.

Третий тип героя стремится не изменить мир, сражаясь с внутренним или внешним, а трансформировать личность. Его истинная цель - самотрансформация, и освободительное действие этого процесса на мир является только вторичным. Его самотрансформация может быть представлена как человеческий идеал, но его сознание не направлено в более узком смысле к коллективному; ибо его центроверсия выражает естественную и фундаментальную направленность человеческой психики, действующую изначально и составляющую основу не только самосохранения, но также и самоформирования.

Мы проследили процесс рождения Эго-сознания и индивида через все архетипические стадии, высшая точка которых была достигнута в сражении героя с драконом. В этом развитии можно обнаружить постоянное увеличение центроверсии, ведущей к консолидации Эго и стабилизации сознания. Она порождает точку опоры, объединяющий принцип, благодаря чему можно бороться с опасным очарованием мира и бессознательного — очарованием, понижающим уровень сознания и дезинтегрирующим личность. Обе позиции, как интроверсия так и экстраверсия, могут легко подвергнуться этой опасности. Центроверсия, наращивая сознательное Эго и укрепляя личность, пытается защитить их и противостоять опасности дезинтеграции.

В этом смысле рост индивидуальности и ее развитие являются ответом человечества на "опасности души", которые угрожают изнутри, и на "опасности мира", которые угрожают извне. Магия и религия, искусство, наука и техника являются созидательными усилиями человека, направленными на то, чтобы успешно противостоять угрозе на двух фронтах. В центре всех этих усилий стоит созидательный индивид как герой, который во имя коллектива - даже когда он является одинокой фигурой, выделяющейся из него формируя себя, формирует и его.

Прежде чем мы перейдем к изучению психологической стороны этого процесса, то есть к формированию личности, мы должны обратить внимание на мифы, которые являются его архетипическим выражением.

Стабильность и неразрушаемость, подлинные цели центроверсии, имеют, свой мифологический прототип в победе над смертью, в защите человека от ее власти, ибо смерть является первичным символом разложения и растворения личности. Отказ примитивного человека. признать смерть в качестве естественного явления, увековечение царя у древних египтян, поклонение предкам и вера в бессмертие души в великих религиях мира - всё это лишь разные формы выражения одной и той же фундаментальной склонности человека воспринимать себя вечным и нетленным.

Самый лучший пример центроверсии и ее символизма можно найти в древнем Египте, в культах и мифах, сосредоточенных вокруг фигуры Осириса. Легенда об Осирисе является первым описанием этого процесса трансформации личности, неотъемлемой частью которого является видимое появление духовного из естественного или биологического. Не случайно, что в образе Осириса мы можем видеть превращение

матриархального жизнеутверждающего мира в патриархальный, где акцент смещается на дух. Таким образом, миф об Осирисе проливает свет на важную главу в ранней истории человечества, но кроме того он предоставляет ключ к главному аспекту мифа о герое, а именно, к трансформации, которая появляется в результате борьбы с драконом, и к отношению героя-сына к фигуре отца.

Осирис -- многогранная фигура, но в своей самой первоначальной форме он, несомненно, бог плодородия. Мы видели, как в матриархальной фазе обряда плодородия доминировала Великая Мать и как кровавое расчленение юного царя обеспечивало плодородие

"Твоя мать пришла к тебе, чтобы ты не умер; она пришла как великий творец, чтобы ты не умер. Она помещает твою голову для тебя, она складывает твои члены вместе для тебя; она дает тебе твое сердце, твое тело. Так стал тем ты, кто управляет своими предшественниками, ты повелеваешь предками и делаешь так, чтобы дом твой процветал после тебя, ты оберегаешь детей своих от несчастий".[1]

Или в стенаниях Исиды по Осирису:

"Приди в свой дом, приди в свой дом, о колонна! Приди в свой дом, прекрасный бык, Владыка мужчин, Возлюбленный, Владыка женщин".[2]

Хотя эта жалобная песнь взята из более позднего папируса, она является вековечной песнью оплакивания мертвых, известной как "Стенания Манерос", стенания об утрате "живого фаллоса", и поэтому символ колонны, джед, эмблема Осириса, встречается в сочетании с быком. Отождествление Осириса с итифаллическим Мином позднее было перенесено на Гора, но значение хтонического Осириса, возлюбленного и Владыки женщин, вековечно. Этого же самого Осириса, как Гора, сына Исиды, называют "быком своей матери", точно так же, как в Гелиополе к нему взывают как к "сыну белой свиньи".[3] Низший аспект Осириса относится к матриархальной сфере плодородия, и, по всей вероятности, сюда же относится и значение фигуры жреца сем, которого, в леопардовой шкуре и с длинным хвостом, называли "колонной его матери".[4]

Значение Осириса как живого фаллоса связывает его с Мендесом, другим местом, где ему поклонялись, и со священным козлом. Культ не случайно определял особую роль некой царицы, скульптура которой устанавливалась в храме и носила имя "Арсиноя Филадельфийская, возлюбленная козла".[5] Сексуальное слияние божественного животного с одной из священных жриц было одним из Древних обрядов, так что мы снова оказываемся в старой сфере матриархального плодородия и его фаллических божеств.

Этой фазой управляет Богиня Земли и Осирис как бог зерновых. Значение богов плодородия как зерна является широко распространенным, так же как и аналогия их смерти и воскрешения с "порчей и воскрешением" посевного зерна. В церемонии коронации Египетских царей значение зерна составляло самый древний элемент: Оси-Риса, зерно, "молотил" его враг Сет:

"На ток насыпали ячмень, который топтали быки. Быки представляли приверженцев Сета, а ячмень — Осириса, которого таким образом разрезали на куски. Здесь наблюдается игра слов i-t, "ячмень", и i-t, "отец", и то и другое на Коптском будет ессот. В то время как быков гоняют по току, что приравнивалось к сражению Гора с приверженцами Сета, Гор говорил: "Я сразил для тебя (Осирис) тех, кто сразили тебя".

После завершения молотьбы зерно увозили на спинах ослов. Это символизировало восхождение Осириса на небо, поддерживаемое Сетом и его союзниками".[6]

Эта интерпретация Блэкмана несомненно верна, по крайней мере, в отношении последнего предложения о воскрешении Осириса. В Книге Мертвых мы также находим Сета, отождествленного с жертвенным быком, но это отождествление, хотя и додинастическое, наверное, не происходит из древнейшего уровня. Древнейшим вполне может быть уровень, где Сет, так же как Исида и Осирис, появляется в виде свиньи или кабана.[7] Фрезер показал, что первоначально зерно втаптывали в землю свинопасы; это, по-видимому, самая первая форма убийства Осириса Сетом, в то время как акт молотьбы, вероятно, является второй.[8] Появление Сета, вепря и свиньи согласуется с подавлением Великой матери и со всеми ее обрядами и символами. В то время как при матриархате свинья была привилегированным животным, священным для великих матерей-богинь Исиды, Деметры, Персефоны, Бона Деи и Фрейи, при патриархате она становится олицетворением зла. "Великий бог" Сет продолжал ассоциироваться как вепрь с Исидой, белой свиньей. Но если первоначально вепрь представлял дикую, разрушительную хтоническую силу Великой Матери, (A.Jeremias, Das Alte Testament imLicht des Alien Orients, p.331) то теперь он символизирует Сета в роли жестокого дяди по материнской линии и в конечном итоге начинает отождествляться со всем злом.

Утверждение, (Hall and Budge, Guide to the Fourth, etc., Rooms, p. 114) что свиньи считались в высшей степени священными, а потому нечистыми и в связи с этим не принимались в пищу в Египте до христианской эры, едва ли можно согласовать с тем, что один из правителей во времена Восемнадцатой Династии, владел 1500 свиньями и только 122 быками (Erman and Ranke, Aegypten und agyptis-ches Leben, p.529). Хозяйственное значение свиньи в Египте остается неясным, возможно, что свиньи, как и рыба, были основным продуктом питания простого народа, но, будучи священными и нечистыми, в высшем обществе в пищу не употреблялись.

Как мы видели, в мифе Сет убивает Осириса в два этапа: вначале Осириса топят в Ниле или помещают в сундук, а затем его разрубают на куски, что эквивалентно молотьбе топчущими копытами.

Расчленение трупа и погребение его частей на полях представляют собой магическую аналогию высеивания зерна в землю. Этот ритуал может быть связан с первоначальным способом погребения, практикуемым додинастическими обитателями Египта, которые расчленяли мертвое тело.[9]

Другая характерная черта матриархальных обрядов плодородия получила величайшее значение. По всей вероятности, фаллос расчлененного царя мумифцировался как символ мужской потенции и сохранялся до смерти его преемника. Фрезер привел многочисленные примеры последних следов этой церемонии, демонстрируя, что дух растительности в виде снопа колосьев или чего-то подобного сохранялся до следующего сева или жатвы и считался священным.[10]Царя плодородия или его заместителя — животное, сноп колосьев и т.п. — ждет двойная судьба. Во-первых, его убивают и разрезают на куски, но часть его, священный фаллос или вещь, представляющая его, "остается". Этот остаток хранится "в" или "под" землей, как зерно или труп; его "спуск" в подземный мир сопровождается надгробной песнью по умершим. Спуск или катагогия. как он называется в крестьянском календаре праздников, соответствет помещению зерна в подземные камеры[11] и хранению до будущего сева. Таким образом, спуск и захоронение не только тождественны погребению мертвых и засеву земли, но и равносильны обряду "увековечения плодородия". Тот, что остается, первоначально представлялся

мумифицированным фаллосом убитого царя плодородия или соответствующими фаллическими символами, которые сохранялись под землей вместе с захороненным семенным зерном, то есть с мертвым, до "праздника воскрешения" молодого зерна.

Однако с самого начала Осирис не был таким же, как эти юные Цари плодородия. С самых ранних времен ударение ставилось не столько на временность юной фигуры, сколько на ее "бессмертную" сущность. Почитаемый как растительность, зерно, а в Библе как Дерево, он является богом плодородия, земли и природы, таким образом сочетая в себе черты всех божественных сыновей Великой Матери; но он также является и водой, соком, Пилом, другими словами, он — оживляющий принцип растительности. В то время как в Садах Адониса, например, Адонис символизирует только растительность, церемониальное изображение Осириса с растущими из него стеблями доказывает, что он — нечто большее, чем зерно; в действительности он является влагой и первоначальной причиной того, что зерно прорастает. Он не просто бог, который умирает, чтобы возродиться снова; он бог, который не умирает, который остается вечно — действительно парадокс, ибо он является "мумией с эрегированным членом".[12]

Можно легко показать, что это прозвище выражает основную сущность Осириса. Оно согласуется с некоторыми специфическими чертами мифа, которым никогда не уделяли должного внимания и еще меньше понимали. Миф говорит, что когда расчлененные части Осириса были снова сложены вместе, не хватало фаллоса, что Исида заменила его деревянным или культовым фаллосом, и что она забеременела от мертвого Осириса. Таким образом, Осирис стал отцом Гора, несмотря на то, что у него не было фаллоса или был только деревянный — в высшей степени замечательная черта для бога плодородия.

Во всех матриархальных обрядах плодородия кастрация и оплодотворение, фаллическое поклонение и расчленение являются взаимосвязанными частями символического канона. Однако проблема Осириса уходит глубже и требует интерпретации на гораздо большем количестве уровней. Понимать плодородие Осириса только как низшее, фаллическое плодородие земли, как воду, как удобряющий Нил, как живую зелень растительности и как зерно — значит ограничить сферу его действия; в действительности вся сущность Осириса заключается в преодолении этого низшего плодородия.

Высшую сущность Осириса, в противоположность низшей, можно представить как трансформацию или как новую фазу его откровения. Обе сущности связаны с одним и тем же объектом, культовым фаллосом.

Смерть первоначального царя плодородия вела, как мы видели, к двум различным церемониям: к расчленению тела и "затвердению" фаллоса. Расчленение, сев и молотьба эквивалентны уничтожению личности и разрушению живой организационной единицы. Такова первоначально была судьба, уготованная мертвому телу Осириса. Противоположный принцип нашел свое воплощение в мумификации фаллоса, в придании ему твердости и вечности; и символом вечности является Осирис, "мумия с эрегированным членом".

Это парадоксальное двойное значение Осириса, очевидно присутствующее с самого начала, составляет основу его развития в Египетской религии. С одной стороны, как расчлененный бог он несет с собой плодородие, он юный царь, который умирает и возвращается; с другой стороны, как порождающая мумия с эрегированным членом, он вечен и бессмертен. Он - не только живой фаллос, он сохраняет свою потенцию даже как мумифированный фаллос. Как таковой, он зачинает своего сына Гора, и его плодородие

как духа, как мертвого человека, который "остается", наполняется высшим смыслом. В этом непостижимом символе плодородного мертвого человечество бессознательно наткнулось на жизненный фактор, который проецировало вовне, потому что более ясно сформулировать его в то время было невозможно: вечность и плодородие живого духа в противоположность вечности и плодородию природы.

Великого противника Осириса символизировал Сет, черный вепрь, его эмблемой был первобытный кремниевый нож, орудие расчленения и смерти. Сет олицетворяет тьму, зло, разрушительность; как брат-близнец Осириса, он является архетипическим "противником" не только в космическом смысле, когда олицетворяет "силы тьмы", но также и в историческом смысле, ибо представляет матриархат и разрушительную сторону Исиды, против которой Осирис борется как основоположник патриархата.

Символами опасного для мертвых расчленения выступают "нож Сета", змея Апопис и весь демонический сонм скорпионов, змей, чудовищ и страшилищ. [13] Это опасность психофизического разложения и исчезновения. Самые существенные части Египетской религии и вся Книга Мертвых посвящены предотвращению этой опасности.

"Хвала тебе, о мой божественный отец Осирис, твое бытие в твоих членах. 1ы не увядаешь, ты не становишься червями, ты не убавляешься, ты не гниешь, ты не разлагаешься и ты не превращаешься в червей. Я бог Хепера, и мои члены будут существовать вечно... Я буду существовать; Я буду жить; Я буду порождать; Я пробужусь в покое; Я не буду разлагаться; мои внутренности не испортятся; Я не понесу ущерба; мой глаз не сгниет; облик моего лица не исчезнет; мое ухо не станет глухим; моя голова не отделится от моей шеи; мой язык не отберут; мои волосы не будут срезаны; мои брови не будут сбриты; и я не понесу никакого пагубного ущерба. Мое тело укрепится, оно не придет в упадок и не разрушится на этой земле". [Гл. 44.]

Фундаментальная направленность центроверсии — победа над смертью через бессмертие -- находит в Осирисе свой мифологический и религиозный символ. Мумификация, сохранение навечно формы тела, как внешнего видимого признака его целостности — именно это придает живое выражение анти-Сетовому принципу Осириса.

Осирис — тот, кто Само-Совершенствовался, кто ниспроверг Сета и избежал угрозы расчленения. Если на матриархальном уровне он возрождается через свою мать-сестру-супругу, будучи зачатым от оживляющего дыхания ветра, или, согласно Текстам Пирамид, его голова восстанавливается Матерью Богиней Мут как символ целостности,[14] то в конечном итоге ему поклоняются именно потому, что он обновляет себя. В Книге Мертвых мы читаем:

"Я собрал себя; Я сделал себя целым и завершенным; Я возродил свою юность; Я - Осирис, Повелитель Вечности".[15]

Очевидный факт, что архаичный обычай разрезания трупа перед погребением был, как это часто случается, отвергнут и даже предан анафеме более поздними поколениями, является только историческим отражением намного более глубокой психической перемены. Расчленение мертвых практиковали только примитивные народы, у которых не было сознания личности и для которых решающим мотивом был страх перед возвращением призраков. Однако в Египте усиление Эго-сознания и развитие центроверсии особенно заметны; при таких обстоятельствах расчленение несомненно должно было представляться величайшей опасностью, а сохранение формы тела человека при помощи бальзамирования — величайшим благом. Мумифицированный Осирис мог

стать законным выразителем этой тенденции, потому что даже в самые ранние времена, когда господствовал матриархальный культ плодородия, он был носителем и представителем культового фаллоса и поэтому, тем, кто "остается".

Самый ранний символ Осириса — джед, а самое первое место поклонения ему — Деду, древний Бусирис в дельте Нила. Толкование столба джед остается загадкой по сей день. Обычно считается, что джед представляет собой ствол дерева с обрубками ветвей, торчащими у вершины в разные стороны. Во всяком случае в культе он был таким же громоздким и тяжелым, как ствол дерева, что можно ясно видеть из изображений возведения джеда во время праздников. Кроме того, миф об Осирисе ясно указывает, что столб джед был стволом дерева. Исида привезла тело Осириса из Библа в Финикии, заключенным в ствол дерева, который царь той местности, муж "Царицы Астарты", использовал в качестве колонны в зале своего дворца. Исида "вырубила сундук из дерева",[16] а само дерево обернула тонким полотном и умастила маслами, и вплоть до времен Плутарха оно продолжало почитаться в Библе как "дерево Исиды". Мы уже обсуждали культ дерева в Библе и его отношение к Исиде и Осирису в связи с сыном-любовником и Матерью Богиней. Здесь нам хотелось бы лишь обратить внимание на значение древесины для Египта. Религиозные и культурные связи между Египтом и Финикией уходят очень далеко в прошлое.[17]

Деревья и особенно большие деревья, такие как ливанские кедры, составляют значительный контраст с мимолетной жизнью растительности, которая в такой безлесной стране, как Египет приходит и уходит, с сезоном. Они являются тем, что не гибнет, поэтому понятно, почему в древние времена дерево стало символом джед, обозначающим долговечность: ибо дерево является полностью созревшей вещью, которая, тем не менее, не гибнет. Для примитивного египтянина древесина символизировала органическую живую долговечность, в противоположность неорганической мертвой долговечности камня и мимолетной жизни растительности.[18] В ханаанской культурной сфере, центром которой был Библ, ствол дерева в виде столба с обрубленными боковыми ветвями был священным для Великой Матери, "Царицы Астарты";[19] во всяком случае он относится к широкой категории священных деревьев и столбов.

Другим выразительным моментом является тождественность ствола дерева и деревянного саркофага, самого важного предмета в Египетских обрядах, связанных с умершими.

Мифическое погребение Осириса в древесном гробу его братом Сетом и эпизод в Библе выявляют его сущность одновременно и как бога в форме колонны, и как мумии. Но мумия и гроб являются средствами, предназначенными для того, чтобы сделать труп вечным, а Осирис, независимо от того, выступает ли он как дерево, колонна или мумия, тождественен деревянному культовому фаллосу, который заменил забальзамированный фаллос сезонного Царя.

Египетское верование утверждает, что расчлененные части Осириса были распределены по различным местам поклонения ему, позвоночник был захоронен в Деду; и из-за своей сочлененной структуры колонна джед согласуется с этой концепцией. Колонна состоит из двух частей. Первоначально берущая свое начало от ствола дерева верхняя часть, соответствующая верхушке дерева с ее четырьмя обрубками боковых ветвей, в конце концов стала связываться с головой и шеей Осириса, а нижняя часть, соответствующая стволу, связывалась с позвоночником. Как и множество других египетских фетишей, колонна джед очень ясно демонстрирует, каким образом была очеловечена первоначальная форма. Вначале у нее выросли руки, как на западной стене

храма в Абидосе, затем были нарисованы глаза,[20] и наконец установилось равенство между колонной и всей фигурой Осириса.

Нам кажется, что Бадж с предельной ясностью продемонстрировал, каким образом появилась колонна ЭлсеЭ.[21] Сравнивая изображения, он установил, что она была образована комбинацией крестца Осириса, самого нижнего сочленения позвоночного столба, со стволом дерева, посвященного древнему богу Бусириса, на который крестец воздвигался:!!. Обычный символ джед является стилизацией этой комбинации:.

Здесь сочетаются три компонента. Первый — фаллический, так как крестец является "нижней частью позвоночника Осириса, которая считалась хранилищем его потенции". Второй компонент — ранее упоминавшаяся "долговечность". То, что здесь вместо фаллоса используется крестец, костная структура, подчеркивает, как и колонна, характер "вечности". Но этой причине символ джед и фигура дерева с обрубками ветвей могут легко совпадать, как к отношении их формы, так и их содержания.

Но третий и самый важный для нас фактор — "возвышение", то есть, то, что крестец устанавливался на вершине ствола дерева.

Таким образом, "вечный породитель", "возвышающийся" или "поднятый" фаллос, становится головой, что доказывает его характер как "семенного" или духовного символа.[22] Подобно солнечному фаллосу — другому духовному символу "голова" дерева зачинает и порождает при рождении из дерева; но ни вечный породитель, ни порождаемый не символизируют "низший" принцип; напротив, они ставятся в "вертикальное положение", то есть "подняты вверх", как показывает сам ритуал.[23] В связи с тем, что "сублимация",[24] возвышение и трансформация низшего принципа в высший явилась самым важным компонентом символа джед, его верхняя часть позднее стала отождествляться с головой Осириса.

"Я -- Осирис, Владыка живых голов, могучий грудью и сильный спиной, с фаллосом, который достигает самых отдаленных мужчин и женщин... Я стал духом, я прошел судилище, я стал божественным существом, Я пришел и я отомстил за свое собственное тело. Я занял свое место рядом с божественной комнатой рождения Осириса, и я уничтожил болезнь и страдания, что были там". [Книга Мертвых, Гл.69.)

Это воссоединение головы и тела с целью образования полноценной фигуры и аннулирования расчленения является одной из основных особенностей культа Осириса. В Книге Мертвых есть глава, которая озаглавлена "О Том, Как Не Допустить Отрезания Головы Человека в Подземном Мире".[25] Возвращение головы было абсолютно необходимо, чтобы тело Осириса было вновь сложено вместе,[26] и то, что мы знаем о тайном культе Абидоса, подтверждает это. В "воссоздании тела Осириса завершающей сценой являлось возведение позвоночника Осириса и установление сверху на него головы Бога".[27]

Таким образом, колонна джед символизирует воссоединенного, вечного Осириса, который может сказать о себе: "Я сделал себя целым и завершенным".

Такое толкование объединения головы и позвоночника в джед подтверждается также молитвой, которую следовало произносить, когда на шею умершего человека клали золотой джед:

"Встань, О Осирис, у тебя есть позвоночник, О, Неподвижное Сердце, у тебя есть связки шеи и спины, О Неподвижное Сердце, встань на свое

основание".[28]

Таким образом, есть два определяющих лейтмотива, проходящих через веру египтян в будущую жизнь, оба связанные с Осирисом. Первый — это вечное существование, сохранение формы тела, а, следовательно, и личности при погребальных обрядах посредством бальзамирования и охраны мумий в пирамидах; второй — это воскрешение и трансформация.

Фигура Осириса с самого начала связана с принципом восхождения. Его самое раннее изображение показывает его как "Бога, Стоящего на Вершине Лестницы".[29] Он — лестница с земли на небо, и те, кто не могли быть похороненными в Абидосе, старались, по меньшей мере, положить там камень у "лестницы великого Бога".[30] Бадж пишет:

"Эта лестница упоминается в Текстах Пирамид. Первоначально она была построена для Осириса, который поднимался по ней на небо. Она была воздвигнута Гором и Сетом, каждый из них поддерживал одну из ее сторон, когда они помогали Богу взбираться по ней; в гробницах Древних и Средних Империй найдено несколько моделей лестниц".[31]

Осирис, расчлененный бог плодородия, который преодолевает свое расчленение, Повелитель Восхождения и Владыка Небесной лестницы, на космическом уровне мифологии является таким же, как Осирис Бог Луны.

Бриффо собрал массу материала, доказывающего, что первоначально царский сан Осириса имел лунный характер. [32] Эта ассоциация архетипична. При матриархате титул царя плодородия юного любовника всегда связан с луной, которая "четвертуется" и возрождается и таким образом обеспечивает плодородие. Однако важно отметить, насколько значительно фигура Осириса поднимается над этими матриархальными ассоциациями.

Поднимаясь с земли на небо[33] и побеждая смерть и расчленение, Осирис становится примером преображения и воскрешения. В Книге Мертвых умерший, отождествляясь с Осирисом, говорит: "Я воздвиг лестницу к Небесам, как и боги, и я божественное существо, как и они". Его восхождение и воскрешение отражают психическую трансформацию, которая проецируется в миф как объединение низшего, земного Осириса с высшим, или как слияние расчлененного, но воссозданного тела Осириса с высшей "божественной душой" и "духовным телом". Эта самотрансформация, воскрешение и возвышение, которые одновременно являются объединением с "я", описываются как объединение Осириса, Бога Подземного Мира с Богом Солнца, Ра.

Восхождение Осириса представлено в Книге Мертвых [34] как восход Гора-Солнца — обозначающего жизнь — из колонны джед, а сама колонна представлена стоящей между двумя горными пиками восхода и захода солнца. Таким образом, джед является "материальным телом", порождающего Солнце-Душу. С другой стороны, на празднике в Мемфисе поклонялись мумии, имевшей вместо головы джед[35]другими словами, ей поклонялись как целостному телу, которому была возвращена голова.

Деду Бусирис, древнейший храм Осириса, расположен в номе, эмблема которого имела большое значение для развития символизма Осириса. Мы можем проследить развитие основных символов по мере перемещения культа Осириса из Бусириса к Абидосу. Осирис

перенял символы старого, господствовавшего до него бога Анзти, первоначального владыки Бусириса, — плеть и скипетр. Наряду с ними символом Анзти было тело в форме столба или фасцы, увенчанные головой с двумя страусиными перьями,[36] и совершенно ясно, что Осирис вполне мог ассимилировать оба символа, фасцы и голову. То же самое произошло, когда религия Осириса ассимилировала символы Абидоса. Здесь также старые символы вместе с местным культом "Первого среди Западных", то есть бога, мертвых, с величайшей легкостью приспосабливались к характеру Осириса.

После укрепления Осириса в Абидосе местная эмблема тоже фасцы, увенчанные чем-то типа головы с двумя страусиными перьями и солнце - была приравнена к символу Анзти и голове Осириса (Рис.28). Древняя модель демонстрирует эту колонну Абидоса, увенчанную головой-реликвией с солнцем и перьями, "стоящей на иероглифе горы".[37]

Связь с солнцем оказывается еще сильнее, если мы обратим внимание, что в нижней части эмблемы Абидоса эту колонну поддерживают с обеих сторон два льва, акеру, символизирующие утреннее и вечернее солнце, вчера и сегодня. На виньетках они расположены но сторонам как восходящего, так и заходящего солнца.[38] Символом Осириса в Абидосе служило - и это упустил Уинлок - заходящее солнце; местному богу, подобно Осирису, поклонялись как "Первому среди западных", то есть как вечернему солнцу и богу мертвых, а позднее Абидос стал считаться местом, где была погребена голова Осириса.

Если мы теперь резюмируем это "синкретическое" развитие, то увидим исключительную значимость символизма. Осирис, голова Осириса и Осирис-солнце составляют одно целое, ибо солнце и голова отражают его духовность. Голова Анзти, голова Абидоса, и голова Осириса представляют собой одно и то же. Но так как Абидос расположен "к западу", то он стал местом, где Осирису поклонялись как вечернему солнцу и богу мертвых и где "покоится голова Осириса".

Однако Осирис — не только заходящее солнце; считается, что эмблема Абидоса символизирует также "Голову Душу" Ра, а его приверженцы изображались с головами Гора, а также как демоны с головами шакалов, что указывало на поклонение как утреннему, так и вечернему солнцу. Осирис имеет две формы: он является Западным Богом Подземного Мира, Повелителем Мертвых, и в равной мере он выступает Вечным, Владыкой Небес. Первоначально он был Правителем Земли и Подземного Мира и царствовал на Западе, в то время как Ра, Владыка Неба, правил на Востоке, но вскоре эти две фигуры слились воедино в двойной структуре Оси-риса, образуя двойную душу:

«Твое материальное тело живет в Деду (и в) Ниф-Уртет, а твоя душа каждый день живет в Небесах ",[39]

Мифологическое утверждение о двойной сущности Осириса, объединение Осириса и Ра, соответствует психологическому утверждению об объединении сердца-души (ба), которое является надличностным центром тела, с божественной душой или бесплотным телом (кху). В этом объединении заключается тайна Осириса:

"Я — божественная душа, я пребываю в двух священных Богах. Вопрос: Кто это? Ответ: Это Осирис. Он отправляется в Деду и находит там душу Ра. Каждый из богов охватывает другого, и в Священных Богах-Близнецах рождаются божественные Души".[40]

Эта же глава содержит другие формулировки этой двойственной сущности:

"Вчера — это Осирис, а Сегодня — это Ра, в день, когда он уничтожит врагов Осириса и коронует своего сына Гора как государя и правителя.

Я знаю бога, который обитает здесь. Кто же это? Это Осирис, или (как говорят другие) Ра его имя, (или) это Фаллос Ра, которым он соединяется с собой".

И опять в "Книге о Вещах, Которые Есть, и о Вещах, Которые Будут" мы читаем:

"Тогда кто же это? Это Осирис; или (как говорят другие) это его мертвое тело, или (как говорят другие) это его грязь. Вещи, которые есть, и вещи, которые будут, — это его мертвое тело; или (как говорят другие) они — вечность и бессмертие. Вечность — это день, а бессмертие — это ночь".

Бог, порождающий себя, изображается в частности как кхепри, скарабей или жук-навозник. В связи с тем, что жук катит перед собой навозный шарик, его почитали как принцип, движущий солнце. Даже еще более важно, что, выполнив свою задачу, он зарывает солнце-шарик в землю и умирает, а следующей весной из этого шарика выползает новый жук, как новое солнце, поднимающееся из-под земли. Таким образом, он является символом "Породившего Самого Себя" и считается "Создателем Богов".[41]

Бадж пишет:

"Он является образом восходящего солнца и его место — в ладье бога Солнца. Он является богом материи, находящейся на грани перехода от инертности к жизни, а также мертвого тела, из которого готово появиться прославленное духовное тело".[42]

Кхепри также символизирует Сердце (аб). Но Осирис, даже хотя его и сравнивают с сердцем-душой, которое оживляет тело и о котором говорится "Мое Сердце, моя Мать", является чем-то сверхличностным. Сердце изображается в форме порождающего самого себя скарабея; это — хранилище сил сознания, которые выступают как Советники на Суде Мертвых, а в мифе о сотворении из Мемфиса оно является основным созидательным органом:[43]

"Это сердце рождает все сущее, и это язык повторяет (выражает) мысль, сформулированную Сердцем... Демиург, который сотворил всех богов и их ка, находится в этом сердце.[44]

Иероглиф, обозначающий слово "мысль", пишется с идеограммой "сердце", что указывает на то, что сердце-душа является духовным принципом. В то же время оно является принципом либидо всей земной жизни; поэтому фаллическая форма Осириса, козел или баран Мендеса (ба), отождествляется с сердцем-душой (ба).

Однако Осирис выступает не только как низший фаллический принцип, но также и как высший солнечный принцип. Он — птица вену, греческий феникс:

"Ты -- Великий Феникс, что родился в ветвях дерева у Великого Дома Правителей в Гелиополе".[45]

Самовосстановление и рождение из дерева - "высшее" рождение — совпадают. Осирис, который рождается из дерева, рождается из самого себя именно в смысле восставшего из своего гроба, ибо Осирис, дерево и гроб — это одно и то же (Рис.31). Поэтому рождение

из дерева тождественно возрождению: Осирис — это солнце, встающее из дерева,[46] точно так же, как и символ жизни, рождающейся из колонны джед. Эта виньетка иллюстрирует одну из древнейших глав Книги Мертвых, четырнадцатую. Ее вступительные слова резюмируют все существенные моменты таинства Осириса:

'Я — Вчера, Сегодня и Завтра, и у меня есть сила родиться во второй раз; я - скрытая божественная душа, я сотворил богов".

Проблема смерти первоначально решалась простим приемом рассматривания следующего мира как продолжения этого. Изменение точки зрения, результатом чего явился вместо материалистического Духовный ответ на этот вопрос — изменение, также отраженное в трансформации Осириса — можно ясно увидеть в диалоге между мертвым Осирисом и Атумом, разновидностью бога-творца. Последний говорит:

"Я дал прославление вместо воды и воздуха, и удовлетворение чувств и легкое сердце, вместо хлеба и пива".

И он заканчивает обещанием:

"Ты будешь существовать дольше, чем миллион миллионов лет, эру миллионов. Но я уничтожу все, что создал. Земля снова станет как первозданный океан, как море воды, что было в самом начале. Я же останусь, вместе с Осирисом, после того, как обратно обращусь в землю, которой не знает ни один человек и не видит ни один Бог".[47]

Ответ Атума выходит за рамки следующего мира; это эсхатологический ответ, содержащий в себе обещание вечного существования, даже когда мир вернется к уроборическому состоянию. "Вместе с Осирисом" — это обещание того, что душа будет бессмертным спутником создателя. Тождественность Осириса, человеческой души, и первичной созидательной силы равнозначна тождественности с созидательностью бога. В этом смысле мы можем понимать также таинственное высказывание мертвого человека, когда он описывает свое превращение в Осириса как посвящение в таинство метемпсихоза:

"Я вошел как человек, ничего не понимающий, и я выйду в форме сильного духа, и я буду смотреть на свою форму, которая вечно будет формой мужчин и женщин".[48]

Существует множество ошибочных теорий, пытающихся доказать, что символическое содержание этого отрывка выражает последующее одухотворение. Но что достаточно характерно, он совершенно не связан с последующей главой; он взят из в высшей степени серьезного текста, резюмирующего сущность Книги Мертвых в одной единственной главе, более короткий вариант которой приписывается времени Первой Династии.[49]

Таким образом, имеющий двойную душу Осирис является светилом Верхнего и Нижнего Миров, объединителем самого себя, сохраняющим и вместе с тем изменяющим свою форму, победителем смерти, породившим самого себя, хранителем тайны воскрешения и возрождения, посредством которых низшая сила трансформируется в высшую.

Фараон также, в подражание Осирису, после своей смерти превращался в дух, обитающий на небе;[50] он проходит "Осирисофикацию", состоящую в объединении частей его души, и первым необходимым для этого условием является сохранение мумии и ее магическое оживление. Вся цель ритуала, описанного в Книге Мертвых, состоит в

том, чтобы сделать земное тело бессмертным, объединяя его части и предохраняя его от расчленения.

Сохранение тела посредством бальзамирования, его очищение, а также очищение ка, призрака-души, принадлежащего телу — все это -- подготовительные мероприятия, они ведут к великому таинству Осириса, то есть к зарождению[51] духовного тела из мумифицированного трупа[52]

Сердце-душа (ба), сокол с человеческой головой, являющееся жизненным принципом тела и мумии, связано с бестелесной душой (к.тг/),[53] которая является жизненным принципом духовного тела (саху). В то время как кху бессмертна, ее спутник, сердце-душа, может быть по его желанию материальным или нематериальным. Ба, кху и кхепри (сердце) являются скоординированными.

Естественно, эти частичные души или части души представляют собой мифологические проекции и не могут быть определены более точно. Решающая задача состоит в их трансформации и объединении, результатом которых является образование бессмертного двойного существа, Осириса-Ра; это "великое свершение" осуществляет Осирис и после него выполняет Фараон.

Душа ка играет особенно важную роль в этом процессе. Нам исключительно трудно понять, что подразумевается под ка, так как душа ка не соответствует ни одному понятию в современном сознании и является архетипической сущностью. Египтяне представляли ее как двойника человека, как его дух или ангела-хранителя, как его имя и как то, что питает его; она была вечно юной, по этой причине "умереть" означало то же самое, что "alter vivre avec son ka [54]

Море обобщает ее значение следующими словами:

Тот же автор пишет:[55]

'Эта ка является отцом и существом, которое побуждает человека жить, Руководит интеллектом и моральными силами, дарит духовную и физическую жизнь".[56]

Она связана с кау, "питанием" и потому является элементарным либидо и символом жизни:

"Из этой основной коллективной ка, изначальной субстанции, обитающей в небесах, боги отделяют индивидуальную ка для царя".

Когда ка и тело очистились и объединились, царь — как Осирис до него и каждый человек после него -~ становится "завершенным существом , которое достигает совершенства" .

Таким образом , душа ка является архетипическим прообразом того, что мы знаем сегодня как "я"; в ее объединении с другими частями души и в осуществляемой таким образом трансформации личности мы имеем первый исторический пример — в мифологической проекции - психического процесса, который называем "индивидуализацией" или "интеграцией личности".

Посредством этого объединения частей души царь становится ба, сердцем-душой, которое обитает с богами и обладает дыханием жизни; теперь он аккга, совершенное духовное существо:

"Царь возрождается в сиянии восточного небосклона акхет и он, который рождается на востоке, становится дю; (великолепным, сияющим)" [57]

Архетипическое родство между светом, солнцем, духом и душой, которые относятся к Осирису и его трансформации, редко выражалось более ясно.

Рассмотрение на этом символическом и мифологическом фоне фактические содержание ритуала гораздо легче раскроет перед нами его значение

Наши познания о ритуале Осириса взяты из трех источников: праздников Осириса, особенно праздника "Поднятия Почтенного Джеда" в День Нового Года и Деду Бусирис; церемоний коронации и праздника Фараонов Сед, целью которого являлось возобновление и укрепление царской власти.

Мы не раз указывали на значение Осириса для плодородия и на его связь с Великой Матерью. Однако эта стадия уже прошла ко времени, когда в Деду торжественно отмечался ритуал Осириса в праздник Нового года; следы старого сезонного царского правления все еще оставались, но доминирующей чертой была идея "продолжительности", давшая имя колонне Эжеб, а также городу.

Вслед за утратой своего лунного характера Осирис стал олицетворять весь год, о чем свидетельствует изображение 35 огней, сопровождавших плавание вниз по Нилу тридцати четырех маленьких папирусных лодок в День Всей Души, двадцать второго . Деревянная статуя Осириса, погребенная в предыдущем году, теперь выкапывалась и заменялась новой, а старую укладывали на ветви сикаморы[59] как символ воскрешения года и рождения солнца из дерева. Возведение джеда, являющееся основным моментом празднеств, символизирует "оживление Осириса", то есть возвращение к жизни мертвого, а не воскрешение юного бога растительности.[60] Календарь праздников Дендера гласит:

"В том же, что касается последнего дня четвертого месяца Акхет, то в этот день, день погребения Осириса в районе Б,х в усыпальнице под деревьями Исд, в Бусирисе возводится джед; ибо к этот день божественное тело Осириса пришло к нему после, того, как он был закутан".[61]

Новый год отмечался на следующий день после возведения столба и воскрешения: это был день празднования годовщины Гора Эдфу, и именно в этот день египетский царь вступал на трон, и отмечался праздник Сед, служащий для периодической пролонгации египетской царской власти. В этих церемониях все еще просматриваются первоначальное погребение старого Царя Года после его смерти и возведение на. престол нового; поднятие джеда соответствует бальзамированию фаллоса и ежегодному убийству царя в старом ритуале плодородия, что видно из связи между поднятием джеда и возведением на престол нового царя. В празднике урожая царь Гор также серпом срезает пучок колосьев, символизирующих дух старой растительности.

Однако связь между восхождением на трон царя Гора и одновременным воскрешением Осириса открывает кое-что еще, что означает нечто большее, чем просто вытеснение старого новым. В мифе об Осирисе следы первоначального конфликта между старым и

новым царем, такого явного в обрядах плодородия, полностью перекрываются новым психическим образованием, в котором сын положительно относится к отцу.

Мы видели, как первоначально матриархальную фигуру Исиды и относящиеся к ней обряды сменило правление царей Гора под патриархальной защитой Осириса, о котором говорится, что "он оставляет сына на месте его отца". В этом ему помогает Исида: она затевает разбирательство относительно законности рождения своего сына и его права на трон и добивается того, что боги признают происхождение Гора по отцу, основу патриархата.

Вытеснение матриархальной эпохи патриархальной является архетипическим процессом; то есть это универсальное и неизбежное явление в истории человечества. Мы интерпретируем его в этом смысле, не принимая во внимание возможное и даже вероятное ниспровержение додинастического матриархального Египта патриархальными племенами, вследствие преданности Гору, и не обсуждая возможное объединение более позднего культа солнца Гора с более ранним культом луны Осириса.

Упадок этой матриархальной "единоутробной системы" изучал Море. Он говорит об "эволюции общества от единоутробной системы, в которой каждая женщина клана считает себя оплодотворенной тотемом, к отцовской системе, в которой подлинным отцом является муж", и с этим развитием он связывает переход от клана к семье и от власти общины к главенству индивида. Мы еще должны будем обсудить роль бога-царя как "Выдающейся Личности", которая, обладая героическим сознанием, сокрушает власть Великой Матери. (См. Приложения.)

Достаточно интересно, что следы этого смещения центра тяжести все еще можно видеть в египетском мифе и ритуале. Древними столицами Верхнего и Нижнего Египта были города, где с незапамятных времен господствовали две Матери-богини "неувядающего величия": богиня-ястреб Некбет из Некхена в Верхнем Египте и богиня-змея Уатхет из Буто в Нижнем Египте. В мифе об Осирисе город Буто имеет зловещую связь со смертью и расчленением: там скорпион, священное для Исиды создание, убил Гора, и именно там Сет разрубил на куски вновь найденное тело Осириса.

Буто и Некхен - города-близнецы, также известные как Пе-Деп и Нехеб-Некхен. Знаменательно, что на севере и юге города Гора и города матери расположены лицом друг к другу, на противоположных берегах реки.

Следы вековечного конфликта между патриархальным Гором и древними матриархальными правителями все еще можно видеть в ритуале. Например, в церемониальном представлении сражения между Пе и Деп вначале нападению подвергается Гор, но в конце показан его победный инцест со своей матерью, который утверждает его героем.[62] Позднее, во времена исторических Династий, ястреб и змея, символы побежденных женских божеств, встречаются как эмблемы в короне царей Горов, и их имена являются частью царского титула, состоящего из пяти частей.

Эти патриархальные цари, "сыновья Гора" (Рис.27), которые принимают наследие Осириса, неизбежно становятся мстителями за своего отца и противниками дяди по материнской линии, Сета, смертельного врага Осириса. Переходит ли в результате роль "старшего 'ора" "младшему Гору" — здесь значения не имеет: защита, которую Осирис, предоставляет своему сыну, берет свое начало от их старых сражений с Сетом. В этой битве Гор отрубает яички Сета; раненый глаз Гора заживает, мертвый Осирис возвращается к жизни с помощью этого же самого "ока Гора", и вслед за этим Гор

наделяется символами власти: двумя скипетрами, в которые включены яички Сета.[63] Возвращение Осириса, к жизни тождественно его воскрешению и трансформации, которые делают его царем духа, а его сына — царем земли.

Таким образом, восхождение на трон и правление сына опирается на одухотворение отца. Возвращение к жизни мертвого человека, которое символически тождественно возведению колонны джед и возложению прошлогодней скульптуры Осириса на ветви сикаморы, каждый раз предшествует восхождению на трон Гора и празднику Сед.

Всякая интерпретация, которая предполагает, что эти обряды просто вымаливают у мертвых помощь живым, совершенно неадекватны. Тесная связь между ритуалом Осириса, церемониями коронации и праздником Сед делает такую общую интерпретацию невозможной.

Одно из основных явлений тотемизма и всех обрядов инициации состоит в том, что тотем или предок перевоплощается в неофита, находя в нем новое воплощение и в то же время составляя его высшее "я". Этот результат можно проследить, начиная от отношения сын-отец героя Гора и его связи с апофеозом его отца Осириса до христианского воплощения и явления индивидуализации в современном человеке.

Между сыном, который перерождается в героя, его божественным происхождением и возрождением мертвого отца в сыне существует фундаментальная взаимосвязь, которая была сформулирована как: "Я и Отец едины". В Египте такое отношение было мифологически представлено в процессе, на который мы неоднократно обращали внимание: Гор, отомстив за своего отца, становится верховным временным правителем, но в то же время его земная власть основывается на духовной власти, которой обладает Осирис.

Возведение джеда занимает центральное место в восхождении на трон Гора и в празднике Сед: на этом ритуале основана преемственность царей Горов, он архетипически устанавливает правопреемственность сына, который всегда является Гором, и возвеличивание отца, который всегда является Осирисом, выражая универсальный закон. В ходе того, как поколения сменяли друг друга, оставаясь, тем не менее, магически связанными, патриархальный ряд отцов и сыновей был основан на духовном явлении их тождественности, превосходящей их различия. Каждый царь был когда-то Гором и становится Осирисом (Рис.30): каждый Осирис был когда-то Гором. Гор и Осирис едины.

Эту тождественность укрепляет фигура Исиды, которая предстает перед ними обоими как мать, сестра и жена: мать, потому что она рождает Гора и пробуждает мертвого Осириса к новой жизни (Рис.29); жена, потому что она зачинает Гора от Осириса и сыновей Гора от Гора; сестра, потому что — если мы приравняем функцию сестры к роли Афины по отношению к Оресту и Персею — она борется за династические права мертвого Осириса и живого Гора.

Как сын и царь-наследник Гор правит "земным миром" и представляет его фаллическое плодородие. Церемонии коронации показывают, в какой мере он стал постоянным преемником старого царя плодородия. На смену первоначальному жертвоприношению этого царя пришел поединок с его заместителем; теперь сражение со злом выпадает на долю героя и победившего царя. Победа Гора над Сетом, которая играет такую важную роль в ритуале Эдфу, [64] в церемониях коронации и при возведении джед на празднике Сед, является необходимым условием триумфального плодородия бога-царя. Отождествление Гора с фаллическим быком-богом Мином и богом-творцом Птахом,

победа бога злаков, отсечение яичек Сета, священное бракосочетание с Хатор в Эдфу и ритуальная пролонгация царской власти на празднике урожая — все это свидетельства характера плодородия.

Теперь достаточно ясно, что царь Гор уже больше не играет роли временного царя плодородия в условиях господства Матери Земли; он стал вечно плодородным патриархом, который постоянно оплодотворяет землю и царствует над ее потомством.

Его функция перестала зависеть от естественной периодичности, священно выраженной в старом обряде плодородия. Но она получила независимость только потому, что нашла поддержку со стороны власти, которая сама не зависела от естественного процесса и его периодичности. Земной царь, как и божественный сын Гор, с которым он отождествляет себя, нуждается в поддержке свыше, и оба "ни находят ее в духовном принципе долговечности, нетленности и бессмертия, символизируемых Осирисом.

При матриархате смерть и воскрешение происходят па одном и том же земном уровне; смерть означает прекращение плодородия, а воскрешение — новое появление живой растительности. Но оба полюса остаются связанными с ритмом природы.

Однако в случае Осириса воскрешение означает реализацию его вечной и бессмертной сущности, превращение в совершенную душу, выход из потока естественных явлений. Естественным следствием этого является восхождение на трон Гора как сына Осириса. Как сын Исиды он был бы не более, чем мимолетным царем растительности, имеющим свои корни в вечной, но бесконечно меняющейся природе Великой Матери Теперь, однако, он соединён с отцом вечным и неизменным духовным отцом, который правит духами. Подобно ему, он живет вечно; он одновременно является отмщающим за него, его наследником и причиной его возвышения. Когда возведение лестницы Осириса на церемониях коронации, возведение джед и возвышение старого царя служат предисловием к коронации Гора, это означает, что его власть основывается уже не на низшей матери, а на высшем отце.

Теперь мы можем понять, почему именно мертвый Осирис зачинает Гора. Это примитивный символический способ выражения духовного зарождения. Это не земное зарождение: отцом является мумия с эрегированным членом или, как предает это другой образ, вечно могущественный скарабей с фаллосом.

Также именно поэтому, когда Осирис восстал из мертвых, у него не было мужского полового члена. Исида заменила недостающий фаллос деревянным, культовым. Евнух является, так сказать, "семенным" евнухом, довольно распространенным символом духовного зарождения, снова и снова встречающимся в тайных религиях и учениях.

Мертвый мужчина, который порождает, является духовным предком. Он — семенной дух, дующий туда, куда пожелает, невидимый как дух ветра. Коллективное бессознательное, выражающееся через психотика нашего времени,[65] египетский магический папирус сходятся во мнении, что местонахождением этого воздушного принципа является солнце. Первопричиной ветра, говорят они, является солнечный фаллос. Но солнце — это сочетание Ра-Гора и Осириса.

Проблема творения и связанная с ней проблема духа нашли свою определяющую символическую формулировку в мифе об Осирисе: "Я и Отец едины" — психологически говоря, Осирис и Гор являются частями одной личности.

Отец без фаллоса или, если боле точно, с духовным фаллосом, имеет своей неотъемлемой частью хтоническо-фаллического сына: каждый зависит от созидательных сил другого, но Гор обращается к миру и является временным правителем, тогда как Осирис, стоявшая за ним духовная сила, правит духами. Вместе отец и сын являются Богом этого и следующего мира. Их отношение друг к другу аналогично отношениям между Эго и "я" в психологии.

Символизм, сосредоточенный вокруг фигуры Осириса, охватывает как самые примитивные уровни человеческой психологии, так и ее высшие области; его начало лежит в доисторических погребальных обрядах, а в конечном итоге он заканчивается проекциями процесса, известного сегодня как интеграция. Если мы коротко рассмотрим различные пласты символизма, который иллюстрирует трансформацию человеческой личности и растущее осознание человеком этого процесса, то увидим, как отчетливо с самого начала пыталась утвердиться в человечестве тенденция к центроверсии.

Самый примитивный пласт — воссоединение разобщенных частей, попытка сохранить и сделать долговечным, но также и "возвысить". Это выражается в поднятии тела Осириса на дереве.), в символе рождения из дерева, выкапывании погребенной статуи, помещении крестца на дерево в символе джед и, прежде всего, в возведении колонны джед. Мистики возведения и подъема тесно связана с таинством целостности и интеграции. Воссоединение; разобщенных частей, мумификация и сохранение тела составляют здесь основу, но очень скоро этот примитивный ритуал переходит к символизм)' нисхождения и трансформации.

Таким образом, объединение тела и головы становится объединением верхнего и нижнего Осириса и наконец объединением Осириса и Ра. Но это эквивалентно самотрансформации, ибо Осирис объединяется со своей душой Ра, образуя совершенное существо. Все это является архетипическим, когда разворачивается среди богов, но как только роль Осириса принимает на себя египетский царь, который в виде Гора объединяется с Осирисом, процесс становится очеловеченным. Как только царь включается в божественную драму, мифологические процессы начинают обнаруживать свое психологическое значение. В конце концов этот процесс приобретает форму психического объединения и психической трансформации, посредством которых интегрируются разрозненные части души, а земной Гора-Эго аспект личности соединяется с духовным, божественным "я" Результатом обоих процессов - объединения и трансформации на все более высоких уровнях — является победа над смертью, которая всегда была высшей целью даже в психологии человека примитивной культуры.

Патриархальные взаимоотношения между отцом и сыном вытеснили некогда господствующую фигуру матери, Исиды, в религиозной, психологической, социальной и политических сферах. Следы первоначального матриархального правления все же оставались, но в исторические времена их уже заслонял собой отец-царь. Инвеститура и восхождение на трон сына основываются на воскрешении Осириса и поражении его врагов. Борьба Гора с принципом зла Сетом — является, в некотором смысле, прототипом "Священной войны бога", которую должен продолжать каждый из его сыновей.

Здесь круг замыкается, и мы возвращаемся к мифу о герое и сражению с драконом. Только теперь мы должны читать миф об Осирисе, включая в качестве героя и Гора, как часть Осириса.

Мы видели, что определенные элементы мифа о герое по существу составляют единое целое. Герой — это Эго-герой; то есть он представляет борьбу сознания и Эго против

бессознательного. Маскулинизация и укрепление Эго, которые проявляются в воинских свершениях героя, позволяют ему преодолеть страх перед драконом и придают ему отвагу, необходимую для встречи лицом к лицу с Ужасной Матерью — Исидой — и ее приспешником Сетом. Герой представляет собой высшего человека, "фаллос в состоянии эрекции", потенцию которого выражают символы головы, глаза и солнца. Его борьба является свидетельством его родства с "небом" и его божественного отцовства, она обуславливает двойственные отношения: с одной стороны, он нуждается в поддержке неба в борьбе с драконом, а, с другой стороны, он должен сражаться с ним, чтобы доказать, что достоин такой поддержки. Как возродившийся в ходе борьбы, он ритуально тождественен отцу-богу и является его воплощением. Возрожденный сын — это ребенок божественного отца, отец самому себе, и, порождая возрождение отца в самом себе, он также становится отцом своего отца.

Таким образом, все существенные элементы мифа о герое можно найти в мифе о Горе и Осирисе. Есть только одна особенность, и она касается патриархальной победы над Ужасной Матерью. Миф содержит только следы ужасной Исиды,[66] но то, что Гор обезглавливает ее и совершает инцест с ней в празднествах Мемфиса, является ясным доказательством того, что она была побеждена.[67] Однако в целом ее отрицательную роль берет на себя Сет,[68] а Исида становится "доброй матерью".[69]

Таким образом, миф о герое развивается в миф о самотрансформации, миф о божественном происхождении человека, что заложено в нем с самого начала, но может быть реализовано только через героическое объединение Эго (Гора) с "я" (Осирисом). Это объединение имеет свое первое выражение в мифологическом Горе, а затем в египетских царях, последовавших за ним (Рис.30). За ними последовали отдельные египтяне — хотя в их случае отождествление с царем являлось делом только примитивной магии - и наконец, в ходе дальнейшего духовного развития то, что человек имеет бессмертную душу, стало неотъемлемым достоянием каждого человека.

Повсюду влияние мифа об Осирисе было огромным. Его отпечатки можно видеть в классических мистериях, [70] в гностицизме, христианстве, алхимии, мистицизме и даже в наше время.

Есть свидетельства существования в некоторых классических тайных религиях обрядов инициации, целью которых было создание высшей мужественности, трансформация инициируемого в высшего человека и тем самым превращение его в подобного или тождественного богу. Например, solificatio о таинств Исиды подчеркивает отождествление с богом солнца, в то время как в некоторых других целью является достижение дружеских отношений с богом посредством participation mystique. Пути могут быть разными, но, независимо от того, охватывает ли участника обряда экстаз и он становится entheos (богов) или он ритуально возрождается, или принимает liora в свое собственное тело вследствие общности с ним - целью всегда является высший человек, достижение его духовной, божественной части. Как сформулировали это гностики более позднего времени, инициируемый становится ennoos тем, кто владеет мировым разумом, или тем, кем владеет мировой разум, pneumatikos (Дух) [71]

Общая черта этих таинств - кастрация, очевидно символизирующая подавление низшей мужественности в интересах высшей. Например, когда это происходит в результате того, что участник обряда отождествляет себя с Аттисом, или когда мы видим в мистериях Адониса, что ложе, на котором возлежит Адонис, усыпано латуком,[72] пищей мертвых и растением евнухов, которое "выбивает порождающие силы", и что в элесинских

мистериях ту же роль играет болиголов -- это означает только то, что жертвоприношение низшей мужественности является предварительным условием духовности.

Все эти аскетические тенденции управляются уроборосом и принципом Великой Матери и образуют часть мистицизма страдающего сына. Их конечной целью является мистический уроборический инцест, который скрывается за кастрацией. С точки прения стадийного развития эти тайные культы либо еще не достигли стадии борьбы героя, либо зафиксировались на этом уровне.

Цель этой борьбы состоит в том, чтобы объединить (фаллически-хтоническую мужественность с духовно-божественной, и созидательное объединение с анимой в ieros gamos симптоматично этому. Но так как в тайных религиях сражение с драконом понимается только как борьба с драконом матери, представляющим бессознательный хтонический аспект, то неизбежным результатом является отождествление с духовным отцом, если тайные религии вообще достигают стадии борьбы с драконом. Поражение в борьбе с отцом-драконом, подавляющей силой духа, ведет к патриархальной кастрации, напыщенности, потере тела в экстазе возвышения и таким образом к отвергающему мир мистицизму. Это явление особенно заметно в гностицизме и гностическом христианстве Проникновение иранских и манихейских влияний усиливает воинственный компонент героя, но, в связи с тем. что в глубине души он, тем не менее, гностик, он остается враждебным к миру, телу, материальности и женщине. Хотя в гностицизме существуют определенные элементы, которые стремятся к синтезу противоположностей, последние в конечном итоге всегда рассыпаются; божественная сторона человека торжествует победу, а земная приносится в жертву

За экстатическим вдохновением патриархальной кастрации таится угроза - и очарование - уроборического инцеста. Уроборос и Великая Мать возобновляют свое действие Это объясняет, почему мистерии почти всегда являются таинствами возрождения. Но здесь нет активного самовозрождения как в мифе о герое: здесь возрождение пассивно переживается уже мертвым человеком. В фригийских мистериях, например, члены мертвого человека снова складываются вместе. Пробуждение мертвого, как таинство возрождения[75] повсеместно является очень характерной чертой религий, но важно отметить, инициируется ли оно материнским божеством, священником, который представляет "я", или Эго. Ситуация, какой мы ее находим в мифе, и ритуал таковы, что одновременно с переживанием Эго своей смерти, возрождающее к жизни "я" появляется в образе бога.

Миф о герое завершается только когда Эго отождествляет себя с этим "я", другими словами, когда оно осознает, что поддержка неба в момент смерти означает ничто иное, как быть порожденным богом и возродиться заново. Только в этой парадоксальной ситуации, когда личность воспринимает смерть одновременно как акт самовоспроизведения, человек, состоящий из двух частей, возродится как целостный.

Соответственно, в тибетской Книге Мертвых мертвые и умирающие призываются к познанию этого репродуктивного акта через видение. Точно также широко распространенная форма мистерии, в которой участник обряда возвращает к жизни бога, является ранней мифологической формой самопорождения. Там же, где, с другой стороны, участвующий в обряде подвергается символической смерти, а возвращающий жизнь бог представлен жрецом, сходство между отцом и сыном не может быть осознано полностью. Уже в эллинских мистериях мы можем видеть, как символическое содержание, которое ранее выражалось в ритуальном представлении мифологических

событий, постепенно обращается внутрь, превращаясь сначала в священные переживания неофита и в конце концов в процессы в индивидуализированной психике.

Это прогрессирующее обращение внутрь является признаком индивидуализации и усиления человеческого сознания, и этот же самый принцип, который сперва способствовал росту личности, продолжает управлять следующей фазой ее развития (Часть II).

Однако, с точки зрения истории, христианство, испытавшее влияние гностиков, никогда не следовало по синтезирующему пути развития, включающий стадию борьбы героя. Этим путем шли алхимия, каббала и прежде всего хасидизм.

В алхимии, откуда и заимствован термин "уроборос", мы обнаруживаем все архетипические стадии и их символизм до самой последней детали, включая даже символ Осириса как основной символ тайной субстанции, так что весь процесс алхимического превращения и сублимации можно интерпретировать как трансформацию Осириса.[76]

Таким образом, архетипические стадии развития сознания имеют своим венчающим символом преображение Осириса, архаичную, Мифологическую форму явления, которому суждено было появиться вновь тысячи лет спустя в качестве процесса индивидуации в современном человеке. Но теперь приходит новое развитие. Как будто бы в психике свершилась революция Коперника. Сознание обращается внутрь и начинает осознавать самость, вокруг которой в бесконечном парадоксе тождественности и нетождественности вращается Эго. В этой точке начинается психологический процесс ассимиляции бессознательного нашим современным сознанием, и следующее за этим смещение центра тяжести от Эго к самости отмечает последнюю стадию в эволюции человеческого сознания.

[1] Заклинания 834 и далее в Sethe, Peramidentexte.

[2] Kees, Aegypten, p.29.

[3] Стела Меттерниха, в Roeder, Urkunden, p.90.

[4] Budge, Book of the Dead, intro., p. cllOO].

[5] Erman, Religion, pp.362 f.

[6] Blac.kman, in Hooke, Myth and Ritual, p.30.

[7] См. выше, c.l 10.

[8] В связи с табу, окружающими свинью, роль, которую она играла в Египте, в высшей степени неясна. То, что не было обнаружено никаких ранних изображений свиней, топчущих зерно, вовсе не доказывает, что первоначально .эту операцию выполняли овцы, а свиньи появились в этой роли только в Новом Царстве. Всегда остается вероятность того, что свиньи изображались лишь в Новом Царстве из-за того, что до этого табу было слишком строгим. Отождествление дикого кабана с врагом и убийцей юного бога, который, как Аттис, Адонис, Таммуз и Осирис, был богом зерновых, кажется указывает на то, что свинья играла отрицательную роль в ритуале. Верно, что в ранних церемониях коронации роль врага возлагалась на быков и ослов (Блэкман, указ, соч., с. 30), но в Книге Мертвых Сет все еще появляется и как вепрь, и как бык.

[9] Budge, Book of the Dead, Intro., pp.xix and cxx.

[10] The Golden Bough (abridged edn., 1951), pp.438 ff.

[11] Van der Leeuw, Religion in Essence and Manifestation.

[12] "Из молитв несправедливо преследуемого" в Erman, The Literature of the Ancient Egyptians, p.304.

[13] Budge, op.cit., figs, to Chs.28 and 149.

[14] Sakkara pyramids; cf. Budge, intro., p.cxx.

[15] Там же, Гл. 43.

[16] Frazer, op.cit., p.423.

[17] Если окажется верным маловероятное предположение о том, что Осирис первоначально был шумерским богом Лзаром и попал в Египет через Месопотамию (см. Winlock, Basreliefs from thr Temple of Rameses I at Abydos, p.7n), тогда Библ, как находящийся на пересечении культур, становится даже еще более важным. Во времена матриархального культа плодородия Египет, по-видимому, в культурном отношении зависел от Библа, как об этом свидетельствует миф в истории о том, что Исида привезла Осириса в Египет из Библа.

[18] AJeremias, op.cit., lig.125.

[19] Плотницкое дело, как священный процесс, также относится к этому канону. Древесина, подобно молоку и вину, считалась жизненной основой Гора-Осириса (см. Blackman, op.cit., p.30), а кедровое масло, обладающее консервирующими и закрепляющими свойствами, играло важную роль в бальзамировании. [Символизм древесины повторяется в легенде о том, что Иисус был плотником: см. Coomaraswamy, The Bugbear of Literacy. — Прим. перев.\.

[20] Budge, op.cit., fags, to pp.73, 77, 121.

[21] Budge, Guide to the Fourth, etc., Rooms, p.98.

[22] См. выше, с. 264 и далее.

[23] См. выше, рис. 31 и далее.

[24] См. выше, рис. 31, с. 265.

[25] Budge, Book of the Dead, Ch.43.

[26] См. выше, с. 240.

[27] Budge, op.cit., intro. to Ch.43.

[28] Там же, гл.155. Умершему обещают, что он станет совершенным духовным существом, кху, и что в праздник Нового Года он присоединится к сопровождающим Осириса. Это дает нам важный ключ к пониманию значения колонны джед на празднике Нового Года, что будет обсуждаться позднее.

[29] Petrie, The Making of Egypt, Pis. X.LII.

[30] Erman, Religion, p.265.

[31] Op.cit., intro. To Ch.98.

[32] The Mothers, Vol. II, pp.778 f.

[33] Тексты пирамид, заклинания 472, 974 in Erman, Religio, p.219.

[34] Budge, op.cit., pp.55,73,77.

[35] Erman and Ranke, MAegypten, p.318.

[36] Moret, 'The Nile, p.58.

[37] Winlock, op.cit,., p.21.

[38] Budge, op.cit., figs, on pp.81, 94.

[39] Там же, с.666.

[40] Там же, Гл. 17.

[41] Самовосстанавливающий характер кхепри имеет здесь первостепенное значение. Произошел ли здесь перенос первоначально лунного смысла на солнце, как полагает Бриффо, — в данном контексте значения не имеет.

[42] Op.cit., p.4n.

[43] См. выше, с. 36

[44] Moret, op.cit., p.376; Kees, op.cit., p.11.

[45] Стела Меттерниха, в Roeder, op.cit., p.90. 46 Budge, op.cit., fig. to p.211.

[47] Там же, Гл.175; Kees, op.cit., p.27.

[48] Budge, op.cit., Ch.64.

[49] Не имеет значения, датируем ли мы Первую Династию по Петри, 4300 годом до н. э , или по Бристеду, 3400 годом до н. э. В любом случае мы оказываемся в начале исторической эпохи.

[50] Тексты Пирамид, заклинания 370-375, в Sethe, Peramidentexte.

[51] Вопрос, на который сейчас нельзя ответить, состоит в том, не могло ли значение зерна, множество изменений его значения, особенно как символа духовной трансформации в тайных религиях, первоначально быть связано с явлением ферментации и с приготовлением опьяняющих напитков. Ибо Осирис — это не только бог зерна, но также и бог вина; кроме того, праздник Крещения, 6 января, когда отмечается превращение воды в вино при бракосочетании Кана является также празднованием превращения воды в вино, произведенным Осирисом (Gressmann, Tod und Auferstehung des Osiris). Опьяняющие напитки и оргии плодородия всегда ассоциировались друг с другом в древнем мире и до сих пор продолжают объединяться в примитивных обществах. Действительно, превращение зерна в спирт повсюду должно было поражать человечество как один из самых удивительных примеров естественного превращения. Основой спиртного напитка, будь то пшеница, рис, маис, тапиока и т. д., неизменно является плод земли, "Сын Земли", который занимает центральное место в ритуале плодородия. Вследствие своей странной трансформации этот земной продукт приобретает опьяняющий характер духа и становится таинством, посредничающим откровением, мудростью, спасением. Эта вековечная основа таинства продолжает просматриваться не только в дионисийском и христианском символизме вина, но и везде, где имеет место священное опьянение. Было бы удивительно, если бы тайные учения о трансформации, которые процветали в древнем мире вплоть до времени алхимиков, не были бы связаны с этим первичным явлением. Prima materia как мертвое тело, его очищение и восхождение духа, освобождение духа от тела, пресуществление и т. д. — все это процессы отражаются в таинстве опьянения и в то же время иллюстрируют духовную историю Сына Земли, или Зерна, так что эти образы вполне могут быть символическими прототипами духовной трансформации. Такие ассоциации, будучи архетипическими, не ограничиваются западом; например, в Мексике мы находим ту же связь между юным богом зерна и опьянением, представленную здесь божествами пульке.

[52] Budge, op.cit, Chs.83, 94, 154.

[53] Там же, введение, с.xii.

[54] Пирамида Пепи I, в Moret, Mysteres Egyptiens.

[55] Там же, с. 210.

[56] Moret, The Nile, p. 183.

[57] Там же, с. 184.

[58] Frazer, Golden Bough, p.436.

[59] Там же.

[60] Blackman, op.cit., p.21.

[61] Там же, с.21.

[62] Erman and Ranke, op.cit., p.318.

[63] Blackman, op.cit., p.32.

[64] Там же, с.33.

[65] Jung, "The Structure of the Psyche", p.150.

[66] См. выше, с. 93 и далее.

[67] Геродот, Книга II.

[68] См. выше, с. 94.

[69] Женской копией мифа о Горе-Осирисе является миф о Деметре и Коре. Относящийся к этому материал собран в Jung и Kerenyi, Essays on a Science of Mythology.

[70] Reitzenstein, Hellenistixhe Mysterienreligionen, pp.75 f.

[71] Юнг. "О перерождении".

[72] Mereshkovski, The Secret of the West, p.288. Однако в Египте латук был священным для Коптского Мина в связи с его усиливающими половое чувство свойствами (см. Kees, Gotterglan.be, p.349).

[73] См. выше, с. 144 и далее.

[74] См. выше, с. 210.

[75] Rnitznnstein, op.cit., p.252.

[76] Так как алхимия фактически зародилась в Египте, то вполне вероятно, что эзотерические интерпретации мифа об Осирисе могут находится среди основ этого искусства. Осирис выступает одним из символов для обозначения свинца, и его трансмутация в солнечное золото Ра является основной целью "великого дела". Восхождение и сублимация настолько же характерны для Осириса, как и его связь с Ра.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СТАДИИ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

А Первоначальное единство

Центроверсия и формирование Эго

Первоначальное единство

Вторая часть этой работы является попыткой оценить в свете аналитической психологии процессы, мифологическую проекцию которых мы описали в первой части. Теперь мы должны продемонстрировать значение мифа для современного западного человека и показать, каким образом он способствовал развитию его личности.

Наряду с кратким описанием стадий психологических развития, обсуждавшихся в первой части, мы представляем здесь кое-какой материал из спекулятивной "метапсихологии", чтобы дополнить и расширить нашу тему. Отрывочность и известные ограничения нашего опыта не должны останавливать нашу попытку критически оценить сложившуюся на данное время ситуацию и выявить единственный объединяющий эволюционный аспект, который поставит наши отдельные открытия на надлежащее им место и определит их истинную ценность. Это всего лишь один из многих возможных и необходимых аспектов аналитической психологии, но мы считаем, что эволюционный аспект архетипических стадий имеет значение не только для теории, но также и для практики психотерапии. Стадиальная психология, которую мы пытались обрисовать, дает

больше, чем вклад в психологию индивидуальной личности; ибо психологический подход к культуре, должным образом акцентирующий гуманистическое значение глубинной психологии Юнга, был бы невозможен, если бы аналитическая психология не продвинулась из личностной сферы к коллективной психологии. Прежде, чем подвергать психологической интерпретации стадиальное развитие Эго, обсуждавшееся в Части I, мы должны сделать несколько вводных замечаний относительно концепции Эго, стадий и нашего метода интерпретации.

Фундаментальной для аналитической психологии является теория комплексов, которая придает бессознательному комплексную природу и определяет комплексы как "живые единицы бессознательной психе".[1]

Она также признает комплексную природу Эго, которое как центр сознания образует центральный комплекс в психической системе.

Эта концепция Эго, подкрепляемая психологическими и психопатологическими открытиями, является одной из отличительных черт аналитической психологии:

"Комплекс Эго является как содержанием сознания, так и условием сознания, ибо психический элемент является сознательным для меня настолько, насколько он относится к комплексу Эго. Но поскольку Эго является лишь центром моего поля сознания, оно, будучи просто одним комплексом среди других комплексов, не тождественно всей моей психике".[2]

Мы проследили развитие комплекса Эго в мифологии и таким образом ознакомились с частью истории сознания в мифологической проекции. Эволюционные изменения в отношении между Эго и бессознательным были выражены мифологически в различных архетипических фигурах — уроборосе, Великой Матери, драконе и т.д. — в которых бессознательное предстает перед Эго или которые выкристаллизовывают Эго из бессознательного. Принимая архетипические стадии за эволюционные стадии Эго-сознания, мы интерпретировали мифологические фигуры ребенка, юноши и героя как стадии трансформации самого Эго. Комплекс Эго, центральный комплекс психики, составляет поле действия для событий, описанных в Части I.

Подобно всякому образу в произведении искусства — например, в пьесе или романе — мифологический образ Эго требует двойной интерпретации, то есть интерпретации "структурной", основанной на природе самой фигуры, и того, что мы для краткости можем назвать "генетической" интерпретацией, которая рассматривает образ как выражение и представителя психики, из которой он происходит.

Так, структурная интерпретация образа Фауста должна учитывать характеристики и образ действия, присущие Фаусту в драме Гете, в то время как генетическая интерпретация должна рассматривать Фауста как часть личности Гете, как комплекс в его психике. Две интерпретации дополняют друг друга. Структурная — объективная — интерпретация стремится охватить весь размах структуры, представляемой личностью Фауста, а затем объединить ее с генетической интерпретацией, которая полагает, что фигура Фауста символизирует всю целостность психического состояния Гете, как сознательного так и бессознательного, а также всю историю его развития. То, что сознательный разум поэта использует для творческого процесса посторонний материал, уже существующую историю о Докторе Фаусте, не опровергает внутренних ассоциаций, предполагаемых генетической интерпретацией, ибо выбор и модификация этого материала являются решающими и типичными для психического состояния. Точно так же,

как отпечаток предшествующего дня развивается в сновидениях, так и существующий литературный, исторический и иной материал обрабатывается "редактором" в бессознательном, чтобы помочь самовыражению психики, и, после обработки сознанием художника, этот материал в конечном итоге ассимилируется во внутреннее состояние, которое стремится спроецировать себя вовне.

Как в поэзии, так и в мифологии образы требуют одной и той же двойной интерпретации. Однако наше утверждение, что развитие Эго-сознания представлено в мифе, усложняется тем, что в то время как мы принимаем миф буквально и описываем переживания юного любовника, например, "как если бы" он был живой фигурой, мы должны одновременно интерпретировать его как символического представителя определенной стадии Эго в развитии человека.

Эти образы представляют собой архетипические проекции коллективного бессознательного; другими словами, человечество вкладывает в свои мифы нечто неуловимое, значения чего не осознает.

Точно так же, как бессознательное содержимое, такое как сновидения и фантазии, кое-что говорит нам о психическом состоянии видевшего сон, так и мифы проливают свет на человеческую стадию, в которой они зародились, и представляют состояние человеческого бессознательного на этой стадии. Ни в том, ни в другом случае нет никакого сознательного знания о проецируемой ситуации, ни в сознательном уме видящего сон человека, ни в сознании создателя мифа.

Когда мы говорим о стадиях развития сознания, мы имеем ввиду — что без сомнения, было ясно показано в Части I -- архетипические стадии, хотя в то же время мы неоднократно подчеркивали их эволюционный и исторический характер. Можно показать, что эти стадии, с их переменными уровнями Эго-сознания, архетипичны, то есть, что они действуют как "неизменное присутствие" в психике современного человека и формируют элементы его психической структуры. Определяющий характер этих стадий раскрывается в исторической последовательности индивидуального развития, но весьма вероятно, что сама психическая структура индивида построена на исторической последовательности человеческого развития в целом. Концепцию стадий можно понимать как в "платоновом", так и в "аристотелевском" смысле; как архетипические стадии структуры психики они представляют собой составляющие психического развития, но они являются также результатом и отпечатком этого развития в ходе всей человеческой истории. Тем не менее, этот парадокс имеет рациональную основу, ибо, хотя архетип является условием и составной частью психического восприятия, человеческое восприятие может стать самовосприятием только в ходе истории. Человек воспринимает мир через архетипы, но архетипы сами представляют собой отпечатки его бессознательного восприятия мира. Модификации сознания, отпечаток которых несут миф о логические стадии, отражают внутренний исторический процесс, который можно связать с доисторической и исторической эпохами. Однако эта взаимосвязь не абсолютна, а лишь относительна.

В отношении ранней истории Египта Флиндерс Петри[3] разработал систему, которую назвал "датирование последовательностью" (сокращенно "д. п."), то есть последовательности, в рамках которых можно установить "до" и "после", не зная никакой временной взаимосвязи. Например, д. п. 30 идет перед д. п. 77, хотя это не говорит нам, к какому периоду мы должны отнести д. п. 30 или 77, или какой величины промежуток лежит между ними. Точно также и мы вынуждены пользоваться датированием последовательностью, имея дело с архетипическими стадиями. Уроборос идет "перед" стадией Великой Матери, а Великая Мать — "перед" сражением с драконом; но

абсолютное временное соотношение невозможно, потому что мы должны учитывать историческую относительность отдельных наций и культур. Так, для греков крито-микенская культура было доисторическим периодом Великой Матери, так как в этой культуре ее культ был господствующим. Греческая мифология является в основном мифологией сражения с драконом, борьбы сознания за независимость, и эта борьба была решающей для духовного значения Греции. Но в то время как в Греции это развитие приходится приблизительно на период между 1500-3000 г.г. до н. э., в Египте соответствующий процесс прошел, вероятно, задолго до 3300 г. до н. э. Это развитие уже завершено в мифе об Осирисе и Горе, а в отношении отождествления царя с Осирисом доказано, что оно существовало еще во времена Первой Династии, но это не значит, что оно не наблюдалось раньше. Из относительности этих стадий и их особенностей в различные периоды в различных культурах следуют два важных заключения. Во-первых, это доказывает их архетипическую структуру. Всеобщность и неизбежность их появления показывает, что существует общая психическая субструктура, одинаковая у всех людей. Во-вторых, это оправдывает наш метод иллюстрации каждой конкретной стадии посредством сбора и сравнения данных, полученных из разных культур и эпох. Например, Фробениус обнаружил, что культ Великой Матери и ритуальное цареубийство играют важную роль в некоторых Африканских племенах.[4] Эти почти современные примеры являются иллюстрацией и живым комментарием вековечных религиозных обычаев, практиковавшихся в Египте, наверное, семь тысяч лет назад. Появляется ли архетипический символизм спонтанно, или он обусловлен древними египетскими влияниями[5] — в том, что касается реальности стадий и их символизма и нашего использования материала из различных сфер культуры, значения не имеет. Где бы ни встречался архетипический символизм, мифологический материал является для нас таким же ценным, как и антропологический. Отсюда и наши неоднократные ссылки на Бахофена, ибо, хотя его историческая оценка мифологии может быть устаревшей, его интерпретация символов в значительной степени подтверждена современной глубинной психологией.

Теперь наша задача заключается в том, чтобы оценить архетипические стадии развития сознания — известные нам из мифологической проекции — чтобы понять их психологическое значение для формирования и развития личности. Мы видели, что самые ранние стадии развития Эго и сознания выражаются в символах уробороса и Великой Матери и проявляются через них, и что эти развития можно распознавать по изменению отношения Эго к этим символам. Психологическая интерпретация этих двух начальных архетипических стадий и их символизма является нашим первым вопросом — то есть, мы должны будем проследить развитие Эго из зародыша и его отношение к бессознательному.

Зародыш Эго в первоначальном уроборическом состоянии

Психологически говоря, уроборос, первоначальная архетипическая стадия, которая является нашей отправной точкой, представляет собой "пограничное" восприятие, будучи индивидуально и коллективно доисторическим в том смысле, что история начинается только с субъекта, который способен воспринимать другими словами, когда уже существуют Эго и сознание. Первоначальная стадия, символизируемая уроборосом, соответствует стадии до-Эго, и точно также, как она предшествует человеческой истории, так и в индивидуальном развитии она относится к стадии самого раннего детства, когда зародыш Эго только начинает свое существование. Но, несмотря на то, что эта стадия может быть пережита только "на границе", ее признаки и символизм оказывают важное влияние на широкие области человеческой коллективной и индивидуальной жизни.

Первоначальное состояние, мифологически представленное как уроборос, соответствует психологической стадии в человеческой предыстории, когда индивид и группа, Эго и бессознательное, человек и мир были так неразрывно связаны друг с другом, что в отношениях между ними господствовал закон participation mystique, бессознательной тождественности.

Основная судьба человека, по крайней мере взрослого современного человека, разворачивается на трех фронтах, которые, хотя и являются взаимосвязанными, тем не менее, четко отделены друг от друга. Мир как внешний мир явлений вне человека, общество как сфера взаимоотношений между людьми и психика как мир внутренних человеческих переживаний — таковы три основных фактора, которые управляют человеческой жизнью, и творческая встреча человека с каждым из них является решающей для развития индивида. Однако на начальной стадии эти сферы еще не обособились друг от друга, ни человек от мира, ни индивид от группы, ни Эго-сознание от бессознательного. Человеческий мир, состоящий из индивидов и группы, также никоим образом не отличается от того, что мы называем внешним миром объектов. Хотя мы знаем первоначальное состояние вещей только как пограничное восприятие, тем не менее, мы все же можем описать совокупность его признаков, потому что теми частями нашей психики, которые не являются частью нашего Эго-сознания, мы продолжаем участвовать в этой архетипической стадии.

Неделимость группы, индивида и внешнего мира встречается всегда, когда психическое содержимое — то есть то, что наше сегодняшнее сознание опознает как психическое и поэтому относит к внутреннему миру — проецируется на мир в целом и воспринимается как бы существующим вне нас. Содержимое этого рода довольно легко распознается как проекция, если оно относится к древним эпохам, незнакомым сферам культуры и другим народом, но чем ближе оно приближается к состоянию бессознательного нашего собственного времени, к нашей собственной культуре и нашей собственной личности, тем сложнее нам оказывается делать это. Анимизм, который наделяет деревья обитающими в них духами, идолов — божественностью, священные места — чудодейственными свойствам или людей — магическими способностями, легко виден насквозь; для нас это очевидный случай "проекции". Мы знаем, что деревья, идолы, священные места и люди являются знакомыми нам объектами внешнего мира на которые древний человек проецировал свое внутреннее психическое содержимое. Распознавая их, мы отказываемся от таких "примитивных проекций и констатируем их как самовнушение или что-то в этом роде, и . таким образом разрушаем слияние, проявляющееся как соучастии человека в объектах внешнего мира." Но когда дело доходит до восприятия вмешательства Бога мировую историю, или священности родины, символизируемой знаменем или королём, или дьявольских намерений наций за последним железным занавесом, или даже дурного характера тех кто нам не нравится, или хорошего характера тех, кого мы любим; когда дело доходит до т восприятия всего этого как проекции, тогда наше психологическое умение различать тотчас же изменяет нам, не говоря уж о том, что мы оказываемся не в состоянии правильно понять самые очевидные примеры по той причине, что они полностью бессознательны и относятся к предвзятым мнениям,— которые мы принимаем безоговорочно.

Первоначальное слияние человека с миром, с его ландшафтом и фауной, имеет свое наиболее хорошо известное антропологическое выражение в тотемизме, который принимает определенное животное за предка, друга или за некое могущественное и ниспосланное провидением существо. Чувство родства, ощущаемое членом тотема по отношению к тотемному животному и предку и ко всем животным этого вида, доходит до отождествления. Существует достаточно свидетельств того, что такое родство является не

просто вопросом веры, а реальной действительностью, то есть психологической реальностью, которые иногда имеют своим результатом телепатическую магию охоты и т.д.[6]

Нет никакого сомнения, что магический взгляд человека примитивной культуры на мир основан на таких отношениях тождественности .

Такое же явление слияния, как то, что первоначально существовало между человеком и миром, наблюдается также между индивидом и группой или, скорее, между человеком как членом группы и коллективом. История учит, что вначале индивид не существовал как независимое существо, что над обособленным Эго властвовала группа, которая не допускала его освобождения. Мы находим такое состояние во всех областях социальной и культурной жизни; повсюду с самого начала наблюдается анонимная коллективность.

Первоначальное групповое единство не подразумевает существования объективной групповой психики вне ее носителей, и нет никакого сомнения, что с самого начала среди членов группы существовали индивидуальные различия, для индивида допускались определенные ограниченные области независимости[7] но остается фактом, что в первоначальном положении дел индивид был в значительной степени поглощен группой. Эта интеграция не обязательно была чем-то мистическим, как можно предположить, исходя из довольно туманного термина participation mystique. Все, что он означает, - это то, что в первоначальной группе сплоченность ее членов следует понимать скорее по аналогии с отношением органа к телу или с отношением части к целому, чем с отношением части к сумме, и что целое пользовалось преобладающим влиянием, так что Эго могло лишь очень медленно освободиться от тирании группы. Это позднее рождение Эго, сознания и индивида является неоспоримым фактом. [8] Открытие коллективной психики и погруженности и нее индивида поначалу привело к переоценке этих явлений, поэтому упоминание Малиновским роли, которую играл индивид даже на ранних стадиях социальной жизни, является важным. Он прав в том, что подчеркивает диалектику между индивидом и группой, но это не уменьшает фундаментального значения открытий, сделанных школой Дюркгейма. То, что Леви-Брюль назвал participation mystique и дологичным мышлением, тождественно тому, что Кассирер в своей критике школы Дюркгейма (Cassirer, An Essay on Man, pp.79 f.) назвал ощущением "общности жизни" и "преобладанием чувства". Дологичное мышление не следует принимать за неспособность мыслить логически. Примитивный человек вполне способен на это, но, в связи с тем, что его взгляд на мир определяется бессознательно, он не ориентирован на логику сознательного мышления. В той мере, в которой современный человек является бессознательным, он также мыслит дологично, вне категорий, предписываемых сознанием, то есть научных взглядов на мир (см. Aldrich, The Primitive Mind and Modern Civilization, p.66).)

Хотя современные исследования показали, что в примитивном обществе индивид вступает в конфликт с группой весьма редко, тем не менее совершенно очевидно, что чем дальше мы продвигаемся вглубь человеческой истории, тем реже встречается индивидуальность и тем менее она развита. В действительности даже сегодня психологический анализ все еще сталкивается с мертвым грузом коллективно бессознательного, с неиндивидуальными факторами в психологии современного человека. Даже только из этих двух фактов должно быть достаточно очевидно, что первоначально человек был частью коллективной психики своей группы и довольствовался лишь очень узким диапазоном личной свободы действия. Все социальные, религиозные и исторические свидетельства указывают на позднее рождение индивида из коллектива и из бессознательного.[9]Коперниковский переворот — приложение глубинную психологию к

обсуждаемым здесь проблемам по существу состоит в том, что она исходит от коллективной психики группы как определяющего фактора, а не от индивидуального Эго и сознания.

Кардинальное открытие трансперсональной психологии заключается в том, что коллективная психика, глубочайший пласт бессознательного, является живым базисным потоком, из которого выходит все, что имеет отношение к обособленному, обладающему Эго-сознанием: на нем оно основывается, им подпитывается и без него не может существовать. Групповая психика - которую, как мы увидим позднее, не следует путать с массовой психикой - характеризуется первичным преобладанием бессознательных элементов и компонентов, а также ослаблением индивидуального сознания. Однако, говоря так, мы должны подчеркивать, что на глубоком уровне это не столько вопрос ослабления, растворения или регрессии, а скорее то, что сознание все еще находится в состоянии неопределенности, будучи еще не развитым или развитым только частично. Формулировка Тардеса о том, что "социальное состояние, подобно гипнотическому, является всего лишь формой грез",[10] представляет собой лаконичное резюме первоначальной групповой ситуации. Но мы не Должны принимать наше современное бодрствующее сознание за единственно возможную отправную точку, а затем, по аналогии с гипнозом, считать participation mystique групповой психики ограничением этого бодрствующего состояния. Верно обратное; сознательное состояние является поздним и редким явлением, и его полное достижение встречается гораздо реже, чем так самонадеянно полагает современный человек, в то время как бессознательное состояние является первоначальным, базисным психическим состоянием, являющимся правилом повсюду.

Групповое единство в участии до сих пор настолько широко превалирует даже в современном человеке, что только благодаря непрестанным сознательным усилиям некоторых гениальных личностей, мы постепенно осознаем те психические факторы, которые как слепо принимавшийся нами бессознательный "культурный образец" управляют жизнью и смертью каждого из нас. Хотя и обладая, вероятно, более высоко развитым сознанием, чем то, чего когда-либо ранее достигал человек, современные индивиды, несмотря на все их сознательные достижения, до сих пор глубоко внедрены в структуру своей группы и ее бессознательных законов.

Слияние индивида с группой можно видеть как в мелочах, так и в вещах значительных. Например, один исследователь описывает состояние одержимости у примитивных людей, то есть захват личности некоторым бессознательным содержимым,[11] которое они считали духами, следующим образом:

"Хотя одержимость часто может быть вызвана произвольно, иногда она возникает непроизвольно. В последнем случае подобные симптомы зачастую распространены среди членов одной и той же семьи".[12]

Эта эмоциональная инфекция обусловлена бессознательным слиянием всех членов семьи друг с другом. Их тождественность является первостепенным фактором, хотя сам термин "инфекция" предполагает состояние обособленности, которое в действительности существует лишь в незначительной степени. Но в той мере, в какой оно действительно существует, как в случае индивидуализированного западного человека, оно относится в основном, по причинам, которые еще требуют обсуждения, только к некоторым различиям структуры сознания. Эмоциональность же группы, с другой стороны, образует

слой бессознательной, психической соединительной ткани, которая обычно имеет намного больший энергетический потенциал, чем "индивидуализированное" сознание.

Эмоциональная связь между членами коллектива не имеет никакого отношения к сознательным чувственным взаимоотношениям или к любви. Она вытекает из целого ряда источников, обсудить которые здесь не представляется возможным. Общее происхождение из одного рода, совместная жизнь и, прежде всего, общие переживания создают эмоциональные узы даже сегодня, как нам хорошо известно. Социальные, религиозные, эстетические и другие коллективные впечатления, независимо от их окраски — от племенной охоты за головами до современного массового митинга — активируют бессознательные эмоциональные основы групповой психики. Индивид пока еще не освободился от скрытой эмоциональности, и любое возбуждение одной части группы может сказаться на всей группе, подобно тому, как лихорадка охватывает все части организма. И тогда эмоциональное слияние сметает все еще слабо развитые различия сознательной структуры у входящих в группу индивидов и постоянно восстанавливает первоначальное групповое единство. Этот феномен, принимая форму массовой реколлективизации,[13] до сих пор оказывает огромное влияние на отношение индивида к обществу.

В раннем уроборическом состоянии существует слияние как человека с миром, так и индивида с группой. Основой обоих этих явлений выступает отсутствие разграничения между Эго-сознанием и бессознательным — другими словами, неполное разделение этих двух психических систем.

Когда мы говорим о проецировании или интроецировании психического содержимого, понимая под этим, что оно воспринимается как нечто внешнее, а затем принимается внутрь, мы постулируем четко определенную структуру личности, для которой существуют понятия "снаружи" и "внутри". Однако в действительности психика начинается с очень значительной экстериоризации. Проекция предполагает, что то, что проецируется, то есть активно выносится вовне, ранее находилось внутри как нечто психическое. Но внешнее положение психического содержимого, контрастируя с идеей проекции, подразумевает существование снаружи чего-то первоначально не находившегося внутри личности. Это внешнее положение содержимого является его первоначальным состоянием; это означает, что данное содержимое было признано как относящееся к психике только на более поздней стадии развития сознания. Поэтому только с этой точки зрения экстериоризированное содержимое может быть определено как проецированное. Например, до тех пор, пока Бог экстериоризируется, он действует как "реальный Бог снаружи", хотя затем более позднее сознание может определить его как проекцию образа Бога, которая существует в психике.[14]

Формирование и развитие человеческой личности в значительной степени состоит в "принятии внутрь" — интроекции — этого сделанного внешним содержимого.

Одно из основных явлений, характерных для уроборического существования группы и погружения каждой части в групповую психику — то, что группой управляют доминанты коллективного бессознательного, архетипы и инстинкты. Эмоциональная атмосфера группы определяется именно этим самым содержимым, и, в связи с тем, что заряд его либидо превосходит заряд индивидуального сознания, проявление этого содержимого оказывает сильное воздействие на индивидов и группы даже сегодня.

В связи с погружением индивида в группу, а Эго-сознания в бессознательное мы хотели бы процитировать следующее интересное наблюдение Троттера относительно толпы:

"Индивид реагирует соответствующим образом на импульс, принимаемый им от толпы, а не непосредственно от фактического объекта тревоги. По-видимому, именно таким образом индивид удерживается от парализующего чувства страха, в то время как его непосредственное воздействие может настигнуть индивида как мощный и страшный взрыв паники".[15]

Рейвальд, из книги которого мы взяли этот отрывок, комментирует:

"Пассивность индивида относительно толпы является в некоторой мере условием активности толпы".[16]

Хотя эта телеологическая интерпретация Троттера несколько сомнительна, так как в результате коллективной реакции индивид при паническом бегстве может пострадать или погибнуть, это явление само по себе достаточно важно, чтобы заслуживать внимания. В первоначальном состоянии каждая часть приспосабливается скорее к группе, чем к внешнему миру, и ее ориентация находится в реактивной зависимости от группы. Отношение к внешнему миру в значительной мере обуславливается не непосредственно индивидом, а воображаемым организмом "группы", чьим олицетворением является лидер или ведущее животное, и сознание этого организма функционирует для всех частей группы.[17]

Соучастие, как мы знаем, играет также важную роль в детстве, так как ребенок вовлечен в бессознательное своих родителей.[18]

Таким образом, на онтогенетическом уровне повторяется точно такая же уроборическая ситуация, как описанная нами в отношении коллективного уровня.

В этих обстоятельствах, когда сознание недостаточно обособилось от бессознательного, а Эго от группы, член группы оказывается в одинаковой степени как во власти групповых реакций, так и бессознательных констелляций. То, что он досознателен и доиндивидуален, ведет к тому, что он воспринимает мир и реагирует на него таким образом, который является в большей мере коллективным, чем индивидуальным и в большей мере мифологическим, чем рациональным. Мифологическая апперцепция мира и архетипический, инстинктивный тип реакции соответственно характерны для пробуждающегося человека. Коллектив и члены группы воспринимают мир не объективно, а мифологически, в архетипических образах и символах; и их реакция на него архетипична, инстинктивна и бессознательна, а не индивидуальна и сознательна.

Бессознательные реакции членов группы, находящихся в своей группе, неизменно ведут к укреплению групповой души, коллективного сознания или чего-то в этом роде. Это вполне оправданно, если мы начнем с восприятия части, которая ощущает целое как общность; в действительности мы до сих пор говорим о нации, народе и т.д. именно так. И хотя эта "нация" является результатом укрепления, такое укрепление психологически необходимо и правильно. Ибо как эффективное целое нация является психологически чем-то большим и иным, чем сумма его частей, и всегда воспринимается таким образом каждой частью группы. Чем более бессознательной является вся личность человека, и в чем более зачаточном состоянии находится его Эго, тем больше его восприятие целого будет проецироваться на группу. Зародыш Эго и групповое "я" связаны непосредственно,

точно так же и наоборот, индивидуализация, развитие Эго и наконец самовосприятие посредством индивидуализации вызывают уход от этой проекции. Чем в большей мере неиндивидуализированы люди, тем сильнее "я" проецируется на группу и тем сильнее также взаимодействие членов группы между собой. Но по мере того, как группа становится более индивидуализированной, а значение Эго и индивида увеличивается, межличностные взаимоотношения должны становиться более сознательными, а бессознательные соучастия — разрываться. Однако в уроборическом состоянии Эго является все еще зародышевым, а сознание еще не развилось в систему.

Развитие Эго из уробороса

Вначале сознание поднимается, как остров из моря, вместе со всем содержимым, но вскоре вновь погружается в бессознательное. Фактически, никакой непрерывности сознания не существует. Часто считали, что такое состояние свойственно примитивным людям, которые, если не заняты чем-нибудь активно, впадают в сонливость и легко устают от сознательных усилий. Только прогрессирующая систематизация сознания приводит к увеличению его непрерывности, усилению воли и увеличению способности к произвольному действию, которые в современном человеке являются признаками Эго-сознания. Чем сильнее сознание человека, тем больше он может сделать, а чем оно слабее, тем в большей мере вещи "просто случаются". Уроборическое состояние несомненно является "пограничным".

К уроборическому состоянию психики мы легче всего регрессируем в сновидениях. Как и все другие более ранние состояния, оно продолжает существовать в нас и может проявиться в любой момент, например, когда уровень сознания падает, как во время сна или в результате какой-нибудь слабости, болезни или снижения сознания, обусловленного чем-либо иным.

Когда мы снова погружаемся в мир сновидений, Эго и сознание, будучи поздними продуктами человеческого развития, вновь растворяются. В сновидениях мы живем во внутреннем мире, не осознавая этого, ибо все фигуры сновидений являются образами, символами и проекциями внутренних процессов. Точно так же и мир человека примитивной культуры в первую очередь является внутренним миром, который воспринимается как внешний. Это состояние, когда внутреннее и внешнее не отличаются друг от друга. Ощущение единства со Вселенной, способность содержимого менять форму и место в соответствии с законами сходства и символической близости, символический характер мира и символическое значение всех пространственных измерений — верх и низ, лево и право, значение цветов и тому подобное — все это мир сновидений разделяет с периодом рассвета человечества. Здесь, как и там, духовные предметы принимают "материальную" форму, становятся символами и объектами. Свет символизирует просвещение, одежда — личностные качества и так далее. Сновидения можно понять только с точки зрения психологии начального периода, которая, как они свидетельствуют, до сих пор активно проявляется в нас.

Фазу, в которой зародыш Эго находится в бессознательном, как эмбрион в матке, когда Эго еще не появилось как сознательный комплекс и напряжение между системой Эго и бессознательным отсутствует, мы назвали уроборической и плероматической. Уроборической, потому что в ней господствует символ круговой змеи, служащий для выражения тотальной недифференцированности происхождения всего из всего и снова вхождения во все, зависимости от всего и связи со всем; плероматической, потому что зародыш Эго все еще находится в плероме, в "полноте" аморфного Бога и как неродившееся сознание спит в первичном яйце, в блаженстве рая. Более позднее Эго считает это плероматическое состояние первым счастьем человека, ибо на этой стадии не

существует никаких страданий; страдания приходят в мир только с появлением Эго и его ощущений.

В связи со слабостью либидо пробуждающееся Эго в этой фазе раннего детства легко устает, и поэтому зародыш Эго все еще остается пассивным, не проявляет никакой собственной реальной активности, так как это предполагает, что Эго имеет в своем распоряжении определенное количество либидо, например, силу воли. Таким образом, вначале сознание является главным образом рецептивным, но даже эта рецептивность оказывается изнуряющей и приводит к потере сознания в результате усталости.

Тенденция Эго вновь растворяться в бессознательном была названа нами "уроборическим инцестом". Этот регресс — на стадии, когда само Эго является слабым и не осознает себя — приятен, как показывает положительный характер символов уроборической фазы, типичными примерами которой являются периоды младенчества и сна. "Приятное" в этом контексте означает угасание зарождающегося мира Эго, сознания и всех его напряженное/гей. Однако Эго и сознание предполагают напряженность между сознанием и бессознательным; и без проистекающего из этого энергетического потенциала сознание не может существовать.

Во время этой ранней фазы все ощущения Эго по отношению к бессознательному одновременно приятны и болезненны. Типичным примером этого является уроборический инцест. Даже саморастворение оказывается приятным ощущением, ибо, в то время как растворяемое — Эго — слабо, растворитель — для которого растворение приятно — силен. Бессознательное отождествление с более сильным растворителем, уроборической матерью, приносит удовольствие, которое в последующей, извращенной его форме, необходимо называть мазохистским. Растворяющий садизм уробороса и мазохизм растворяющегося зародыша Эго соединяются в амбивалентном ощущении удовольствия-боли. Субъект этого ощущения является бесформенным, потому что это — бессознательное психическое единство уробороса и зародыша Эго. Эту "смерть в экстазе" символизирует плерома, "полнота", пограничное ощущение для Эго, для которого не имеет значения, как интерпретируется эта полнота — то есть, коллективное бессознательное - как блаженство рая, мир Идей Платона или как всепронизывающая пустота.

Стадия уроборического инцеста представляет собой самую низшую и самую раннюю фазу в истории развития Эго. Регресс к этому уровню и фиксация на нем занимают важное место в жизни среднего индивида, играют определенно отрицательную роль в жизни невротика и несомненно положительную роль в жизни творческого человека. Будет ли уроборический инцест регрессивным и деструктивным или прогрессивным и созидательным — зависит от силы сознания и от фазы развития, достигнутой Эго. Мир уробороса является миром начала и обновления, из которого, как день из ночи, вечно возрождаются жизнь и Эго, и поэтому уроборос имеет созидательное значение. Поэтому символ уробороса является ключевым для многих мифов о сотворении: ибо в то время как уроборический инцест является символом смерти, материнский уроборос является символом возрождения, места рождения Эго и рассвета сознания, прихода света.

Рейвальд в своей книге обращает внимание на важный отрывок из Леонардо да Винчи:

"Теперь вы видите, что надежда и желание вернуться к первичному состоянию хаоса подобны стремлению мотылька к свету, и что каждый человек, который с неизменным нетерпением и радостью ожидает каждой новой весны, каждого нового лета, каждого нового месяца и нового года считая, что то, чего он страстно желает, постоянно

запаздывает не представляет, что стремится он к своему собственному разрушению. Но это желание является подлинной квинтэссенцией, духом элементов, которые, обнаружив себя заточенными вместе с душой, вечно стремятся выйти из человеческого тела и вернуться к создателю. И вы должны знать, что это стремление И есть - квинтэссенция, неотделимая от природы, и что человек есть подобие мира [19]»

Как и следует из термина "уроборический инцест", это стремление к смерти является символическим выражением тенденции Эго и сознания к саморазрушению, тенденции, имеющей глубокий эротический характер. В Части 1 мы видели, каким образом этот инцест отражает активность материнского уробороса, архетипа Великой Матери, матери жизни и смерти, фигура которой надличностна и не может быть сведена к личностной матери. Архетипический образ уроборического инцеста действует вечно, и его влияния простираются от Леонардо и Гете вплоть до настоящего времени, где они нашли современное выражение в поэме Д.Г.Лоуренса:

... плыви, маленькая душа, плыви, в долгий путь, к величайшей цели.

Ни прямо, ни по кривой, ни вперед, ни назад,

в центр абсолютного забытья,

где тени становятся глубже, тени сгущаются,

словно таинственные изгибы

зияющей пропасти чрева.

Плыви, плыви по течению, моя душа,

к совершенной чистоте и тьме забытья.

Перед последним порогом

пурпурная мантия памяти этого тела

соскользнет и исчезнет во чреве, во мраке причудливой тени.

И, с последним крутым поворотом, нерушимая темная грань,

что хранит переживания духа, растает.

Весла растают, растают,

и, словно жемчужина, лодка исчезнет,

и душа, окрепнув в последних ошибках,

сама превращается в цель — центр

полноты забытья, совершенства покоя,

безмолвного мрака недремлющей ночи.

О покой, о, прекрасное чудо покоя, чудесное превращение души моей в плазму покоя.

О, чудо последнего, последнего перехода смерти,

чистота забытья, конец величайшего пути, покой, абсолютный покой! Но, может быть, это — снова начало?

О, снаряди корабль своей смерти, о, снаряди. О, нет ничего,

есть только путь, величайший из всех.

[19a]

Несмотря на аспект смерти, который содержится в уроборическом инцесте, его не следует рассматривать как основу инстинктивной тенденции, которую можно по праву назвать "инстинктом смерти".

Бессознательное состояние является первичным и естественным, а сознательное состояние — результатом усилия, использующего либидо. В психике существует сила инерции, нечто вроде психической силы тяжести, которая влечет обратно в первоначальное бессознательное состояние. Однако, несмотря на свою бессознательность, это состояние является состоянием жизни, а не смерти. Говорить об инстинкте смерти Эго, которое погружается в бессознательное, так же нелепо, как говорить об инстинкте смерти яблока, которое падает на землю. То, что Эго воспринимает это состояние как символическую смерть, обусловлено просто спецификой этой архетипической стадии развития сознания, а не какой-либо умозрительной научной теорией, которая считает, что из такого состояния можно проследить происхождение инстинкта смерти.[20]

Притяжение, вызванное большой "массой" бессознательного, то есть коллективного бессознательного с его мощным зарядом энергии, может быть преодолено только временно, в результате особого действия со стороны системы сознания, однако его можно модифицировать и трансформировать путем создания определенных механизмов. Из-за этого, как показали исследователи, инерция ребенка, особенно маленького, обуславливает склонность оставаться в какой-либо определенной позиции и воспринимать любую перемену — например, внешний раздражитель или, позднее, новую ситуацию, приказ и т.п. — как удар, несущий с собой испуг, боль или, по меньшей мере, чувство беспокойства.

Даже в бодрствующем состоянии Эго-сознание, которое в любом случае составляет только часть всей психики, проявляет различные степени активности, колеблющейся от мечтаний, частичного внимания и рассеянного бодрствования до частичной концентрации на чем-то, интенсивной концентрации и, наконец, до моментов общей и экстремальной бдительности. Система сознания даже здорового человека заряжена либидо только во время определенных периодов его жизни; во сне она полностью или почти полностью лишена либидо, а степень активности варьирует с возрастом. Поле сознательной бдительности у современного человека сравнительно узкое, интенсивность его активного функционирования ограничена, а заболевания, переутомление, возраст и психические нарушения отрицательно сказываются на этой бдительности. Представляется, что орган сознания все еще находится на ранней стадии развития и сравнительно неустойчив.

Во всяком случае, заметная неустойчивость Эго характеризует психологическое и историческое рассветное состояние, символом которого является уроборос. Слияние более или менее четко определенных для нас областей сознания ведет, так сказать, к вечной игре в прятки с самим собой и к смешению позиций Эго. Эмоциональная неустойчивость, амбивалентные реакции удовольствия-боли, взаимозаменяемость внутреннего и внешнего, индивида и группы — все это ведет к неустойчивости Эго, которую усиливают мощные эмоциональные и аффективные "векторы" бессознательного.

Именно круг уробороса, в соответствии с парадоксальным характером символического языка, который позволяет нам в лучшем случае "очертить", а не описать "неуловимую сущность значения" [21] архетипа, является не только "совершенной фигурой", но и символом хаоса и аморфности. Он — символ эпохи до Эго, а следовательно, доисторического мира. До начала истории человечество существовало в состоянии безымянной аморфности, о которой мы знаем очень мало, потому что в этот период, как мы говорим — надеясь за этим неопределенным иносказанием скрыть наше явное незнание фактов — правило "бессознательное". До тех пор, пока не существует апперцептивного сознания Эго, не может быть никакой истории; ибо история требует "мыслящего" сознания, которое, размышляя, и составляет ее. Поэтому время до начала истории должно быть неопределенным хаосом и недифференцировашюстью.

На религиозном уровне эквивалентом этой аморфной психики является неопределенное божество, первичная сила или субстрат, из матрикса которого впоследствии выкристаллизовываются боги и "Божественное". Неопределенные силы, такие как мана, оренда, или даже то, что мы называем "динамизмом", типичны для доанимистического периода универсальной психизации, когда психика еще не обрела определенной формы, ибо в этом состоянии она пока еще не ассоциируется с идеей индивидуализированной души и не может быть выведена из какой-либо подобной идеи. Эта неопределенная, всеохватывающая сила является уровнем, на котором работает магия, воздействуя на все вещи через принцип соответствия и сходства. Логические противоположности, объединенные в participation mystique — таков закон этого магического мира, где все наполнено священнодействием. Нет жесткого и четкого разделения между священным и несвященным, между божественным и человеческим, между человеческим и животным. Мир все еще омывается средой, в которой все превращается во все и действует на все. Так и еще зародышевая сущность Эго проецирует архетип целостности на группу как на групповое самость, и, что достаточно удивительно, религиозным следствием самого примитивного человеческого уровня является примитивный монотеизм, ибо именно здесь мы находим уроборос в проекции целостной фигуры, то есть изначального божества.

Таким образом, говоря о "верховном божестве", культ которого, однако, был либо "несуществующим, либо исключительно незначительным" и с которым невозможно было установить никаких личных взаимоотношений, Преусс пишет:

"В большинстве случаев его понимание как личности, вероятно, было обусловлено ночным или дневным небом или сочетанием обоих с их многочисленными явлениями, имитирующими жизнь",далее он продолжает:

"Эти идеи Бога, через которые чувственно постигается множество разнообразных явлений, должно быть зародились еще до наблюдения деталей, например звезд, которые потом наделялись свойствами небес".[22]

Эта формулировка может быть ошибочно понята, потому что термин "постигается" может означать разумную активность Эго. Только если "чувственное постижение" понимать как "конфигурационное видение" примитивного человека, только тогда описание этого процесса будет правильным. В уроборическом состоянии существует целостность неопределенных сил, удерживающих все вместе и объединяющих все в общности. Только с ростом конфигурационных способностей сознания и с обретением Эго более четкой формы может быть постигнута индивидуальная форма:

"Пшеничное поле гораздо более важно, чем отдельный пшеничный колос, небо — более важно, чем звезды, человеческая община — важнее отдельного человека " [23]

Таким же путем Преусс пришел к выводу, что:

"целостность ночного и дневного неба была постигнута раньше, чем звезды, так как целостность может быть постигнута как однородная сущность, а религиозные концепции относительно звезд часто смешивали звезды с небом как целым, так что человеческая мысль была неспособна оторваться от целостной картины[24]

Так же и:

"власть солнца появляется позднее, чем господство луны, которое, в свою очередь, следует за господством ночного неба как целого".[25]

Подобным же образом темные внутренности земли, "которые содержат все, что появляется на поверхности земли", и сама земля со всей ее растительностью отождествлялись со звездным ночным небом, и только позднее оно было признано орлом, равным солнцу.

Здесь развитие аналогично развитию сознания Эго: оно начинается с уроборической концепции целостности, а затем происходит все более мощная пластичная модификация и дифференциация явлений.

Первоначальная слабость индивидуального Эго — онтогенетически соответствующая фазе детства — делает его еще более зависимым от окружающего целого в том, что касается безопасности и защиты, которых оно не может себе обеспечить. Эта ситуация естественно усиливает эмоциональную связь с группой и окружающим человека миром. Уроборос постоянно воспринимается заново как Все-Поддерживающий и Вее-Вмещающий, то есть, как Великая Мать. В этой уроборической ситуации передний план занимают "добрая" Великая Мать и "блага матриархата", а не первичный страх.

Участие всего во всем, экстериоризация психического содержимого и мощно заряженные эмоциональные компоненты объединяются и создают в плероматической фазе недифференцированное ощущение единства, которое объединяет мир, группу и человека почти физическим образом. Хотя это "погружение в бессознательное" вызывает некоторую дезориентацию Эго и сознания, оно ни в коей мере не выводит из равновесия личность в целом. Ориентация последней уверенно направляется инстинктом и паттерном бессознательных векторов, что является неоспоримым правилом во всей сфере окружающей человека природы.

Инстинктивные реакции органической материи определяются миллионами лет родового опыта, а функции тела воплощают почти универсальные по своему размаху живые знания, но никаким сознанием все это не сопровождается. В ходе последних

нескольких тысяч лет человеческий разум напряженным трудом сделал себя сознательным, накопив в научных знаниях по физике, химии, биологии, эндокринологии и психологии некоторые скудные фрагменты того, что клетки, функциональные системы и организмы "со знанием" делают в своих адаптациях и реакциях. Это воплощенное знание инициирует интуитивное понимание плероматической фазы уробороса также как фазы изначальной мудрости. Великая Мать обладает мудростью, бесконечно превосходящей мудрость Эго, потому что инстинкты и архетипы, которые говорят через коллективное бессознательное, представляют "мудрость вида" и его волю.

Как мы видели, уроборической фазой управляет амбивалентное чувство удовольствия-боли, свойственное всем ощущениям, которые возвращаются к уроборическому уровню или над которыми он берет верх. В случае созидательного уроборического инцеста это чувство выражается в амбивалентном восприятии возрождения через смерть и в мазохистских или садистских фантазиях, когда инцест является невротическим или психотическим. Но не при каких обстоятельствах архетип Великой Матери коллективного бессознательного не является "местом удовольствия". Объединение бессознательного только с принципом удовольствия, в противоположность принципу реальности, является свидетельством редуцирующей тенденции и соответствует сознательному защитному механизму.

Импульсы и инстинкты, архетипы и символы намного больше адаптировано к реальности и ко внешнему миру, чем сознание не ранних стадиях. Но один инстинкт - вспомнить только инстинкт гнездования и выведения птенцов – не может быть приспособлено только лишь к «удовлетворяющему желание» принципу удовольствия ибо знание инстинктов о реальности даже сегодня безгранично превосходит знания,

Психология животных предоставляет нам бесчисленные "Примеры абсолютно непостижимой и необъяснимой ориентации по отношению к реальности окружающего мира, к другим животным, растениям, временам года и т. д. Эта адаптация инстинкта к окружающей среде является бессознательной, но мудрость этих инстинктов реальна и ни в каком отношении не определяется какого-либо рода "желанием" вообще.[26]

Реальный источник конфликта между индивидом и бессознательным заключается в том, что бессознательное представляет волю вида, коллектива,, а не в противоположности принципа удовольствия и реальности, когда принцип удовольствия предположительно связан с бессознательным а принцип реальности с сознанием

В космическом символизме, связанном в мифологии сотворения с уроборосом, мы находим символическое самоописание этой ранней психической фазы, где пока еще нет располагающейся в центре личности. Множественность мира и соответствующая множественность бессознательного раскрываются в свете развивающегося сознания.

Во период уроборической Великой Матери Эго-сознание, настолько, насколько оно существует, пока еще не развило своей собственной системы и не ведет независимого существования. Мы можем только представить себе самое раннее появление элементов сознания Эго по аналогии с тем, что происходит сегодня, в особенные моменты эмоциональной экзальтации, или когда на поверхность прорываются архетипы — то есть, в определенных исключительных ситуациях — приходит озарение, мгновенный подъем уровня сознания, подобно верхушке острова, прорезающей поверхность воды, вспышка откровения, которая прерывает однообразное течение бессознательного существования. К этим единичным или особенным явлениям примитивные люди и мы всегда относились как к характеризующим "Выдающуюся Личность", которая в качества знахаря, провидца и

пророка, а затем гения обладает формой сознания, отличной от нормальной. Такие люди признаются и оцениваются как "богоподобные", а их озарения, принимают ли они форму видений, сентенций, сновидений или откровений, ниспосланных свыше, закладывают первые основы культуры.

Однако, в целом, ходом человеческого — и не человеческого — существования в этой фазе управляет бессознательное. Единство психики, которое аналитическая психология определяет как самость, функционирует непосредственно и не отражается на всей самоуправляющейся и самоуравновешивающейся психофизической системе. Другими словами, тенденция, которую мы называем центроверсией, имеет биологический и органический прототип.

Центроверсия организма на уровне уробороса

Центроверсия - это врожденная тенденция целого к созданию единства своих частей и к синтезу их в системы. Единство целого поддерживается компенсаторными процессами контролируемых центроверсией, с помощью которой целое становится самосозидающей, расширяющейся системой. На более поздней стадии центроверсия проявляется как направляющий центр с Эго в качестве центра сознания и с самостью в качестве психического центра. Во время допсихической стадии она функционирует как принцип энтелехии в биологии, и на этой стадии, наверное, лучше будет называть ее объединяющей тенденцией. Специфическая тенденция центроверсии заявляет о себе только во время формирования, когда видимый центр появляется в Эго или должен быть определен в самости. Она действует бессознательно как объединяющая функция целостности во всех организмах, от амебы до человека. Ради простоты мы будем придерживаться термина "центроверсия" даже при обсуждении ранних стадий, потому что сама интеграция возникает из целостности сгруппированной, но невидимой системы.

Центроверсия выражается в организме посредством регуляции целого и посредством компенсаторного стремления к равновесию и систематизации. Она способствует агрегации клеток и облегчает гармоничное функционирование различных клеточных тканей, органов и так далее. Сам факт, что дифференцированная организация амебы, к примеру, образует целое более высокого порядка, чем метаболические процессы питания и выделения, является выражением центре-версии на уроборическом уровне.

Проявляясь в бесконечно разнообразном и гармоничном взаимодействии органов и групп органов во всех высших организмах, сила центроверсии действует бессознательно. Поскольку организм подчиняет все каузальные процессы своей собственной системе целенаправленных взаимосвязей, то телеологическая ориентация является главенствующим принципом, присущим самой сущности организма и выражает его целостность и единство. Но, исходя из доступных нам знаний, мы не имеем никаких оснований, чтобы связывать этот телеологический принцип с каким-либо центром сознания. Инкорпорированные знания и бессознательную целенаправленность следует рассматривать как непременные черты каждого организма.

Чем более примитивен психический уровень, тем больше он тождественен телесным процессам, которыми управляет. Даже личностные комплексы, то есть полусознательные "отщепления", которые относятся к верхним слоям личного бессознательного, аффективно заряжены и "окрашены чувством", могут вызывать физические изменения в системе кровообращения, в дыхании, кровяном давлении и так далее. Корни более глубоких комплексов и архетипов уходят далеко вглубь физиологии тела и, прорываясь в сознание, оказывают сильное воздействие на всю личность, как это становится тягостно очевидно в крайнем случае психоза.[27]

Соответственно, на уроборическом уровне, где Эго и сознание развиты меньше всего, центроверсия связана с примитивным символизмом тела. Тело символизирует целостность и единство вообще, и его общая реакция представляет подлинную и созидательную целостность. Ощущение тела как целого является естественной основой чувства личности. То, что тело и изменения в нем являются бесспорной основой того, что мы называем нашей личностью, можно видеть из того факта, что мы до сих пор продолжаем указывать на свое тело, когда говорим о "себе", и нет никакого сомнения, что уникальность тела человека и смешение наследственных факторов в его конституции являются настоящей основой индивидуальности. Этим можно объяснить поглощенность древнего человека своим телом и его озабоченность всеми принадлежащими телу и образующими его частями, например, волосами, ногтями, выделениями и т.д., которые, так же, как тень человека, его дыхание и его следы считались существенными и неотъемлемыми частями его личности.

Выразительным примером такого "тело я" символизма является чуринга Австралийских аборигенов и соответствующее ар в Новой Гвинее.

Чуринга — это деревянные дощечки или камешки, которые прячут в специальных пещерах. Слово чуринга означает "собственное спрятанное тело".[28]

Из легенд следует, что тела большинства тотемных предков превратились в такие чурипги.

"Чуринга считается общим телом данного человека и его тотемного предка [ипингукуа]. Она связывает индивида с его собственным тотемным предком, обеспечивает ему защиту, предоставляемую инингукуа."28а

Чуринга не является местонахождением жизни или души, а, по словам Леви-Брюля:

"Чуринга является "двойником" индивида, то есть индивидуальным собой... Отношение между человеком и его чурингой выражается высказыванием: "папа unta mburka пата" — это твое тело".[29]

Подобным же образом, когда юноша достигает совершеннолетия, его дед показывает ему чурипгу со словами:

"Вот твое тело, вот твое второе "я".

Отношение между "я", вторым "я", тотемным предком и чурингой является отношением соучастия, которое Леви-Брюль правильно считает очень близко связанным с единосущностью. Второе самость является ангелом-хранителем индивида, но если его разозлить невниманием, оно может быть также и врагом, накликающим болезнь и т.п.

"Инитукуа сопровождает его в течение всей жизни, предупреждает его об угрожающих опасностях и помогает избежать их. Он является чем-то тина покровительствующего божества или ангела-хранителя. Но, может быть, из-за того, что индивид и его инишукуа едины, мы должны сказать, что он сам является своим собственным хранителем? — Да, ибо здесь соучастие не подразумевает того, что эти две сущности полностью слиты. Нет сомнения, что, с одной стороны, индивид является инингукуа. Но, с другой точки зрения, инингукуа от него отличается. Он жил до него и не умрет вместе с ним. Таким образом, индивид соучаствует в существе, которое, несомненно, находится в нем, но которое по

некоторым характеристикам отличается от [него] и удерживает его в состоянии зависимости".[30]

Мы процитировали этот отрывок полностью, потому что он является классическим примером не только participation mystique Леви-Брюля, но также и проекции того, что аналитическая психология называет самостью. То, что самость представляется здесь тождественной телу и миру предков, делает связь еще более значимой. Тотемный предок представляет "родовой опыт внутри нас", который инкорпорирован в тело и который в то же самое время является основой нашей индивидуальности. Заметьте, что этот отрывок взят из главы под названием "Имманентность группы в индивиде"; то есть целостность группы, которая тождественна общему тотемному предку, одновременно включается в тело и самость.

В Новой Гвинее аналогом Австралийской чуринги является ар, "человек";[31] здесь также индивид объединяется с коллективом и с телом в общем для них обоих теле рода.

Эта первоначальная связь с телом как с чем-то, что "является специфической собственностью человека", представляет собой основу всего индивидуального развития. Позднее Эго устанавливает свое отношение к телу, к его превосходящим способностям и к бессознательному — с которым его процессы в значительной мере отождествляются — совершенно иным и даже противоположным, образом. Как высший принцип, действующий через голову и сознание, Эго вступает в конфликт с телом, и этот конфликт иногда приводит к невротической частичной диссоциации, которая, однако, является лишь результатом более поздней чрезмерной дифференциации. Но даже тогда целостность тела находится в тождественности и равенстве с целостностью психики, а именно, с самостью. Эти две формации целостности, или образа целостности являются превосходящими по отношению к Эго-сознанию и управляют индивидуальными системами — включая Эго-сознание — с позиции целого, которое Эго может осознавать только частично.

Все это согласуется с уроборическим состоянием совершенства, где тело и психика едины. Психологически в этой базисной ситуации есть две стороны, которые мы объединили символом "пищевого уробороса". Во-первых, это бессознательная "психизация" тела с вытекающим из нее символическим значением его различных частей и областей; во-вторых — преобладание метаболического символизма. В то время как в более поздней фазе развития центроверсия способствует формированию Эго-сознания как своего специфического органа, в уроборической фазе, когда Эго-сознание еще не дифференцировалось в отдельные системы, центроверсия продолжает отождествляться с функционированием тела как целого и с единством его органов. Метаболический символизм взаимообмена между телом и миром имеет первостепенное значение. Объектом голода, пищей, которую следует "принять внутрь", является сам мир; в то время как другая, продуктивная сторона процесса, символизируется "продукцией", то есть опорожнением. Доминирующим символом является не семя; в мифологии сотворения элементарными символами созидательного принципа выступают моча, кал, слюна, пот и дыхание (и позднее слова).

Когда нам говорят, что самые важные продукты питания на Соломоновых островах, таро и ямс, появляются из "экскрементов Тан-тану",[32] или что в церемониях инициации в Новой Гвинее с неофитами обращаются как с новорожденными младенцами и разрешают есть только пищу, смешанную со спермой,[33] и что непосвященным, не знающим мифов о сотворении, не дают есть сперму, потому что они "должным образом не ценят и не уважают употребляемых в пищу растений и животных", то можно

предположить, что это объясняется символической акцентуацией тела и освящением всего того, что имеет к нему отношение, что является характерным для уроборической фазы.

Этот динамический процесс обмена между телом и миром, символизируемый пищевым уроборосом, находится в гармонии с животным миром инстинкта, где принимать пищу и быть принятым в пищу — единственные выражения жизни и усилий человека господствовать над природой. Этот процесс остается основой даже для высших стадий развития и является предусловием сексуальной стадии. Сексуальность и предшествующая ей дифференциация па два пола являются более поздними продуктами в схеме эволюции. Первичным является воспроизведение посредством клеточного деления, которое служит причиной того, что организмы разрастаются до мириадоклеточных структур. Но клеточное деление как первичный способ размножения наблюдается только при благоприятных условиях питания и зависит от них.

Иметь власть и пользоваться ею, быть сильным и набираться сил - все эти тенденции относятся к первичной сфере пищевого уробороса. Они выражаются в ощущении телесного здоровья, в физическом функционировании, которое главным образом тождественно сбалансированному метаболизму, где вход и выход материи — биологические прототипы интроверсии и экстраверсии либидо — находятся в равновесии. Ощущение здоровья, когда оно не отражается в сознании, а бессознательно считается само собой разумеющимся, является фундаментальным для joie de vivre*, что является условием формирования Эго. Но даже будучи бессознательной, не имея никакого центра в Эго, психическая система представляет психическую ассимиляцию мира, отпечатки которой откладываются в инстинктах.

Инстинкты коллективного бессознательного формируют субстрат этой ассимилирующей системы. Они являются хранилищами родового опыта, всего того опыта, который человек как вид накопил в отношении мира. Их "полем" является Природа, внешний мир объектов, включая человеческий коллектив и самого человека как ассимилирующую, реактивную, психофизическую организационную единицу. То есть, в коллективной психике человека существует, как и у всех животных, но модифицированный видом, слой, состоящий из собственно человеческих инстинктивных реакций на его природное окружение. Следующий слой содержит групповые инстинкты, то есть, опыт в отношении собственно человеческого окружения, коллектива, расы, племени, группы и т. п. Этот слой включает в себя стадные инстинкты, специфические групповые реакции, которые отличают конкретную расу или народ от других, и все дифференцированные отношения к не-я. Последний слой образован инстинктивными реакциями на психофизический организм и его модификации. Например, ответом на голод, гормональные констелляции и т. п. служат инстинктивные реакции. Все эти слои сообщаются между собой. Их общий элемент заключается в том, что реакции являются чисто инстинктивными, психофизическая организационная единица реагирует как целое посредством целенаправленных действий, которые являются результатом родового, а не индивидуального опыта, и которые происходят без участия сознания. родовой опыт внедрен в тело и выражается органически, посредством реакций тела. Самым нижним и гораздо более обширным, чем остальные слои "инкорпорированного" опыта является физико-химический, который совсем не имеет психического представительства. Инстинкты и импульсы, как векторы действия, являются психическими, хотя для этого они не нуждаются в центральном представительстве. Целостность тело-психика, которой управляет нервная система, отвечает на них действием. Например, голод является психическим отражением недостаточности питательных веществ в клетках. С помощью инстинктивных реакций и их сочетания он приводит организм в действие, вынуждает его действовать. Но сознание начинается только тогда, когда голод представлен центрально и

воспринимается центром Эго, а не когда инстинкт просто рефлекторно приводит в действие тело-целое.

Центроверсия, Эго и сознание

Теперь мы должны рассмотреть значение Эго и сознания для целостного психофизического организма и их отношение к центроверсии. Нет необходимости говорить, что мы не стремимся создать теорию сознания, а только пытаемся обрисовать некоторые точки зрения, которые доказали свою значимость в отношении психологического развития индивида и коллектива.

Возбудимость органической материи является одним из тех первичных свойств, которые облегчают ее ориентацию по отношению к миру. Благодаря этой возбудимости дифференцируется нервная ткань и развиваются органы чувств. С ними координируется сознание, система управления центроверсией. Регистрация и комбинация раздражителей, идущих изнутри и снаружи, уравновешенная реакция на них, накопление раздражителей и паттернов реакции - все это относится к существенным функциям системы сознания с центром в Эго. В ходе длившейся миллионы лет дифференциации в структуре организма складывались все более сложные взаимосвязи, но вместе с тем все больше росла потребность в регистрации, управлении и равновесии. Большинство из этих многочисленных точек равновесия являются бессознательными и инкорпорированными; то есть они встроены в структуру системы тела. Но с ростом дифференциации области, находящиеся под контролем, становятся все больше представленными в органе управления, в сознании. Это представительство принимает форму образов, которые являются психическими эквивалентами физических процессов, протекающих в органах.

Эго-сознание является органом чувств, который постигает мир и бессознательное посредством образов, но эта способность формирования образов сама является психическим продуктом, а не свойством мира. Только формирование образа делает возможными перцепцию и ассимиляцию. Мир, который не может быть образно представлен, непластичный мир, подобный миру низших животных, является, конечно же, живым; в нем есть инстинкты, и организм как целое реагирует на него бессознательным действием. Но такой мир никогда не имеет представительства в психической системе, которая отражает и формирует его. Психика здесь построена посредством ряда рефлексов; она отвечает на раздражители бессознательными реакциями, без участия центрального органа, в котором представлены раздражитель и реакция. Только с развитием центроверсии, которая дает начало системам все большего размаха и калибра, мы получаем мир, представленный в образах, и орган — сознание — который постигает этот пластичный мир образов. Психический мир образов представляет собой синтез восприятий внутреннего и внешнего мира, что можно видеть из любого символа.

Так, психический образ-символ "огня" как чего-то "красного", "горячего", "горящего" несет столько же элементов внутреннего восприятия, сколько и внешнего. "Красное" обладает не только различимым свойством красноты, но также и эмоциональным компонентом тепла как внутреннего процесса возбуждения. "Огненный", "горячий", "горящий", "пылающий" и т. д. являются образами в большей мере эмоциональными, чем воспринимаемыми. Таким образом, мы утверждаем, что физический процесс окисления, огонь, воспринимается с помощью образов, которые берут свое начало из внутреннего мира психики и проецируются на внешний мир, а не посредством того, что восприятия внешнего мира накладываются на внутренний. Объективной реакции на объект в историческом плане всегда принадлежит первенство, в то время как объективные свойства объекта остаются на заднем плане. В человеческом развитии объект лишь очень

постепенно и крайне медленно выпутывается из массы проекций, которые окутывают его и которые берут свое начало из внутреннего мира психики.

Центроверсия уже работает как первичная функция психики, заставляя бессознательное содержимое представляться сознанию в форме образов. Во-первых, это ведет к формированию символических образов, во-вторых, к реакции на них Эго. Мы называем формирование образов и реакции сознания выражением центроверсии, потому что интересы психофизической организационной единицы как целого более эффективно сохраняются с помощью этих процессов, чем без них. Центральное представительство образа в сознании дает индивиду более объемлющее и более целостное восприятие внутреннего и внешнего мира и в то же самое время улучшает его ориентацию во всех сферах жизни. Представляется, что внутренняя реакция, то есть адаптация сознания Эго к миру инстинктов появилась так же рано, как и реакция на внешнее окружение.

Инстинкты, представленные центрально, то есть появляющиеся в форме образов, Юнг называет архетипами. Архетипы принимают форму образов, только когда присутствует сознание; другими словами, пластичное самоотражение инстинктов является психическим процессом высшего порядка. Оно предполагает наличие органа, способного постигать эти первоначальные образы. Этим органом является сознание, которое в этой связи ассоциируется с символами глаза, света и солнца, так что в мифологической космогонии рождение сознания и приход света — одно и то же.

В ранний период результатом перцепции образов являлось немедленное рефлекторное действие, потому что сознание имело только пассивное первенство по отношению к исполнительному органу тела и не имело над ним власти. То, что его органический субстрат эмбриологически берет свое начало из эктодермы, показывает, что сознание являлось каким-то органом чувств; однако оно уже дифференцировалось в двух направлениях и могло различать образы, идущие как снаружи так и изнутри. Первоначально Эго было не в состоянии различать источник этих образов, ибо на стадии participation mystique невозможно осмыслить, что внешнее отличается от внутреннего; два ряда образов перекрываются, так что восприятие мира совпадает с внутренними ощущениями.

Эта первоначальная фаза, когда сознание являлось органом чувств, характеризуется функциями ощущения и интуиции, то есть перцепционными функциями,[34] которые первыми появляются как в развитии примитивных людей, так и в развитии ребенка.

Таким образом, развивающееся сознание, по меньшей мере, так же открыто для внутренних раздражителей, как и для внешних. Но важно то, что регистрирующий орган, принимая эти раздражители изнутри и снаружи непременно ощущает себя отдаленным от них, отличным и, так сказать, посторонним. Как орган регистрации, он расположен на полпути между миром и телом как областью внутренних возбуждений. Это состояние оторванности является условием первостепенного значения для сознания, а сущность его функционирования заключается в усилении этой позиции и ее дальнейшем обособлении. Другими словами, для органа регистрации и управления, каковым мы называем сознание, дифференциация в двух направлениях одновременно является исторической необходимостью.

Нервная система, особенно цереброспинальная система, конечным выражением которой является сознание, представляет собой органический продукт бессознательного, призванный сохранять равновесие между внешним и внутренним миром. Внутренний мир охватывает область от физических реакций и их модификаций до самых сложных

психических реакций. Он не только реагирует на внешние раздражители, не только представляет собой машину раздражителей, как считают материалисты, но является источником спонтанных движений самого разнообразного рода, которые проявляются как побуждения и комплексы, физические и психические тенденции. Все эти внутренние тенденции должны быть опознаны системой сознания и Это, уравновешены и адаптированы к внешнему миру; то есть сознание должно защищать личность человека от диких животных и пожаров, и в то же самое время контролировать все инстинктивные констелляции и доводить их до завершения. Его ответственность и компетенция в такой же мере включает модификацию окружения для производства пищи, как и внутренние модификации, которые адаптируют эгоцентрические тенденции индивида к коллективу. До тех пор, пока система Эго-сознания функционирует нормально, она остается органом, принадлежащим целому, сочетающим в себе исполнительную и управляющую функции.

К самым первым факторам, на которых базируется сознание, относятся боль и дискомфорт. Они являются "сигналами тревоги", посылаемыми центроверсией, чтобы указать, что равновесие бессознательного нарушено. Эти сигналы первоначально являлись защитными мерами, созданными организмом, хотя путь их развития остается таким же загадочным, как и путь всех других органов и систем. Однако функция сознания Эго состоит не только в том, чтобы принимать эти сигналы тревоги, но и в том, чтобы ассимилировать их. Для этой цели Эго, даже если оно страдает, должно держаться от этих сигналов обособленно, чтобы реагировать на них соответствующим образом. Эго, сохраняя свою отчужденность как центр регистрирующего сознания, является дифференцированным органом, выполняющим функцию контроля в интересах целого, но не тождественно ему.

Первоначально Эго было органом только бессознательного и, побуждаемое и направляемое им, преследовало его цели, независимо от того, были ли эти цели личными и насущными, такими как удовлетворение голода и жажды, или это были цели вида, например те, которые доминируют над Эго в отношении сексуальности. Открытия глубинной психологии представляют массу доказательств того, что система сознания является продуктом бессознательного. Действительно, сильнейшая зависимость этой системы от ее внутренних бессознательных основ представляет собой одно из ключевых открытий современности. По своему значению она соответствует не менее глубокой внешней зависимости индивида от коллектива.

Хотя сознание является продуктом бессознательного, этот продукт — весьма особенный. Все бессознательное содержимое имеет, в виде комплексов, специфическую тенденцию, стремление заявить о себе. Подобно живым организмам, эти комплексы пожирают другие комплексы и обогащают себя их либидо. То, каким образом бессознательное содержимое притягивает к себе все остальное, поглощает его, подчиняет и координирует, образует с ним систему взаимоотношений, где само оно доминирует, мы можем видеть в патологических случаях, в навязчивых или компульсивных идеях, маниях и состояниях одержимости, а также в каждом творческом процессе, где "работа" впитывает и высасывает все постороннее содержимое. Этот же процесс мы встречаем также и в обычной жизни, когда идея — любовь, работа, патриотизм или что-либо еще — выходит на передний план и утверждает себя ценой других. Однобокость, фиксация, исключительность и т. п. -— таковы следствия этой тенденции всех комплексов сделать себя центром.

Однако специфичность комплекса Эго двойственна; в отличие от всех других комплексов, этот имеет склонность организовываться в качестве центра сознания и

собирать вокруг себя другое содержимое сознания; и во-вторых, он намного сильнее ориентирован на целостность, чем любой другой комплекс.

Центроверсия настойчиво стремится к тому чтобы Эго не оставалось органом бессознательного, а всё больше становилось представителем целостности. То есть, Эго борется против бессознательной тенденции, которая стремится взять над ним верх, и, вместо того, чтобы позволить овладеть собой, обучается сохранять свою независимость по отношению как к внутреннему, так и к внешнему.

Хотя в царстве природы, чтобы служить воле вида к воспроизводству и изменчивости, индивиды мириадами приносятся в жертву, эта воля Великой Матери все больше вступает в конфликт с Эго-сознанием, которое видит в себе не просто исполнителя коллективной воли, а все больше и больше уникальную индивидуальность, противостоящую коллективной воле.

Все инстинкты и импульсы, все атавизмы и коллективные тенденции могут объединяться с образом великой матери и противостоять Эго. Так как существует большое разнообразие содержания, и количество символов, ассоциирующихся с Великой Матерью, исключительно велико, то образ Великой...Матери приобретает такой беспорядочный набор чёрт, что начинает совпадать с бессознательным как оно символизируется матерями в «Фаусте»

Эго-сознание родившись последним должно бороться за свое положение и надежно защищать от нападений Великой Матери изнутри и Матери Мира снаружи. В конечном счете в итоге в долгой и мучительной борьбе оно должно расширить свою собственную территорию.

С освобождением сознания и ростом напряжения между ним и бессознательным развитие Эго ведет к стадии, в которой Великая Мать уже больше не кажется дружелюбной и доброй, а становится врагом Эго, Ужасной Матерью. Пожирающая сторона уробороса воспринимается как тенденция бессознательного к уничтожению сознания. Это тождественно тому основному факту, что Эго-сознание ради своего собственного существования должно силой вырывать либидо у бессознательного, ибо, если оно не будет делать этого, то его особое достижение обратно погрузится в бессознательное, иными словами будет "проглочено".

Таким образом, само по себе бессознательное не является деструктивным и воспринимается как таковое не целым а только Эго. Это очень важно для дальнейшего развития Эго. Только на ранних стадиях оно ощущает угрозу и чувствует сёбя изгнанником, уверяя, что бессознательное является деструктивным. Позднее, когда личность уже достигнет союза не только с Эго но и с целым, сознание уже не видит такой сильной угрозы для себя, как это было в случае юношеского эго, и Бессознательное теперь обнаруживает аспекты отличные от компонентов опасности и разрушения.

То, что Эго воспринимает как разрушительность, представляет собой, прежде всего, огромный заряд энергии самого бессознательного, и, во-вторых, слабость, подверженность усталости и инерцию го собственной сознательной структуры. Эти два элемента оказываются спроецированными в архетипе Противника.

Появление этого образа вызывает страх, защитную реакцию со стороны системы сознания. Но сам факт, что он может проявить себя в образе, показывает, что сознание

становится более сильным и более бдительным. Расплывчатая сила притяжения, которую до этого проявляло бессознательное, теперь выкристаллизовывается в отрицательное качество, враждебное по отношению к сознанию и Эго, вследствие чего приводится в действие защитный механизм. Страх перед бессознательным ведет к сопротивлению и таким образом к укреплению Эго; действительно, мы всегда будем обнаруживать, что боязнь бессознательного, и страх вообще, является признаком центроверсии, стремящейся защитить Эго.

Затем сопротивление Эго бессознательному переходит от страха и бегства к вызывающей позиции "борцов" — которые в мифологии выражают эту промежуточную фазу — и наконец к агрессивной позиции героя, который активно отстаивает позицию сознания перед драконом бессознательного.

В мифах о борцах мы видим ясный пример агрессивных намерений бессознательного, Великой Матери, которая представляет главную угрозу позиции Эго юношеского сознания. Эго, как центр систематизирующего себя сознания, служащего центроверсии, подвергается действию дезинтегрирующих сил бессознательного. Следует отметить, что сексуальность является только одной из этих сил и никоим образом не самой важной. Тенденция бессознательного содержимого наводнить сознание соответствует опасности быть "одержимым»; это одна из величайших "опасностей для души даже сегодня. Человек, сознанием которого овладевает какое-то конкретное содержимое, обладает огромным динамизмом, а именно, динамизмом бессознательного содержимого; но это препятствует центровертной тенденции Эго работать на целое, а не на индивидуальное содержимое. Вследствие этого увеличивается опасность дезинтеграции и крушения. Захват бессознательным содержимым влечет за собой потерю сознания и имеет опьяняющий эффект, так что человек, сраженный таким содержимым, всегда находится под господством Великой Матери, и ему грозит судьба всех ее юных любовников: либо женоподобие и кастрация в результате трансформации в нее, либо безумие и смерть в результате расчленения.

Растущее напряжение между сознательной системой Эго и бессознательной системой тела является источником психической энергии, которая отличает человека от животных. Центроверсия, которая делает возможными эту дифференциацию и индивидуализацию, является выражением созидательного принципа, и в отношении человеческого вида этот принцип проводит эксперименты на индивиде, который является носителем Эго.

Эго и сознание являются органом бессознательной силы центре-версии, которая обеспечивает единство и равновесие в этом единстве. Ее задача не только регулирующая, но также и производительная. Для организма характерно не только поддерживать статус целого при помощи тонких адаптации, но также и развивать в себе более крупные и более сложные единства, расширяя эмпирическую область, с которой он вступает в контакт.

То, что мы назвали пищевым уроборосом, должно дать результаты под влиянием созидательного принципа, действующего в нем с самого начала. Этот принцип не только направляет метаболизм жизненных сил, не только уравновешивает и компенсирует их, он также ведет к развитию новых единств, порождая новые органы и системы органов и пробуя свои силы в созидательных экспериментах. Как эти новшества проверяются в отношении их функциональных характеристик и способности к адаптации -уже другая проблема, в решение которой значительный вклад внес дарвинизм. Но объяснить сами созидательные эксперименты — это совершенно иное. Никогда еще нам не удавалось даже с приблизительной вероятностью показать, что орган может возникнуть вследствие накопления мельчайших случайных изменений. Таким образом, довольно легко

объяснить, как происходит дифференциация органов, но не как они зарождаются посредством постепенного объединения.

Мифология представляет созидательный принцип как самопорождающую сущность уробороса, которая ассоциируется с символом созидательной мастурбации. Эта символическая мастурбация никак не связана с более поздней, явно половой фазой, а просто выражает автономию и автократию созидательного уробороса, который зарождается в себе, оплодотворяет себя и рождает себя. Стадия "замкнутого круга" переходит в стадию созидательного равновесия, и, вместо прежней статической пассивности, теперь берет теперь на себя самодержавное управление динамическая констелляция. Подходящим символом здесь будет не сфера в состоянии покоя, а "катящееся само по себе колесо".

Историческое и психологическое развитие человека показывает, что роль индивида так же важна для человечества, как роль Эго и сознания для бессознательного. В обоих случаях в том, что первоначально появилось как орган и инструмент целого, видна специфическая активность, которая, несмотря на вызываемые ею конфликты, оказалась исключительно плодотворной на широком поле эволюции.

Центроверсия является целостной, объединяющей функцией, внутренне присущей психофизической структуре. Нацеленная на единство, в то же самое время она является выражением единства и способствует формированию Эго; то есть, она создает Эго как центр сознательной системы, построенной из содержимого и функций, сгруппированных вокруг этого ядра Эго.

Таким образом, вместе с интегрирующим процессом, который объединяет массу отдельных клеток и клеточных систем в единство тела и психики, процесс дифференциации образует автономную сознательную систему, обособленную от бессознательного. Оба процесса являются выражением и следствием центроверсии. Система сознания — это не просто центральный щит управления для установления взаимоотношений между внутренним и внешним, в то же самое время это выражение созидательного побуждения организма к новому. Но если в биологическом и животном мире это побуждение реализуется в условиях неограниченного времени, то в человеческом сознании оно создало экономящий время орган, посредством которого новшества могут быть проверены в течение намного более коротких периодов. Продуктом этого созидательного побуждения к экспериментированию является человеческая культура. Ввиду недостаточной продолжительности существования человеческой культуры ничего окончательного относительно ее успеха пока еще сказать нельзя. Но остается фактом, что на протяжении этого крошечного — по сравнению с биологической эволюцией — промежутка времени, в течение которого человеческое сознание создало культуру, произошли в высшей степени удивительные перемены. Технология и наука, инструменты сознания, создали массу искусственных органов, а быстрый рост и разнообразие творческих открытий являются доказательствами их более высокой эффективности по сравнению с медленным образованием и развитием органов в биологии. Эксперимент жизни по привлечению сознания в помощь своей созидательной работе представляется огромной удачей.

Говоря так, мы полностью осознаем нашу антропоморфную и телеологическую манеру речи. Но сам факт, что сознание неизбежно воспринимает себя в качестве представителя созидательных экспериментов целого, как только начинает изучать себя и свою историю,

Придает новый смысл и новое оправдание нашей антропоцентрической точке зрения. В конце концов, с точки зрения науки оправданно рассматривать сознание как один из экспериментальных органов жизни, во всяком случае более оправданно, чем умалять фундаментальный факт духовного существования человека и оправдывать его рефлексами или бихевиоризмом. Поместив в основе мифов о сотворении созидательный принцип и отнеся их к началу мира, человек воспринимает свою собственную — и посредством проекции Божественную — созидательность задолго до того, как была открыта идея созидательной эволюции.

Как орудие традиции, человеческое сознание берет на себя роль, которую прежде играл биологический фактор. Органы теперь уже не наследуются, а передаются. Таким образом, возникает духовный мир сознания, который, как человеческая культура, утверждает свою независимость от жизни и природы. В этом духовном мире индивид как носитель Эго и сознательного принципа, связанного с ним, имеет первостепенное значение. Прототипом зрелого Эго, борющегося за то, чтобы освободить себя из-под власти бессознательных сил, является герой. Он — пример для подражания, Выдающаяся Личность, и все индивидуальное развитие идет по его образцу.

Прежде чем рассматривать факторы, которые делают возможным подрыв власти бессознательного, мы должны кратко обрисовать стадии развития зародыша Эго, растворенного в уроборосе, к Эго борющегося героя. Прослеживая эту мифологическую и символическую последовательность, мы можем лишь в порядке рабочей гипотезы предложить интерпретацию с точки зрения психической энергии.

Переход от уробороса к стадии Великой Матери характеризуется дальнейшим развитием Эго и укреплением системы сознания, а также переходом от непластичной эпохи к пластичной.

Пластичная эпоха — это мифологический век космического ритуала, воспроизводящего последовательность космических и мифических событий. Архетипы как космические силы появляются прежде всего в звездной, солнечной и лунной мифологиях и в обрядах, в которых занимают главенствующее место. Это — век великих мифологий, когда космические фигуры изначальных божеств — Великой Матери и Великого Отца — выкристаллизовываются из неустойчивой массы неопределенных сил, из "огромного, погруженного в раздумье Бога доисторических времен",[35] и начинают принимать форму богов-создателей. Уроборическое целостное божество, представленное в бесформенном совершенстве как "верховный Бог", сменяется архетипическими богами. Они также являются чистыми проекциями коллективного бессознательного на самый отдаленный из возможных объектов — небо. Так как пока еще нет ни развитого сознания Эго, ни никакой действенной индивидуальности, то не может быть и никакой связи между человеком и космическими событиями, протекающими в "некоем небесном месте". Представляется, что вначале фигуры все еще были автономными и отражались как боги в зеркале небес, не пройдя через посредничество человека и его личности или не изменившись при этом переходе.

Мифологии, отражающие сотворение мира, первые великие последовательности богов и их сражения часто доходят до нас из более поздних времен, уже в переработке спекулятивной философии. Но всегда существует ранняя мифологическая основа. В бесчисленных местах зарождаются местные мифы и ритуалы, помогающие придать форму великим богам. Объединение множества обособленных культов в более прославленные фигуры богов имеет второстепенное значение. Основной чертой является то, что божествам, Прародителям, богам и богиням неба и земли, уже поклоняются как фигурам,

как действующим факторам, в центре которых расположено Эго, которому приписываются определенные качества, а не как смутным магическим демоническим силам с манаподобными атрибутами, скрывающимся на заднем плане.

Мимолетный взгляд на историческое развитие снова и снова показывает, каким образом видимая форма появляется из бесформенного, определенное из неопределенного и как с демонического животного уровня поднимаются центры силы, существа, наделенные характерными человеческими чертами. Самым четким примером этого является развитие Греческой религии. Боги Олимпа представляют собой наилучший пример этой прогрессивной конфигурации, которая выходит за рамки архаичной стадии смутной божественности,[36]однако такое же развитие можно видеть повсюду, хотя и не с такой степенью ясности.

Мифы пластичной эпохи указывают на растущее очеловечивание жизни богов и восприятия их человеком. В то время как примитивные божества были космическими, пронизанными символизмом, силовое содержание которого скрывало их форму, теперь божественное постепенно приближается к человеческому. Сражения и события, которые ранее представлялись как космические явления или как конфликты между самими богами, теперь опускаются на человеческий уровень.

Первые фазы отношения между Эго-сознанием и бессознательным отличались зависимостью и сопротивлением. В уроборосе стадия недифференцированности от бессознательного все еще могла восприниматься положительно, но на стадии, символизируемой Великой Матерью, зависимость сына, являясь положительной в начале, вскоре принимает отрицательную форму.

Уроборическое бессознательное, которое символизирует Великая Мать, является системой, которая должна ослабить свою власть над Эго и сознанием — или, скорее, должна была бы ослабить свою власть, чтобы развитие продолжалось без трений.

Но одним из фактов, с которым мы всегда сталкиваемся в нашей психической практике, является то, что рост происходит рывками. Существуют задержки и блокады либидо, которые необходимо преодолеть в новой фазе развития. "Старая система" всегда держится до тех пор, пока противостоящие ей силы не оказываются достаточно сильными, чтобы сломить ее. Здесь также "война порождает все вещи". Психические системы обладают внутренней стабильностью, которую Юнг назвал инерцией либидо. Каждая система - а каждый архетип соответствует определенной группе содержимого, организованного в систему — стремится к самосохранению, которое проявляется в собственнической и удерживающей власти этой системы над Эго. Освобождение и независимая активность становятся возможными, только в том случае, когда система Эго имеет в своем распоряжении больше либидо, чем удерживающая система, то есть, когда воля Эго достаточно сильна, чтобы избавиться от соответствующего архетипа.
Дальнейшие фазы развития Эго

Растущая независимость сознания достигает поворотного пункта только в мифе о герое; до этих пор она завуалирована своим происхождением из бессознательного. В прогрессе этой независимости от уроборического самоуничтожения до юношеского сопротивления мы можем различить устойчивый рост активности Эго и его поляризацию по отношению к бессознательному, которое оно первоначально воспринимало как рай, затем как опасное и обворожительное и, наконец, как врага. Вместе с увеличением активности Эго и усилением роста его либидо варьирует и символизм. Вначале самыми заметными являются растительные символы с их пассивностью и приземленностью.

Юноша является богом растительности - цветком, пшеницей, деревом. Его смерть при уборке урожая и воскрешение в прорастающем семени относятся к естественному ритму матриархата. Здесь сексуальность является инструментом плодородия земли, следует периодичности сезонов спаривания и не имеет отношения к миру сознания Эго.[37]

Однако мы не можем полностью согласиться с тем, как Brif fault интерпретирует этот материал. Только в отдельных и исключительных случаях половой инстинкт доходит до такого абсурда, что самец поедает самку, которую оплодотворил. Но обратная ситуация, когда оплодотворенная самка поедает самца, ни в коей мере не contra naturam*: она соответствует архетипу Ужасной Матери. Более того, ее прообразом служит "поедание" мужского сперматозоида оплодотворенной яйцеклеткой. После того, как вспышка полового инстинкта угасает и оплодотворение завершается, мать восстанавливает господство пищевого уробороса. Для нее верховным принципом является развитие целостности мать-ребенок посредством принятия пищи, то есть обеспечение роста, а самец, который поедается, выступает как просто съедобный объект, как и что-либо другое. Кратковременная вспышка полового инстинкта, инициируемая самцом, не вызывает, и не может вызывать, абсолютно никакой эмоциональной привязанности.

Преобладание растительного символизма означает не только физиологическое господство вегетативной (симпатической) нервной системы; психологически оно также обозначает преобладание тех процессов роста, которые протекают без участия Эго. Но, несмотря на всю свою кажущуюся независимость, Эго и сознание на этой стадии, тем не менее, характеризует опора на определяющий субстрат бессознательного, в котором они укоренены, и на поддержку, обеспечиваемую этим субстратом.

По мере увеличения активности сознания, символизм растительности сменяется животной фазой, когда мужчина ощущает себя живым, активным и диким животным хотя всё ещё подчиняется «повелительнице диких зверей». Поначалу это звучит парадоксально ибо животная фаза, казалось бы больше соответствует стабилизации бессознательных сил, чем укреплению Эго.

В животной фазе Эго действительно в значительной мере тождественно своим инстинктивным компонентам, векторам бессознательного. "Повелительница" является направляющей силой, стоящей "за" этой активностью, но маскулинное Эго уже больше не является вегетативным и пассивным: оно — активное и жаждущее. Интенциональность Эго набрала силу, так что теперь это уже не "я гоним" или у меня "есть побуждение", а "я хочу". Бездействующее до этого Эго приводится в движение животным инстинктом — другими словами, инстинктивный импульс передается Эго и сознанию, принимается ими и расширяет радиус их активности.

Во время своей первой сознательной фазы центроверсия проявляется как нарциссизм, обобщенное телесное ощущение, в котором единство тела является первым выражением индивидуальности. Это магическое отношение к телу — существенная характеристика центроверсии, и любовь к своему собственному телу, его украшение и освящение представляют самую примитивную стадию самоформирования. Это видно из широко распространенной у примитивных людей практики нанесения татуировки, и тот факт, что индивидуальная татуировка не подчиняется стереотипному коллективному образцу, является одним из ранних способов выражения собственной индивидуальности. Индивид узнаваем и отличаем благодаря особенной форме, которую он придает себе своей татуировкой. Особенности татуировки индивида сообщают его имя, а также название более близкого круга людей, с которым он отождествляется — клана, касты, секты или профессиональной гильдии. Магическое соответствие между миром и строением тела

также относится к этой ранней нарциссической фазе. В этой связи тенденция "олицетворять" отдельные качества и демонстрировать их на себе жива до настоящего времени; она простирается от мира одежды и моды до военных знаков отличия, от короны до полковой пуговицы.

Оставив стадию нарциссического тела, Эго продвигается дальше к фаллической стадии, где осознание собственного тела и себя совпадает с пробудившейся и активно желающей маскулинностью. Этот переход отличается многочисленными явлениями, в которых акцентуируются "промежуточные стадии".[38] Переход от феминного к маскулинному характеризуют обоеполые и гермафродитные фигуры богов и жрецов и культы, подчеркивающие первоначальную бисексуальность уроборической Великой Матери.[39]

Сексуальное извращение является всего лишь нездоровым выражением влияния этой архетипической фазы, но оно не тождественно ей, ибо наряду с этим болезненным выражением существуют другие, положительные и продуктивные, которые проявляются в более широкой области культуры.[40]

Фаллицизм[41] символичен для примитивной стадии осознания мужчиной своей маскулинности. Только постепенно мужчина по-настоящему осознает свое собственно значение и свой собственный мир. Он начинает как совокупитель, а не как родитель; даже когда фаллос почитается женщиной как инструмент плодородия, он прежде всего является открывателем лона — как у некоторых примитивных народов[42] — чем тем, что дает семя, приносит радость, а не плодородие.

Поклонение фаллосу первоначально может появиться бок о бок с поклонением оплодотворяющему богу. Сексуальное удовольствие и фаллос воспринимаются оргиастически, при этом не обязательно ощущается прямая связь с воспроизведением. Девственница-мать, которая зачинает бога и поклоняющиеся фаллосу менады соответствуют двум различным формам одержимости, где фаллос и порождающий бог пока еще не идентичны.

Мифологически фаллическо-хтонические божества являются спутниками Великой Матери, а не представителями специфически маскулинного. Психологически это означает, что фаллическая маскулинность все еще обуславливается телом и потому находится во власти Великой Матери, инструментом которой остается.

Хотя в фаллической стадии маскулинное Эго сознательно и активно преследует свою особую цель, а именно удовлетворение инстинкта, оно все равно еще настолько остается органом бессознательного, что не может осознать, что сексуальное удовлетворение при совокуплении как-то связано с размножением; в действительности зависимость инстинкта от стремления вида к самовоспроизведению остается совершенно бессознательной.

С ростом осознания мужского хтонического элемента в фазе фаллицизма, увеличиваются сила и самоосознанность маскулинности, и в ней развиваются компоненты активной, агрессивной силы. В то же самое время в связи с господством Великой Матери в маскулинном бессознательном, мужчины — даже если им принадлежит социальное лидерство — все еще могут подчиняться великой хтонической богине плодородия и поклоняться ей в облике божества-женщины.

Затем растущее влияние фаллицизма объединяет семью под своей властью, и в конечном итоге мы подходим к психологической борьбе между матриархатом и патриархатом и модификации самой маскулинности.

Акцентуация Эго ведет от уроборической к гермафродитной и таким образом к нарциссической стадии, которая вначале является аутоэротической и представляет собой примитивную форму центроверсии. Следующая стадия — фаза фаллическо-хтонической маскулинности, где доминирует телесная сфера, а она, в свою очередь, сменяется маскулинностью, в которой активность сознания становится специфической активности автономного Эго. Другими словами, сознание как "высшая маскулинность головы" приобретает, в виде самосознания, знание своей собственной реальности. Высшая маскулинность — это маскулинность "высшего фаллоса", с головой в качестве места созидательного осознания.

Развитию сознания Эго соответствует тенденция к приобретению независимости от тела. Эта тенденция очевиднее всего выражается в мужском аскетизме, неприятии мира, унижении тела и ненависти к женщинам и ритуально практикуется в церемониях инициации юношей. Смысл всех таких испытаний на выносливость состоит в том, чтобы укрепить устойчивость Эго, волю, высшую маскулинность и развить сознательное чувство превосходства над телом. Поднимаясь выше него и одерживая победу над его болями, страхами и вожделениями, Эго приобретает элементарное ощущение своей собственной мужественной духовности. Эти бедствия сопровождаются посвящением в высший духовный принцип, независимо от того, исходит ли оно от духовных существ из индивидуальных и коллективных видений или от передачи тайных доктрин.

Однако целью всех инициации, от обрядов совершеннолетия до религиозных мистерий, является трансформация. В них рождается высший духовный человек. Но этот высший человек является человеком, одержимым сознанием или, говоря литургическим языком, человеком высшего сознания. В нем человек ощущает свою близость с духовным и небесным миром. Принимает ли эта близость форму апофеоза, или посвященный становится одним из детей Бога, или so/ invictus* или герой становится звездой или ангелом небесных сил, или же он отождествляет себя с тотемом предков — все это одно и то же. Он всегда вступает в союз с небом, светом и ветром, космическими символами духа, который не принадлежит этой земле, бестелесен и враждебен телу. «

Небо является местом обитания богов и духов, символизирующих мир света и сознания, в противоположность земному, привязанному к телу миру бессознательного. Видение и знание являются отличительными функциями сознания, свет и солнце — надличностными небесными факторами, которые представляют его высшее состояние, а глаз и голова — физическими органами, которые участвуют в сознательном распознавании. Поэтому в психологии символов бестелесная душа спускается с неба, а в психической структуре тела ей соответствует голова, точно так же, как потеря этой души мифологически изображается как ослепление, как смерть солнечного коня или как погружение в море — другими словами, поражение маскулинности всегда приводит к регрессу. Он влечет за собой растворение высшей маскулинности в ее низшей фаллической форме, а следовательно потерю сознания, света знания, глаз и возврат в привязанный к телу хтонический животный мир.

То, что страх является признаком центроверсии, сигналом тревоги, посылаемым для предупреждения Эго, яснее всего можно видеть на примере страха перед регрессом к старой форме Эго, которая уничтожит новую, а вместе с ней и новую систему сознания Эго. "Тенденция самосохранения" системы определяет ее реакцию удовольствия-боли.[43]

С дальнейшим развитием системы, качества, доставлявшие удовольствие в предшествующей фазе развития Эго, для Эго следующей фазы становятся болезненными. Таким образом, уроборический инцест приносит удовольствие только слабому ядру Эго, все еще включенному в уроборос. Но по мере того, как Эго становится сильнее, уроборическое удовольствие превращается в уроборический страх перед Великой Матерью, так как это удовольствие таит в себе опасность регрессии и матриархальной кастрации, которые привели бы к его гибели.

Таким образом, победа над страхом является существенной характеристикой Эго-героя, которое осмеливается совершить эволюционный скачок к следующей стадии и не остается закоренелым врагом нового, подобно обычному человеку, который цепляется за консерватизм существующей системы. В этом заключается подлинное революционное качество героя. Только он, преодолевая старую фазу, успешно изгоняет страх и превращает его в радость.

[1] Юнг, "Обзор теории комплексов", пар.210.

[2] Юнг, Психологические типы. Опр.16.

[3] The Making of Egypt, p.8.

[4] Frobenius, Monumenta Africana, Vol.VI, pp.242 f.

[5] Seligman, Egypt and Negro Africa.

[6] Frobenius, Kulturgeschichte Afrikas, pp.127 f.

[7] См. Приложение I.

[8] Это остается верным, несмотря на тс изменения, которые внесла в нашу концепцию коллективной психики у примитивных народов школа антропологии, связанная с именем Малиновского (cM.Malinowski, Crime and Custom in Savage Society, p.55.).

[9] Мы должны обратить здесь внимание на несколько необычную систему построения Части II. Развитие Эго, проблема центроверсии и формирование личности обсуждаются в основных разделах, в то время как в приложениях предпринимается попытка обрисовать отношения индивида к группе и явления проекции и интроекции, действующие между ними. Таким образом, мы имеем две последовательности, которые, хотя являются взаимосвязанными и дополняют друг друга, тем не менее рассматриваются независимо друг от друга. Однако в нашем рассмотрении первоначальной уроборической стадии придерживаться этого разделения не представляется возможным. Отделить психологическое развитие индивида от развития группы уже проблематично, так как они находятся в непрерывной взаимосвязи; и на самой ранней стадии, когда индивид и группа неразрывно слиты воедино, такое разделение совершенно исключено.

[10] Reiwald, Vom Geist der Massen, p.133.

[11] Jung, "The Psychological Foundation of Belief in Spirits", p.301.

[12] Thurnwajd, Die eingeborenen Australiens und der Sudseeinseln, p.30.

[13] См. Приложения.

[14] Не следует путать концепцию трансперсонального с вынесением во вне. Содержимое личности как часть коллективного бессознательного может быть "трансперсональным" в нашем смысле слова, так как в конечном итоге не исходит из сферы личностного Эго или из личностного бессознательного. Содержимое личностного бессознательного, с другой стороны, легко можно перенести вовне.

[15] Instincts of the Herd in Peace and War, p.l 15.

[16] Reiwald, op.cit.

[17] То, что точно такое же взаимоотношение все еще катастрофически действует в западной цивилизации, мучительно очевидно. Даже сегодня те, кем управляют, являются в основном инертными членами толпы без всякой своей собственной непосредственной ориентации. Управляющий, государство и т. п., действует как заменитель индивидуального сознания и слепо вовлекает нас в массовые движения, войны и т. д. См. Приложения.

[18] Jung, "Analytical Psychology and Education"; Wickes, The Inner World of Childhood] Fordham, The Life of Childhood.

[19] The Literary Works of Leonardo da Vinci, ed. by Richter, Vol. II, p.242. 1162 ("Morals", из его рукописей). 19а "Корабль смерти", вариант из рукописи В., приложение к Последним стихотворениям.

[20] Уроборический инцест является единственной известной нам психологической основой утверждения о существовании "инстинкта смерти", и смешивать его с агрессивной и деструктивной тенденциями неверно. Более глубокое понимание, которое ни в коей мере не ограничивается лишь рассмотрением патологических явлений, не позволяет нам спутать его с несвойственным психике инстинктом "разрушения всех деталей и приведения их обратно в неорганическое состояние" (Freud, Civilization and Its Discon tents). "Инстинкт смерти" уроборического инцеста не является "противником Эроса", а является одной из его первоначальных форм.

[21] Юнг, Психология архетипа ребенка.

[22] Preuss, Die geistige Kultur der Naturvolker, p.60.

[23] Там же, с.72.

[24] Там же, с.9.

[25] Там же, с.42.

[26] У человека бессознательное также почти всегда прямо противостоит "желающему" сознательному уму и редко совпадает с ним. Великую Мать противопоставляет Эго-сознанию не ее любящий удовольствие и желающий характер, а ее коллективная сущность. Принятие желамого за действительное является свойством не сочиняющего фантазии бессознательного, а сочиняющего фантазии Эго, так что подлинная фантазия может быть определена по тому, "обусловлена ли она желанием" или нет. Если это

фантазия желания, то она исходит из сознания или самое большое от личного бессознательного; если же нет, значит в воображении были активированы более глубокие слои бессознательного.

[27] Связь тело-душа и вопрос каузальности здесь к делу не относятся. Мы ориентируем себя так, "как если бы" биологическое и психическое являлись двумя аспектами по существу одной неизвестной "вещи в себе" или "процесса в себе".

[28] Thurnwald, op.cit., p.3.

[28a]a Levy-Bruhl, The "Soul" of the Primitive, p. 188, цитата из Strehlow, Part II, p.76.

[29] Levy-Bruhl, p.189, цитата из Strehlow, pp.76-7.

[30] Levy-Bruhl, p.192.

[31] Thurnwald, op.cit., p. 16. [Санскритская терминология также имеет интересные параллели. Атмаи наряду с обозначением вселенского самость, частью которого является индивидуальное самость, может также означать "себя" в физическом смысле, как это ясно представлено в забавной истории о поучении Индры Праджапати в Чхандогуа упанишаде 8. 7-12. То же самое конкретное телесное значение также придается и пуруше, которая, хотя позднее и обозначала "личность" или "дух", а в конечном итоге приняла философское значение, совпадающее со значением атмана, первоначально означала "человека" в смысле его "призрака-души", его тени или двойника. — Прим. перев.]

[32] Thurnwald, op.cit., p.28.

[33] Там же, с.33.

[34] Здесь не место более подробно затрагивать психологию функций; нам следует только отметить, что ощущение и мышление, будучи рациональными функциями, являются продуктами более позднего развития (См. Юнг, Психологические типы, 44.). Рациональные функции взаимосвязаны с законами здравого смысла, которые стали доступны сознанию только как вместилища родового опыта. Юнг дает следующее определение: "Таким образом, здравомыслие человека — это ничто иное, как выражение человеческой приспособленности к обычному ходу событий, которая постепенно отложилась в прочно организованных комплексах идей, которые составляют наши объективные ценности. Таким образом, законы здравого смысла — это те законы, которые характеризуют и регулируют среднюю "правильную" или адаптированную позицию". Так что понятно, что рациональные функции исторически являются поздними продуктами. Адаптация к средним событиям и формирование прочно организованных комплексов идей являются "делом человеческой истории" и на их организацию ушел "труд бесчисленных поколений".

[35] Rohde, Psyche.

[36] Murray, Five Stages of Greek Religion, pp.39 f.

[37] Briffault (The Mothers, Vol. I, p. 141) указывает на различия между первичным, агрессивным половым инстинктом и социальным инстинктом спаривания. В животном мирзе половой инстинкт часто сопровождается укусами, а иногда партнер действительно

поедается. И здесь мы видим преобладание пищевого уробороса в досексуальной стадии, то есть преобладание пищевого инстинкта над половым.

[38] Carpenter, Intermediate Types among Primitive Folk.

[39] Нет никакого сомнения, что биологические промежуточные типы также играют здесь свою роль, но архетипическая — то есть психологическая — ситуация более важна, чем биологическая.

[40] Значительная часть того содержания, которое в случае "извращения" начинает доминировать в сексуальной жизни, имеет свои прототипы в этой мифологической промежуточной стадии господства Великой Матери. Как факты мифологии, они являются надличностными, то есть находятся вне и за пределами личности, и, следовательно, выступают событиями sub specie aeternitatis [С точки зрения "вечного" (лат.) — Прим. ред.], потому что являются символическими и, как таковые, магически действенными. Только когда они вторгаются в узкую личностную сферу, то становятся "извращенными", то есть, патогенными факторами, потому что тогда эти "неустойчивые блоки" мифологии и трансперсонального действуют как чужеродные тела, мешающие индивидуальному развитию.

[41] Мы не принимаем здесь во внимание особые условия, касающиеся женщин.

[42] Malinowski, The Father in Primitive Psychology, p.3,31.

[43] Растворение грозит с двух сторон: как от регресса к низшему уровню, так и от продвижения к высшему. Поэтому типичные колебания от удовольствия к страху и от страха к удовольствию являются наиболее выраженными в течении этих переходных фаз развития Эго, например, в период детства и возмужания.

B. Разделение систем
Центроверсия и дифференциация

Дальнейшее развитие личности определяется расколом на дне системы; бессознательную и сознательную или, скорее, разделением, ибо разделение принимает более опасную форму раскола только в более позднем развитии западного сознания. Это развитие мифологически изображено в стадиях разделения Прародителей Мира и мифа о герое, причем последняя стадия частично перекрывает предыдущую.

Из-за разделения Прародителей Мира начинают отличаться друг от друга небо и земля, создаются полярности и освобождается свет. Так мифология изображает Эго, балансирующее между низшим фемининным миром земли и тела и высшим маскулинным миром неба и духа. Но так как сознание и Эго всегда воспринимают себя как маскулинное, то этот нижний мир земли должен считаться миром Великой Матери, а следовательно враждебным Эго, в то время как небо воспринимается как дружественный к Эго мир духа, который позднее олицетворяет Отец Всего.

Разделение Прародителей Мира -- это космическая форма борьбы героя, изображающая освобождение индивида языком мифологии. Первая стадия разделения заключается в победе над драконом Великой Матери, в освобождении из-под ее власти индивида и системы сознания Эго.

Теперь формирование личности может продвигаться дальше по пути центроверсии, которая, сочетая систематизацию и организацию, акцентуирует формирование Эго и в то же самое время сплетает в единую систему первоначально разрозненное содержимое сознания.

Первоочередная задача сознания по отношению к непреодолимым тенденциям бессознательного, состоит, главным образом, в том, чтобы Держаться от них на расстоянии, в консолидации и защите своей позиции, то есть в укреплении устойчивости Эго. Все это время Эго постепенно осознает все свои отличия и особенности; либидо, доступное сознательной системе, увеличивается -- посредством процессов, которые еще будут описаны — и от пассивной самозащиты Эго переходит к активной деятельности и начинает завоевательную кампанию. В мифах эта стадия представлена темой Братьев-Близнецов.

В разделе, посвященном Ужасному Мужчине, мы показали, как аспект деструктивной маскулинной силы уробороса и Великой Матери ассимилируется Эго и координируется с личностью и сознанием. Часть архетипа Противника - образ коллективного бессознательного — инкорпорируется в систему личности.

Противник представляет силу тьмы как надличностную величину, символом которой являются, например, древнеегипетский Сет, змея А поп или убивающий людей вепрь. Поначалу пассивное или лишь слабо сопротивляющееся Эго-сознание юноши становится его жертвой: энергетический заряд архетипа сильнее, и Эго-сознание подавляется. Однако на стадии близнецов юноша ощущает часть этой деструктивной силы как принадлежащую ему лично. Он уже — не просто жертва Великой Матери, а, посредством самоувечья и самоубийства, он негативно ассимилирует деструктивную тенденцию, которая оборачивается против него. Центр Эго добивается власти над этой агрессивной тенденцией бессознательного и делает ее тенденцией Эго и содержимым сознания; но, хотя деструктивные намерения Великой Матери по отношению к Эго теперь стали осознанными, она все равно продолжает удерживать свой старый объект в поле зрения. Сопротивление Эго Великой Матери и сознательная реализация ее деструктивной политики идут рука об руку. Поначалу Эго подавляется поступающим в сознание новым содержимым - а именно, архетипом Противника — и не выдерживает. Только постепенно и только в той степени, в которой Эго признает эту деструктивную тенденцию не просто содержимым бессознательного, но и частью самого себя, сознание начинает инкорпорировать ее, усваивать и ассимилировать, другими словами, делать ее сознательной. Теперь разрушение отделилось от своего старого объекта и стало функцией Эго. Теперь Эго может использовать по меньшей мере часть этой тенденции в своих собственных интересах. Фактически происходит то, что Эго, как мы говорили, "меняется местами" с бессознательным.

Ассимиляция деструктивных тенденций бессознательного тесно связана с "отрицательными" качествами сознания. Это выражается не только в его способности отличать себя от бессознательного и держаться от него на расстоянии, но также и в использовании этой способности в своих постоянно возобновляющихся попытках разбить непрерывный мир на объекты, делая его таким образом пригодным для ассимиляции Эго. Ассимилирующие силы сознания, которые позволяют ему постичь объекты сперва как образы и символы, затем как содержимое и в конечном итоге как концепции, впитать и выстроить их в новом порядке, предполагают наличие этой аналитической функции. С ее участием деструктивная тенденция бессознательного становится положительной функцией сознания.

В аналитической редуцирующей функции сознания всегда присутствует активный элемент защиты от бессознательного и от опасности быть подавленным им. Эта нейтрализующая активность видна всегда, когда мы встречаемся с символизмом ножей, мечей, оружия и т. п. В многочисленных мифах о сотворении мира за разрубанием дракона следует построение нового мира из его расчлененных частей. Точно так же, как пища должна быть расщеплена на маленькие кусочки, прежде чем она сможет быть переварена и встроена в структуру организма, так и огромный мировой континуум должен быть разбит и разделен на объекты для ассимиляции сознанием.

Уроборическая тенденция бессознательного вновь поглощать все свои продукты, разрушая их, чтобы вернуть обратно в новой, измененной форме, повторяется на более высоком уровне сознания Эго. Здесь также синтезу предшествует аналитический процесс, и дифференциация является первостепенным предусловием последующей интеграции.

В этом смысле основа всех знаний -агрессивный акт инкорпорации. Психическая система, и в первую очередь само сознание, является органом расщепления, усвоения и затем перестраивания объектов мира и бессознательного, точно так же, как пищеварительная система нашего тела физико-химическим путем расщепляет материю и использует ее для образования новых структур.

Активность героя в сражении с драконом — это активность действующего, проявляющего свою волю и умеющего различать Эго, которое уже больше не очаровано и не подавлено, а, отказавшись от своей юношеской позиции, ищет опасности, совершает новые, удивительные деяния и пробивает себе путь к победе. Превосходство Великой Матери, руководство, осуществлявшееся ею посредством силы инстинктов тела, сменяется сравнительной самостоятельностью Эго, высшего духовного человека, который имеет свою собственную волю и руководствуется своим собственным умом. Фаустовское отвоевывание земли у моря символизирует первоначальное свершение героического сознания, которое захватывает новую территорию у бессознательного и подчиняет ее власти Эго. Точно так же, как основными чертами юношеского уровня были пассивность, страх и защита от бессознательного, так на героическом уровне Эго набирается отваги и переходит в наступление. Не имеет значения, интровертно или экстравертно направление этого наступления, так как оба эти фланга заняты драконом Великой Матери , называем ли мы ее природой, миром или бессознательной психикой. "

Теперь мы подходим к стадии активного инцеста героя, сражению с Великой Матерью и ее поражению. Вселяющий ужас характер этого дракона главным образом заключается в способности Великой Матери совратить Эго, а затем кастрировать и уничтожить его в матриархальном инцесте. Страх перед растворением удерживал Это от регресса к Великой Матери и уроборосу; это была защитная реакция системы Эго от возврата назад. Но когда Эго больше не настроено оставаться на стадии "борцов", которых сдерживает их страх перед Великой Матерью оно должно побороть этот страх, который раньше защищал его и сделать именно то, чего оно больше всего боялось. Оно должно открыть себя разрушительной силе урборического Дракона Матери не дав при этом уничтожить себя.

Преодолевая страх и фактически входя в уроборическую Великую Мать, Эго ощущает свою высшую маскулинность как качество устойчивое, бессмертное и незыблемое, а его страх превращается в радость. Эта связь между страхом и удовольствием играет решающую роль в нормальной психологии, но особенно она выражена в психологии невроза. На этой стадии развития, и только на этой, сексуальность становится символом борьбы за "восхождение на вершину", и здесь оказывается совершенно уместной адлеровская терминология стремления к власти.[2]

Но замыкание на таком символизме — сознательное или бессознательное, свойственное многим невротикам, означает, что архетипическая стадия борьбы с драконом все еще не пройдена и что Эго остановилось на ней. В 6ольшинстве случаев эта неудача выражается не символом кастрации и расчленения, как на стадии Великой Матери, а в символах поражения и пленения, а иногда ослепления.

Как и ослепление Самсона и Эдипа, пленение, которое во многих мифах и сказках принимает форму пожирания героя, является более серьезной неудачей, чем расчленение или фаллическая кастрация. Оно более значительно, потому что поражение на этой стадии затрагивает более высоко развитое и более устойчивое Эго-сознание.

Но такое поражение не обязательно должно быть окончательным, как кастрация и смерть, а в некотором смысле и ослепление. Побежденного впоследствии может, например, освободить герой, и поражение еще может закончиться победой. Сознание, хотя и крайне уставшее, может продержаться в плену до тех пор, пока не прибудет помощь. Различные формы, которые принимает освобождение, соответствуют различным формам последовательности событий. Например, Эдип остается героем, даже несмотря на его трагический регресс к матери, Самсон переступает свое поражение и умирает, торжествуя, Тесей и Прометей освобождаются из рабства Гераклом и так далее.

Равно и Эго-герой, которое терпит поражение в борьбе, не уничтожается как индивидуальная личность в том смысле, что оно исчезает в уроборическом или матриархальном инцесте. Проходя через архетипические стадии мифологии, Эго приближается к цели сражения с драконом, которая, как мы видели, означает бессмертие и вечное существование. Что касается развития личности, основным и глубочайшим смыслом сокровища является обретение в этой борьбе чего-то сверхъестественного и неразрушимого.

Мы не намерены повторять здесь то, что уже было сказано в Части I о разделении Прародителей Мира, появлении света и мифе о герое в связи с развитием и дифференциацией сознания. Наша психологическая задача заключается, скорее, в том, чтобы указать некоторые методы, посредством которых Эго отделяется от бессознательного и организовывает себя в сравнительно независимую систему; иными словами, как строится индивидуальная личность. Мы должны рассмотреть, как личностное и индивидуальное освобождаются от трансперсонального и коллективного.
Фрагментация архетипов

Пути отделения сознательного от бессознательного могут быть следующими: (1) фрагментация — отщепление или расщепление — архетипов и комплексов; (2) обесценивание или дефляция бессознательного; (3) вторичная персонализация содержимого, которое первоначально было трансперсональным; (4) изъятие эмоциональных компонентов, способных подавить Эго; (5) абстрактные процессы, посредством которых бессознательное представляется сначала как образ, затем как идея и наконец рационализируется как концепция.

Все эти дифференциации способствуют формированию из рассеянного трансперсонального бессознательного, которое ничего не знает об индивидах и которое является чисто коллективным, системы личности, высочайшим представителем которой выступает Эго-сознание.

Чтобы проследить развитие сознания, необходимо разграничить два компонента бессознательного. Это касается отделения существенного содержимого коллективного бессознательного от его эмоционального или динамического содержимого. Архетип как образ не только представляет некоторое содержимое, более или менее доступное сознанию, но он также, независимо от своего содержания или в связи с ним, оказывает эмоциональное и динамическое воздействие на личность. То, что мы назвали "фрагментацией архетипов", является процессом, посредством которого сознание пытается вырвать у бессознательного существенное содержимое архетипов, чтобы обеспечить потребности своей собственной системы.

Рудольф Отто в своем описании нуминозного называет его вызывающей благоговейный трепет тайной, очаровывающим и дарующим блаженство, "Совершенно Иным", Священным.[3] Это нуминозное является центральным впечатлением Эго по отношению абсолютно ко всем архетипам; это — основная окраска, с которой Эго воспринимает коллективное бессознательное и мир, на который проецируются архетипы. Кажется, будто бы мир бессознательного фактически является продолжением нуминозного, как будто бы невообразимое множество его аспектов разделилось на отдельные образы коллективного бессознательного, чтобы Эго смогло воспринять их либо последовательно, либо в своей совокупности. В ходе развития, то есть в период перехода от непластичной фазы к пластичной, коллективное бессознательное расщепляется на живописный мир архетипических образов, и то же самое направление развития ведет к фрагментации самих архетипов.

Истощение эмоциональных компонентов: рационализация

Фрагментация происходит в том смысле, что для сознания первичный архетип раскалывается на значительную группу родственных архетипов и символов. Или, скорее, эту группу можно представить как контур, замыкающий в себе неизвестный и неуловимый центр. Отколовшиеся архетипы и символы теперь легче постичь и ассимилировать, так как они больше не подавляют Эго-сознание.

Это дискурсивное восприятие архетипов, одного за другим и с различных сторон, является результатом развития, в ходе которого сознание обучается защищать себя от влияния первичного архетипа. Нуминозная грандиозность архетипа, с которой он первоначально воспринимался примитивным человеком, представляет собой единство архетипической группы символов, в которой он сейчас проявляет себя, и неизвестную величину, которая исчезает в процессе фрагментации.

Давайте возьмем в качестве примера архетип Великой Матери. Он сочетает в себе приводящее в замешательство множество противоречивых аспектов. Когда мы рассматриваем эти аспекты как свойства Великой Матери и относим их к свойствам архетипа, то уже само это является результатом описываемого нами процесса. Развитое сознание может различать эти свойства, но первоначально архетип в целом действовал на Эго, со всей силой своей парадоксальности. В этом основная причина того, почему Эго подавляется, а сознание дезориентируется архетипом, появление которого из глубин всегда оказывается новым, разным, неожиданным и ужасающе ярким.

Таким образом, Великая Мать уроборична: ужасная и пожирающая, благосклонная и созидающая, помогающая, но также прельщающая и разрушающая; животная и божественная, сладострастная блудница и неприкосновенная девственница, невообразимо старая и вечно молодая.[4]

Эта первоначальная двойственность архетипа, его противоречия, которые накладываются друг на друга, разрывается на части, когда сознание разделяет Прародителей Мира. С левой стороны выстраивается отрицательный ряд символов: Смертоносная Мать, Великая Блудница Вавилона, Ведьма, Дракон, Молох; с правой — положительный ряд, в котором мы находим Добрую Мать, которая как София или Дева порождает и вскармливает, указывает путь к возрождению и спасению. Там — Лилит, здесь — Мария; там — жаба, здесь — богиня; там — кровавая трясина, здесь — Вечное Женственное.

Фрагментация архетипа представлена в мифах как свершение героя; сознание может родиться только тогда, когда он разъединит Прародителей Мира. Мы можем проследить детали этого процесса фрагментации в мифе о герое. Вначале сражение с драконом идет против первичного архетипа уробороса, но после того, как дракон будет расколот, борьба направляется против отца и матери, и наконец достигается констелляция, в которой дихотомия становится абсолютной. Против героя выступают Ужасная Мать и Ужасный Отец; с ним — Бог-Отец и Непорочная Богиня. Так, зачаточный мир уробороса становится человеческим миром, которому придает форму жизнь героя. Человек, подражая герою, теперь занимает свое законное место между верхним и нижним царствами.

Сила первичного архетипа Великой Матери основана на первоначальном состоянии, где все смешано и недифференцировано, непостижимо, потому что находится в процессе непрерывных изменений. Только позднее из этого основополагающего единства появляются образы, составляющие группу родственных архетипов и символов, сосредоточенных вокруг этого неподдающегося описанию центра. Богатство образов, свойств и символов по существу является продуктом фрагментации, осуществленной сознанием, которое постигает, различает, разделяет и регистрирует, находясь на расстоянии. Determinatio est negatio** (разделение есть отрицание (лат.) — Прим. Ред)

Разнообразие образов соответствует разнообразию возможных позиций и возможных реакций сознания, в противоположность первоначальной целостной реакции, которая завладевает человеком примитивной культуры.

Теперь подавляющий динамизм архетипа сдерживается: он больше не вызывает приступов страха, безумия, экстаза, бреда и смерти. Призма сознания преломляет невыносимо белое сияние изначального света в многоцветную радугу образов и символов. Таким образом, от образа Великой Матери отщепляется Добрая Мать, которая опознается сознанием и признается сознательным миром ценной. Другая часть, Ужасная Мать, в нашей культуре подавляется и в основном исключается из сознательного мира. С развитием патриархата это подавление приводит к тому, что Великая Мать становится просто Доброй Матерью, супругой Богов-Отцов. Ее темная животная сторона, ее сила как уроборической Великой Матери, забывается. Соответственно, во всех западных культурах, включая культуру античности, бок о бок с богами-отцами существуют следы женщин, вытесненных богами-отцами. Лишь в недавние времена культы древней матери были с трудом обнаружены вновь, и вынести на поверхность первобытный мир Ужасной и Уроборической Матери было предназначено веку, сведущему в глубинной психологии. Ее подавление было понятным и необходимым с точки зрения патриархата и развития сознания, обладающего сильными патриархальными тенденциями. Эго-сознание должно было предать эти аспекты забвению, потому что его страх перед пропастью все еще был тревожно близок: хотя оно успешно сразилось с драконом, ужасы этой борьбы ощущались все еще очень остро. Поэтому сознание, опасаясь, чтобы "подлинное знание" не привело к

регрессу — судьбе Эдипа — подавляет Сфинкса и с эвфемистическими проклятиями возводит на трон Добрую Мать.

Фрагментацию архетипов никоим образом не следует понимать как сознательный аналитический процесс. Активность сознания имеет дифференцирующий результат только из-за разнообразия возможных позиций, которое оно может занять. Появление группы архетипов, отколовшихся от основного архетипа, и соответствующей группы символов выражает спонтанные процессы, в которых активность бессознательного остается неослабленной. Перед сознательным Эго эти архетипы и символы предстают как продукты бессознательного, даже когда они констеллируются сознанием в целое. До тех пор, пока сознанию не удается констеллировать бессознательное, никаких дифференцировавшихся символов и архетипов не появится. Чем более четко систематизировано сознание, тем более энергично оно констеллирует содержимое бессознательного. То есть, проявления бессознательного меняются в зависимости от интенсивности и сферы действия сознательного ума. Рост сознания и его увеличивающийся энергетический заряд способствуют дифференциации архетипа, помещая его и архетипическую связь символов более точно в фокус. Поэтому активность сознания имеет решающее значение; но все видимые проявления, как и сам символ, все еще зависят от спонтанности бессознательного.

Расчленение аморфного бессознательного на живописный мир архетипов позволяет сознательному уму представить и постичь их. "Темные" импульсы и инстинкты уже больше не имеют полного контроля над целостностью; вместо этого восприятие внутреннего образа вызывает реакцию со стороны сознательного Эго. Первоначально такое восприятие инициировало целостную реакцию, очень похожую на рефлекс, как например "панический ужас", вызываемый образом Пана.

Такое расщепление архетипа на группы символов сопровождается замедлением реакции и де-эмоционализацией. По мере того, как способность сознания ассимилировать и понимать отдельные символы увеличивается, Эго перестает подавляться. Мир становится яснее, ориентироваться в нем становится легче, а сознание расширяется. Анонимное и аморфное первоначальное божество невообразимо ужасно; оно колоссально и недоступно, непостижимо и не поддается какому-либо влиянию. Это воспринимает его бесформенность как нечто нечеловеческое и враждебное, если оно вообще когда-либо берется за невозможную задачу постичь его. Поэтому вначале мы часто обнаруживаем нечеловеческого бога в форме животного или какой-нибудь отвратительной аномалии или бесформенного чудовища. Эти отвратительные создания выражают неспособность Эго воспринять невыразительность первоначального божества. Чем более антропоморфным становится мир богов, тем ближе он Эго и тем больше он теряет свой подавляющий характер. Боги Олимпа намного более человечны и знакомы, чем первобытная богиня хаоса.

В ходе этого процесса первоначальное божество расщепляется на различных богов со своими собственными индивидуальностями. Бог теперь воспринимается и открывается под таким количеством аспектов, сколько существует богов. Это означает, что способности Эго к выражению и пониманию очень сильно возросли. Растущая дифференциация культов показывает, что человек научился, "иметь дело" с богом в образе отдельных богов. Он знает, чего они хотят, и понимает, как ими манипулировать. Каждый бог, которого можно видеть и на которого можно ритуально воздействовать, демонстрирует, как много приобрело сознание, как много стало сознательным.

То, что "функциональные" боги религии в конце концов становятся функциями сознания, факт известный. Первоначально сознание не располагало достаточным количеством свободного либидо для осуществления какого-либо вида деятельности — пахоты, жатвы, охоты, ведения войны и т. п. — по своей собственной "свободной воле" и было вынуждено взывать о помощи к богу, который "понимал" его. Посредством церемониального обращения Эго активировало "помощь бога" и таким образом направляло поток либидо из бессознательного в систему сознания. Последовательное развитие сознания ассимилирует функциональных богов, продолжающих жить как качества и способности сознательного индивида, который пашет, жнет, охотится и воюет так, как ему хочется и когда ему хочется. Однако очевидно, что, когда сознательное управление операциями не приносит успеха, к примеру в войне, бог войны продолжает действовать как функциональный бог даже сегодня.

Точно так же, как символическое множество богов окружает первоначального Бога, так и каждый архетип с развитием сознания окружает себя соответствующей группой символов. Первоначальное единство распадается на солнечную систему архетипов и символов, сгруппированных вокруг центрального архетипа, и архетипическая связь коллективного бессознательного выходит из тьмы на свет.

И снова, точно так же, как пищеварительная система расщепляет пищу на ее основные компоненты, так и сознание раскалывает большой архетип на архетипические группы и символы, которые позднее могут быть ассимилированы воспринимающими и организующими силами сознательного ума как отщепленные атрибуты и свойства. Постепенно становясь все более абстрактными, символы превращаются в атрибуты различного значения. Так, животный характер архетипического божества появляется рядом с ним как "животное-спутник". С дальнейшей рационализацией "человеческий" элемент — то есть близость божества к Эго - настолько явно выдвигается на передний план, что зачастую бог борется с этим животным, животной стороной самого себя. [5] Если абстракция или истощение содержания символа вследствие его ассимиляции сознанием продолжается, тогда символ превращается в качество. Например, Марс, первоначальное значение которого, подобно значению каждого бога, было исключительно сложным, становится "воинственным" качеством. Так фрагментация группы символов идет в направлении рационализации. Чем сложнее содержимое, тем в меньшей степени оно может быть понято и оценено сознанием, структура которого настолько односторонняя, что оно может добиться ясности только в ограниченной области. В этом отношении сознание построено аналогично глазу. Существует одна точка, в которой зрение острее всего, а более широкие области можно четко различить только при постоянном движении глаза. Подобным образом и сознание может держать точно в фокусе лишь небольшой сегмент; из-за этого ему приходится разбивать большое содержимое на отдельные аспекты, воспринимая их по частям, один за другим, а затем учиться получать сводную картину всего поля действия посредством сравнения и абстракции.

Значение этой фрагментации особенно ясно видно в случае двойственного содержимого, такого, как то, что присуще, как мы показали, архетипу Великой Матери. Мы говорим, что личность двойственна, когда в ней одновременно присутствует положительная и отрицательная направленности, например, любовь и ненависть к одному и тому же объекту. Состояние двойственности, которое у примитивных людей и детей является природным, соответствует Двойственному содержимому, состоящему из положительных и отрицательных элементов. Антитетическая структура такого содержимого делает невозможной сознательную ориентацию и в конце концов приводит к очарованности. Сознание продолжает возвращаться к этому содержимому или человеку,

который олицетворяет его или несет его проекцию, и не может оторваться от него. Постоянно высвобождаются новые реакции, сознание оказывается в замешательстве и начинают появляться аффективные реакции. Все двойственное содержимое, которое одновременно притягивает и отталкивает, точно так же действует на организм как на целое и высвобождает мощные аффективные реакции, так как сознание уступает, регрессирует и его место занимают примитивные механизмы. Аффективные реакции, которые возникают в результате очарованности, опасны, они равнозначны вторжению бессознательного.

Поэтому развитое сознание начинает рассматривать двойственное содержимое как диалектику противоположных качеств. До такого расщепления это содержимое не является просто хорошим и плохим одновременно; оно стоит вне добра и зла, оно притягивает и отталкивает и потому является раздражителем для сознания. Но если деление на добро и зло существует, тогда сознание может занять позицию. Оно принимает и отвергает, ориентируется и, таким образом, выходит из круга очарования. Эта склонность сознания к односторонности усиливается процессами рационализации, о которых мы упоминали.

Рационализация, абстракция и деэмоционализация являются выражениями "пожирающей" тенденции Эго-сознания ассимилировать символы по частям. Когда символ становится содержанием сознания, он теряет свое навязчивое действие, свое принуждающее значение и становится беднее в отношении либидо Таким образом, "боги Греции" уже больше не являются для нас живыми силами и символами бессознательного, требующими ритуалистического подхода, каковыми они были для греков; они были разложены на культурное содержимое, сознательные принципы, исторические данные, религиозные ассоциации и так далее. Они существуют как содержимое сознания и больше уже не являются - или только в особых случаях — символами бессознательного.

Однако говорить о разрушающей душу природе сознания было бы неправильно, ибо мы не должны забывать, что сознание в то же время строит новый, причем духовный мир, в котором трансформированным почитаемым, но опасным фигурам бессознательного отводится новое место.

Такой процесс рационализации, который позволяет сознанию формировать абстрактные концепции и создавать последовательный взгляд на мир, приходит в конечной фазе развития, что только сейчас начинает реализовываться в современном человеке.

Формирование символов и групп символов оказало неоценимую помощь сознанию в понимании и интерпретации бессознательного, и рациональный компонент символа для примитивного человека является особенно важным. Символ действует на всю психику, а не только на одно сознание; но вслед за расширением сознания всегда следует модификация и дифференциация действия символа. Сложное содержимое символа все еще продолжает "овладевать" сознанием, но, вместо того, чтобы подавлять сознание, оно начинает занимать его. Если первоначальное архетипическое воздействие приводило, так сказать, к "нокауту" сознания и к первичной бессознательной целостной реакции, то теперь действие символа оказывается стимулирующим и вдохновляющим. Присущее ему значение обращается к уму и приводит к размышлению и пониманию, именно потому что оно активирует нечто большее, нежели просто ощущение и эмоциональность. Эрнст Кассирер подробно продемонстрировал, как из "символических форм" развивается интеллектуальная, когнитивная, сознательная сторона человека, [6] которые, с точки

зрения аналитической психологии, являются созидательными выражениями бессознательного.

Таким образом, освобождение сознания и фрагментация архетипов совершенно не являются отрицательным процессом в том смысле, что примитивный человек воспринимает "живой" мир, в то время как современный человек знает только "абстрактный". Чистое существование в бессознательном, которое примитивный человек разделяет с животными, на самом дёле является нечеловеческими до-человеческим. То, что пробуждение сознания и сотворение мира — процессы параллельные, порождающие одинаковый символизм , указывает на то, что мир на самом деле существует лишь в той степени в которой он постигается эго. Дифференцированный мир отражает самодифференцирующееся сознание. Многочисленные архетипы и группы символов, отколовшиеся от первоначального архетипа, указывают на увеличение сферы восприятия, знания и проницательности Эго. Но более искушенное человеческое сознание при наличии множества религий и философий, теологии и психологии может воспринимать бесчисленные грани и значения нуминозного, которое теперь разложено на образ и символ, атрибут и откровение. То есть, хотя первичное единство может быть воспринято только фрагментарно, оно наконец-таки входит в поле сознательного восприятия, тогда как для неразвитого Эго оно было совершенно подавляющим.

Самодифференцирующееся сознание означает, что комплекс Эго может ассоциироваться с любым количеством дифференцированного содержимого и таким образом приобретать опыт. Примитивное восприятие является целостным, но оно не связано с комплексом Эго и, следовательно, не становится личным опытом, который можно запомнить. Реальную психологию детства делает такой исключительно сложной для описания именно то, что у ребенка нет развитого комплекса Эго, способного приобретать опыт или, по меньшей мере, запоминать свои переживания. Поэтому детская психология, как и психология первоначального человека, является скорее надличностной, чем личностной.

Более высокая эмоциональность людей примитивной культуры и детей может легко привести к гибели комплекса Эго, либо в связи с тем, что эта эмоциональность подлинна, как у ребенка, либо потому, что она вторгается в сознание в форме аффекта. Если мы представим себе, что сознательная функция, чтобы вообще действовать, должна нести определенный балласт либидо, но не более того, тогда очевидно, что перегрузка либидо нарушит функцию и в конечном итоге вызовет ее полное расстройство, так что никакой возможности для восприятия Эго и запоминания не будет.

Человек склонен истощать свой первоначальный запас эмоциональности в интересах разума, которая действует одновременно с фрагментацией архетипов и, подобно ей, способствует устойчивому росту сознания Эго. Это истощение эмоциональных компонентов сопутствует его эволюционному продвижению от медуллярного человека к кортикальному. Эмоции и аффекты связаны с самыми нижними уровнями психики, ближе всего стоящими к инстинктам. Чувственный тонус, являющийся базисным для того, что ниже мы назовем "эмоционально-динамическими" компонентами, имеет свои органические корни в самых примитивных частях мозга, а именно в медуллярной области и таламусе. Так как эти центры связаны с симпатической нервной системой, то эмоциональные компоненты всегда тесно объединены с бессознательным содержимым. Отсюда и порочный круг, на который мы постоянно наталкиваемся: бессознательное содержимое высвобождает эмоции, а эмоции, в свою очередь, активируют бессознательное содержимое. Связь как эмоции, так и бессознательного содержимого с симпатической нервной системой имеет здесь физиологическую основу. Эмоции

проявляются одновременно с изменением внутренней секреции, кровообращения, кровяного давления, дыхания и т. д., но так же и бессознательное содержимое возбуждает, а в случае невроза расстраивает симпатическую нервную систему, либо прямо, либо опосредованно, через вызываемые эмоции.

Направление эволюции ясно показывает, что медуллярного человека сменяет человек кортикальный. Это можно видеть из постоянной дефляции бессознательного и истощения эмоциональных компонентов. И только теперь, в период нынешнего кризиса современного человека, излишняя акцентуация кортикального слоя сознания которого привела к чрезмерному подавлению и диссоциации бессознательного, стало необходимым "вновь соединиться" с медуллярной областью. (См. Приложение II.)

Первочеловек в полной мере переживает свои аффекты и эмоции. Мы не должны забывать, что "комплексы", то содержимое бессознательного которое оказывает исключительное влияние на нашу жизнь, были ясно охарактеризованы как имеющие чувственный тон. Тенденция любого комплекса овладевать чувствами человека составляет основу ассоциативных экспериментов Юнга. Расстройства рациональной структуры сознания, которые проявляются в ходе этих экспериментов, и физическое возбуждение, наблюдаемое в психогальванических явлениях, обусловлены эмоциональный компонентом комплекса и теми чувствами, которые он вызывает, и которые сразу же обнаруживают его.[7]

Человеческая эволюция идет от примитивного эмоционального человека к современному, расширенное сознание которого защищает его -- или старается защитить — от приступов примитивной эмоциональности. Но пока первоначальный человек продолжал жить в participation mystique со своим бессознательным содержимым, а система его сознания не могла существовать независимо от бессознательного, существенные и динамические компоненты были так тесно связаны, что мы можем говорить об их тождественности и полном слиянии. Или же мы можем выразить это, говоря, что перцепция и инстинктивная реакция были едины. Появление образа - существенного компонента. — и инстинктивная реакция, которая затрагивала весь психофизический организм -- эмоционально-динамический компонент -- были связаны подобием рефлекторной дуги. Поэтому изначально перцепционный образ внешнего или внутреннего мира вызывал мгновенную реакцию. Другими словами, соединение образа с эмоционально-динамическим компонентом немедленно вызывало бегство или нападение, приступ ярости, паралич и т.п.

По мере того, как сознание становилось сильнее, эта примитивная реакция и соединение двух компонентов исчезали. С развитием головного мозга инстинктивный рефлекс стал задерживаться сознательным вмешательством размышления, взвешивания и т. д. Постепенно инстинктивная реакция стала подавляться в пользу сознания.

Однако эта замена первоначальной целостной реакции дискретной, дифференцированной, "осколочной" реакцией современного человека имеет две стороны. Потеря целостной реакции достойна сожаления, особенно когда она ведет к появлению апатичного, удрученного индивида современности, который больше не реагирует ни на что жизненно важное, за исключением тех случаев, когда реколлективизируется как часть толпы или возвращается к примитивному состоянию, используя для этого определенные средства. Тем не менее, целостная реактивность примитивного человека это не тема для романтизма. Мы должны понимать, что как и ребенка, его вовлекало в целостную реакцию абсолютно любое возникающее содержимое, и одолеваемый своей

эмоциональностью и лежащими в ее основе образами, он действовал целостно, но не имел свободы выбора.

Поэтому направленная против эмоциональности тенденция, при условии, что она не доходит до крайностей является чистым благословением для человечества. Импульсивность примитивного человека и "людей в толпе, которых при малейшем подстрекательстве можно легко побудить к катастрофическим действиям, настолько опасна, настолько импульсивна в ее "бездумной" внушаемости, что ее замена сознательными установками весьма желательна для общества.

Сознание должно противиться этим инстинктивным реакциям, так как Эго может быть подавлено слепой силой инстинкта, от которого система сознания должна защищать себя, чтобы развитие могло продвигаться вперед. Хотя инстинктивная реакция представляет собой "подходящий" паттерн поведения, тем не менее, между развивающимся Эго-сознанием и миром инстинктов существует конфликт. Коллективной инстинктивной реакции Эго всегда должно противопоставлять свой собственный специфический образ поведения, который преследует совершенно иные цели, ибо мир инстинктов отнюдь не всегда соответствует индивидуальным целям Эго или его сохранению.

Очень часто инстинкт недостаточно адаптирован к положению индивида и подходит только для примитивного уровня и для примитивного Эго, но совершенно не соответствует развитому. Например, наплыв аффективной реакции перед смертельным ударом может быть исключительно полезен дикарю в джунглях; но в нормальной жизни цивилизованного человека такого рода инстинктивная реакция — за исключением военного времени является не только неуместной, но и определенно опасной. Горький опыт психологии толпы научил нас, как безрассудно и гибельно, с точки зрения индивида, часто действуют инстинкты, хотя иногда это может быть даже во благо обществу.

У примитивных людей и везде, где существуют примитивные условия, конфликт между индивидуальным сознанием и коллективными тенденциями бессознательного разрешается в пользу коллектива и за счет индивида. Часто инстинктивные реакции никак не связаны с Эго, а только с коллективом, видом и т. п. Природа всегда демонстрирует, что она ни во что не ставит индивида. Как говорит Гете:

"Кажется, что она нацелена на одно — Индивидуальность; и все же она совсем не заботится об индивидах". [8]

Однако, в противоположность этому, развитие сознания служит также и интересам индивида. В то время как Эго приходит к соглашению с бессознательным, делается все больше и больше попыток защитить личность, консолидировать систему сознания и предотвратить опасность наплыва и вторжения со стороны бессознательного.

Таким образом, с развитием Эго предотвращение ситуаций, в которых динамический эмоциональный компонент бессознательного образа или архетипа вынудил бы Эго к инстинктивной реакции и, таким образом, подавил бы сознание, является настоятельной необходимостью.

Поэтому в том, чтобы отделить реакцию от перцептивного образа, который вызывает ее, и разбить первоначальную рефлекторную дугу таким образом, чтобы существенные и динамические компоненты коллективного бессознательного оказались окончательно изолированными, существует здравый смысл. Если за появлением архетипа инстинктивное рефлекторное действие следует не сразу, тем лучше для развития

сознания, потому что действие эмоционально-динамического компонента состоит в том, чтобы нарушить или, даже предотвратить объективные знания, будь то знания внешнего мира или психического мира коллективного бессознательного. Сознание, с его четырьмя функциями, как интровертное так и экстравертное, является преимущественно когнитивным органом, и его дифференциация, так же как и дифференциация его функций возможны только тогда, когда исключены эмоциональные компоненты бессознательного. Цель отделившейся функции постоянно размывается вторжением эмоциональных компонентов.

Чтобы Эго могло достичь состояния спокойствия, в котором оно бы осуществляло распознавание, сознание и дифференцированная функция должны быть удалены как можно дальше от активного поля эмоциональных компонентов. Нарушению со стороны эмоциональных компонентов подвержены все дифференцированные функции, но наиболее очевидным такое вмешательство оказывается в случае мышления, которое по своей природе противоположно чувству, а скорее, эмоциональности. Дифференцированное мышление требует невозмутимости и хладнокровия больше, чем какая-либо иная функция.

Сознание, Эго и воля, которые можно назвать avant-garde (передним краем (лат.) — Прим. ред) сознательного развития, по крайней мере на Западе, стремятся ослабить связь между существенными и динамичными компонентами бессознательного, чтобы, подавляя последние — то есть обладающие чувственным тоном инстинктивные действия и реакции, контролировать и ассимилировать существенные компоненты. Это подавление эмоционально-динамичных компонентов неизбежно, потому что развитие сознания требует, чтобы Эго было свободно от власти эмоции и инстинкта.[9] Таким образом, фрагментация архетипов и освобождение от эмоциональных компонентов так же необходимы для развития сознания и реального или воображаемого обезвреживания бессознательного, как и процессы абстракции и вторичной персонализации, которые мы будем обсуждать позднее. Эти процессы абстракции не следует отождествлять с абстрактным направлением научного мышления или с сознательной рационализацией, они возникают намного раньше. Развитие от до-логического мышления к логическому[10] представляет основную перемену, направленную на установление автономии системы сознания с помощью этих же самых абстрактных процессов. Таким образом, архетип замещается идеей, предшественником которой является. Идея — результат абстракции; она выражает "значение первоначального образа, которое было "абстрагировано" или отделено от конкретики образа".[11] Она является "продуктом мышления".

Таким образом, происходит движение от полной охваченности примитивного человека первоначальным образом до конечного состояния, в котором дефляция бессознательного зашла так далеко, что идея считается сознательным содержимым, по отношению к которому человек может, хотя это и не обязательно, занять позицию.. Вместо того, чтобы быть одержимыми архетипом, мы теперь "имеем идею" или, еще лучше, мы "следуем идее".

Вторичная персонализация

Укрепление личностной системы Эго и одновременный постепенный подрыв бессознательного ведут к вторичной персонализации. Это выражается в том, что у человека появляется устойчивая тенденция принимать первичное и трансперсональное содержимое за вторичное и личное, сводить его к личностным факторам. Персонализация непосредственно связана с ростом Эго, сознания и индивидуальности в ходе всей человеческой истории, только в результате которой рождается "личность", а из потока надличностных и коллективных событий появляется личностная психическая сфера Эго.

Вторичная персонализация также связана с процессами интроекции и интериоризации "внешнего" содержимого.

Как мы видели, человек начинает с восприятия надличностного вне себя, то есть проецированного на небо или мир богов, и заканчивает интроецированием его и превращением его в личное психическое содержимое. На языке символов, в ритуале, мифе, сновидениях и детской реальности это содержимое "съедается", "инкорпорируется" и таким образом "переваривается". Такими актами интроекции и ассимиляции ранее проецированного содержимого психика наращивает себя, субъект и сознательная эгоцентрированная личность приобретают все больший и больший "вес" по мере того, как внутрь принимается все больше и больше содержимого. Но, как мы уже отмечали, обсуждая фрагментацию архетипов, сознательная ассимиляция становится возможной только через формирование образов — придание формы бесформенному. Развивающееся сознание постепенно обучается распознавать в тумане формы, и, что даже еще более важно, оно дополняет их. Подобным образом, в процессе вторичной персонализации расширяющаяся система личности притягивает на свою орбиту трансперсональные фигуры. Это происходит не только путем интроекции, но и через антропоморфическое создание образов, которое делает еще более убедительным древнее изречение Ксенофана:

"Ведь если бы коровы и лошади, и львы имели руки и могли рисовать и создавать произведения искусства, как люди, тогда лошади изображали бы богов в форме лошадей, коровы — в форме коров, и каждый бы делал их тела подобными своему собственному".[12]

Вторичная персонализация несет с собой устойчивое уменьшение влияния надличностного и устойчивое увеличение значения Эго и личности. Последовательность начинается с безличностного, всемогущественного нуминозного , космической мифологии, и представлений динамической или до-анимичтической эпохи, в результате которого появляется более или менее нецентрированное человеческое существо, бессознательное и существующее психологически как организационная единица группы. Далее следует "пластичная эпоха со смутными формами, неясно вырисовывающимися за астральными мифами затем боги с их земными двойниками, обладающие манной герои, которые имеют скорее архетипический, чем исторический характер.

Поэтому убивающий дракона герой, в "ночном морском путешествии" символизирующий солнце, или в других культурах — луну, является архетипическим примером для подражания и направляющей фигурой для всех исторических героев. [13]

Таким образом, за мифическим веком следует ранний исторический период с его богами-царями и т.п., когда смешение небесного с земным и нисхождение надличностного до человеческого уровня становится все более и более очевидным. Вторичная персонализация в конечном итоге ведет к тому, что местные божества становятся героями, а тотемные животные — домашними духами.

По мере того, как Эго-сознание и индивидуальная личность приобретают большую значимость и в ходе исторического развития все больше выходят на передний план, наблюдается заметное укрепление личностного элемента. Вследствие этого человеческая и личностная сфера обогащается за счет нечеловеческой и трансперсональной.

Груз, который ложится на Эго-сознание и индивидуальность, заставляет человека осознать себя как человеческое существо, в то время как на бессознательной стадии он

был преимущественно природным существом. То, что в тотемизме он в равной мере может "быть" животным, растением или даже вещью, выражает его неспособность к саморазличению и неразвитости его самоосознания как личности.

В то время как животные формы богов и предков первоначально символизировали единство человека с природой, которое практически выражалось в колдовстве, охотничьей магии и разведении домашних животных, териоморфизм более позднего периода выражает надличностный ноумен доисторического времени. Так, сопровождающие богов животные повсюду выдают первоначальную форму первых. В Египте, например, мы можем проследить развитие вторичной персонализации по росту числа очеловеченных богов. В доисторические времена эмблемами различных домов служили животные, растения или какие-либо предметы, считаем ли мы их тотемными символами или нет. Во времена Первой Династии у соколов, рыб и т. д. появились руки; в конце Второй Династии начали появляться гибридные формы, человеческие тела с головами животных образов, которые стали антропоморфными богами; а, начиная с Третьей Династии и далее, правилом становится человеческая форма. Хозяевами неба становятся боги в человеческой форме, а животные- уходят. [14] Процесс вторичной персонализации можно наблюдать также и в литературе, где мифологические темы переходят в сказки и в конце концов в ранние романы. Хорошим примером этого "нисхождения" является то, каким образом миф о Сете-Осирисе или Сете-Горе превратился в Историю о Двух Братьях. То, что первоначально было космическим противостоянием света и тьмы, становится конфликтом между божественными братьями-близнецами и в конце концов сводится к "семейному роману", в котором драма незапамятных времен принимает личностные черты.

Эта поступательная ассимиляция бессознательного содержимого постепенно выстраивает личность, создавая при этом расширенную психическую систему, формирующую основу внутренней духовной истории человека, которая все меньше и меньше зависит от свершающейся вокруг него коллективной истории. Этот процесс, инициированный в первую очередь философией, сегодня достиг того, что хронологически является его самой последней стадией в психологии, но, тем не менее, конечно же, все еще находится в своем младенческом периоде. Параллельно происходит "психизация" мира. Боги, демоны, небеса и ад как психические силы изымаются из объективного мира и инкорпорируются в человеческую сферу которая в следствии этого вёсьма значительно расширяется. Когда мы даём название «сексуальность» тому что некогда воспринималось как хтоническое 6ожество, или говорим о «галлюцинациях» вместо откровения, и когда боги небес и подземного мира признаются доминантами человеческого бессознательного это означает что в человеческую психику опустился огромный участок внешнего мира. Интроекция и психизация являются Другой стороной процесса, посредством которого мир физических объектов становится видимым, и этот мир уже больше не может быть настолько искажен проекциями, как это было возможно раньше.

Однако, что происходит сейчас — и это является самым важным результатом вторичной персонализации индивида — это то, что надличностное содёржимое проецируется на личности. Точно также как в ходе исторического процесса образы богов проецировались на человеческие существа и воспринимались в них, так сейчас архетипические фигуры проецируются на окружение личности, и это ведет к неизбежному, но исключительно опасному смешению личности и архетипа.

Этот процесс не только играет важную роль в детстве, как проекция родительских архетипов на родителей, но кроме того такие проекции на Выдающиеся Личности, которые как герои, вожди, святые и так далее, оказывают положительное или

отрицательное влияние на человеческую историю, в значительной мере определяют судьбу коллектива. Мы увидим, что здоровая коллективная куль-тура возможна только в том случае, если вторичная персонализации не доводится до абсурда; если она слишком радикальна, то ведет к ложным проекциям надличностного и к явлениям реколлективизации, в результате чего очень важные элементы культурного наследия оказываются в опасности и могут быть безвозвратно потеряны. Дефляция бессознательного, которая является результатом всех описанных нами процессов, способствует систематизации сознания и ведет к разделению двух систем. Сравнительное ослабление бессознательного абсолютно необходимо, чтобы укрепилось и обогатилось либидо Эго-сознание. В то же время ту стену, которая разделяет сознание и бессознательное, постепенно укрепляет переоценка — и обесценивание — бессознательного содержимого. Патриархальный девиз Эго: "Прочь от бессознательного, прочь от матери", — санкционирует любые приемы обесценивания, сдерживания и подавления, чтобы вытеснить из своей сферы содержимое, потенциально опасное для сознания. Активность последнего, а также его дальнейшее развитие зависят от результирующего повышенного напряжения между сознанием и бессознательным.

Активность маскулинного сознания героична, поскольку оно добровольно берет на себя архетипическую борьбу с драконом бессознательного и доводит ее до победного завершения. Это преобладание маскулинности, которое имеет решающее значение для положения женщины в патриархальных обществах. [15]

Если точка зрения Бриффа относительно того, что большинство мистерий первоначально были женскими и были переняты мужчинами только позднее, верна, значит направленные против женщины тенденции мужских обществ, архетипическую основу которых мы уже обсуждали (ее.??? и далее), имеют также и историческую основу. Понижение статуса женщины и ее исключение из многих существующих патриархальных систем религии видны даже сегодня. Это умаление женского простирается от запугивания женщин церемониальными трещетками в примитивном обществе (The Mothers, Vol. II, p. 544) до "taceat mulier in ecclesia"* (Да молчит женщина в церкви (лат.) -- Прим. Ред), ежедневной еврейской молитвы в благодарность за рождение мужчиной, и до лишения социальных привилегий женщин во многих европейских странах в настоящее время определяет духовное развитие западного человека.

Связь сознания с маскулинностью достигает пика в развитии науки как попытки маскулинного духа освободиться от власти бессознательного. Где бы ни появилась наука, она всегда разбивает первоначальный мир, полный бессознательных проекций. Таким образом, лишенный проекций мир становится объективной, научной конструкцией разума. В противоположность первоначальному бессознательному и соответствующему ему иллюзорному миру, этот объективный мир теперь рассматривается как единственная реальность. Таким образом, под постоянной опекой разделяющего маскулинного духа, вечно ищущего законы и принципы, "принцип реальности" начинает представляться мужчинами.

Таким образом, в той мере, насколько Эго-сознание с его различительными функциями стремится разрушить неопределенный характер бессознательного мира, оно является органом адаптации к реальности. Поэтому у примитивного человека и у детей его развитие неизменно зависит от способности постигать реальность, и здесь оказывается оправданным фрейдовское противостояние принципа удовольствия и принципа реальности. Но эта адаптация к сугубо внешней реальности уже не удовлетворяет потребностям последних, самых недавних тенденций. Наше современное сознание начинает признавать, что составные части реальности как доминанты нашего опыта, как

идеи или архетипы, присутствуют также и в самом бессознательном. Поэтому сознание должно поворачиваться внутрь. Как различающий орган, оно должно эффективно функционировать как в отношении объективной психики внутри, так и объективной психики снаружи. Интроверсия и экстраверсия теперь подчиняются расширенному принципу реальности, который в интересах центровесии должен в равной мере применяться как к миру, так и к бессознательному. Становление глубинной психологии как инструмента исследования объективной психики является признаком этой новой ориентации.[16]

Трансформация компонентов удовольствия-боли

Путь эволюции, ведущий человечество от бессознательного к сознанию, является дорогой, отмеченной трансформациями и подъемами либидо. По обеим ее сторонам стоят великие образы, архетипы и их символы. Двигаясь по этому пути, Эго-сознание человека приобретает все большие заряды либидо, так что эта система постоянно расширяется и укрепляется. Так, первого человека с его мимолетными проблесками сознания постепенно сменяет современный человек, Эго которого существует в более или менее сознательном континууме, в рамках культурного мира, созданного коллективным сознанием его группы и человечеством в целом.

Мы называем этот путь "подъемом", потому что воспринимаем сознание и мир света как находящиеся "над" нами, а бессознательное и тьму — "под", все еще оставаясь под влиянием примитивного символизма, который связывает вертикальное положение человеческого тела с развитием головы как места "высших" центров и сознания. Последовательность стадий, которая начинается с Великого Круга и через цепь архетипов приходит к одному архетипу и одной группе символов, и от идеи к концепции, является как восходящей последовательностью, так и ограничением. То, что первоначально воспринималось только как нечто смутное "в глубине", заряженное энергией и потому весьма реальное и чарующее, становится в качестве концептуального содержимого предметом мысли, которым свободно манипулирует разум и который используется произвольно. Практическая ценность такого содержимого, несомненно, выросла, но только ценой лишения существенной части своего первоначального заряда либидо в пользу сознания в целом.

Обаяние бессознательного содержимого заключается в его способности притягивать либидо сознания, первым признаком чего является сосредоточение внимания на этом содержимом. Если притяжение усиливается, то либидо высасывается из сознания, и это может проявиться в понижении уровня сознания, усталости, депрессии и т.д. В то время как в случае болезни активация бессознательного содержимого притоком либидо проявляется в форме расстройств, симптомов и т.д., а в творческом индивиде это содержимое спонтанно объединяется с сознанием и выражается в творчестве, акт сознательного постижения состоит в том, что Эго преднамеренно направляет разум и имеющееся в его распоряжении либидо к фокусу очарования. Либидо, активирующее бессознательную систему как свой эмоциональный компонент, и либидо распознающей и постигающей системы Эго в действии осознания сливаются в единый поток. Это слияние воспринимается Эго как доставляющее удовольствие, и это верно в отношении любого подлинного постижения, любого нового осознания или открытия, а также всегда, когда разбивается комплекс или ассимилируется бессознательное содержимое. Не имеет значения, представляется ли пленяющее содержимое сознательно как образ, сновидение, фантазия, идея, "предчувствие" или проекция. Ассимиляция бессознательного содержимого в любой форме ведет не только к обогащению сознательного материала, но и к объединению либидо, которое начинает субъективно ощущаться как возбуждение, оживленность и радость, которые иногда граничат с упоением; и объективно — как

повышенный интерес, расширенная и повышенная способность к работе, живость ума и т.п.

В процессе осознания и ассимиляции бессознательного содержимого Эго, с позиции сознания, спускается в "глубину", чтобы поднять оттуда "сокровище". С точки зрения психической энергии, удовольствие "побеждающего героя" возникает от соединения сознательного либидо с либидо только что приобретенного содержимого, которое оно инкорпорирует.[17]

Постижение и ассимиляция содержимого сознанием означают, что оно обогащается либидо. Но весь заряд либидо этого содержимого никоим образом не может быть поглощен полностью.

Почти всегда одновременно с изменением и обогащением сознания расщепление содержимого ведет также и к активации бессознательного. Мы можем объяснить этот механизм следующим образом: некоторая часть освобожденного либидо не может быть поглощена сознанием и направляется в бессознательное, где "либидизирует" связанные группы комплексов или архетипическое содержимое. Затем, посредством ассоциации, это содержимое поднимается вверх и проявляется в виде случайных идей и т.п. — в той мере, в какой они вообще возникают — или же принимает вид новой бессознательной констелляции. Именно сочетание этой новой констелляции с первоначальной активностью сознания и образует неразрывность всей творческой работы, необходимые элементы которой всегда подготавливаются бессознательным заранее и, прежде чем быть задействованными, развиваются и обогащаются в нем.

Неразрывность этих процессов проявляется не только в творчестве, но и в любых сериях сновидений, видений и фантазий, в которых всегда обнаруживается внутренняя последовательность, сеть ассоциаций, сосредоточенных вокруг одного или нескольких ядер, как будто вокруг центра.[18]

Одним из самых важных достижений сознания является его способность по своему желанию распоряжаться либидо, поступающим в его систему, и использовать его более или менее независимо от того источника, из которого оно пришло. Точно так же, как "воодушевление", вызванное у читателя "увлекательной" книгой, можно применить в отношении поэмы, прогулки, партии в бридж или ухаживания, без непременного наличия какой бы то ни было связи между книгой и реакцией Эго, так и Эго по своему усмотрению может использовать часть либидо, которое добавляется к нему в результате сознательного постижения бессознательного содержимого. Эта сравнительная свобода Эго, независимо от того, насколько Эго ею злоупотребляет, является одним из самых ценных его достижений.

В ходе этого развития сознание становится способным направлять внимание на любой выбираемый им объект, и в то же самое время Эго приобретает сравнительную независимость. Происходит движение от состояния очарованности, когда Эго было пассивным и зависело от любого активированного бессознательного содержимого, к состоянию, в котором сознание обладает достаточным количеством либидо для свободного и активного направления своего интереса на все, чего требует внешний мир или коллектив, или на что-либо, чем оно само собирается заняться.

Это необходимо постоянно иметь в виду. До появления глубинной психологии казалось совершенно естественным отождествлять психологию с психологией сознания. Теперь открытия глубинной психологии создали обратное впечатление, заключающееся в

том, что все содержание сознания определяется исключительно бессознательным. Но реальные психологические знания возможны только через понимание диалектической игры между сознанием и бессознательным. Формирование и консолидация сознательной системы и ее борьба за автономию и самосохранение так же важны в истории психического развития, как и релятивизация этой автономии посредством постоянного напряжения между сознанием и бессознательным.

Одной весьма важной энергетической проблемой, связанной с последовательностью психических стадий, является модификация эмоциональных компонентов, обусловленная изменением качества удовольствия-боли. Компонент удовольствия-боли зависит от заряда либидо психической системы. Удовольствие — психический эквивалент правильного функционирования системы, то есть ее здоровья, и признаком этого является уравновешенность и способность развиваться, вовлекая дополнительные количества либидо. "Инерция" системы пропорциональна ее специфической устойчивости, то есть ее способности к сопротивлению. Каждая система сопротивляется разрушению и реагирует на опасность болью, точно так же, как на стимуляцию и обогащение либидо она реагирует удовольствием. Так как Эго является центром системы сознания, то мы отождествляем себя в первую очередь с реакциями удовольствия-боли этой системы, как если бы они являлись нашими собственными. Но на самом деле источником удовольствия-боли, которые испытывает Эго, никоим образом не является только система сознания.

Личность развивается в двух системах, сознательной и бессознательной. Следовательно, конфликт между ними должен также вести к психическому конфликту между позициями удовольствия-боли, так как каждая отдельная система, как мы уже говорили, стремится сохранить себя и реагирует на опасность болью, а на любое свое расширение и укрепление — удовольствием.

Однако вследствие этого конфликт удовольствия — как мы для краткости можем назвать эту ситуацию -зависит как от степени интеграции, достигнутой личностью, так и от стадии развития Эго, которая определяет отношения между Эго и бессознательным. Чем слабее развито сознание, тем меньше конфликт удовольствия, который уменьшается также с увеличением степени интеграции личности, так как конфликт удовольствия отражает диссоциацию между сознанием и бессознательным.

Эти две линии развития не всегда идут параллельно. У маленького ребенка низкий уровень развития Эго сочетается с более высокой степенью интеграции, отсюда — его сравнительно сильное ощущение удовольствия в целом, мифологическим выражением которого является райское уроборическое состояние. С другой стороны, в ходе процесса созревания в первой половине жизни снижение интеграции сочетается с ростом сознания и Эго. Дифференциация личности ведет к растущему напряжению в психике, а отсюда к увеличению конфликта между вызывающими удовольствие ощущениями системы Эго и ощущениями автономной бессознательной системы. Представление о том, что бессознательное имеет "приятные ощущения", поначалу кажется парадоксальным, в действительности даже совершенно бессмысленным, так как кажется, что каждое ощущение, включая чувство удовольствия, проходит через сознание и Эго. Но это не так. Безмятежность младенца так же выразительна, как и его ощущение боли, но она никоим образом не связана с сильным Эго-сознанием. Действительно, примитивные боль и удовольствие в значительной степени выражают бессознательные процессы. Это подтверждает, что Эго-сознание является физически неполной системой. В случае психического заболевания совершенно очевидно, что нарушение и расстройство сознания далеко не всегда воспринимаются как очень болезненные. Боль или удовольствие Эго

лишь настолько отождествляются с болью и удовольствием личности, насколько Эго стало ее центром и носителем. При невротических и особенно при истерических реакциях неудачи и страдания Эго часто сопровождаются «улыбкой удовольствия» - торжествующей ухмылкой бессознательного от овладения Эго. Неестественность подобных невротических и психотических проявлений — которые соответствуют "дисфункции" позиции удовольствия — можно объяснить диссоциацией личности, то есть, отсутствием ее отождествления с Эго.

В психологии примитивных народов этот феномен выразительнее всего демонстрирует одержимость, когда удовольствие или боль демона — бессознательного комплекса, вызывающего одержимость — проявляется совершенно независимо от ощущения удовольствия-боли Эго.[19]

На уроборической стадии господствует недифференцированная реакция удовольствия-боли; позднее эта смешанная реакция в ходе дифференциации двух систем разграничивается, а затем, на стадии разделения Прародителей Мира, разделяется на две противоположные. После этого первоначальный смешанный характер реакции исчезает: удовольствие — это удовольствие, а боль — это боль, и, кроме того, наблюдается четкая координация между двумя психическими системами, так что удовольствие одной становится болью другой и наоборот. Победившее Эго-сознание воспринимает свою победу как доставляющую удовольствие, в то время как побежденная система бессознательного ощущает боль.

Несмотря на эту координацию удовольствия и боли двух систем, боль "побежденной" системы бессознательного не остается бессознательной. Положение сознания усложняется тем, что оно должно принять во внимание эту боль и сделать ее сознательной или, по меньшей мере, не оставаться незатронутым ею. Результатом этого является страдание Эго, даже когда оно победно утверждает себя по отношению к бессознательному.

Мифы отражают это явление в ощущении изначальной вины, которым сопровождается разделение Прародителей Мира. На самом деле вина, ощущаемая Эго, исходит от страданий бессознательного. Как мы отмечали ранее, истцом является не Эго а в некотором смысле прародители мира, само бессознательное. Только преодолевая чувство вины, Эго-сознание может осознать свои подлинные ценности; только тогда может отстаивать свою позицию и одобрять собственные действия. Конфликт удовольствия также действует в этих ощущениях и, побеждая их, герой утверждает жизнь в полном свете сознания даже в ситуации конфликта.

Тем не менее, ассимилирующее Эго может победить только и посредством. упорной борьбы, и никогда — в результате одного единственного удара. Свергнутые боги все еще играют определённую роль в религии своих победителей Так свержение старых матриархальных богинь и их замена патриархальными богами в Орестее заканчивается не изгнанием Эринний а наоборот основанием культа в их честь. И подобные явления мы встречаем повсюду.

До тех пор пока содержимое полностью бессознательно, оно управляется целым, и его сила в этот момент – наибольшая. Но если эго удаётся вырвать содержимое у бессознательного и сделать его сознательным, в этом случае содержимое - говоря мифологически, окажется побеждённым. Однако это содержимое продолжает расходовать либидо и Эго должно продолжить работать над ним до тех пор пока она не будет полностью инкорпорировано и ассимилировано. Поэтому эго сознание не может избежать дальнейших отношений с "побежденным" содержимым и вероятных страданий.

Возьмем один пример: аскет, Эго-сознание которого победно отвергло инстинктивные компоненты, угрожавшие овладеть им, ощущает удовольствие Эго, но он "страдает", потому что инстинкт, которому он отказал, также является частью его целостной структуры.

Конфликт удовольствия между двумя системами разворачивается главным образом в сознании, и как таковой определяет жизнь взрослого человека, точно так же, как страдание, которое этот конфликт влечет за собой, характеризует жизнь героя в мифологии. Только с наступлением зрелости это страдание частично преодолевается в процессе индивидуации. В этом случае высокий уровень развития Эго снова совпадает со степенью интеграции личности, и такое прогрессирующее уравновешивание двух систем сглаживает также и конфликт, связанный с удовольствием.

Формирование управляющих структур в рамках личности

Архетипические фазы/развития сознания соответствуют определенным уровням Эго, которые отвечают определенным периодам в жизни индивида, каждый из которых наполнен соответствующими переживаниями. Они относятся к запасу личной сознательной или бессознательной памяти индивида, который в своем собственном онтогенетическом развитии проходит через архетипические фазы развития сознания.

Юнг[20] подчеркивал, что архетипы являются определенными только в отношении своей формы, но не содержимого:

"Содержательно прообраз определен только тогда, — и это можно показать — когда он осознан и потому наполнен материалом сознательного опыта".

Сознательное восприятие архетипа заключается соответственно в том единственном в своем роде личностном способе, посредством которого трансперсональное становится реальностью для индивида.

Поэтому то, каким образом в индивидуальном плане переживаются архетипические фазы, зависит от личности, одну часть которой составляет "личное" бессознательное. В связи с этим онтогенетическое "заполнение" архетипического остова — его, так сказать, "набивка" — может быть сделана сознанием посредством анализа личного бессознательного в результате активного повторения этого содержимого в памяти, что рассеивает его прежде бессознательные влияния. Мы снова наблюдаем, как архетипические структуры, предопределяются коллективным бессознательным оказываются связанными с единственным в своем роде личным содержимым, при этом одно не извлекается из другого Характер наших будущих переживаний предопределяется архетипами но то, что мы переживаем, всегда индивидуально.

Это слияние архетипических и индивидуальных черт особенно ясно проявляется в явлении, имеющем большое значение для формирования и развития личности, а именно, в образовании в рамках личности различных "управляющих структур". Наряду с Эго аналитическая психология различает среди таких управляющих структур самость, то есть, целостность психики, персону, аниму (или анимус у женщин) и тень.[21] То, что эти управляющие структуры представляются как "личности", согласуется с фундаментальным учением аналитической теории о том, что все бессознательное содержимое проявляется в "виде частичных личностей".[22] Каждая из этих управляющих структур, как автономный комплекс, может овладеть Эго и вызвать состояние одержимости, как ясно показывает психология примитивных людей и цивилизованного человека. Психология неврозов

изобилует примерами таких состояний одержимости. Формирование управленческих структур как органов психики имеет неоспоримое значение для индивида, ибо они способствуют целостности личности. Их развитие в ходе человеческой истории — и развитие личности, в которую объединяются эти управляющие органы — является процессом, который продолжается до сих пор.

К сожалению, у нас нет возможности изложить историю этого формирования, однако мы можем проследить его реализацию онтогенетически, в развитии индивида. Мы только очень кратко укажем на то, что можно сказать об этом процессе с точки зрения стадиального развития.

В ходе "героического" столкновения с внешним и внутренним миром Эго устанавливает объективные отношения с обоими, интроецируя различное содержимое и строя из него свою картину реальности. Но здесь возникает осложнение, потому что система Эго, которая стремится овладеть этими внешними и внутренними реалиями, не является окончательно установившейся, а представляет собой ассимилирующий механизм со своей собственной историей, в ходе которой она шаг за шагом повторяет архетипические фазы развития сознания. Таким образом, психической системе и сознанию — представляющему эту систему — присущи различные фазы развития по отношению как к Эго, так и к миру, различные способы восприятия и различные символы, успешные и неудачные попытки ассимиляции, сосуществующие таким образом, что ориентация оказывается возможной только посредством иерархического порядка, налагаемого стадиальным развитием. Интроекция в сознание бессознательных позиций, которые уже были пройдены, и пережитых уровней развития Эго всегда усложняет положение Эго вследствие реализации этих позиций и подверженности сознания их влиянию.

Формированием личности, как и формированием Эго и сознания, управляет центроверсия, функция которой состоит в том, чтобы способствовать созидательному единству живого организма. Когда организм бессознателен, опасность растворения через соучастие исключительно вероятна, но для сознательной и интегрированной личности она не так велика. Те процессы, которые мы уже описали — а именно, фрагментация архетипов, изъятие эмоциональных компонентов, вторичная персонализация, дефляция бессознательного и рационализация, которые упрочивают стабильность Эго и сознания — несмотря на их тенденцию расщепляться и дифференцироваться, направляются центроверсией, а развитие личности и управляющих структур, констеллированных этими процессами, также служит ее целям.

По мере развития личность должна принимать в себя все более широкие области бессознательного. Задача управляющих структур состоит в том, чтобы защищать личность от дезинтегрирующих сил коллективного бессознательного, не разрушая жизненно важного связующего звена с ним, и в том, чтобы обеспечить дальнейшее существование индивида, не нарушая его контакты с группой и миром.

Формирование персоны в качестве защиты от коллектива и средства адаптации к нему подробно описано Юнгом,[23] но объяснение происхождения анимы и тени представляется более сложной задачей.

Значительная часть тени также является результатом коллективной адаптации. Она включает в себя все те элементы личности, которым Эго придает отрицательное значение. Эта избирательная оценка коллективно определяется классом ценностей существующего культурного канона индивида. Насколько его положительные ценности относятся только

к определенной культуре, настолько же тень, вмещающая его негативные ценности, будет относительна.

Но тень только наполовину принадлежит Эго, так как она является частью личного бессознательного и, как таковая, частью коллективного. С другой стороны, она констеллируется также фигурой Противника в коллективном бессознательном, и значение тени как управляющей структуры заключается именно в ее промежуточном положении между личным сознанием и коллективным бессознательным. Ее действие на личность в целом заключается в компенсировании Эго. Представляется, будто бы центроверсия навесила на честолюбивые порывы Эго-сознания с его враждебностью к телу свинцовый груз тени, которая хорошо заботится о том, чтобы не было никаких попыток "достать до луны", и за тем, чтобы коллективные, исторические и биологические условия человека не остались без внимания обобщающей и стабилизирующей позиции сознательного ума. Таким образом, тень предотвращает диссоциацию той личности, которая всегда является результатом гипертрофии сознания и чрезмерной акцентуации Эго.[24]

Формирование тени идет рука об руку с интроекцией Противника, фигуры, которую мы уже встречали, когда говорили о психологии мифов. Ассимиляция зла и инкорпорация агрессивных тенденций всегда сосредотачиваются на тени. "Темный брат" в такой же мере является символом теневой стороны, как и дикая душа примитивных людей.[25] Только инкорпорируя эту темную сторону, личность становится в позицию защиты. Зло, независимо от того, по каким культурным канонам оно оценивается, является необходимой составной частью индивидуальности, формой ее эгоизма, готовности защищаться или атаковать и, наконец, способности отличать себя от коллектива и сохранять свое "отличие" перед лицом уравнивающих требований общины. Тень укореняет личность в глубинах бессознательного, и это темное связующее звено с архетипом Проводника, то есть Дьявола является, в самом глубоком смысле, частью творческой бездны каждой живущей личности. Вот почему в мифах тень часто появляется как брат-близнец, ибо это не просто «брат-соперник», но также спутник и друг, и иногда трудно сказать, является этот брат-близнёц тенью или самостью, бессмертным "другим" . Этот парадокс подтверждает истинность древнего закона, что верхнее и нижнее отражают друг друга. Действительно, в психологическом развитии самость скрыта за тенью; тень — "хранитель ворот ,[26] страж порога. Путь к Самости лежит через тень, за темным аспектом, которой она представляет стоит аспект целостности, и только подружившись с тенью, мы обретаем дружбу с самостью

Некоторые культурные осложнения, вытекающие из конфликта между Эго и тенью, и даже еще в большей мере между, обществом и теневой стороной индивида, мы обсудим в другом месте.[27]

Этих нескольких замечаний по психологии тени должно быть достаточно. Подобным же образом мы можем отважиться сделать только несколько замечаний относительно формирования другой управляющей структуры, известной как образ души или аним-анимус.[28]

Если мы рассмотрим последовательность: Уроборос, Великая Мать, Принцесса — то заметим устойчивый прогресс от чудовищного смешения и парадоксальности к ясному человеческому образу освобождённой пленницы. Чем глубже мы возвращаемся назад, тем более сложными, смутными и нёпостижимо загадочными становятся особенности последовательности но по мере нашего приближения к Эго они обретают все большую

определенность и между ними начинают прослеживаться многочисленные точки соприкосновения.

Это похоже на одну из тех картин, которые, пока не окажутся точно в фокусе, кажутся не имеющими очертаний и приводят в крайнее замешательство, но обретают форму в том случае, если наблюдатель находится на нужном расстоянии. Теперь становятся различимыми фигуры, объемы, отношения, ранее расплывчатые и неразборчивые. Развитие сознания более или менее аналогично этому изменению видения; действительно, кажется, что способность постигать раздельные формы и значения там, где ранее не было ничего, кроме неопределенности и мрака, непосредственно зависит от того, на какое расстояние удалось отойти сознанию.

С освобождением анимы из-под власти уроборического дракона, в структуру личности героя встраивается женский компонент. Ему передается его женский двойник, по существу подобный ему самому, будь то реальная женщина или его собственная душа, и способность Эго устанавливать связь с этим женским компонентом является самой ценной частью сокровища. Именно в этом заключается различие между Принцессой и Великой Матерью, с которой невозможны никакие взаимоотношения на равных. В результате объединения мужского и женского, внутреннего и внешнего, возникают культурный герой и основатель царств, семья или творческая работа.

Обратная связь с Великой Матерью, с землей и началом, проходит через Принцессу-аниму, ибо она изображает первичный хаос женского в измененной, личной форме. Только в ней женщина становится партнершей мужчины. Его помощь по существу состоит в освобождении Принцессы из-под власти дракона или в избавлении ее от маски дракона, которая искажает ее и ее человечность, как это иллюстрируют многочисленные мифы и народные сказки, затрагивающие тему освобождения от чар.

Значительная часть фигуры анимы формируется посредством фрагментации архетипа уроборической матери и интроекции его положительных аспектов. Мы видели, как этот архетип постепенно расщепляется на группу архетипов. Например, такие качества как добро и зло, старое и молодое в уроборосе и Великой Матери существуют одновременно, но в ходе развития "молодая" Принцесса, или анима отщепляется от "старой" матери, которая по прежнему продолжает играть свою специфическую роль добра и зла в бессознательном.

Анима является символической и архетипической фигурой и состоит из магических, притягательных и опасно чарующих элементов которые несут с собой как безумие, так и мудрость. Ей присущи человеческие, животные и божественные черты, она может принимать соответствующие формы как тогда, когда она зачарована, так и тогда, когда чары с нее сняты. Как душа она может быть определена лишь в той мере, в какой мужчина может определить женщину; и все же, хотя по своей значимости и силе она превосходит человека, в конце концов она входит в человеческую сферу, становится «Ты» с которым может общаться "я", и перестает быть просто идолом, требующим поклонения.

С своими смешаннными архетипическими и личностными характеристиками анима располагается на границах личности, но как один из ее "влиятельных источников" она представляет собой ассимилируемую часть структуры.

Когда, к примеру, в процессе индивидуации фигура анимы ослабевает и становится функцией взаимосвязи между Эго и бессознательным,[29] мы имеем пример

фрагментации и ассимиляции архетипа, историческое значение которого для эволюции сознания мы пытались описать.

Только установив связь с реальностью души — освобожденной пленницей — мы можем сделать связь с бессознательным поистине творческой, ибо творчество во всех его формах всегда является продуктом слияния маскулинного мира. Эго-сознания и фемининного мира души.

Точно так же, как проекция самости на группу как коллективную самость формирует либидозную основу групповой психики, а отсюда и всей общественной жизни, [30] так и проекция анимы или анимуса является основой взаимоотношений полов. В одном случае всеобъемлющий символ самости проецируется на всеобъемлющую группу; в другом — образ души связанный тесными узами с Эго и личности, проецируется на более близкую фигуру женщины. Всегда, когда анима (и, mutatis mutandis*, анимус) бессознательна, она проецируется и посредством этого вовлекает индивида в человеческие взаимоотношения с носителем этой проекции, привязывает его через партнера к коллективу, заставляет его пройти через ощущение человеческого "ты", в то же самое время побуждая его частично осознать свою собственную бессознательную душу. Хотя самость и анима поначалу действуют как бессознательные силы, от широкого поля возможных соприкосновений они постепенно отделяют небольшие области, находящиеся ближе к Эго; в то время как сильные узы либидо, связывающие партнеров, ведут к поступательному сознательному постижению и таким образом подрывают бессознательное очарование.

Существование фигуры анимы или анимуса означает, что личность все еще имеет систему, основанную на сильных бессознательных мотивациях; но, судя по состоянию первичного человека, который в любой момент мог поддаться уроборическому растворению через participation mystique, этот компонент является сравнительно стабильной структурой, способной устоять перед натиском коллективного бессознательного. Таким образом, интуитивные силы психики, направляя и предупреждая об опасности, служат целям центроверсии. Когда анима появляется в своей высшей форме, как София, она ясно раскрывает эту свою основную функцию возвышенной партнерши и помощницы Эго.

Синтезирующая функция Эго

Однако воинственные или "героические" функции Эго не ограничиваются исключительно контролем бессознательного; нет необходимости задерживаться на том, что эти же функции так же служат для покорения внешнего мира, поскольку довольно очевидно, что подобная активность составляет основу западной науки Не менее важная функция Эго — синтезирующая, которая позволяет ему строить новое целое из "отщепленных" частей, посредством ассимиляции ранее разложенного и модифицированного аналитической функцией материала. Наша картина мира, в той мере, в какой мы имеем сознательную концепцию целого, представляет собой единство мира, трансформированного нами самими, мира, который когда-то поглощал все сознание, создавая бессознательное единство.

Мы описали ряд процессов, иллюстрирующих полярность и взаимодействие двух психических систем, их разделение и частичное воссоединение, их стремление к взаимному обособлению, и их обоюдную борьбу за власть друг над другом. Эти процессы были бы губительны для индивида, в котором они протекают, и угрожали бы самому его существованию, если бы они не контролировались и не уравновешивались стремлением к целостности, которое регулирует психофизиологическую гармонию и взаимодействие самих психических систем. Эту тенденцию мы представили ранее как концепцию

центроверсии. Она начинает работать всегда, Когда целому угрожает опасность господства бессознательного и его автономного содержимого или, наоборот, чрезмерной обособленности и переоценки системы сознания. С помощью компенсации, основного фактора всей органической и психической жизни, она связывает психику и физиологию в единое целое, а область ее действия простирается от уравновешенного метаболизма одноклеточных организмов до равновесия, существующего между сознанием и бессознательным.

Дифференциация сознания от бессознательного и индивидуального от вездесущего коллективного типична для человеческого вида. В то время как коллективное возникает из родового опыта и представлено коллективным бессознательным, индивидуальное укоренено в Эго, развитие которого в значительной степени проходит с помощью сознания. Обе системы объединены в единую психику, но одна вырастает из другой как филогенетически, так и онтогенетически. Эго является активным и действующим центром, но сознание, центром которого оно является, как орган представления и познания также обладает способностью различать процессы, протекающие в коллективном бессознательном и в теле.

Все объекты внешнего и внутреннего миров интроецируются как содержимое сознания и представляются там соответственно их целостности. Отбор, приведение в порядок, градация и размежевание представленного таким образом содержимого в значительной мере зависят от культурного канона, в рамках которого развивается сознание и которым оно обусловлено. Но для каждого индивида при любых обстоятельствах характерно создавать для себя сознательно констеллируемую и искусственно конструируемую картину мира, какой бы большой или малой она ни была по своему масштабу.

Сходство между Эго-сознанием и уроборосом является фундаментальным "семейного сходства" Это и самости, которое мифологически соответствует сходству отца и сына. Вследствие того, что психологически Это и сознание являются органами центроверсии, Эго по праву подчеркивает свое центральное положение. Этот основной факт человеческого состояния имеет своим мифологическим эквивалентом божественное рождение героя и его родство с "небом". То что мы склонны называть "антропоцентрическим" верованием примитивного человека в то, что существование мира зависит от его магических действий, и что его ритуалы управляют движением солнца, на самом деле является одной из глубочайших истин человечества. Сходство типа отец-сын между самостью и Эго проявляется не только в военных подвигах героя-сына, но и в синтезирующей способности сознания создавать новый духовный мир человеческой культуры по подобию божественного.

Эта синтезирующая функция, сосуществуя с аналитической, предполагает способность, на которую мы неоднократно обращали внимание: способность к объективизации. Эго-сознание, стоящее между внешним и внутренним миром объектов, и побуждаемое к непрерывным действиям интроекции, в силу регистрирующей и уравновешивающей функций, постоянно вынуждено держаться на расстоянии, и в конце концов наступает момент, когда оно становится обособленным даже от самого себя. В этом причина некой саморелятивизации, которая в форме скептицизма, юмора, иронии и чувства собственной относительности способствует высшей форме психической объективности.

В ходе этого процесса Эго-сознание доказывает свое отличие от всех других неполных психических систем — одной из которых является — избавляясь от фанатичной одержимости самим собой, которая симптоматична для первостепенного стремления каждой системы к самосохранению. Именно эта растущая склонность к размышлению,

самокритике и стремлению к истине и объективности позволяет сознанию составить лучший и более адекватный образ даже тех позиций, которым оно противостоит. Это облегчает самообъективизацию, и в конце концов, достигая пика своего развития, сознание усваивает, как ему отказаться от своей эгоцентричности, и позволяет целостности психики, самости, интегрировать себя.

Синтезирующая активность, абсолютно необходимая для интеграции "самостноцентричной" личности, является одной из элементарных функций сознания. Она является прямым следствием центроверсии и ее синтезирующих влияний. Однако новым и решающим фактором здесь выступает то, что синтез, осуществляемый Эго, является сознательным: другими словами, новое единство не остается на биологическом уровне, а поднимается на психологический. Одним из желаемых качеств этого синтеза является завершенность.

Представляется, что процесс интеграции в ходе второй половины жизни указывает на то, что стабильность личности определяется масштабом достигнутого ею синтеза. Требования центроверсии удовлетворяются только тогда, когда синтез материала достигает необходимой степени законченности; затем центроверсия проявляется в выведении самости в центр личности, со всеми сопутствующими явлениями.

Интеграция личности эквивалентна интеграции мира. Точно так же, как не имеющая центра психика, которая рассредоточена в сопереживании и соучастии, воспринимает только рассеянный и хаотичный мир, так и мир сам констеллирует себя в иерархическом порядке вокруг интегрированной личности. Соответствие между картиной мира человека и формированием личности простирается от самого нижнего уровня к самому высшему.

Только теперь, когда разделение личности на две системы изжило себя, единство психики восстанавливается посредством синтезирующей работы сознания, но на более высоком уровне интеграции. Теперь достигается призрачная цель сражения с драконом — бессмертие и вечность. В результате перемещения центра с Эго на самость, сокровеннейшего момента процесса индивидуации, преходящий характер Эго релятивизируется. Личность уже больше не отождествляется полностью с эфемерным Эго, а ощущает свою частичную тождественность с самостью, независимо от того, принимает ли это ощущение форму "богоподобности" или форму "следования богу" (приверженности),[31] о чем говорят мистики. Переживая свою нетождественность Эго, личность одерживает победу над смертностью, за которую цепляется эгоцентризм. Но это как раз и является высшей целью мифа о герое. В победоносной борьбе герой доказывает свое божественное происхождение и достигает состояния, имеющего первостепенное значение и ради которого он вступил в сражение. Это состояние выражается мифологической формулой "Я и Отец едины"

[2] Alfred Adler, The Neurotic Constitution.

[3] The Idea of the Holy.

[4] Юнг, Психологические аспекты архетипа матери.

[5] Frazer, Adonis, Attis, Osiris (в The Golden Bough).

[6] The Philosophy of Symbolic Forms.

[7] Jung, "On Psychophysical Relations of the Associative Experiment", "The Association Method" and Studies in World Association.

[8] "Nature", trans. By T.H.Huxley, from the Metamorohosis of Plants.

[9] Подавленный компонент играет важную компенсаторную роль в других областях коллективной культуры человека. Он также образует специфическую характеристику бессознательного, независимо от функционального типа индивида или его позиции. Специфическая атмосфера и окраска бессознательного, его очарование, та невыразимая привлекательность и отвращение, которые мы чувствуем по отношению к нему, и коварное воздействие, которое оно оказывает на Эго, независимо от содержимого — все это — проявления динамических компонентов бессознательного .

[10] Cassirer, op.cit.; Levy-Bruhl, How Natives Think.

[11] Юнг, Психологические типы, опр. 23.

[12] Основано на цитате из Burnet, Early Greek Philosophy, p. 119.

[13] Поэтому первые историографы пытались поставить индивидуального героя в один ряд с архетипом первичного героя и таким образом создать что-то типа мифологизированной историографии. Примером этого является христианизация фигуры Иисуса, где все мифические черты, свойственные архетипу героя и спасителя, были внесены позднее. Процесс мифологизации является прямой противоположностью вторичной персонализации, но здесь, как и там, центр тяжести фигуры героя смещен к человеческой активности Эго (см. AJeremias, Handbuch der al-torientalischen Geisteskultur, p.205.)

[14] Moret, The Nile, p.362.

[15] Дефляция бессознательного, его "свержение с престола" патриархальной тенденцией развития сознания, тесно связаны со снижением статуса женщины при патриархате. Этот факт будет детально рассмотрен в моей следующей работе по женской психологии; здесь необходимо отметить только одно: психологическая стадия, которой управляет бессознательное, является, как мы видели, матриархальной, ее символом является Великая Мать, которая побеждается в борьбе с драконом. Ассоциация бесознательного с женским символизмом архетипична, а материнский характер бессознательного еще больше усиливает фигура анимы, которая в мужской психике представляет душу. Поэтому героически-маскулинная направленность этого развития имеет свойство путать "прочь от бессознательного" с "прочь от женского" в целом. Это стремление к патриархальному сознанию отражается в подавлении женских лунных мифов мужскими солнечными мифами и может быть прослежена далеко вглубь психологии примитивного человека. Мифы о луне, даже когда луна маскулинная, всегда указывают на зависимость сознания и света от ночной стороны жизни, то есть бессознательного. В случае патриархальных солнечных мифологий это уже не так. Здесь солнце — это не утреннее солнце, рожденное ночью, а солнце в зените, в самый полдень, символизирующее маскулинное сознание, которое ощущает себя свободным и независимым даже в своих отношениях с самостью, то есть с созидательным миром неба и духа.

[16] См. Герхард Адлер Вклад К. Г. Юта в современное сознание.

[17] Спуск происходит из сознания в бессознательное, что меняет порядок творческого процесса на обратный, который начинается в бессознательном и направлен вверх. Проявления бессознательного в форме образов, идей, мыслей и т. п. воспринимаются Эго как приятные. Радость творческого процесса возникает из слияния сознания с либидо, до этого бессознательно активировавшегося содержимого. Удовольствие и обогащение либидо, являющееся результатом сознательного постижения и творчества, симптоматичны для синтеза, в котором временно устраняется полярность двух систем, сознательной и бессознательной.

[18] Юнг, Психология и алхимия.

[19] Soeur Jeanne, Memoiren einer Besessenen.

[20] Психологические аспекты архетипа матери.

[21] К. Г. Юнг Отношение между Я и бессознательным.

[22] "Обзор теории комплексов".

[23] К Г. Юнг Отношение между Я и бессознательным.

[24] Эту же проблему символически иллюстрирует алхимический рисунок из Viridarium chymicum of Daniel Stolcius de Stolcenberg (Frankfort 1624; перепечатано из Michael Maier, Symbola aurea, Frankfort, 1617), изображающий Авиценну с орлом, к которому прикована жаба. См. Read, Prelude to Chemistry, pi.2, ii. .

[25] Benedict, Patterns of Culture; Mead, Sex and Temperament in Three Primitive Societies.

[26] Юнг. Архетипы коллективного бессознательного. См. также анализ детства Моисея в "О перерождении".

[27] Приложение II; а также моя Depth Psychology and a New hthic.

[28] Здесь я не касаюсь "психологии женщины" и того, насколько она отклоняется от психологии мужского Эго.

[29] Юнг Отношение между Я и бессознательным.

[30] См. Приложение!.

[31] [Иудейское "dw'kut". Корень "с/да/г" одинаков с корнем слова dybbuk , демон, который "прилипает" к человеку. — I . Адлер.].

С. Равновесие и кризис сознания
Компенсация отделенных систем: культура в равновесии

В Приложении I мы прослеживаем некоторые из направлений развития, ведущие от первоначального группового состояния к коллективу, состоящему из более или менее индивидуализированных личностей, и в то же самое время пытаемся показать роль Выдающейся Личности, которую мифы изображают в лице героя. Этому развитию соответствует другое, приводящее к завершению дифференциации сознания из бессознательного, их разделение на две системы и освобождение Эго-сознания.

Здесь мы оставляем сферу человека примитивной культуры и вступаем в область цивилизации, и теперь мы должны обсудить культурные проблемы, возникающие из-за разделения двух систем.

Первая часть настоящего раздела, касающаяся "культуры в равновесии", дает предварительный набросок той ситуации, когда психическое здоровье коллектива обеспечивается "природой" вследствие действия тех же компенсаторных тенденций человечества, существование которых можно показать и в индивидуальной психике.

Вторая часть так же предварительно демонстрирует, насколько тревожность и болезненность нашей культуры обусловлены тем, что разделение систем -само по себе неизбежный продукт эволюции -привело к расколу и тем самым вызвало психический кризис, катастрофические последствия которого отражаются на современной истории.[1]

Мы подчеркивали, что в эволюции человечества "священное" и "небесное" предшествуют процессам, которые впоследствии повторяются в каждом индивиде. Значительное несоответствие между Эго-сознанием, с одной стороны, и миром и бессознательным, с другой, делает настоятельным оказание помощи Эго, если роль индивида и его Эго-сознания действительно так важна для вида в целом, как мы полагаем. Эта помощь предоставляется индивиду, как внутри так и снаружи, при условии, что созревающее Эго следует примеру множества героических подвигов и сражений с драконом, которые человечество в целом свершило до него. Или скорее было бы более правильно сказать, что индивид должен испытать на себе все героические деяния, которые свершило человечество, подражая Выдающимся Личностям, первым героям или творцам, достижения которых стали частью коллективного человеческого наследия. В виде культурной части своих ценностей, коллектив передает созревающему индивиду такое содержимое, которое усиливает рост человеческого сознания, и противодействует всем развитиям и позициям, которые идут вразрез с этим процессом. Как инструмент духовной традиции, коллектив априори поддерживает заложенные внутри архетипические паттерны и реализует их посредством воспитания.

Воспитательные требования коллектива вместе с необходимостью адаптироваться к этим требованиям вместе составляют одну из самых важных поддержек в борьбе Эго за независимость. "Небо" и мир отцов теперь образуют Суперэго или совесть, которые как другая "управляющая структура" в рамках личности представляют коллективные сознательные ценности, однако они варьируют в зависимости от типа коллектива и его ценностей, а также от стадии развития сознания, достигнутой коллективом.

Мы уже указывали значение неба и маскулинности для борьбы героя. Здесь мы еще раз должны подчеркнуть, что в раннем детстве отец, который представляет коллектив, становится носителем комплекса власти, связанного с коллективными ценностями, и что позднее, в подростковый период, эту представительскую роль берет на себя мужское общество. Оба представительства оказывают большую поддержку в борьбе с драконом, которая в детстве и в подростковый период определяет психическое состояние нормального Эго.[2]

Коллектив предоставляет в распоряжение Эго сознательный мир ценностей, соответствующий культурным традициям группы. Однако одностороннее развитие Эго-сознания будет только усиливать опасность диссоциации двух систем и таким образом ускорять психический кризис. Поэтому каждому коллективу и каждой культуре присуща

врожденная тенденция устанавливать равновесие между своими собственными позициями и позициями индивида, который является их частью.

Эти уравновешивающие тенденции культуры, как правило, действуют через те сферы, где коллективное бессознательное непосредственно затрагивает жизнь общества, а именно, через религию, искусство и церемониальные виды деятельности группы, связанные с ними: ведение войны, празднества, процессии, собрания и т.п.

Значимость этих сфер для культурного равновесия заключается в том, что они обеспечивают единство психических функций, предотвращая раскол между сознанием и бессознательным.

В этой связи мы должны прояснить роль символа для сознания. Мир символов образует мостик между сознанием, борющимся за то, чтобы освободить и систематизировать себя, и коллективным бессознательным и его трансперсональным содержимым. До тех пор, пока этот мир существует и продолжает действовать через различные ритуалы, культы, мифы, религию и искусство, он не дает двум сферам расколоться, потому что в результате действия символа одна сторона психической системы постоянно воздействует на другую и устанавливает с ней диалектические взаимоотношения.

Как показал Юнг,[3] символ способствует переходу психической энергии из бессознательного, чтобы она могла быть использована сознательно и обращена на практические цели. Он описывает символ как "психологическую машину", которая "трансформирует энергию".[4]

В ранних культурах бессознательное состояние примитивного человека являлось обычной нормой, привычной привязкой его либидо к миру в participation mystique, состоянии, в котором протекала его естественная жизнь. Благодаря символу энергия освобождается из этой связи и становится доступной для сознательной активности и работы. Символ является трансформатором энергии, преобразующим либидо в другие формы, и только это позволяет примитивному человеку вообще чего-либо достичь. Именно поэтому любая его деятельность должна начинаться и сопровождаться разнообразными религиозными и символическими мероприятиями, будь то земледелие, охота, рыбная ловля или любая другая "необычная" работа, не выполняемая ежедневно. "Необычным видом деятельности" можно начать заниматься только с помощью зачаровывающего, захватывающего либидо и поглощающего Эго влияния символа.

Те же самые условия остаются справедливыми и для современного человека, только мы не в такой мере осознаем их. "Освящение" непривычной деятельности до сих пор остается лучшим способом, чтобы вытащить человека из колеи повседневности и подготовить его для выполнения необходимой работы. Например, превращение мелкого служащего в ответственного командира несущей смерть эскадрильи бомбардировщиков является, наверное, самой радикальной психической трансформацией, которая только может потребоваться от современного человека. Такая метаморфоза нормального миролюбивого гражданина в воина даже сегодня возможна только с помощью символов. Такая трансформация личности достигается посредством обращения к символам Бога, Короля, Отечества, Свободы, "самого священного блага для нации" и с помощью пронизанных символизмом посвящающих действий, с дополнительным привлечением всех элементов религии и искусства, лучше всего приспособленных для того, чтобы взволновать индивида. Только таким образом оказывается психологически возможным

направить психическую энергию из "естественного русла" мирной личной жизни на "непривычное дело" убийства.

Подобно индивидуальному символу, социальный символ, имеющий силу для группы, "никогда не происходит исключительно из сознательного или исключительно из бессознательного", а возникает при "равном взаимодействии обоих". Поэтому символ имеет рациональную сторону, "которая находится в согласии с разумом", и другую сторону, "которая недоступна разуму, так как состоит не только из данных рационального характера, но также из иррациональных элементов внутренней и внешней перцепции".[5]

Поэтому чувственный, фигуральный компонент символа — компонент, берущий свое начало от ощущения или интуиции, иррациональных функций — невозможно постичь разумом. В то время как это совершенно очевидно для таких простых символов, как флаг, крест и т.п., это также верно и в отношении более абстрактных идей в той мере, в какой они затрагивают символические реалии. Символическое значение понятия "Отечество", например, превышает рациональный элемент, который, несомненно, входит в него, и именно бессознательный эмоциональный фактор, который всегда активируется при обращении к Отечеству, показывает, что этот символ является преобразователем энергии, который силой очарования отклоняет либидо от его привычного курса.

Короче говоря, в отношении примитивного и современного человека символ действует по-разному.[6] Исторически символ привел к развитию сознания, адаптации к реальности и открытию объективного мира. Теперь, например, известно, что священные животные появились "до" животноводства, точно так же, как священный смысл вещи, как правило, древнее его мирского значения. Ее объективное значение постигается только впоследствии, после разгадки символического значения.

В ранний период рациональный компонент символа имел решающее значение, так как именно в этот момент взгляд человека на мир переходил от символического к рациональному. Продвижение от дологического мышления к логическому также идет через символ, и можно показать, что философское и научное мышление развивалось из символического, постепенно освобождаясь от эмоционально-динамических компонентов бессознательного.

В связи с тем, что примитивный человек проецирует свое бессознательное содержимое на мир и его объекты, они представляются ему пропитанными символизмом и заряженными маной, и вследствие этого его внимание фокусируется на мире. Его сознание и воля слабы, их тяжело расшевелить; его либидо растворено в бессознательном и доступно для Эго только в небольших количествах. Но символ как объект, оживленный проекцией, очаровывает и, в той мере, в какой он "овладевает" человеком и "волнует" его, приводит в движение его либидо, а вместе с ним и всего человека. Это активирующее действие символа, как подчеркивал Юнг, [7] является важным элементом всех без исключения культов. Тяжелая, нудная сельскохозяйственная работа производилась благодаря символическому оживлению земли, точно так же как лишь символическая одержимость в ритуале входе делает возможной любую активность, требующую больших количеств либидо.[8]

Однако символ также является выражением духовной стороны, формирующего принципа, находящегося в бессознательном, ибо "дух появляется в психике как инстинкт", как «принцип своеобразия».

Что касается развития человеческого сознания, эта духовная сторона символа является исключительным решающим фактором. Кроме своего "захватывающего" аспекта, символ имеет также смысловой аспект: он более чем знак; он передает значение, он что-то обозначает и требует интерпретации. Именно этот аспект взывает к нашему пониманию и побуждает нас к размышлению, а не только к чувству и эмоциональности. Эти два аспекта, действуя в символе совместно, составляют его специфический характер, отличный от характера знака или аллегории, которые имеют фиксированные значения. До тех пор, пока символ является живой и действенной силой, он выходит за рамки способностей сознания к постижению и "выражает существенный бессознательный компонент,[9] что является той самой причиной, по которой он так притягателен и волнующ. Сознание продолжает возвращаться к нему и зачарованно кружит вокруг него, обдумывая и размышляя, таким образом завершая circumambulatio повторяющийся в таком множестве полных драматизма обрядов и религиозных церемоний.

В "символической жизни"[10] Эго не принимает содержимого рациональной стороной сознания, чтобы затем приступить к его анализу, разбивая и усваивая его по частям; скорее, вся психика открывается воздействию символа, позволяет ему пронзить и "взволновать" себя. Это пронизывающее свойство затрагивает всю психику, а не только сознание.

Образы и символы, будучи творческими продуктами бессознательного, представляют собой множество выражений духовной стороны человеческой психики. В них, будь то видение, сновидение, фантазия или же внутренний образ, видимый снаружи, как например зримое/проявление бога, выражают себя как обозначающие и "передающие смысл" тенденции бессознательного. Внутреннее "выражает" себя через символ.

Благодаря символу сознание человека становится одухотворенным и в конце концов приходит к самосознанию:

"Человек может постичь и познать свое собственное существо только в той степени, в какой он может сделать его видимым в образе своих богов".[11]

Миф, искусство, религия и язык — все это символические выражения творческого духа человека; в них этот дух принимает объективную, ощутимую форму, сознавая себя через осознание его человеком.

Но "передающая смысл" функция символов и архетипов имеет также и мощную эмоциональную сторону, и эмоциональность, которую они пробуждают, также является направленной; то есть, она обладает смысловым и организующим характером. Как говорит Юнг:

"Любое отношение к архетипу, переживаемое или просто именуемое, "задевает" нас; оно действенно потому, что пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный. Говорящий праобразами говорит как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечносущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким путем высвобождает в нас все те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от любых опасностей и превозмогать даже самую долгую ночь".[12]

Таким образом, одержимость архетипом несет с собой одновременно значение и освобождение, так как он высвобождает часть эмоциональных сил, запертых вследствие развития сознания и возникших в результате изъятия эмоциональных компонентов. Кроме

того, в этих ощущениях — как мы видели, первоначально коллективных — и благодаря им, происходит реактивация групповой психики, прекращающую, по меньшей мере временно, изоляцию индивидуального Эго.

Одержимость архетипом снова связывает индивида с человечеством: он окунается в поток коллективного бессознательного и преобразуется вследствие активации своих собственных коллективных пластов. Вполне естественно, что такое ощущение первоначально являлось священным событием и праздновалось группой как коллективное явление. Подобно религиозным празднествам, которые были и до сих пор остаются преимущественно групповыми явлениями, искусство также раньше являлось коллективным явлением. Искусство, поскольку оно имеет отношение к отображению архетипических символов в танце, пении, скульптуре и пересказе мифов, всегда было тесно связано с сакральной сферой, оно сохранило свой коллективный сакральный характер даже в более поздние времена, как мы можем видеть из греческой трагедии, средневековых пьес-мистерий, церковной музыки и т. п. Только постепенно, с развитием индивидуации, перестает проявляться его коллективный характер, и индивидуальный поклонник, зритель или слушатель, выходит из группы.

Культура нации или группы определяется действием в рамках ее архетипического канона, который представляет ее высочайшие и глубочайшие ценности и который организует ее религию, искусство, праздники и повседневную жизнь. До тех пор, пока культура находится в состоянии равновесия, индивид надежно защищен культурным каноном, питается его жизненной силой, но и прочно удерживается им.

То есть, пока он окружен культурой своей группы, его психическая система уравновешена, потому что его сознание защищает, развивает и обучает традиционный "небесный мир", продолжающий жить в коллективных ценностях, а его сознательную систему компенсируют архетипы, воплощенные в проекциях религии, искусства, обычая и т. п. Всегда, когда возникает критическая ситуация, индивидуальная или коллективная, мгновенно происходит обращение к носителям канона. Будут ли это жрецы, пророки и священники или комиссары, вожди, министры и должностные лица — зависит от канона, а также от того, основаны ли его главные положения на демонах, духах, богах, единственном Боге или на идее дерева, камня, животного, священного места и так далее.

В любом случае психологическим следствием такого обращения будет равновесие, вызванное переориентацией на превалирующий канон и воссоединением с коллективом, и в результате этого — преодоление кризиса. До тех пор, пока сеть ценностей остается доступной, средний индивид находится в безопасности в своей группе и своей культуре. Другими словами, существующих ценностей и существующих символов коллективного бессознательного достаточно, чтобы обеспечивать психическое равновесие.

Все символы и архетипы являются проекциями формирующей стороны человеческой сущности, создающей порядок и определяющей значение. Поэтому символы и символические фигуры являются доминантами каждой цивилизации, как ранней так и поздней. Они — кокон значения, который человечество сплетает вокруг себя, и все исследования и интерпретации культуры являются исследованием и интерпретацией архетипов и символов.

Коллективное воспроизведение ключевых архетипов в религиозных празднествах и в связанных с ними видах искусства придает смысл жизни и насыщает ее эмоциями, высвобождаемыми надличностными психическими силами, стоящими на заднем плане. Наряду с религиозным и сакральным восприятием архетипов следует также принять во

внимание их эстетическое и катарсическое действие, если пренебречь примитивными состояниями одержимости, вызываемыми опьяняющими напитками, сексуальными излишествами или садистсткими оргиями. Здесь мы снова можем проследить постепенное изменение направления развития.

Поначалу все подчинено бессознательному эмоциональному давлению символов, появляющихся в ритуале, цель которого заключается в их представлении и "введении в действие". В древних церемониях коронации, например, символ и ритуал все еще остаются полностью тождественными достойной подражания жизни короля. Позднее церемония принимает форму священнодействия, "разыгрываемого" коллективом для коллектива, хотя оно все еще наделено всей силой магии и ритуальной действенности.

Постепенно смысл символа выкристаллизовывается, обособляется от действия и становится культурным содержимым, доступным сознательному постижению и интерпретации. Хотя ритуал исполняется как и прежде, он превращается в что-то вроде игры, несущей значение — как, например, обряды инициации — и интерпретация представленных в нем и вводимых в действие символов становится существенной частью посвящения. Таким образом, акцент смещается на сознательную ассимиляцию и укрепление Эго.[13]

Закон компенсации продолжает действовать как выражение центроверсии во всей области культуры до тех пор, пока эта культура находится "в равновесии". Компенсация коллективного посредством вмешательства надличностных компонентов культурного канона и их влияния на религию, искусство и обычай никоим образом не является только "ориентирующей", то есть, определяющей значение и ценность; она также несет с собой эмоциональную свободу и перенастройку. Эта эмоциональная компенсация становится все более и более важной по мере того, как увеличиваются дифференциация и специализация системы сознания.

Показательную аналогию можно видеть в сновидениях - компенсации сознания, которую направляет центроверсия. Необходимое для сознания содержимое предоставляется ему в сновидении под руководством центроверсии, которая стремится установить равновесие и пытается исправить отклонения, односторонность и оплошности, угрожающие целому.

Сновидение, если оно понято, изменяет сознательную ориентацию и, кроме того, вызывает перенастройку сознания и личности. Эта перенастройка проявляется в полном изменении позиции — после сна, например, мы просыпаемся освеженными, бодрыми, полными энергии, или, опять же, мы можем проснуться подавленными и не в духе, апатичными или возбужденными. Представляется также, что может быть изменен и эмоциональный заряд содержимого сознания. Неприятное содержимое вдруг кажется восхитительным и потому существенно иным; вещи, которые привлекали нас ранее, кажутся бесцветными, наши желания внушают нам отвращение, недостижимое становится настоятельной необходимостью и так далее и тому подобное.[14]

Таким образом, эмоциональная перенастройка сознания вызывает бессознательную переориентацию его активности. У больных людей перенастройку осуществляют бессознательные констелляции, которые, будучи не встроенными в целостную структуру, могут расстроить и, возможно, даже разрушить жизнь, но у здорового человека перенастройка направляется центроверсией, и в этом случае эмоциональность — это все то, что положительно стимулирует человека и приводит его в движение, притягивает или отталкивает. Там, где этого нет, существует только апатия: мертвые знания, мертвые

факты, бессмысленные данные, несвязанные, безжизненные детали и безжизненные взаимоотношения. Но когда появляется эмоциональный компонент, он вызывает поток либидо, который пробуждает интерес, новые констелляции и новое психическое содержимое снова приходят в движение. Этот интерес может выражаться преимущественно бессознательно, как что-то вроде направляющей эмоциональности; ибо интерес, который мы можем направлять сознательно, является лишь небольшим притоком основного бессознательного потока, протекающего сквозь психику и регулирующего ее жизнь.

Этот эмоциональный поток жизненной энергии в культуре направляется архетипами, включенными в культурный канон группы. Эмоциональность остается жизненной силой и преобразует индивида, даже несмотря на то, что она более или менее ограничивается привычными путями, установленными общественным обычаем и порядком.

Однако коллективные церемонии группы не являются единственной сценой игры надличностных сил. Нормальная жизнь индивида также включена в переплетение символов. Все важные по своей природе периоды жизни — рождение, совершеннолетие, супружество и т.п. — выделяются и отмечаются. Так как они считаются коллективными и надличностными, то есть выходящими за рамки чисто индивидуального, то сакрализуются, вступая в контакт и соотносясь с культурным каноном архетипов.

Это соприкосновение с великими процессами природы регулирует и поддерживает жизнь группы и индивида. Космические празднества, устраиваемые в честь солнца и луны, торжественные годовщины, придающие жизни священные смысл и направление, привязывают людей к историческим событиям, составляющих человеческую историю коллектива. Повсюду жизнь изобилует священными временами, священными местами, священными днями. Ландшафт усеян святилищами, храмами, церквями, памятниками и мемориалами, отмечающими место, где в нашем временном пространстве оставили отпечаток своего архетипического содержимого религия и искусство, и повсюду надличностный ценностный канон отражается на обществе, в котором он господствует. Подобным же образом время также оказывается пронизанным цепью знаменательных дней с их торжественными празднествами — это драмы, состязания, праздники осени и весны, таинства и обряды, в которых космическая жизнь переплетается с земной.

И все же священная, волнующая сила трансперсонального затрагивает жизнь индивида еще более интимно и в более глубоком смысле. Рождение и смерть, зрелость, супружество и рождение ребенка повсюду являются "священными" для человека, точно так же, как болезнь и выздоровление, радость и горе предоставляют ему возможность связать свою собственную судьбу с тем, что превосходит его. Повсюду соприкосновение с архетипами видоизменяет чисто личностный мир.

У нас нет желания приводить здесь массу подробностей, демонстрирующих, каким образом непрерывный приток надличностной жизни обеспечивает жизнеспособность индивидуальной.[15] Нас интересует здесь только основная ситуация, а именно: до тех пор, пока культура сохраняется "в равновесии", окруженный ею индивид обычно находится в адекватных взаимоотношениях с коллективным бессознательным, даже если это всего лишь взаимоотношения с архетипическими проекциями культурного канона и его высшими ценностями.

Организация жизни в этих рамках препятствует — для нормального человека -- любому опасному вторжению со стороны бессознательного и обеспечивает ему сравнительно высокую степень внутренней безопасности, позволяя вести упорядоченное

существование в системе мира, где человеческое и космическое, личностное и надличностное — все соединяется друг с другом.

Исключениями из этого правила однако исключениями, от которых зависит общество - являются "аутсайдеры", те, кто входит в обширную категорию людей, которых миф изображает как героев, Выдающихся Личностей.

Диалектическая _игра между Выдающейся Личностью и коллективом продолжается и сегодня. Единственное, что имеет значение Для такого человека, — это экстраординарное. Он должен побороть привычное, потому что оно представляет власть старого, ограничивающего его порядка. Но преодолеть нормальную жизнь – жизнь негероическую – всегда означает принести в жертву привычные ценности и, таким образом вступить в конфликт с коллективом. Если затем герой прославляется как носитель культуры, спаситель и.т.д. то как правило только после того как, коллектив

Его уничтожил. Мифологическое восхождение героя на трон верно только в надличностном отношении. Он и мир его ценностей могут победить и прийти к власти, но довольно часто он так и не доживает до того, что 6ы лично этой властью воспользоваться.

Герой, или Выдающаяся Личность — это всегда и в первую очередь человек с непосредственным внутренним восприятием, провидец, художник, пророк или революционер, который видит, формулирует, постигает, излагает и реализует новые ценности, "новые образы". Его деяния направляет "голос", уникальное внутреннее высказывание самости, абсолютно непреложное "повеление". В этом заключается неординарность ориентации такого индивида. Не только канон всегда "основывается", насколько мы можем судить, в соответствии с откровениями, провозглашенными голосом, но и сама способность слышать голос часто становится интегральной частью канона, как в случае духов-хранителей американских индейцев или когда индивид должен выбрать свой собственный индивидуальный тотем. Даже когда человек патологически подавлен спонтанной активностью коллективного бессознательного и с психически неуравновешенным умом провозглашает волю надличностного, он все равно считается святым именно потому, что он душевнобольной. Человечество с глубокой психологической проницательностью видит в нем жертву сильных мира сего, освященную тем, что ее "коснулось" надличностное.

Мы не можем здесь останавливаться на том, чем является одержимость творческого индивида — результатом активности коллективной психики, его собственного сознания, или же она обусловлена чрезмерностью или недостаточностью его собственной психической системы. Все эти возможности существуют, но их можно изучить только в отдельном исследовании проблемы творческих способностей. Важно, однако, что архетипический канон всегда создаётся и рождается на свет эксцентричными личностями. Они - основатели религии, сект философий, практических наук, идеологий и духовных течений, под защитой которых коллективный человек живёт без необходимости вступать в контакт с первоначальным огнём прямого откровения или испытывать муки творчества .

Говоря о компенсаторной функции творческого искусства, Юнг пишет:

"Здесь кроется социальная значимость искусства: оно неустанно работает над воспитанием духа времени, потому что дает жизнь тем фигурам и образам, которых духу времени как раз всего больше недоставало. От неудовлетворенности современностью

творческая тоска уводит художника вглубь, пока он не нащупает в своем бессознательном того прообраза, который способен наиболее действенно компенсировать ущербность и однобокость современного духа. Он прилепляется к этому образу, и по мере своего извлечения из глубин бессознательного и приближения к сознанию образ изменяет и свой облик, пока не раскроется для восприятия человека современности".[16]

Герой является человеком творческим не в том смысле, что он приукрашивает и расцвечивает существующий канон, хотя его творчество может проявляться также и в формировании и трансформации архетипического содержимого своего времени. Подлинным героем является тот, кто приносит новые ценности и разбивает структуру старых, то есть отца-дракона, который, опираясь на весь авторитет традиции и силы коллектива постоянно стремится помешать рождению нового.

Творцы составляют передовую часть общества, но в тоже время они являются консерваторами, осуществляющими обратную связь с началами. В постоянно возобновляемых сражениях с драконом они завоевывают новую территорию, основывают новые области сознания и ниспровергают устаревшие системы знания и морали по велению голоса, призывам которого следуют, независимо от того, формируют они свою задачу как религиозное призвание или как практическую мораль. Глубина бессознательного слоя, из которого зарождается новое, и сила, с которой этот слой овладевает индивидом — вот что является реальным мерилом этих призывов голоса, а не идеология сознательного ума:

Посредством символа архетипы прорываются через творческую личность в сознательный мир культуры. Именно эта лежащая в глубине реальность обогащает, трансформирует и расширяет жизнь коллектива, предоставляя ему и индивиду основу, которая только и наделяет жизнь смыслом. Значение религии и искусства является положительным и синтезирующим не только в примитивных культурах, но и в нашей собственной, чрезмерно сознательной культуре именно потому, что они предоставляют выход для содержимого и эмоциональных компонентов, которые были слишком жестко подавлены. В коллективе, как и в индивиде, мир патриархальной культуры, в котором господствует сознание, составляет всего лишь один сегмент целого. Положительные силы коллективного бессознательного, ранее подавленные, борются за выражение через творческую личность и через нее вливаются в общество. Отчасти они являются "старыми" силами, заблокированными из-за излишней дифференциации культуры, отчасти новыми и неиспытанными, которым суждено сформировать облик будущего.

Обе функции помогают сохранять культуру "в равновесии", обеспечивая условия, при которых она не отклонилась бы слишком далеко от своих корней или, напротив, не стала косной из-за консерватизма.

Но герой как орудие этой попытки компенсации отдаляется от нормальной человеческой обстановки и от коллектива. Эта деколлективизация влечет за собой страдание, и он все же страдает, потому что в своей борьбе за свободу является также жертвой и представителем устарелого, старого порядка и вынужден нести эту ношу в своей собственной душе.

Значение этого факта уже подчеркивалось Юнгом,[17] который говорил о роковом принуждении, которое влечет героя к жертвоприношению и страданию.

Представляются ли его свершения услужениями, как в случае Геракла, жизнь которого, подобно жизни большинства героев, представляет собой ряд напряженных усилий и задач,

или этот символизм принимает форму жертвоприношения быка, как в случае Митры, или распятия на кресте, как в случае Христа, или приковывания цепью к скале, как в случае Прометея — всегда и повсюду мы встречаемся с темой жертвоприношения и страдания.

Необходимость жертвоприношения может означать жертвование старым матриархальным миром детства или реальным миром взрослого; иногда в жертву необходимо принести будущее ради настоящего, иногда настоящее, чтобы герой смог реализовать будущее. Сущность деяния героя так же разнообразна, как и мучительные ситуации реальной жизни. Но ему всегда приходится приносить в жертву нормальный образ жизни, в какой бы форме это его не затрагивало, будь то через отца, мать, ребенка, родину, любимую, брата или друга.

Юнг говорит, что опасность, которой подвергается герой, - это «изоляция в самом себе »,[18] Страдание, обусловленное самим фактом существования Эго и индивида, для героя неизбежно – психологически он должен отделить себя от своих товарищей. Он видит то, чего не видят они, не увлекается тем, чем увлекаются они – но это означает, что он человек совершенно иного типа потому неизбежно одинок. Одиночество Прометея на скале или Христа на кресте - это жертва, которую они должны принести за подаренный огонь и спасение человечества.

В то время как у усреднённого индивида нет своей собственной души, потому что группа и ее канон велят ему, что он может или не может делать психически, герой является человеком который может назвать свою душу своей собственной, потому что он боролся за нее и заслужил ее. Поэтому без завоевания анимы не может быть никакой героической и творческой активности, и собственная жизнь героя в самом глубоком смысле связана с психической реальностью анимы. Творение всегда является индивидуальным достижением, ибо каждая творческая работа или свершение - это .нечто новое, чего не было ранее, уникальное и неповторимое. Таким образом, анима как компонент личности связана с "голосом", выражающим творческий элемент индивида, противостоящий рутинности отца, коллектива, сознания. Анима как пророчица и жрица является архетипом души, которая зачинает Логос, "семенной мир" Бога. Она — вдохновляет и вдохновляется, она — Непорочная София которая зачинает от Святого Духа и Непорочная Мать, которая рождает Логоса-духа-сына.

В ранней уроборической и матриархальной фазе существует только тип провидца, который, жертвуя своим Эго и, таким образом, становясь женоподобным вследствие отождествления с Великой Матерью, рождает свои откровения под подавляющим воздействием бессознательного. Такой тип провидца широко распространен. Наиболее известной формой этого является мантическая форма, в которой женщина играет пророческую роль провидца и жрицы, Сивиллы и Пифии. Позднее ее функцию берет на себя провидец-жрец, который отождествляется с ней. Это все еще можно видеть в отношении Вотана к Эрде. Он получает вековечную мудрость Великой Матери, дар пророчества, но взамен должен пожертвовать своим правым глазом. Таким образом, вотанизму с его экстатической развязностью и неистовым безумием страстей, как в оргиастической так и в мантической форме, не достает ясного видения высшего знания, которое было утеряно вследствие "верхней кастрации", осуществленной Эрдой.

Дикий охотник и Летучий Голландец, мрачные, как и Вотан, относятся к свите Великой Матери. За их духовным волнением скрывается старое стремление к уроборическому инцесту, желание смерти, которое кажется так глубоко укоренившимся в немецкой душе.[19]

Мы не случайно находим резкую противоположность этому одержимому матерью образу провидца в том типе пророка, который появился у древних иудеев. Его существенной характеристикой является близость к фигуре отца и сохранение и усиление сознания вследствие этой близости. Для него мантическое и сновидческое пророчество во многом уступают пророчеству в ясном сознании. Пророческая глубина зависит от глубины сознания, и Моисей считается величайшим пророком именно потому, что он созерцал Бога днем и лицом к лицу. Другими словами, глубокая проницательность активированного трансперсонального слоя и четкое видение высоко развитого сознания должны вступить во взаимосвязь, а не развиваться друг за счет друга.

Таким образом, герой, как Эго .стоит между двумя мирами: внутренним миром, который угрожает подавить его, и внешним миром который хочет уничтожить его за то, что он нарушил старые законы. Только герой может не отступить перед натиском этих коллективных сил, так как он является примером индивидуальности и обладает светом сознания.

Несмотря на свою первоначальную враждебность, позднее коллектив принимает героя в свой пантеон, и его творческое качество продолжает жить дальше — по крайней мере в западном каноне — как ценность. Тот парадокс, что нарушитель канона сам включается для творческого характера западного сознания, особое положение которого мы неоднократно подчёркивали. Традиция в которой воспитывается Эго, требует подражания герою, поскольку это он создал канон текущих ценностей. То есть высшим добром считается сознание, моральная ответственность, свобода и.т.д. Индивид воспитывается в их духе, но горе тому кто осмелится пренебречь культурными ценностями, ибо он мгновенно будет осуждён коллективом, как нарушитель древних заповедей.

Только герой может разрушить старое и вырваться из сетей своей культуры, творчески атакуя ее, но обычно ее компенсирующая структура оберегается коллективом любой ценой. Его противодействие герою и изгнание его оправданы как защита от надвигающегося краха. Ибо крах, который несут с собой нововведения Выдающейся Личности, представляет собой зловещее событие для миллионов людей. За крушением старого культурного канона следует период хаоса и разрушения, который может длиться столетия, и пока не устанавливается новый, стабильный канон с компенсирующей структурой, достаточно прочной, чтобы обеспечить некоторую безопасность для коллектива и индивида, приносятся в жертву множество людей.

Раскол систем: культура в состоянии кризиса

Теперь нам остается описать, как в ходе развития освобождение сознания приводит к кризису и как отделение сознания от бессознательного вызывает опасность раскола. В данный момент мы вступаем в культурный кризис нашего времени и Западного развития в целом. Мы можем только попытаться проследить уже описанные психологические тенденции и таким образом внести, в рамках нашей темы, посильный вклад в понимание проблем культуры. Искушение пойти дальше велико, так как затрагиваемые вопросы очень актуальны; но здесь, как и во множестве других случаев, нам придется удовлетвориться намеками и только указать на эти явления, не вдаваясь в обсуждение каузальных связей.[20]

Западная культура, кризис которой мы переживаем сегодня, отличается от всех остальных известных нам тем, что, хотя и представляет собой континуум, постоянно находится в процессе изменения, даже если степень изменения не всегда одинаково очевидна. Привычное разделение культуры на классическую, средневековую и современную совершенно неправильно. Любой более глубокий анализ обнаруживает

западную личность в постоянном движении как вперед, так и назад, но с устойчивым продвижением в направлении, определенном в самом начале: к освобождению человека от природы и сознания от бессознательного. Культурный канон средневекового человека тоже входит в этот континуум, и не только в связи с акцентированием этим каноном индивидуальной души и ее спасения, но также вследствие духовного наследия, полученного им от классической античности, и не являющимся вопросом одной только внешней формы, как показывает вся история церкви.

Несмотря на тенденцию к центроверсии, присущую каждому канону, западный канон содержит также и революционный компонент, обусловленный принятием этим каноном архетипа героя. Само собой разумеется, что фигура героя не является центральным элементом канона, не очень легко распознать ее революционное влияние; но, если посмотреть, за какой короткий промежуток времени большинство революционных фигур церковной истории ассимилировались и привели к модификации канона, то сразу становится очевидным все значение принятия в канон архетипа героя. Священность индивидуальной души, которая заявляла о себе в эпоху Средневековья, несмотря на всю ее ортодоксальность и сожжения еретиков, была секуляризована, начиная с Возрождения, хотя и существовала задолго до него.

То же самое относится и к акцентуации индивидуального сознания. Реколлективизация, которая была такой заметной чертой Средних Веков по сравнению с античностью, в большей мере представляет собой социологическую, чем теологическую проблему. В последнее время — то есть в течение последних ста пятидесяти лет — мы являемся свидетелями аналогичного процесса в совершенно не теологической форме и поэтому с точки зрения понимания связи между ними находимся в лучшем положении. Мы говорим о проблеме масс, которая, вследствие христианизации отсталых народов Европы, привела к реколлективизации, очень сильно контрастирующей с высоким уровнем индивидуального сознания, достигнутого культурным человеком античности. Также и сегодня, когда в историю вступают попранные массы и азиатские народы, неизбежно возникает временное понижение уровня сознания и индивидуальной культуры в сравнении с отдельным индивидом как конечным продуктом западной цивилизации, начиная с эпохи Возрождения.

Четыре явления соединение масс, разложение старого канона, раскол между сознанием и бессознательным и разрыв между индивидом и коллективом — протекают параллельно. Насколько они связаны каузально, определить трудно. Во всяком случае, сегодня совершенно ясно, что в массовом коллективе формируется новый канон. Психологически преобладает состояние примитивного коллектива, и в этом новом коллективе старые законы participation mystique, выражены больше, чем когда-либо на протяжении последних нескольких столетий западного развития.

Это психологически реакционное объединение в массу современных людей совпадает с другим социологическим явлением, а именно со вступлением в историю новых первичных расовых групп. То есть мы не должны смешивать примитивное коллективное состояние вступающих теперь в историю азиатских масс с явлением реколлективизации, когда неисчислимые миллионы высоко индивидуализированных и чрезмерно специализированных городских жителей регрессируют в массовый коллектив (см. Приложение II). Смешение прогрессивных и регрессивных направлений развития является одной из сложностей современного коллектива и психологии культуры.

.Хотя Эго с самого начала выступает под девизом «Прочь от бессознательного», как орган центроверсии оно никогда не должно терять с ним контакта, ибо предоставлять

надличностному миру положенное ему место — это неотъемлемо уравновешивающей функции

Развитие, приведшее к разделению двух систем, соответствует неизбежному процессу психической дифференциации, но, как и в любой дифференциации, в этом разделении присутствует риск стать чрезмерно расщепленным и извращенным. Точно так же, как специализация сознательных функций индивида таит в себе опасность чрезмерной дифференциации и односторонности, так и развитие западного сознания в целом не избежало этой опасности. Теперь встает вопрос, как далеко может заходить дифференциация сознания и где она начинает превращаться в свою противоположность; то есть, в какой момент развития героя возникает опасность изменения, которое, как показывает нам множество мифов, приведет к его краху.

Чрезмерная стабильность может ограничивать Эго, а слишком независимое Эго-сознание может стать изолированным от бессознательного, а чувства собственного достоинства и личной ответственности могут выродиться в высокомерие и мегаломанию. Другими словами, располагаясь на полюсе, противоположном бессознательному, и первоначально представляя стремление личности к целостности, сознание может потерять связь с целым и дегенерировать.[21]Опасность отчуждения от бессознательного проявляется в двух формах: склерозе сознания и одержимости. В склеротическом сознании - позднем продукте развития и, в связи с этим, неизвестном мифологии — автономия сознательной системы заходит так далеко, что живая связь с бессознательным становится атрофированной. Эта атрофия выражается в потере Эго-сознанием функции, стремящейся целостности, и в растущем невротизме личности.

Одержимость, вторая форма потери взаимосвязи с бессознательным, проявляется в иной форме. Здесь сознательная система подавляется духом, с помощью которого она боролась за освобождение от тирании бессознательного. Мы назвали это явление "патриархальной кастрацией", потому что творческая активность Эго сдерживается здесь отцом, как прежде матерью.

В противоположность затоплению Эго бессознательным, приводящему к расщеплению сознания, здесь основной особенностью является безграничное расширение Эго.

Матриархальная кастрация подразумевает потерю маскулинного сознания, дефляцию и деградацию Эго. Ее признаки — депрессия, утечка либидо в бессознательное, анемия сознательной системы и du niveau mental" При инфляции патриархальной кастрации, обусловленной отождествлением Эго с духом, процесс имеет обратное направление. Он ведет к мегаломании и чрезмерному расширению системы сознания. Последняя переполняется духовным содержимым, которое не может ассимилировать, и частями либидо, принадлежащими бессознательному. Господствующим символом этого состояния является "восхождение", а его признаками — "утрата опоры под ногами", потеря связи с телом, а не его расчленение, мания, а не депрессия.

Мания связана со всеми признаками чрезмерной акцентуации системы сознания, такими как неконтролируемый поток ассоциаций, иногда доходящий до ассоциативной "фуги", пароксизмы воли и действия, необоснованный оптимизм и так далее. Все они противостоят замедлению ассоциаций, ослаблению воли и действия и пессимизму, так явно выраженным в депрессивной фазе. Точно так же, как отождествление с Великой Матерью вызывает ослабление маскулинной стороны сознания, истощает активность воли и управляющие силы Эго, так и отождествление с духовным отцом ослабляет фемининную сторону. Сознанию не хватает бессознательного противовеса, который бы

углублял и замедлял сознательные процессы. При обоих формах возникает нарушение равновесия, но в каждом случае оно различно.

Компенсация является первым необходимым условием продуктивной взаимосвязи между Эго и бессознательным. Это означает, что Принцесса, душа, оказывается настолько же потерянной для Эго при патриархальной форме кастрации, как и при матриархальной.

Но, как мы ясно показали в Части 1 нашей работы, за обеими этими формами просматривается первоначальная уроборическая кастрация, где тенденции к дифференциации прекращают существовать. Выражаясь психологически: точно также, как мания и меланхолия --- это всего лишь две формы безумия, поглощающего уроборического состояния, которое уничтожает все Эго-сознание, так и регресс к бессознательному, то есть поглощение Великой Матерью, и бегство "исключительно только" к сознанию, то есть поглощение духовным отцом, —- это две формы, в которых по-настоящему компенсированное сознание и стремление к целостности оказываются утерянными. Эффективность сознания уничтожается как при дефляции, так и при инфляции, и то и другое - поражение для Эго.

Духовная инфляция, прекрасным примером которой является безумие Заратустры Ницше, представляет собой типичное западное развитие, доведенное до крайности. За чрезмерной акцентуацией сознания, Эго и рассудка — которые сами по себе достаточно разумны как руководящие цели психического развития — стоит подавляющее могущество "неба" представляя собой опасность, выходящую за рамки героической борьбы с земной стороной дракона и заканчивающуюся духовностью, в которой утерян контакт с реальностью и инстинктами.

Формой, которую обычно принимает такого рода дегенерация на Западе, является не духовная инфляция, а склероз сознания, когда Эго отождествляется с сознанием как формой духа. В большинстве случаев это означает отождествление духа с интеллектом, а сознания — с мышлением. Такое ограничение совершенно неоправданно, но патриархальная тенденция "прочь от бессознательного" к сознанию и мышлению делает такое отождествление понятным.

Из-за подобного экстремизма система сознания теряет свое подлинное значение компенсаторного органа центроверсии, функция которого заключается в представлении и реализации целостности психики. Эго дегенерирует в психический комплекс, подобный любому другому, и в своем эгоцентризме проявляет характерную для каждого комплекса одержимость самим собой.

В этой ситуации все тенденции, которые вносили осмысленный вклад в формирование сознания, доходят до крайности и искажаются. Например, расщепление бессознательного содержимого на существенные и эмоциональные компоненты первоначально соответствовало интересам развития сознания, но теперь оно превратилось в одну из основных особенностей гипертрофированного сознания, отколовшегося от бессознательного. Изъятие эмоциональных компонентов и отчуждение Эго от мира архетипических образов приводит в результате к неспособности реагировать на чувственные образы вообще, что особенно характерно для современного человека. При встрече с образом бессознательного или даже с неожиданной ситуацией, он никак не реагирует. В противоположность мгновенному рефлекторному действию человека примитивной культуры, интервал между ситуацией и реакцией оказывается необыкновенно затянувшимся, если она вообще возникает.

Утрата аффективности и эмоциональности, усиленная еще более специализированной дифференциацией сознания на отдельные функции, конечно же, является непременным условием сознательной активности и, несомненно, помогла современному человеку в его научных занятиях, но она имеет и страшную теневую сторону. Настолько, насколько сознательное знание требует подавления эмоциональных компонентов, оно является типичным и полезным только для нетворческой работы. Творческие процессы, напротив, не должны исключать сильных эмоциональных и даже возбуждающих компонентов; на самом деле здесь они — необходимый компонент. Каждая новая концепция и каждая творческая идея содержат элементы, которые до этого момента были бессознательными, и возбуждение вызывают эмоциональные компоненты, связанные с бессознательным содержимым. Только связь сознательной системы с эмоционально окрашенным субстратом бессознательного делает возможной способность к творчеству. Поэтому доведенная до крайности дифференцирующая и подавляющая эмоции тенденция западного развития оказывает стерилизующее действие и препятствует расширению сознания. Это подтверждается тем, что творческие люди всегда несколько по-детски непосредственны и их сознание не полностью дифференцировалось; они являются плазматическими центрами творчества, и совершенно не к месту называть такие черты "инфантильными" и пытаться свести их к уровню семейного романа.

Эта тенденция свести все трансперсоналыюе содержимое к личностным отношениям является самой крайней формой вторичной персонализации. Исключение эмоциональных компонентов и вторичной персонализации должно выполнить важную историческую функцию, поскольку оно помогает высвободить Эго-сознание и индивида из тисков бессознательного. Это объясняет, почему такое исключение всегда возникает при переходе от доличностного и сверхличностного в личностное. Но, когда вторичная персонализация пытается утвердиться посредством обесценивания надличностных сил, она вызывает опасную переоценку Эго. Это — типичная ложная констелляция современного ума, который уже больше не может видеть ничего, что выходит за рамки личностной сферы Эго-сознания.

Теперь вторичная персонализация используется западным человеком для обесценивания бессознательных сил, которых он боится. Превосходство надличностного, а отсюда и бессознательного, которое, психически говоря, является местонахождением надличностного, очерняется и отрицается. Эта форма апотропеической защитной магии неизменно пытается объяснить и изгнать все опасное при помощи бойкого "просто-напросто" или "это совсем не так плохо, как вы думаете". Настолько, что бурное и вероломное Черное Море было эвфемистически названо "Эвксинским", "гостеприимным морем", Эринии были переименованы в Эвмениды, а полная непостижим ость Бога стала "Вселюбящим и Милосредным Отцом" и "эйяпопией детей", так что теперь мы ошибочно принимаем трансперсональное просто за личностное. Первобытная божественность Создателя и свирепое, бесконечно странное родовое животное-тотем, живущее в человеческой душе, были настолько искажены, что теперь предполагается, что они происходят от доисторического страшилища-отца или от наложения множества таких отцов, которые вели себя не лучшим образом по отношению к своим "детям".

Даже преувеличения вторичной персонализации представляют собой выражения усилий человека вернуть себе экстериоризированное психическое содержимое посредством его интроекции. Но неизбежное следствие этого процесса, в котором ранее казавшееся внешним содержимое распознается как внутреннее, заключается в том, что теперь надличностные силы появляются в человеческой психике и признаются как "психические факторы". Когда это происходит, отчасти в психологии инстинкта, и

совершенно сознательно в теории архетипов Юнга, то означает, что произошла адекватная ассимиляция. Но, когда вторичная персонализация искажена, она ведет к чрезмерному расширению Эго, которое после этого пытается уничтожить надличностное, называя его чистой иллюзией и сводя его к личностным данным Эго.

В результате сводится на нет все значение вторичной персонализации как предпосылки сознательной ассимиляции, потому что теперь надличностное фактически подавлено. Оно больше не может быть сознательно ассимилировано и продолжает действовать отрицательно как неопределенный и сильнодействующий "бессознательный" фактор внутри психики, как прежде, в начале развития человека, он действовал снаружи. Проблема, которая возникает при таком повороте событий, заключается в том, что сам по себе он законен и необходим, и ведет к абсурду и опасности, только если выходит за рамки нормы.

Соответствующий процесс мы находим при рационализации, когда архетип развивается в концепцию. Как мы видели, развитие идет от архетипа как действенной надличностной фигуры к идее, а затем к "концепции", которую "формирует" человек. Хороший пример этого — концепция Бога, которая сейчас полностью исходит из сферы сознания — или считается исходящей из него, так как Эго слишком сильно обманывается, чтобы претендовать на это. Ничего надличностного больше нет, только личностное; нет больше архетипов, только концепции; нет больше символов, только знаки.

Это отщепление бессознательного с одной стороны приводит Эго к потере смысла жизни, а, с другой — к активизации глубоко лежащих слоев, которые теперь стали опасно разрушительными и опустошают самодержавный мир Эго надличностными вторжениями, коллективными эпидемиями и массовыми психозами. Ибо нарушение взаимно компенсирующих взаимоотношений между сознанием и бессознательным представляет собой явление, которым не стоит пренебрегать. Даже если оно не является настолько острым, чтобы вызвать психическое заболевание, утрата инстинкта и чрезмерная акцентуация Эго вызывают последствия, которые, увеличиваясь в миллионы раз, констеллируют кризис цивилизации.

Хотя мы не можем проследить здесь, как психологические и моральные последствия этой ситуации затрагивают отношение индивида к его группе,[22] тем не менее, мы все же должны несколько задержаться на том, что называют современным распадом ценностей и что мы предпочитаем описывать как крушение архетипического канона.

Культурный канон возникает путем проекции архетипических образов из бессознательного. Его эффективность может варьировать либо в связи с тем, что сознание группы претерпевает прогрессивное или регрессивное изменение, либо потому, что в коллективном бессознательном происходят модификации, то ли спонтанно, то ли в ответ на социальные и политические перемены. Нам придется оставить открытым вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах изменения в реальном мире приводят к реакции коллективного бессознательного, и когда и при каких обстоятельствах модификации в коллективном бессознательном выражаются в социологических переворотах. То, что канон ценностей постоянно разлагался в течение последних нескольких сот лет западного развития, является трюизмом, что, однако, не мешает нам с ужасом и удивлением наблюдать мрачные последствия этого процесса в прошлом, настоящем и будущем.

Развал старой системы ценностей в полном разгаре. Бог, Царь, Родина стали сомнительными понятиями, так же, как Свобода, Равенство, Братство, любовь и

порядочность, человеческий прогресс и смысл существования. Это не означает, что они перестали оказывать влияние на наши жизни как надличностные величины архетипического характера; но их действенность или, по крайней мере, их положение стало ненадежным, их отношение друг к другу неоднозначно, а их старый иерархический порядок разрушен.

Таким образом, индивид, которому не хватает поддержки компенсирующего внутреннего движения, выпадает из упорядоченной структуры цивилизации. Для него Эго символизирует развал восприятия трансперсональных сил, сужение мировых горизонтов и в целом потерю уверенности в жизни и ее смысла.

В этой ситуации можно наблюдать две общие реакции. Первая — это регресс к Великой Матери, в бессознательное, готовность собраться в массу и таким образом в качестве коллективного атома с новым надличностным восприятием обрести новую уверенность и занять новую выгодную позицию; вторая — это бегство к Великому Отцу, в уединение индивидуализма.

Когда индивид подобным образом выпадает из культурной структуры, он оказывается совершенно изолированным в эгоистически раздутом личном мире. Грустным результатом этого психологического отступничества — по сравнению с символической жизнью — являются беспокойство, неудовольствие, крайности, бесформенность и бессодержательность эгоцентричной жизни.

Вслед за крушением архетипического канона людьми овладевают и захватывают их, подобно злым демонам, одиночные архетипы. Типичным и симптоматичным для этого переходного явления является состояние дел в Америке, хотя то же самое свойственно практически всему западному полушарию. Личностью управляет любая доминанта, которую только можно вообразить, и личность является таковой только по названию. Нелепый факт, что под личиной, которая никого не вводит в заблуждение, власть над жизнью коллектива принадлежит убийцам, бандитам, гангстерам, ворам, лжецам, тиранам и мошенникам, представляет собой характерную черту нашего времени. Их беспринципность и лицемерие осознаются — и вызывают восхищение. Свою безжалостную энергию они черпают в лучшем случае из какого-то случайного архетипического содержимого, который держит их в своей власти. Соответственно, динамизм одержимой личности оказывается очень высоким, потому что в своей ограниченной примитивности она не переживает никаких изменений, которые делают людей человечными. Поклонение "зверю" никоим образом не ограничивается Германией; оно господствует везде, где приветствуются однобокость, давление и моральная слепота, то есть повсюду, где досадные осложнения цивилизованного поведения сметаются в пользу звериной ненасытности. Стоит только взглянуть на современные идеалы воспитания.

Одержимый характер наших финансовых и промышленных магнатов, например, психологически очевиден из того самого факта, что они находятся во власти надличностного фактора "работы", "власти", "денег" или как бы они ни предпочитали называть его — который, образно выражаясь, "поглощает" их и не оставляет или почти не оставляет им места как индивидуальным личностям. Вместе с нигилистической позицией по отношению к цивилизации и человечеству раздувается сфера Эго, что выражается в тупом эгоизме полного равнодушия к общему благу и в попытке существовать эгоцентрически, когда собственная власть, деньги и "впечатления" — невероятно пустые, но обильные — занимают каждый час дня.

Ранее стабильность культурного канона гарантировала индивиду ряд упорядоченных ценностей, в котором все занимало свое надлежащее место. Теперь все это утеряно, и распыленным индивидом овладевают и поглощают его случайные доминанты надличностного характера.

Не только власть, деньги и вожделение, но также религия, искусство и политика как особые детерминанты в форме партий, наций, сект, движений и всевозможных "измов" овладевают массами и уничтожают индивида. Мы далеки от сравнения хищного промышленного воротилы и стремящегося к власти политика с человеком, который предан идее, ибо последний одержим архетипами, которые формируют будущее человечества, и этому движущему его демону он жертвует свою жизнь. Тем не менее, задачей культурной психологии, основанной на глубинной психологии, является формирование нового этоса, который учтет коллективное действие этих демонических символов, а это означает также и принятие ответственности за них.

Дезинтеграция личности, вызванная идеей, не менее опасна, чем дезинтеграция, вызванная пустыми личностными стремлениями к власти. Результат обоих можно видеть в гибельном сосредоточении в массу и реколлективизации современных людей (см. Приложение 11). В другой работе[23] я попытался продемонстрировать связь между глубинной психологией и новым этосом. Одним из самых важных следствий формирования нового этоса является то, что интеграция личности, ее целостность, становится высшей этической целью, от которой зависит судьба человечества. И, хотя глубинная психология научила нас понимать, насколько необходимо, особенно "высшему человеку", быть одержимым архетипами, это не закрывает от нас возможных роковых последствий такой одержимости.

Мы представили здесь картину нашей эпохи не для обвинений, а тем более прославления "старых добрых времен"; ибо явления, которые мы видим вокруг, являются признаками переворота, который в общем необходим. Крушение старой цивилизации и ее восстановление вначале на более низком уровне оправдают себя, потому что новый фундамент будет значительно расширен. Будущая цивилизация будет человеческой цивилизацией в намного более высоком смысле, чем когда-либо прежде, так как она преодолеет важные социальные, национальные и расовые ограничения. Это не фактические, беспочвенные мечты, а суровые факты, и роковые муки принесут безграничные страдания бесконечному количеству людей. Духовно, политически и экономически наш мир представляет собой неделимое целое. По этим меркам Наполеоновские войны были незначительными coups d'etat," и узость картины мира той эпохи, в которой все находящееся за пределами Европы едва только начало появляться, для нас почти непостижима.

Крушение архетипического канона в нашей культуре, исключительно активировавшей коллективное бессознательное - или, возможно, выразившей ее в массовых движениях, имеющих глубокое влияние на наши личные судьбы — представляет собой, однако, лишь преходящее явление. Уже во времена, когда все еще ведутся междоусобные войны, свойственные старому канону, в отдельных личностях мы можем различить, где лежат синтетические возможности будущего и даже то, как оно будет выглядеть. Поворот ума от сознания к бессознательному, ответственное сближение человеческого сознания с силами коллективной психики -- вот в чем задача будущего. Ни внешние заигрывания с миром, ни коренные социальные улучшения не могут умилостивить демонов, богов и дьяволов человеческой души или помешать им снова и снова разрушать то, что построило сознание. Если не определить их место в сознании и культуре, они никогда не оставят человечество

в покое. Но подготовка к этому сближению, как всегда, возлагается на героя, индивида; он и его трансформация — великие человеческие прототипы; он — испытательный полигон для коллектива, точно так же как сознание — испытательный полигон бессознательного.

[1] В Приложении II делается попытка интерпретировать это вырождение группы в толпу и спровоцированные им различные явления, так что в некотором смысле данный раздел и два Приложения составляют самостоятельное целое.

[2] [В то же время] оба они становятся драконом, который должен быть побежден, чтобы Эго пошло по пути развития, каким-либо образом непохожего на обычное, как, например, в случае творческой личности.

[3] Symbols of Transformation

[4] "On Psychic Energy".

[5] Юнг. Психологические типы. опр. 51.

[6] Для современного человека появление символов на "пути внутрь" имеет иное значение и функцию. Здесь посредническая позиция символа, обусловленная комбинацией его сознательных и бессознательных элементов, доказывается тем, что обратная связь сознательного с бессознательным проходит через символ, в то время как в случае человека примитивной культуры развитие шло в обратном направлении — от бессознательного к сознанию.

[7] Symbols of Transformation

[8] Jung, "On Psychic Energy".

[9] Психологические типы. Опр. 51.

[10] Jung, "The Symbolic Life", лекция (1939), опубликованная для ограниченного распространения)

[11] Cassirer, The Philosophy of Symbolic Forms (перев. Manheim), II, p.218.

[12] Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству. В кн. К. Г. Юнг. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991, с. 284.

[13] Мы можем проследить действие вторичной персонализации, начиная от модификации древнего символического ритуала, до мистерий и классической трагедии и, наконец, до современного театра. С уменьшением удельного веса трансперсональных факторов и растущем значении личностных, начиная с "игры" сверхчеловеческих сил и богов и заканчивая "будуарной" пьесой, мы снова обнаруживаем то же самое направление развития.

[14] Эта перенастройка, или реэмоционализация до сих пор в значительной мере игнорировалась глубинной психологией, потому что исследователи были сильно увлечены изучением сущностных компонентов. По сущностная интерпретация сновидения совершенно не объясняет, каким образом оно приводит к перенастройке. Здесь мы хотим только обратить внимание на значение эмоциональных компонентов для терапии и интерпретации сновидений.

[15] Van der Leeuw, Religion in Essence and Manifestation: "Sacred Life".

[16] Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству. В кн. К. Г. Юнг. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991, с. 284.

[17] Symbols of Transformation

[18] Там же.

[19] Jung, "Wotan"; Ninck, Wodan und germanischer Schicksalsglaube.

[20] В Приложении II мы более подробно остановимся на затронутых здесь проблемах.

[21] Это явление, центральное для всех психических заболеваний, составляет часть общей теории неврозов.

[22] См. мою работу Depth Psychology and New Ethic.

[23] Depth Psychology and a New Ethic.

D. Центроверсия и стадии жизни

"Паломник, Паломничество и Путь —
это лишь Я, идущий к Самому Себе".

Фарид-ад-дин Аттар.

Увеличение периода детства и дифференциация сознания

В Части I мы обсуждали архетипические фазы сознательного развития в том виде, в каком они проявляются в мифологических проекциях коллективного бессознательного человечества. В Части II предпринята попытка показать, как и почему в ходе человеческой истории формируется личность и как это соотносится с архетипическими фазами.

Теперь, в этой заключительной главе мы должны продемонстрировать, каким образом основные законы, действие которых мы прослеживали в психической истории человечества, повторяются в модифицированной форме в онтогенетической истории жизни индивида в нашей культуре.

Однако здесь возможен только предварительный набросок, потому что мы не можем представить читателю подробную психологию детства и отрочества. Тем не менее, представляется важным привести краткое описание этого развития, потому что таким образом станет очевидной связь между эволюционной историей человека, современной жизнью и жизнью каждого индивида. В действительности лишь эта. связь между онтогенезом и человеческой историей оправдывает то, почему мы так подробно остановились на последней, утверждая в то же самое время, что истинная тема данной книги — это обсуждение современного человека и его настоятельных проблем.

Психотерапия индивида и культурная терапия общества в целом представляются нам возможными, только лишь когда мы увидим целостную картину происхождения и

значения сознания и его истории, которая позволит нам определить сознательное состояние индивида и коллектива.

Признанием решающего значения стадий жизни для психологии и психотерапии и открытием процесса индивидуации как развития, происходящего в ходе второй половины жизни, мы обязаны исследованиям К. Г. Юнга.[1] Самыми важными факторами для понимания индивидуального развития являются различное направление и различное действие центроверсии в двух фазах жизни. Первая фаза, которая является периодом дифференциации, имеет своим историческим прототипом формирование Эго и его развитие, то есть, когда активность центроверсии переходит от психической целостности бессознательного самость к Эго.

В течение первой половины жизни, периода эгоцентрирования, который заканчивается совершеннолетием, центроверсия создает отношения компенсации между сознательной и бессознательной системами, но остается бессознательной; другими словами, главный орган центроверсии, Эго, ничего не знает о своей зависимости от целого. Однако на протяжении второй половины жизни, началом которой обычно служит психологическое изменение личности в среднем возрасте, в Эго наблюдается растущее осознание центроверсии. В этот момент может начаться процесс индивидуации, результатом которого будет констелляция самости как психического центра целостности, которая уже не действует только бессознательно, а воспринимается сознанием.

Задержка созревания и зависимость индивида от социальной группы на протяжении периода почти в шестнадцать лет являются, как мы знаем, исключительной особенностью человеческого вида. Эта затянувшаяся юность, контрастирующая с. ранним развитием остального животного мира, является самой важной предпосылкой человеческой культуры и ее преемственности. Длительный период обучения и подготовки, пока не будет достигнуто полное созревание, соответствует разворачиванию сознания в ходе человеческой истории. В течение этого периода мозг развивается до того уровня, достигнутого человеческим видом. Период обучения, который заканчивается совершеннолетием, посвящен культурному воспитанию, состоящему в принятии коллективных ценностей и дифференциации сознания, облегчающих адаптацию индивида к миру и коллективу.[2] И, наконец, в этот период происходит также дальнейшая дифференциация личности, конечную стадию которой мы находим в зрелом человеке, и развитие которой, насколько оно следует патриархальному направлению сознательной эволюции, мы коротко опишем.

Воспитание и расширяющееся восприятие жизни облегчают адаптацию к реальности, более или менее тождественную адаптации к коллективу и его требованиям. Тем временем, коллектив вынуждает индивида, какой бы различной ни была его ориентация в различные периоды, развивать односторонность, которая не всегда для него приемлема.

В этой адаптации совместно действуют различные факторы. Их общая цель — укрепление сознания и его способности к действию, вместе с одновременным исключением разрушительных сил бессознательного.

Одним из этих факторов является дифференциация психологического типа. То есть, каждый индивид занимает определенную позицию по отношению к миру, либо экстравертную, либо интровертную. Бок о бок с привычной позицией наблюдается дальнейшая дифференциация одной из основных функций сознания, какой конкретно — зависит от каждого индивида. [3] Эта дифференциация типа, обусловлена ли она конституцией или иными причинами, обеспечивает индивиду максимум возможностей

для адаптации, потому что самая эффективная и врожденно лучшая функция развивается как основная. Одновременно с этой дифференциацией происходит подавление наименее эффективной функции, которая, в качестве "худшей функции" остается преимущественно бессознательной.

Важная цель детского развития и воспитания — превращение индивида в полезного члена общества. Такая полезность, возникающая в результате дифференциации отдельных компонентов и функций, неизбежно покупается ценой целостности. Необходимость отказа от бессознательной целостности личности является одной из самых непреодолимых эволюционных сложностей для ребенка и особенно для ребенка-интроверта.

Переход от "целостной ориентации" маленького ребенка, от следования бессознательным желаниям самости к эгоцентричному сознанию и неизбежное разделение целого на две отдельные системы составляют особую трудность. В этой критической фазе наследство, завещанное человечеству героем — систематическое развитие сознания и его защита — должно быть вновь пережито детским Эго, а власть над ним укреплена, чтобы оно получило доступ к культуре коллектива и заняло свое место в обществе.

В первой половине жизни развитие отмечено двумя решающими кризисами, каждый из которых соответствует борьбе с драконом. Первый критический момент характеризуется встречей с проблемой Первых Родителей и формированием Эго. Он протекает в возрасте от трех до пяти лет, и психоанализ ознакомил нас с некоторыми аспектами и формами встречи с родителями под видом Эдипова комплекса. Вторым критическим моментом является половая зрелость, когда сражение с драконом нужно вести снова на новом уровне. Здесь наконец-то, с помощью того, что мы назвали "небо", закрепляется форма Эго. То есть, появляются новые архетипические констелляции, а с ними новое отношение Эго к самости.

Для процесса дифференциации в детстве характерна утрата и отречение от всех элементов завершенности и целостности, свойственных психологии ребенка, поскольку она определяется плеромой, уроборосом. Должно быть принесено в жертву именно то, что является общим у ребенка с гением, художником и примитивным человеком, и то, что составляет очарование и привлекательность его существования. Цель всего воспитания, и не только в нашей культуре, заключается в том, чтобы изгнать ребенка из рая его естественной гениальности и посредством дифференциации и отречения от целостности вынудить Старого Адама идти по пути полезности для коллектива.

От принципа удовольствия к принципу реальности, как мы его назвали, от любимчика матери к ученику, от уробороса к герою — таков нормальный путь детского развития. Истощение воображения и способности к творчеству, которыми ребенок по своей природе обладает в высокой степени, является одним из типичных признаков оскудения, которое возникает в результате взросления. Устойчивая утрата живости чувств и спонтанных реакций в интересах "благоразумия" и "хорошего поведения" — это движущий фактор поведения, которое требуется теперь от ребенка по отношению к коллективу. Отличительным признаком этого процесса выступает увеличение эффективности за счет глубины и интенсивности переживаний.

Теперь все тенденции, которые мы считаем необходимыми для формирования Эго и разделения сознательной и бессознательной систем, реализуются на онтогенетическом уровне. Детское, главным образом надличностное и мифологическое восприятие мира [4]

вследствие вторичной персонализации становится ограниченным и в конце концов исчезает совсем. Эта персонализация необходима для начавшегося теперь развития личности и осуществляется посредством привязанности к собственному окружению, на которое вначале проецировались архетипы. В ходе того, как личностные узы становятся прочнее, архетип постепенно замещается имаго, в котором явно смешаны и активны личностные и надличностные характеристики. Таким образом, надличностные архетипы "блокируются" личностными фигурами непосредственного окружения, с которыми устанавливает связь Эго. Или, как говорит Рильке:

Как ни зови, но его из тьмы не дозваться —

пусть даже рад он уйти. С каким облегченьем

вжился он в сердце твое, как бы вновь зачинаясь.

Где же зачатье его?

Мать, ты его зачала, он в тебе стал малюткой;

новым он был для тебя, и ты заставляла

мир ласкать его глаз, отводила чужое.

Ах, эти годы прошли, когда стройною тенью

ты заслоняла пред ним хаос, царящий вокруг.

Многое скрыть ты смогла: комнаты мрак непонятный

в благостный был обращен, сердцем смогла ты

очеловечить пространство суровых ночей.[5]

Затем происходит фрагментация архетипов и отделение личностной, "доброй" стороны фигуры Матери от ее надличностной отрицательной стороны, или наоборот. Страх ребенка и чувство нависшей угрозы исходят не от травматического характера мира, ибо ни в каких нормальных или даже в примитивных условиях существования человека никакой травмы нет; они, скорее, исходят из "ночного пространства" или, если более точно, возникают, когда Эго выходит из этого ночного пространства. В этот момент зародыш Эго-сознания ощущает подавляющее воздействие раздражителей мира-и-тела, либо непосредственно, либо в проекции. Значение семейных взаимоотношений заключается именно в том, чтобы личностные фигуры окружения, которые вначале образуют общество, смогли предложить Эго вторичную безопасность человеческого мира, как только оно выходит из первичной безопасности уроборического состояния.

Параллельно с этим развитием идет изъятие эмоциональных компонентов и избавление от ранней акцентуации тела, а это, в свою очередь, ведет к постепенному появлению Суперэго, которое обусловлено требованиями и запретами окружения.

Еще одну общую черту сознательного развития, а именно дефляцию бессознательного, можно проследить в нормальном развитии ребенка, когда первоначальный, бессознательный мир детства, мир фантазии и сказки, а также детского рисунка и детских

игр все более уступает реальности внешнего мира. Либидо активированного бессознательного теперь используется для построения и расширения системы сознательного. Этот процесс сопровождает переход от игры к обучению. Школа в нашей культуре — это архитектор, которому коллектив поручает систематически воздвигать бастион между подвергшимся дефляции бессознательным и ориентированным на адаптацию к коллективу сознанием.

Патриархальное направление развития сознания с его девизом "Прочь от мира Матери! Вперед к миру Отца!" предписывается как мужчине, так и женщине, хотя они могут следовать ему различными путями. Быть любимчиком матери — это признак незавершенности первоначального сражения с драконом, которое приводит к окончанию раннего детства. Этот недостаток делает невозможным вступление в школу и мир других детей, точно так же, как провал во время обрядов инициации совершеннолетия препятствует вступлению во взрослый мир мужчин и женщин.

Теперь мы подошли к формированию тех компонентов личности открытию которых мы обязаны аналитической психологии Юнга: персоны, фигур анимы и анимуса и тени. Они образуются в результате уже описанных нами процессов дифференциации, которые протекают в течение первой половины жизни. Во всех этих процессах личностные и индивидуальные черты сочетаются с архетипическими и надличностными, а компоненты личности, которые обычно находятся в структуре психики как потенциальные психические органы, теперь начинают объединяться с важными, индивидуальными особенностями, которые индивид реализует в своем развитии.

Развитие персоны является результатом процесса адаптации, который подавляет все индивидуально значимые черты и потенциальные возможности, скрывая и сдерживая их в пользу коллективных факторов или факторов, которые представляются желательными для коллектива. Здесь снова целостность обменивается на выгодную и преуспевающую поддельную личность. "Внутренний голос" заглушается развитием Суперэго и сознания, представляющих коллективные ценности. Происходит отречение от голоса, индивидуального восприятия надличностного, особенно сильного в детстве, в пользу сознания. Когда покидается рай, голос Бога, звучавший в Саду, также теряется, а для того чтобы стала возможной социальная адаптация, место высших ценностей занимают ценности коллектива, отцов, закона и совести, существующей морали и т.п.

В то время как естественная тенденция каждого индивида склоняет его к физической и психической бисексуальности, дифференцированное развитие нашей культуры заставляет его загнать элемент противоположного пола в бессознательное. В результате сознательный ум признает только те элементы, которые соответствуют внешним характеристикам пола и подчиняются коллективной оценке. Таким образом, "женские" или "душевные" черты для мальчика считаются нежелательными, по крайней мере, в нашей культуре. Такая односторонняя акцентуация определенной сексуальности человека заканчивается констелляцией элемента противоположного пола в бессознательном в форме анимы у мужчин и анимуса у женщин, которые, как часть души, остаются бессознательными и господствуют в сознательно-бессознательных взаимоотношениях. Этот процесс поддерживается коллективом, и именно вследствие того, что подавление элемента противоположного пола часто оказывается трудным, сексуальная дифференциация поначалу сопровождается типичными формами враждебности по отношению к противоположному полу. Это развитие также следует общему принципу дифференциации, предполагающему принесение в жертву целостности, представленной здесь фигурой гермафродита.

Как мы видели, точно также и формирование тени, темной стороны личности, отчасти определяется адаптацией к коллективному сознанию.

Тренировка воли и выполнение направленного и контролируемого действия в ущерб бессознательному, инстинктивной реактивности, в равной мере необходимы для адаптации к реальности, требуемой от растущего ребенка. Здесь снова наблюдается подавление эмоциональных компонентов. Пыл и эффективность маленького ребенка уступают место контролю над аффектами и подавлению чувств, заметным в хорошо воспитанных детях.

Формирование всех этих "управляющих структур" укрепляет Эго, сознание и волю и, более или менее изолируя инстинктивную сторону, ведет к растущему напряжению внутри личности. Отождествление Эго с сознанием лишает его контакта с бессознательным, а значит и психической целостности. Сознание может теперь заявлять, что представляет единство, но это единство является только относительным единством сознательного ума, а не целостностью личности. Психическая целостность теряется_ и замещается дуалистическим принципом противоположностей, который управляет всеми сознательными и бессознательными констелляциями.

Таким образом, развитие и совершенствование сознания, которых требует коллектив, в некотором смысле являются одновременно и процессом отсечения корней. Внутренняя коллективная привязка к инстинктам должна быть оставлена, а в качестве вторичной безопасности Эго в почву коллектива и в его господствующий канон культурных ценностей должны быть пущены новые корни. Этот процесс трансплантации означает переход от сосредоточения вокруг инстинкта к эгоцентризму, и любая неудача здесь взращивает богатый урожай нарушений и заболеваний, связанных с развитием.

Продвижение через архетипические фазы, патриархальная ориентация сознания, формирование Суперэго как представителя коллективных ценностей внутри личности, следование коллективному канону ценностей — все эти вещи являются необходимыми условиями нормального морального развития. В результате подавления любого из этих факторов возникают связанные с развитием нарушения. Нарушения в первых двух факторах, которые являются собственно психическими, ведут к невротизации; отклонения в двух других, которые являются культурными, выражаются в социальной неприспособленности, проступках или детской преступности.

Обычный ребенок не только переживает этот процесс отсечения корней, но и приобретает в его результате повышенное внутреннее напряжение. Сравнительная утрата единства, поляризация на две психические системы, изоляция внутреннего мира и формирование в рамках личности управляющих структур могут порождать конфликт, но нельзя сказать, что они закладывают основание для какого-либо невротического развития. Напротив, они являются нормальными, и именно их отсутствие, или скорее их несовершенство, ведет к заболеванию.

Определенная благоприятная для сознания односторонность развития особенно характерна для нашей специфически западной психической структуры, которая поэтому с самого начала подразумевает конфликт и принесение в жертву. Однако в то же время такая структура обладает естественной способностью делать конфликт плодотворным и придавать жертвоприношению смысл. Центроверсия выражается в психике как стремление к целостности, уравновешивающее односторонность ее развития в первой половине жизни компенсирующим развитием в течение второй. Напряженный конфликт между сознанием и бессознательным, при условии, что действуют естественные

компенсаторные тенденции бессознательного, ведет к устойчивому развитию личности; а с интенсификацией сознательно-бессознательных взаимоотношений в такой созревающей личности первоначальный конфликт сменяется все более богатым и более полным синтезом.

Но в самом начале дифференциация и разделение, неизбежные в развитии человечества, также необходимы и индивиду, в своем собственном развитии повторяющему старый путь, пройденный человечеством. Напряжение, возникающее из его внутренней психической поляризации, составляет энергетический потенциал личности и определяет его двойственное отношение к миру.

С ростом Эго-сознания наблюдается прогрессивный перенос либидо на мир, его кумулятивное "инвестирование" во внешние объекты. Такой перенос либидо обусловлен двумя причинами: с одной стороны, использованием сознательного интереса Эго и, с другой стороны, проекцией бессознательного содержимого. Всегда, когда энергетический заряд бессознательного содержимого становится чрезмерным, оно разряжается путем проецирования из бессознательного. Теперь оно соприкасается с сознательным умом в виде оживляющих мир образов, и Эго воспринимает его как содержимое этого мира. Таким образом, в результате проекции возникает интенсифицированная фиксация на мире и носителях проекции.

Этот процесс особенно заметен в период полового созревания. Активация бессознательного, в этот период проявляющаяся в виде параллельного психофизиологическому изменения признака, выражается в повышенной активности коллективного бессознательного и архетипов; она намного превосходит активацию сексуальной сферы, и ее проявления заключаются не только в опасности вторжения в сознание, о чем свидетельствует частота психотических дебютов в этот период, а прежде всего в появлении страстного интереса ко всему, стоящему выше личности, к идеям и идеалам, имеющим универсальное значение. Многие люди проявляют подобный интерес только в этот период повышенной активности коллективного бессознательного. Кроме того, период отрочества характеризуется изменением эмоционального тона, переживанием жизни и мира, более близким к вселенскому единству первоначального человека, чем к настроению современного взрослого. Такое лирическое оживление, сравнительно частое появление мифологических мотивов в сновидениях и поэтические сочинения этого периода являются типичными признаками активации слоя коллективного бессознательного.

Но так как компенсаторная деятельность сознания в период полового созревания также усиливается, то лишь ярко интровертированные или творческие личности непосредственно осознают движение в бессознательном. Обычно оно проходит за стеной, отделяющей Эго от бессознательного, и сознательного ума достигают только слабые его отголоски. Наряду с влиянием на интерес и чувство, активированное бессознательное проявляет себя также посредством "очаровывающих" проекций, инициирующих и обеспечивающих следующую стадию нормального развития.

Самые важные проекции этого периода — анима или анимус, имаго противоположного пола, скрытые в бессознательном, которое теперь активируется. Эти пленительные образы проецируются на мир, и начинается их поиск в нем. Таким образом констеллируется проблема партнера, основная тема в течение первой половины жизни.

Активация коллективного бессознательного и изменения Эго в период полового созревания

Отделение от родительских имаго, то есть от реальных родителей, которое должно произойти в период полового созревания, вызывается, как показывают примитивные обряды инициации, активацией образов надличностных или Первых Родителей. Эта активация институционно используется коллективом и для коллектива, в том смысле, что последний требует проекции родительских архетипов на надличностное содержимое, которое осознается также как надличностная реальность и способствует ей. То есть отношение к фигуре господина, учителя и лидера — одним словом, к личности, наделенной маной[6] — как к проекции архетипа отца не менее важно, чем проекция архетипа матери на родную страну или на общество, Церковь или политическое движение. Начиная с этого момента, жизнь юноши, который вышел из семейного круга в коллектив, будет в значительной мере подчиняться атому содержимому и использоваться им.

Критерием "созревания" является то, что индивид выводится из семейного круга и вводится в мир Великих Дарителей Жизни. Соответственно, половое созревание — это время возрождения, и его символизм является символизмом героя, который возрождается посредством сражения с драконом. Цель всех обрядов, характерных для этого периода — обновление личности посредством ночного морского путешествия, когда духовный или сознательный принцип одолевает дракона матери, а узы, связывающие ее с матерью и детством, а также с бессознательным, разрываются. Окончательная стабилизация Эго, которая происходит с трудом, стадия за стадией, соответствует окончательному убийству дракона матери в период полового созревания. Так как в реальной жизни в этот момент онтогенетического развития осуществляется отделение анимы от матери, а значение матери заслоняется значением души-партнера, то на это время обычно приходится завершение борьбы с драконом. Возродившийся перерождается через принцип отца, с которым он отождествлял себя при инициации. Он становится сыном отца без матери, и, поскольку он равен отцу, он является также и отцом самому себе.[7]

Во время допубертатного периода Эго постепенно занимало центральное положение; теперь, с наступлением половой зрелости, оно наконец становится носителем индивидуальности. Отделение от бессознательного — настолько, насколько это необходимо для создания напряжения между двумя системами — завершается. Инициации возмужания являются выражением активированного коллективного бессознательного, которое теперь привязывается к обществу, так как в этих обрядах архетипический канон передается как духовный мир коллектива старшими, представляющих "небо". Таким образом, неофит, даже если он не удостаивается персонального откровения, как в случае инициации "духа-хранителя" у Северо-Американских индейцев, подходит к новому ощущению своего центрального положения в коллективе. Быть инициированным и быть взрослым означает быть ответственным членом коллектива, ибо с этого момента выходящее за рамки личного значение Эго и индивида включается в культуру коллектива и ее канон.

Самоосознание центроверсии во второй половине жизни

Первым условием этого развития является успешное окончание борьбы героя, когда победитель объединяется со сверхличностными силами, возникшими перед ним в духовном мире инициации. Неофит ощущает себя наследником этого мира, ради которого он вступает в земную борьбу. Осуществляет ли он свое отделение от мира бессознательного, признавая мир религии и этики или принимая табу и религиозные законы — имеет второстепенное значение.

Победа означает самозарождение маскулинности, и как убийца дракона, победитель награждается Принцессой. Теперь, когда он достиг зрелости, и сексуальность стала

допустимой, место матери занимает возлюбленная. Теперь он выполняет сексуальную роль, и в то же время должен преследовать как индивидуальную, так и коллективную цель.

Первая половина жизни главным образом посвящена адаптации к силам внешнего мира и их выходящим за рамки личности требованиям. Только проекция архетипов Первых Родителей и анимы с анимусом позволяет сознанию развиваться в направлении мира. Именно очарование архетипических образов, действующих "за" соблазном внешней реальности, придает психике ее внешнюю направленность, характерную черту всего нормального развития в этой фазе.

Эта фаза отмечается постепенным разворачиванием сознания и умножением связей с реальностью. Лежащая в основе тенденция предоставляется самой природой и соответствует тем врожденным инстинктам и психическим механизмам, которые способствуют росту и стабилизации сознания. Примером этой тенденции является уже то, что бессознательное, активируясь в период полового созревания, вследствие естественных процессов ассимиляции и проекции, буквально "выворачивается наизнанку".[8]

После наступления половой зрелости Эго-сознание нормального взрослого человека является прочным, но гибким, располагает сравнительно большим количеством свободного либидо, хорошо защищено от вторжений бессознательного, но не отгорожено от него, и соответственно своим возможностям и заряду либидо, положительно настроено по отношению к большей или меньшей части объективного мира. Как у экстравертов, так и у интровертов сознание и личность формируются посредством прогрессирующего овладения миром и адаптации к нему. Исключением является творческий индивид, у которого бессознательная активность избыточна, но сознание способно противостоять этому избытку, и невротик, с нарушенным по какой-либо причине развитием сознания.

Отсутствие в нашей культуре обрядов и обычаев призванных сглаживать вхождение подростка в мир является одно из причин возникновения неврозов в юности, общей для которых является трудность встречи с требованиями жизни и сложность адаптации к коллективу и партнеру. Отсутствие обрядов, связанных с климактерическим периодом, действует подобным же образом. Общей для климактерических неврозов второй половины жизни является сложность освобождения себя от земных привязанностей, необходимого для нормальной жизни в пожилом возрасте и решения его задач. Поэтому причины таких неврозов совершенно отличаются от причин неврозов первой половины жизни, и даже противоположны им.

В то время как в первой половине жизни центральное положение Эго не позволяет осознать действие центроверсии, средний возраст характеризуется решающим изменением личности. Центроверсия становится сознательной. Эго подвергается действию несколько болезненного процесса, который, начинаясь в бессознательном, пронизывает всю личность. Это психологическое изменение с его симптоматикой и символизмом Юнг описал как процесс индивидуации, и в своих работах по алхимии проиллюстрировал эту тему богатым материалом.

Таким образом, мы можем сказать, что с наступлением второй половины жизни личностное развитие центроверсии вступает во вторую фазу. В то время как его начальная фаза вела к развитию Эго и дифференциации психических систем, его вторая фаза несет с собой развитие самости и интеграцию этой системы. Но, хотя направление процесса трансформации противоположно направлению развития первой половины жизни, дезинтеграции Эго и сознания не происходит; напротив, наблюдается расширение

сознания, вызванное размышлением Эго о самом себе. Представляется, будто бы Эго восстановило свое первоначальное положение: оно выходит из мономаниакальной одержимости самим собой и снова становится инструментом целостности.

Бессознательная активность самости господствует в ходе всей жизни, но только во второй ее половине эта активность становится сознательной. В ходе формирования Эго в раннем детстве происходит постепенное центрирование сознания, где Эго выступает как орган, представляющий целостность. В период возмужания индивид как Эго ощущает себя представителем коллективной целостности. Он становится ответственным членом коллектива, и между ними возникает та же творческая взаимосвязь, что и между Эго и бессознательным. Начиная со времени полового созревания и до наступления климакса — периода активного расширения, которое меняет свое направление на обратное с наступлением второй половины жизни — диалектика между индивидом и коллективом имеет внешний характер. Затем, вместе с индивидуацией приходит овладение внутренней диалектикой между Эго и коллективным бессознательным.

В процессе интеграции личность возвращается назад по пути, пройденному ею в течение фазы дифференциации. Теперь возникает вопрос достижения синтеза между сознательным умом и психикой в целом, то есть между Эго и самостью, так чтобы между прежде диаметрально противоположными системами сознания и бессознательного могла констеллироваться новая целостность. Все дифференциации и компоненты личности, которые оформились в течение первой половины жизни, когда развивалось сознание, теперь разрушаются. Однако это происходит не в форме регресса, как при массовой реколлективизации (см. Приложение I), а в форме интеграции, в которой расширение и развитие сознания просто продолжаются в новом направлении.

В этом процессе трансформации — который проявляется не только в сознательной форме процесса индивидуации, но и, посредством саморегуляции психики, управляет также созреванием всей личности — Эго достигает осознанности самости. В то время как Эго-сознание узнает о существовании самости, самость эволюционирует из своей бессознательной активности и достигает стадии сознательного проявления. Путь трансформации, который проходит индивид, напоминает магический процесс в алхимии; это новая форма сражения с драконом, кульминацией которого является качественное изменение сознания. Когда сознательный ум ощущает единство психики, психологической реальностью становится мифологическая стадия, которую мы назвали "Трансформация, или Осирис".

В противоположность предшествующей дефляции бессознательного, дифференциации и формированию уклона вовне, к коллективу, мы теперь наблюдаем дефляцию мира, интеграцию и формирование уклона внутрь, к самости. Во время первой половины жизни безличная и бессознательная жизнь детства должна оформиться в личностную жизнь взрослого человека, который, сохраняя свое положение в коллективе, должен предоставить центральное место сфере Эго, будь то сфера личных достижений, человеческих взаимоотношений, власти или творческой деятельности. За этой фазой развития личности, в которой доминирует Эго, следует другая, где ассимиляция надличностного и сверхличностного содержимого ведет к смещению центра от личностного Эго, центра сознания, к самости, центру всей психики.

Интеграция всех управляющих структур личности в рамках этого целостного психического единства объединяет сознательный ум с теми частями, которые откололись от него или вообще никогда не были соединены с ним; и этот процесс активирует эмоциональные компоненты, а также завершает вторичную персонализацию. Хотя это

развитие обычно протекает без нарушения целостности сознания, кризисы и опасности, которые оно таит в себе, остаются теми же, что угрожали примитивному Эго, и в серьезных случаях они могут даже погубить личность. Здесь эмоциональные и архетипические вторжения тоже угрожают Эго, когда на своем героическом пути в преисподнюю оно добровольно отбрасывает ограничения и защиты сознательного развития. Например, за родительскими имаго теперь вырисовываются первичные архетипы, а фигуры, которые встречаются по мере продвижения вперед, становятся все более разнообразными, более сложными, более загадочными и двусмысленными. Точно так же, как личность отказывается от преимущественного главенства своего собственного пола и, ассимилируя аниму или анимус, вновь обретает свой первоначальный гермафродитизм, так и архетипы теряют свою однозначность во множестве противоречивых значений. Однако, в противоположность примитивному состоянию, теперь есть сознание, способное воспринять всю их разнонаправленность и парадоксальность, в то время как ранее они бы привели к его гибели. В эволюции человечества бессознательное выражалось преимущественно спонтанно, через естественный символ; но теперь, кроме этого, возникает явление, которое Юнг назвал "объединяющим символом" и "трансцендентной функцией".[9]

Объединяющий символ представляет собой продукт особого состояния, в котором вместо преобладания бессознательной способности к творчеству, как это всегда бывает в случае появления естественных символов, решающим фактором, скорее, является позиция сознательного Эго, его стабильность перед лицом бессознательного. Как продукт трансцендентной функции, объединяющий символ рассеивает напряжение - энергии и содержимого - существующее между стабильностью сознательного Эго и противоположной тенденцией бессознательного овладеть им.

Таким образом, объединяющий символ является непосредственным проявлением центроверсии, целостности индивида. В результате творческого влияния новых, до этого бездействовавших элементов, сознательная и бессознательная позиция преодолеваются, то есть "трансцендируются". Объединяющий символ является высшей формой синтеза, самым совершенным продуктом внутреннего стремления психики к целостности и самоисцелению; он не только "сглаживает" весь конфликт — при условии серьезного к нему отношения и переживания до конца превращая его в творческий процесс, но и делает его. отправной точкой для нового расширения целостной личности.

Юнг отмечает: "Стабильность и позитивность индивидуальности и превосходящая сила бессознательного выражения являются всего лишь проявлениями одного и того же явления".[10] Стабильность и позитивность индивидуальности означают силу и целостность, моральную чистоту сознательного ума, его отказ бессознательному и миру позволить разрушить себя. Но "превосходящая сила бессознательного выражения" представляет собой трансцендентную функцию, творческий элемент психики, который, открывая новый путь, новую ценность или образ, может преодолеть конфликтную ситуацию, неразрешимую для сознательного ума. Вместе они свидетельствуют о том, что достигнута совокупная констелляция личности, в которой способность психики к творчеству и определенность сознательного ума уже больше не являются двумя противоположно направленными системами, отколовшимся друг от друга, а достигают синтеза.

Этот синтез психики часто сопровождается символами, представляющими новое единство противоположностей, таких как символ гермафродита. Здесь снова проявляется гермафродитический характер уробороса, но уже на новом уровне.

Как в алхимии первоначальное соединяющее в себе два разных качества состояние prima materia сублимируется посредством последовательных трансформаций до тех пор, пока оно не достигает конечного и опять соединяющего в себе два разных качества состояния философского камня, так и путь индивидуации через последовательные трансформации ведет к высшему синтезу Эго, сознания и бессознательного. В то время как вначале зародыш Эго находится в объятиях гермафродитного уробороса, в конце золотой сердцевиной сублимированного уробороса оказывается самость, сочетающая в себе маскулинные и фемининные, сознательные и бессознательные элементы, единство, в котором Эго не погибает, а ощущает себя в самости как объединяющем символе.

В этом процессе происходит "сублимация" Эго, когда оно осознает свою связь с самостью, связь, которая неоднократно появляется в парадоксальной тождественности Гора и Осириса, Эго, будучи само по себе смертным, осознает себя бессмертным в самости; связь между ними выражена в афоризме Талмуда: "Человек и Бог — братья-близнецы[11] а также в символизме тождественности отца и сына, матери и дочери. Уступая Самости свои притязания на уникальность и свое центральное положение, Эго, как ее косвенный представитель, становится "царем этого мира", точно так же, как самость является "царем духовного мира".

Первая фаза этого процесса "осирисофикации" и трансформации, эквивалентного процессу индивидуации, все еще лежит в сфере архетипа героя; это фаза сражения с драконом и иерогамией с анимой. Вместе они составляют первую стадию трансформации, которая заканчивается образованием самости, единства как внутреннего акта самопорождения и прославления. Интроекция архетипа героя, союз с душой, основание царства, которое "не от мира сего", и рождение царя являются как таинствами алхимии, так и процесса индивидуации.[12]

Акт самопорождения, который происходит в самом начале жизни, когда Эго-сознание освобождается от разрушительных объятий дракона бессознательного, соответствует возрождению Эго как самости, когда во второй половине жизни оно вырывается из объятий дракона мира. Сражение с драконом первого периода начинается со встречи с бессознательным и заканчивается героическим рождением Эго. Ночное морское плавание второго периода начинается со встречи с миром и заканчивается героическим рождением самости.

Эта последняя фаза сознательного развития уже больше не архетипична, то есть коллективно не обусловлена, а индивидуальна. Архетипический материал также может ассимилироваться, но он ассимилируется сознательно и индивидом, который достигает восприятия самости посредством своего уникального и неповторимого объединения с внешним и внутренним мирами. Теперь над Эго властвует не бессознательный, чисто коллективный мир уробороса, и не сознательный, чисто коллективный мир общества, а оба они сочетаются и ассимилируются единственным в своем роде образом. В то время как фрагментарное Эго оказывается ..просто атомом, затерянным между огромными коллективными мирами объективной психики и объективной физики. Эго, объединённое с Самостью антрнопоморфически ощущает себя центром вселенной

Пройдя через все фазы восприятия мира и самого себя индивид достигает осознания своего истинного значения. Он осознает себя началом, серединой и концом саморазвития психики, которая проявляется вначале как Эго, а затем воспринимается этим Эго как самость.

Однако это восприятие Эго самости связано с "вечностью", с бессмертием, как в мифе об Осирисе. Целостность, которая возникает в результате процесса индивидуации, соответствует глубокому структурному изменению, новой конфигурации личности. В то время, как в первой половине жизни наблюдалась тенденция к дифференциации и, в ущерб целостности, постоянно росло напряжение, теперь процесс интеграции ведет к увеличению стабильности и снижению напряжения. Это направление развития находится в соответствии с естественным созреванием всех живых структур. Оно имеет как биологические, так и физические эквиваленты. Таким образом, генезис, стабилизация, конфигурация и консолидация личности связаны с символизмом, компонентами которого являются совершенная форма, равновесие, гармония, прочность. Все эти элементы содержит в себе мандала, независимо от того, представляется ли она в виде круга, сферы, жемчужины или симметричного цветка; а бриллиант, камень или скала как символы самости демонстрируют неразрушимость и постоянство чего-то, что уже больше не может быть расколото на части противоположностями.

Но там, где акцент па неразрушимость, вечность и бессмертие не так силен, стабильность психики выражается как постоянство живого организма, который растет, развивается и обновляет себя. Поэтому снижение напряжения между противоположностями указывает, скорее, на согласие и гармонию действующих сил, на качественное изменение, чем на количественное снижение их мощности. Здесь, как и повсюду, зрелость означает трансформацию количественно более высоких напряжений в качественно более высоко организованные и более стабильные структуры.

Структурную целостность с самостью в центре психики символизирует мандала, круг, имеющий центр, и гермафродитный уроборос. Но этот уроборический круг теперь имеет в центре светлую сердцевину самости. В то время как вначале уроборос существовал только на животном уровне, и зародыш Эго, содержащийся в его середине, был почти не виден, в распускающемся цветке мандалы животное напряжение противоположностей преодолевается, превосходится самостью, которая расцветает венчиком противоположностей. В начале развития сознание было почти полностью подавлено сокрушительным превосходством бессознательного; в конце - оно расширяется и крепнет благодаря связи с самостью. Это сочетание самости со стабильностью Эго приводит к подчинению и включению в магический круг всего содержимого, относится ли оно к миру или бессознательному, внешнему или внутреннему.

Самодифференцирующаяся структура психики отражается в мире, расколотом принципом противоположностей на внешний и внутренний, сознательный и бессознательный, жизнь и дух, мужское и женское, индивид и коллектив. Но для созревающей психики, медленно интегрирующейся под влиянием символа гермафродита, мир также принимает вид гермафродитного кольца, внутри которого обретает свою форму человеческий центр, будь то индивид, который приходит к самоосознанию между внутренним и внешним мирами, или само человечество. Ибо человечество в целом и отдельный индивид имеют одну и ту же задачу, а именно: осознать себя как единство. Оба они выбрасываются в реальность, одна половина которой предстает перед ними как природа и внешний мир, в то время как другая принимает форму психики и бессознательного, духа и демонической силы. Оба должны ощутить себя центром этой совокупной реальности.

Мы начали с Эго, лежащего в лоне родительского дракона уробороса, свернувшегося, как зародыш, в окутывающем слиянии внутреннего и внешнего, мира и бессознательного. Мы заканчиваем, как в алхимической картине, гермафродитом, повергнувшим этого

дракона: благодаря своей собственной синтетической сущности, Эго преодолело первичное состояние, над ним сияет корона самости, а в его сердце пылает бриллиант.

Но лишь только когда сознательное развитие человечества в целом, а не просто отдельных индивидов достигнет этой стадии синтеза, будет по-настоящему преодолено поглощающее индивида уроборическое состояние, а с ним — и опасность дракона для коллектива. Человечество должно воспринять и постичь коллективное бессознательное как основу, общую для всех людей. Опасность постоянных вторжений из бессознательного не будет предотвращена до тех пор, пока процесс интеграции не приведет к новому синтезу разделенных рас, наций, племен и групп. И тогда будущее человечество осознает, что центр, который индивидуальная личность воспринимает сегодня как свой собственный центр-самость, един с самостью самого человечества, и ее рождение окончательно одолеет и заставит уйти этого старого змея, первичного дракона уробороса.

[1] "The Stages of Life"; также см. Герхард Адлер. Эго и цикл жизни.

[2] В работе Biologische Fragmente zur vom Lehre vom Menschen, которая оказалась в моем распоряжении только после завершения моей рукописи, A.Portmann выражает взгляды, которые удивительно совпадают с моими собственными. То, что мы пришли к одинаковым выводам, хотя и приближались к ним от таких отличных отправных точек, как биология и глубинная психология, немало говорит в пользу объективности этих выводов.

[3] Юнг, Психологические типы.

[4] Юнг, Семинар по детским сновидениям (не публиковалось); Wickes, The Inner World of Childhood; Fordham, Yhe Life of Childhood.

[5] Р. М. Рильке. Третья элегия. [Цит. по: Р. М. Рильке. Лирика. М.-Л.: Художественная литература, 1965. Перев. Т. Сильман. — Прим. ред.]

[6] Юнг Отношение между Я и бессознательным.

[7] Частичное перенесение этих обрядов возмужания на период раннего детства является типичной чертой патриархально ориентированных структур. Здесь, в обрядах обрезания и крещения отец заменяет мать в самом начале жизни, так что материнская сфера сознательно и решительно сужается.

[8] Естественность этого развития доказывает также анализ связанных с развитием затруднений и нервных расстройств в зрелой жизни.

[9] Психологические типы, опр.51. Ю

[10] Там же.

[11] Talmud, Sanhedrin 46b.

[12] Юнг, Психология и алхимия.

Приложение 1

ГРУППА И ВЫДАЮЩАЯСЯ ЛИЧНОСТЬ

Мы попытались прояснить психологическое значение уроборического состояния и представить его как первоначальное состояние Это. Теперь наша задача состоит в том, чтобы показать, как Эго и индивид развиваются из группы. В первую очередь мы должны продемонстрировать положительное значение группы для индивида и установить различие между группой и массой. Группа - это живая организационная единица, в которой все члены взаимосвязаны друг с другом, будь это связь естественная биологическая, как в племенной группе, семье, клане и примитивной народности, или институционная, как в тотеме, секте и религиозной группе. Но даже в институционной группе ее члены эмоционально связаны друг с другом общими переживаниями, инициациями и так далее. Таким образом, формирование группы зависит от существования participation rnys tique между ее членами, от процессов бессознательной проекции, эмоциональное значение которых мы уже обсуждали. Симптоматичным для этой ситуации является, например, то, что члены группы называют себя братьями и сестрами и таким образом воспроизводят по аналогии первоначальную семейную группу, где эти узы считаются само собой разумеющимися.

Кроме того, группа имеет постоянный характер, обеспеченный бессознательными узами между ее членами. Каждая подлинная группа является постоянной, и благодаря этому постоянству она обретает также и исторический характер. Даже временные группы, такие как школьные классы, военные полки и т. п. — демонстрируют тенденцию создавать свою историю, чтобы стать подлинной группой. Они пытаются сделать историческими первоначальные переживания, на которых была основана группа — общие переживания юности или войны — и демонстрируют свое постоянство посредством собраний, митингов, протоколов, журналов заседаний и так далее.

С другой стороны, массовые объединения являются объединениями лишь номинальными, которым мы не можем приписать характер и название группы. Им всегда присуще то, что Гештальт-теория называет аддитивными частями, то есть скопление индивидов, которые не связаны эмоционально и между которыми не протекают никакие процессы бессознательной проекции. Совместное пользование поездом или театром, объединение в союзы, общества, гильдии, корпорации, партии и т. п. не образует группового сообщества. Конечно же, в таком соединении в массу может произойти вторичное группирование, так что при этом появится частичное сходство с подлинным явлением группы. Но затем этот частичный характер группирования все равно обнаружится. В чрезвычайных обстоятельствах случается так, что притяжение первоначальной группы, например нации, оказывается сильнее, чем членство в партии. Судьба социальной демократии, например, неоднократно демонстрирует нам, что политическая партия является массовым объединением, которое распадается, как только активируется первичная группа, и что преданность группы нации снова заявляет о себе в условиях эмоционального кризиса, например, в начале войны.

Подобным образом и объединения, появившиеся в результате ре-коллективизации, которое будет обсуждаться позднее, также являются массовыми. Вовлечение отдельного индивида в массовое движение — психологический процесс, который не имеет постоянного характера и никогда не может сформировать группу. Как мы увидим, массе не достает положительных черт группы, даже в том случае, если индивид, находящийся в массе, может ошибочно принимать ее за группу и полагать, что ощущает единство - иллюзорный характер которого, однако, виден из самой его преходящести.

Таким образом, группа, в нашем смысле слова, представляет собой психологическую организационную структуру, имеющую постоянный характер. И независимо от того, естественна она или институционна, в любом случае она контрастирует с соединением в

массы. Группа, в которую индивид, представляет собой естественное целое, интеграцию частей, как это наиболее ясно видно в первоначальном уроборическом состоянии. Превосходство этой группы над индивидуальной частью наделяет ее всеми чертами архетипа. Она обладает превосходящей силой, имеет духовный характер и лидерство, является нуминозной и всегда "совершенно иная", что видно во всех институционных группах, где существует основатель группы. Самый отчетливый пример этого явления — проекции групповой целостности — тотемизм.

Духовный характер тотема имеет религиозное и, даже в большей мере, социальное и этическое значение. Он является формирующим принципом всей примитивной жизни, так как им определяются все поведение, обряды и празднества, а кроме этого — социальной иерархией, установленной тотемом.

Обретение индивидуального тотема, как в Северной Америке, никоим образом не является правилом; напротив, здесь существует коллективное требование, чтобы индивид индивидуализировал себя, услышав "голос", получив прямое внутреннее откровение, что совершенно противоречит обычаям примитивных культур, в которых тотем наследуется. Но даже в этом случае тотем обычно передается посредством обрядов инициации; то есть, становится духовным наследием индивида. Особенно интересен феномен духа-хранителя, так как в нем мы можем наблюдать, в коллективной форме, действие, обычно приписываемое только Выдающимся Личностям и ставшее причиной повсеместного возникновения тотемизма. Дух не только жив и активно действует в групповой психике, то есть в бессознательном группы, но эти духовные явления коллективного бессознательного проявляются в откровениях, которые получают особенно одаренные индивиды. Они и становятся Выдающимися Личностями именно потому, что передают откровения, как носители надличностного.

Коллективное бессознательное группы проявляется, овладевая индивидом — функцией которого оно является — как органом группы, чтобы передать ему содержимое бессознательного. Такие проявления определяются состоянием группы и тем, как констеллировано коллективное бессознательное.

Таким образом, мы имеем целую иерархию явлений, раскрывающих глубинные слои психики, и соответствующую иерархию носителей откровений -Выдающихся Личностей. Носителей откровений друг от друга отличают в основном две вещи: первое — степень сознательного участия в откровениях; второе — масштаб возникающего содержимого.

Самое нижнее место в этой иерархии занимает Выдающаяся Личность, выступающая только как пассивный носитель проекции, то есть человек, сознательный ум и личность которого не имеют никакого отношения к тому, что на него проецируется. Примером этого является широко распространенное назначение символических жертв, символизирующих предназначенного для принесения в жертву бога. Они могут быть выбраны в связи с красотой, как, например, богиня плодородия, или по какой-нибудь символической — и совершенно для нас случайной причине — отличительной черте своего тела, например, они могут быть альбиносами или иметь особые отметины, вроде некоторых физических недостатков, якобы изобличавших ведьму в Средние Века. Часто носители символа бывают чисто институциональными, как в случае принесения в жертву пленников войны в древней Мексике. Эта форма не имеет никакой непосредственной взаимосвязи между личностью и проецируемым на нее содержимым. Она основана на религиозных институтах и свитой жрецов, пророков, магов и т. п., выбирающих жертву с помощью гадания или других методов, и которые поэтому в данной ситуации являются активными элементами. Но даже здесь существует активная проекция бессознательного

содержимого группы на индивида, вследствие чего он становится Выдающейся Личностью, как это видно из многочисленных нарушений обета, делающих его человеком "привилегированным", к которому обычные табу уже не применимы.

На более высоком уровне располагается индивид, непосредственно одержимый бессознательным содержимым — духом, демоном, Богом — даже когда его сознательный ум не участвует в ассимиляции или интерпретации содержания. Эта пассивная загипнотизированность бессознательным очень распространена. Ее называют шаманизмом, ее можно наблюдать в состоянии одержимости практически всех знахарей, пророков и так далее. К этой категории относится также сумасшедший — у него надличностные силы коллективного бессознательного и духовного мира проявляются без участия сознательного ума и Эго. Как мы знаем, у примитивных народов, в отсутствие соответствующим образом одаренных "психопатических" личностей, это состояние иногда вызывали искусственно, доводя члена племени до безумия и превращая его тем самым в шамана. Таким образом, он становится глашатаем трансперсонального и передает группе необходимое ей содержимое, активированное в коллективном бессознательном.

Эта стадия имеет множество форм и вариаций, ибо пассивная одержимость содержимым коллективного бессознательного может привести к отождествлению с ним, к инфляции, а также к "символической жизни", когда содержимое бессознательного становится "переживанием" реальности, как это отчасти наблюдается у иудейских пророков и явно видно всегда, когда "имитируется" жизнь божественной фигуры.

Кроме того, типичный пример такой связи между одержимостью бессознательным и значением личности для группы — ее временный лидер, не постоянный, а только совершивший нечто выдающееся в необычной ситуации и потому является Выдающейся Личностью только на определенное время.[1]

Медиумистическая фигура Фюрера, загипнотизированного гипнотизера, также относится к низшей категории шаманов, для которых демонизм Выдающейся Личности — это просто средство демонизации массы, и значение которой как индивидуальной личности ограничивается, как и значение сумасшедшего, простой передачей бессознательного.

Теперь мы подходим к важному критерию. Многих поистине "великих" людей отличает от этих низших стадий то, что их сознательный ум активно участвует в этом процессе и занимает по отношению к нему ответственную позицию. Гипнотизера, загипнотизированного бессознательным, характеризует банальность ума, отсутствие осознания собственных личных проблем. Ибо, когда сознание полностью подавляется вторгающимся содержимым, оно становится неспособным занять какую-либо контрпозицию, и это содержимое увлекает его и овладевает им полностью.

С другой стороны, Выдающаяся Личность, которая действительно является великим человеком в том смысле, что представляет собой исключительную фигуру, характеризуется не только тем, что бессознательное содержимое держит его в своей власти, но также и тем, что его сознательный ум также осуществляет активный контроль над этим содержимым. Принимает ли его ассимиляция этого содержимого форму творения, интерпретации или действия - не имеет значения; ибо общим для всего этого является ответственное участие Эго в достижении согласия с вторгающимся содержимым, и не только его участие, но и его способность занять твердую позицию.

Только тогда Выдающаяся Личность становится творческим человеком. Действие теперь уже опирается не только на вторгающееся надличностное, но и на центроверсию, действующую через Эго-сознание; другими словами, теперь существует творческая совокупная реакция. В ней сохраняются специфически человеческие качества Эго-формации и развития сознания.

Эта категория Выдающихся Личностей служит примером развития индивидуальности для человечества в целом. Индивидуальная судьба героя — а творческая Выдающаяся Личность, действительно героическая, может быть исключением, но герой выступает также образцом процесса, который впоследствии в различной степени затрагивает всех индивидов.

Среднее Эго, средний индивид остается укорененным в группе, хотя в ходе развития он вынужден оставить первоначальную безопасность бессознательного, развить сознательную систему и принять на себя все осложнения и страдания, которые влечет за собой такое развитие. Первичную безопасность бессознательного он обменивает на вторичную безопасность группы. Он становится членом группы. Средний человек проводит, по меньшей мере, половину своей жизни — существенную часть своего развития - адаптируясь к группе и позволяя коллективным тенденциям сформировать себя.

Коллектив играет решающую роль в человеческой культуре. Сознательные установки общества определяют авторитет, духовную традицию, формирующую основу воспитания, независимо от того, выражена она словами или нет. Индивид формируется коллективом через этос, его обычаи, законы, мораль, его ритуал и религию, его институты и коллективные дела. Если принять во внимание первоначальную погруженность индивида в коллектив, то становится понятно, почему коллективная ориентация всегда является настолько связывающей и принимается безоговорочно.

Наряду с этой тенденцией коллектива к формированию средних членов и воспитанию Эго в соответствии с культурной нормой, предоставленной старшими, существует еще одна тенденция, которая направлена на Выдающуюся Личность.

Для члена группы Выдающаяся Личность в первую очередь — носитель проекций. Бессознательная психическая целостность коллектива воспринимается в лице Выдающейся Личности. Она одновременно выступает как групповая самость и бессознательная самость каждого члена коллектива. То, что присутствует в каждой части группы как бессознательная творческая совокупность психики, а именно самость, проявляется в Выдающейся Личности или, на более высоком уровне, реализуется в ее жизни. Части коллектива все еще по-детски зависимы, не имеют центра Эго, чувства ответственности или собственной воли, которая отличала бы их от коллектива, так что Выдающаяся Личность считается направляющей силой, истинным центром жизни и институционно почитается как таковая.

Поэтому совершенно недопустимо сводить ее к личностной фигуре отца или выводить из нее. Мы обнаруживаем, что точно так же, как в ранней истории человека Выдающаяся Личность становилась носителем проекции архетипических образов, таких как: самость, наделенная маной фигура, герой и архетип отца — так и в ходе онтогенетического развития фигура, представляющая власть, (в нашей цивилизации это фигура отца), часто становится носителем этих проекций. Но никоим образом на нее не проецируется исключительно архетип отца; очень часто это совершенно иной образ, к примеру, образ волшебника, мудрого старца, героя или, напротив, дьявола, смерти и т.д.

Выдающаяся Личность, преодолевшая анонимность примитивного коллектива, на небесном уровне является фигурой божественной, в то время как на земном уровне она выступает как шаман, вождь и бог-царь. Социологические и религиозные влияния здесь тесно связаны между собой; они соответствуют психическим изменениям, а психическая дифференциация, посредством которой Эго отделяет себя от недифференцированного бессознательного, выражается как в социологических изменениях, так и в теологической дифференциации взгляда человека на мир.

Исторически Выдающаяся Личность наиболее доступна нам в роли бога-царя, а позднее — царя. Самая ранняя клинописная пиктограмма, представляющая "царя" означает "великий человек", и именно таким образом он всегда изображался в живописи Древнего Востока. Великий Царь или продолжатель Великой Династии, Фараон, является олицетворением и представителем народа. То, что иероглифом, обозначающим в Нижнем Египте царя, служит пчела, и этот же самый образ встречается в культуре Евфрата, говорит нам об одном и том же. "Великая" пчела, которая правит ульем и которую мы сегодня называем пчелиной маткой, в античности считалась пчелой-царем. Но в Египте определение царя как "Первого Человека", или "Великого Человека" является продуктом более позднего развития. Оно следует за стадией его тождественности с богом, когда даже ритуально он отстоял от своего народа так же далеко, как и бог. Рассказывая об этой стадии, Тексты Пирамид повествуют, что царь существовал еще до сотворения мира[2] — идея, которая вновь появляется позднее в связи с Мессией.[3]

Мы показали, каким образом в процессе самообожествления египетский царь становится человеческим носителем бессмертной души. Он - единственный человек, при жизни ритуально трансформированный в бога. Он объединяет в целое все части души и становится "совершенным существом";[4] то есть, он выступает первым и в этот период единственным человеком, представляющим собой подобие Бога — концепция, которая в Иудаизме и в несколько модифицированной форме в Христианстве станет основным фактором психической жизни человека.

История Египта уникальным образом позволяет проследить, как Эго преодолевает свою первичную тождественность с коллективом, и как Выдающаяся Личность, как носитель проекции коллективной самости, прокладывает дорогу для формирования Эго каждого индивида, инициирует этот процесс и способствует ему. В то время как в коллективе, состоящем из незавершенных индивидов, бог-царь является архетипическим представителем совокупности группы, эта фигура постепенно развивает свою посредническую функцию, то есть отдает все больше и больше своей маны членам группы и таким образом дезинтегрируется и "расчленяется". Тот же самый процесс инкорпорирования и ассимиляции большего, который первоначально происходил между царем и Богом, теперь протекает между индивидом и царем, который "поедается". Его божественный царский сан постепенно теряет силу, но в то же самое время незавершенные члены коллектива, которые ранее существовали только как орудия его апофеоза, становятся целостными индивидами. Теперь царь превращается в земного правителя, и его деспотизм является просто человеческим и политическим, но снижение его статуса сопровождается процессом, в котором каждый индивид обретает бессмертную душу, то есть, становится Осирисом, и интроецирует самость, бога-царя, как сакральный центр своего собственного существа. Такую же секуляризацию священного содержимого мы находим в растущем осознании собственной родословной и собственного имени. Первоначально и то и другое являлось достоянием царя; позднее они стали присущи каждому индивиду.[5]

Развитие Эго-сознания и индивидуальности через Выдающуюся Личность осуществляется передачей открываемого ею содержимого и превращением его в часть культурного канона, то есть в часть стоящих над личностью ценностей и сил, которые управляют культурой и жизнью. За это главным образом отвечают мужские группы — факт, имеющий особое значение для патриархального направления сознательного развития и для психологического понимания мифа о герое.

На рассвете культуры духовному развитию способствуют мужские общества в форме тайных союзов, которые позднее принимают форму сект, мистерий и религий. Эти тайные общества, по-видимому, с самого начала возникли в противодействие матриархату. Копперз говорит:

"Тайные общества представляют собой очень древнее явление в истории человечества. По-видимому, они были основаны отстаивающими свои права мужчинами вскоре после того, как женщины ввели начала сельского хозяйства. Это могло произойти в Эпоху Мезолита".

Далее:

"Этнологические открытия подтверждают мнение, что именно женщине принадлежит заслуга превращения собирательства начального периода в земледелие. Она сделала почву ценной и вследствие этого стала ее хозяйкой. Она достигла господствующего положения сначала экономически, а затем социально: развился комплекс матриархата.

Не слишком приятная для мужчин ситуация спровоцировала ответную реакцию. Это проявилось в образовании мужских тайных обществ, таинственность и ужас которых были направлены главным образом против женской части населения. С помощью интеллектуальных и религиозно-магических средств мужчины попытались вернуть себе то, что потеряли в экономической и социальной жизни".[6]

Такое историческое и духовное явление, как возникновение тайных обществ, неверно сводить к личностным чувствам негодования, и, кроме того, здесь упускается основной момент. Даже если мы примем эту "компенсаторную теорию", остается фактом — именно этот факт требует объяснения — что для мужских групп религиозно-магическое и духовное содержимое было не менее важным, чем социальное и экономическое главенство матриархата. Этот духовный акцент маскулинности, центральный для всех тайных обществ и мистерий, является самым важным моментом. И если мы неизменно находим в центре церемоний инициации, которые демонстрируют неофитам — с предупреждением под страхом смерти никогда не открывать эту тайну — что духи и маски, которые вселяли в них такой ужас, представляют собой просто "игру" лично знакомых им мужчин, то это фактически означает передачу тайны. Мы не имеем права объяснять это на современный научный лад, утверждая, что неофиту предоставляется такое же объяснение, как и ребенку в наше время, когда ему говорят, что Сайта Клаус — это на самом деле Папа или Дядя Такой-то.

Здесь, как позднее в мистериях, мы имеем дело с подлинным процессом трансформации, который заслуживает серьезного внимания. Таким же образом, как тождественность примитивного человека своему тотему не просто "изображается", а фактически воспроизводится в танце и масках, так и связь тайного общества с покровительствующим ему духом является сакральной. Как гостия — это не более, чем лепешка, так и дух, который появляется во время инициации — это просто человек, играющий его роль.

Так, о празднике Кины у Индейцев Йамана с острова Огненной Земли Копперз рассказывает следующее:

"Здесь вполне уместен термин "тайный"; ибо Кипа отмечается только мужчинами. Женщины не могут принимать в нем участие, и на самом деле весь этот обычай направлен против женщин. Мужчины разрисовывают себя и надевают маски, чтобы изображать духов, при этом предполагается, что женщины будут принимать их за настоящих духов. Таким образом, мужчины сознательно вводят женщин в заблуждение, и, по крайней мере теоретически, за выдачу тайны праздника Кины женщинам или непосвященным грозит смерть".

Соответствующая история повествует, что:

"Это совершенно ясный и определенный звездный миф, согласно которому, женщины, под началом лунной женщины Кины, ранее разыгрывали тот же самый обряд, который теперь разыгрывают мужчины. Рабство мужчин силой разрушил солнечный человек. Ведомые солнечным человеком мужчины (того времени) убили всех женщин, но оставили в живых маленьких девочек, чтобы обеспечить выживание племени".[7]

Мнение о том, что женщин сознательно "обманывают и одурачивают" является, если не совершенно ошибочной европейской интерпретацией, то результатом более позднего неправильного понимания туземцами своих собственных мистерий, с чем мы сталкиваемся очень часто. Первоначально мистерия заключалась именно в том, что разрисованные и одетые в маски мужчины являлись "настоящими духами". Вместе с ощущением своей подлинной надличностности в качестве инициируемого, индивид переживает также часть ритуалистической "вторичной персонализации". Отделение от бессознательного, которое происходит во время инициации возмужания, крайне усиливается тем, что инициируемый видит за масками духов простых людей. Это рассеивает страх и укрепляет Эго и сознание. Но эти знания ни в коей мере не противоречат другому ощущению вновь посвященного: что он и духовный мир составляют одно целое.

Напротив, двойное отношение, которое позволяет постичь индивидуализированное, посвященное Эго и как отдельную личность, и как маску, одновременно личностное и надличностное, является элементарной формой того, что мифы называют божественным происхождением героя.

Противостояние мужского общества всем матриархальным тенденциям неоспоримо, но его нельзя объяснить социальными факторами, так как мы встречаем его в социологических условиях, которые исключают подавление мужчин — не доказанное даже в матриархальном обществе — а именно, при патриархате. С другой стороны, психологическая позиция, которая утверждает, что матриархат представляет собой не столько социологический фактор, сколько психологическую стадию, поможет прояснить ситуацию. Уже в мифе о Кипе мы находим архетипическое противостояние между Лунной Женщиной и Солнечным Мужчиной, в отношении которого Копперз отмечает: "В свете универсальной этнологии тотемная религия отдает предпочтение солнечным концепциям". То есть коллективный мир инициации, тайных обществ, сект, мистерий и религий является духовным и маскулинным, и, несмотря на его общественный характер, акцент все равно делается на индивид, так как каждый проходит инициацию индивидуально и переживания, накладывающие отпечаток на его индивидуальность, тоже индивидуальны. Избирательный характер этого индивидуального ударения составляет

заметный контраст с матриархальной группой, где преобладают архетип Великой Матери и соответствующая стадия развития сознания, обладающие всеми описанными чертами — participation mystique, эмоциональностью и т. п. В противоположной группе мужских обществ и тайных организаций доминируют архетип героя и мифология сражения с драконом, то есть следующая стадия сознательного развития. Правда, мужское общество также ведет к общинной жизни его членов, но она скреплена его индивидуальным характером, маскулинностью и акцентуацией Эго. Следовательно, такое общество способствует формированию лидера и типа героя. Индивидуализация, формирование Эго и героизм присущи самой жизни мужской группы и фактически являются ее проявлениями. Женская группа в этом отношении заметно отличается, и именно этот контраст объясняет направленные против женщины тенденции мужского общества. Женщина и секс, основные представители бессознательных инстинктивных констелляций, возбуждаемых фемининным, представляют зону опасности: они — "драконы, которых нужно победить". Вот почему ни одна женщина никогда не допускается в мужские общества. На этом уровне, где мужчины еще не уверены в себе, женщины объявляются опасными и обольщающими.

Коллективная маскулинность — это создающая ценности и воспитательная сила. Каждое Эго и каждое сознание захватывается и формируется ею. Таким образом маскулинная сторона помогает развивающемуся Эго индивидуально пройти через архетипические стадии и установить контакт с мифом о герое.

Даже этих общих указаний должно быть достаточно, чтобы стало ясно, почему мы говорим о патриархальном направлении сознательного развития. Развитие идет от матери к отцу. Ему способствуют ряд коллективных органов управления — небо, отцы, Суперэго — которые являются выражение маскулинными, как и сама сознательная система. Дальнейшее исследование может показать, что наши термины "матриархальный" и "патриархальный" характерны только для ранних Средиземноморских культур вдоль побережья Малой Азии и Африки. Этот факт просто бы модифицировал нашу терминологию; он не изменит содержания и сущности стадиального развития. Как комплекс отца необходимо разрушить и отделить от него комплекс власти, так же следует поступить и с противоположностью между матриархальным и патриархальным Архетипический символизм мужского и женского является не биологическим и социологическим а психологическим иными словами, женщины могут быть носителями маскулинности и наоборот. Это всегда вопрос отношений и никогда строгих и устойчивых определении.

Фигуры Лидера и Выдающейся Личности как проекций коллективного бессознательного, не ограничиваются мужской группой, хотя последняя более озабочена духовностью этих фигур, чем женская, самозащита которой находит в фигуре Великой Матери представителя, более близкого к природе, чем к духу. Как бы там ни было, фигура Выдающейся Личности имеет решающее значение для развития каждого отдельного индивида. Ее кристаллизация из коллектива несомненно является эволюционным шагом вперед, так как последовательная дифференциация индивида и возникшее в результате бесконечное разнообразие систем Эго, ведут к бесконечному множеству экспериментов в рамках жизни человечества. В то время как ранее, как мы видели, только "великий человек" обладал сознанием и в роли лидера выступал за коллектив, дальнейший ход эволюции характеризуется поступательной демократизацией, в которой огромный ряд индивидуальных сознаний продуктивно выполняет общую человеческую задачу. В этом смысле лидер, обремененный коллективной ответственностью, является атавизмом, а демократия — будущей формой организации человеческого общества, независимо от политических средств ее достижения.

Эта сознательная демократизация человечества компенсируется гением, Выдающейся Личностью, лидером и героем во "внутреннем" смысле, то есть подлинным представителем сил и содержимого, несвойственных такому демократизированному сознанию, и с ее появлением впервые достигающих сознания. Такой человек в первую очередь служит сценой для новых экспериментов человечества. В нем констеллируется то содержимое, которое позднее расширит всю сферу человеческого сознания.

Между демократизированным сознанием человечества, которое живет, функционирует, постигает, мыслит, формулирует, интерпретирует и понимает в миллионах его представителей, и творческими центрами, гениальными людьми, происходит постоянный взаимообмен. Вместе, как духовная и культурная сторона человечества, они образуют объединенный фронт, который противостоит бессознательному, даже если поначалу демократия сознания преследует, подавляет и заглушает гения. То, что миллионы человеческих существ сознательно трудятся сообща и совместно озабочены жизненно важными проблемами коллектива — политическими, научными, художественными и религиозными — делает вероятность принятия гения коллективом еще большей. Временная задержка между появлением гения и его ассимиляцией демократией сознания сравнительно мала. Для самого гения она может быть трагичной, но в том, что касается человечества, она не играет никакой роли.

[1] Это, естественно, не относится к "специалистам", — профессионалам, которые ведут войну, организовывают рыболовные экспедиции и т. п.

[2] Erman and Ranke, Aegypten und aegyptisches Leben in Alterthum, p.62.

[3] Мы объясняли ранее, что одной из основных целей Египетского поклонения мертвым является обеспечение бессмертия царя после его смерти посредством бальзамирования тела и строительства пирамид как символов вечности. В то время как вначале бессмертие обретал только царь, который символизировал коллективную самость, а народные массы десятилетиями тяжело трудились на строительстве пирамид, способствуя его увековечиванию, позднее этот процесс уже ке ограничивался только им одним.

[4] Moret, The Nile and Egyptian Civilization, pp.181 f.

[5] Erman and Ranke, op.cit., pp.185-90.

[6] "On the Origin of the Mysteries in the Light of Ethnology and Indology".

[7] Там же. Это миф об убийстве матери, в противоположность мифу об убийстве отца, придуманному Фрейдом.

[8] Патриархальное развитие вызывает переоценку женского. Самый известный пример этого — миф о сотворении в Книге Бытия. Здесь созидательным принципом является Мир: мир и материя берут свое начало от абстрактного, от духа; женщина происходит от мужчины и появляется позднее. В то же самое время она отрицательна, обольщающая, источник всего зла и должна быть покорена мужчиной. Мир Ветхого Завета очень сильно окрашен этим откровением, в котором все материнско-хтонические характеристики примитивного мира ханаанитян были обесценены, переосмыслены и заменены патриархальной оценочной системой Иеговы. Эта полярность типа Иегова-

земля является основным фактором еврейской психологии, и, если его не понимать, то невозможно понять и евреев.

Приложение 2

ЧЕЛОВЕК МАССЫ И ЯВЛЕНИЯ РЕКОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

В процессе развития запада положительный по своему существу процесс освобождения Эго и сознания от тирании бессознательного стал отрицательным . Он зашел намного дальше разделения сознания и бессознательного на две системы и вызвал раскол между ними; и так же, как дифференциация и специализация дегенерировали в чрезмерную специализацию, так и это развитие пошло дальше формирования индивидуальной личности и породило распыленный индивидуализм. В то время как, с одной стороны, мы видим все большие группы излишне индивидуализированных личностей, с другой стороны, существуют все большие массы человечества, которые вышли из первоначального состояния первичной группы и вступили в исторический процесс. Обе эти тенденции снижают значение группы как организационной структуры, состоящей из людей, сознательно или бессознательно связанных вместе, и превозносят массу как конгломерат несвязанных между собой индивидов.

В то время как клан, племя или деревня, как правило, представляют собой однородную группу, имеющую общее происхождение, город, ведомство или фабрика — это массовая организационная единица. Рост таких массовых организационных структур за счет групповой организационной единицы только усиливает процесс отчуждения от бессознательного. Эмоциональные связи разрушаются и персонализируются; то есть они существуют только в узко ограниченной личностной сфере. Как давно было замечено, на месте группы или народа теперь появляется массовая организационная единица, государство. Это — чисто номинальная структура, которая, наподобие концепции, включает в себя множество вещей, но не представляет основной идеи, возникающего как центральный образ из однородной группы. Романтические попытки переоценить или повернуть обратно это развитие неизбежно приводят к регрессии потому что они не принимают во внимание его направленного вперед характера и неправильно понимают его связи с исторически положительной эволюцией Эго и сознания.

Благодаря процессу массовой агрегации, подлинная группа продолжает существовать только в форме семьи; но и здесь мы уже можем различить дезинтегрирующую тенденцию, все больше ограничивающую эффективность семейной группы и определяющую ей место только в детстве или, скорее, только в младенчестве. Однако семья имеет первостепенное значение для предсознательной и надличностной психологии ребенка.

Для нашей культуры характерны неуклонная дезинтеграция маленьких групп и небольших народностей и, вследствие этого, подрыв психологических основ группы, который выражается в ориентированном на массу складе ума, раздробленности и сознательной интернационализации индивида. Одним из результатов этого расширения сознания является то, что, несмотря на противоречивые национальные идеологии, каждое современное сознание сталкивается лицом к лицу с сознанием других наций и рас и с другими культурами, другими экономическими формами, религиями и системами ценностей. Таким образом, психология первоначальной группы и определяющий ее культурный канон, некогда принимавшийся как само собой разумеющийся, релятивизируются и основательно нарушаются. Взгляд современного человека на мир изменился кардинально, и это требует значительной психологической переоценки. Человеческой истории, начавшаяся в далекие доисторические времена, в животном царстве, возникновение этнологии и сравнительной религии, социальные революции,

ведущие по всему миру к одной и той же цели, признание примитивной психологии и ее связи с современной психологией! — за всем этим мы видим одну и ту же фундаментальную движущую силу. Общечеловеческий фундамент, открытый Юнгом и названный им коллективным бессознательным, начинает проявлять свою универсальную природу человечестве. Проявление картины звездного неба архетипических сил, образующего свод над человечеством, сопровождается, однако, исчезновением фрагментарных созвездий, в каноне индивидуальных групп составляющих целое небо. Знание других религий может привести к распознаванию общей религиозной тенденции, действующей в человечестве, но оно может также релятивизировать каждую отдельную форму религии, ибо по сути каждая религия обусловлена психологической, исторической, социальной и расовой основой группы ее возникновения.

Глобальная революция, захватившая современного человека и в бурном центре которой мы сегодня находимся, переоценка всех ценностей привела к потере ориентации относительно части и целого, и ежедневно мы ощущаем на себе ее новые и болезненные влияния на политическую жизнь коллектива, а также на психологическую жизнь индивида.[1]

Культурный процесс ведет к расколу между сознанием и бессознательным. Как мы указали выше, ее форма свойственна первой половине жизни. Формирование персоны и адаптация к реальности под руководством Суперэго как суда совести, представляющего коллективные ценности, с помощью вытеснения и подавления констеллируют в бессознательном компоненты тени, анимы и анимуса.

Однако эта теневая сторона личности, вследствие ее загрязнения низшей, неразвитой, архаичной стороной, имеет все черты примитивной психики и, таким образом, составляет заметный контраст по отношению к первоначальному человеку группы.

В этой связи мы предпочитаем называть пребывающего внутри нас суб-человека "человеком массы", а не "человеком группы", потому что его психология существенно отличается от психологии последнего. Хотя подлинный человек группы главным образом бессознателен, тем не менее, он живет, подчиняясь центроверсии; он представляет собой психическое целое, в нем действуют мощные тенденции, направленные на развитие сознания, индивидуализацию и духовный рост. Мы проследили эти тенденции, и потому теперь можем сказать, что, несмотря на его бессознательность, невзирая на проекции, эмоциональность и так далее, человек группы обладает огромными конструктивными, синтетическими и творческими силами, которые проявляются в его культуре, его обществе, его религии, искусстве, обычаях и даже в том, что мы называем его суевериями. С другой стороны, человек массы, скрытый в бессознательном современного человека — психический фрагмент. Если эта часть личности интегрирована, то она приводит к значительному расширению личности. Но если она действует автономно, то это имеет злополучные последствия.

Этот бессознательный массовый компонент противостоит сознанию и миру культуры. Он противится сознательному развитию, он иррационален и эмоционален, анти-индивидуален и разрушителен. Мифологически он соответствует отрицательному аспекту Великой Матери — это ее кровожадный сообщник, враг и вепрь-человекоубийца. Эта негативная, бессознательная часть личности архаична в самом отрицательном смысле, ибо это человек-зверь в безвыходном положении. Он становится тенью и темным братом Эго, только если в результате процесса интеграции Эго сознательно опускается в глубины бессознательного, находит его и связывает сознательным умом. Но когда происходит обратное, то есть когда сознание подавляется и полностью подчиняется ему, мы

наблюдаем страшное явление регрессии в человека массы, как это видно в массовых эпидемиях реколлективизации.

В этих условиях дезориентированное, рационалистическое сознание современного человека, атомизированное и отколовшееся от бессознательного прекращает борьбу, так как, что вполне понятно, его изоляция в массе, уже не оказывающей ему никакой психической поддержки, становится невыносимой. Для него задача героя, задача, которую он должен решить, следуя дорогой человечества, пройденной до него, слишком сложна. Структура архетипического канона. которая обычно поддерживала среднего человека, распалась, а настоящие герои, способные вступить в борьбу за новые ценности, естественно, немногочисленны и отделены друг друга времени.

Таким образом, отступническое Эго современного человека уступает реакционной ориентации ума на массу и становится жертвой коллективной тени , внутреннего человека массы . В то время как в однородной . психике негативный элемент имеет свое значимое место как разложение и смерть, как хаос и prima materia или как свинцовый противовес, приковывающий к земле то, что растет, в фрагментированной психике с пораженческим регрессирующим Эго он превращается в бедствие и нигилистическую опасность. Дезинтеграция Эго-сознания приводит к регрессии и разрушению все позиции, сформировавшиеся в ходе человеческого развития, как в случае психоза.

В результате оказывается утерянной Эго-сфера человеческого и личностного. Ценности личности уже больше не принимаются во внимание, а высшее достижение индивида — его поведение как индивидуального человеческого существа — сметается и замещается коллективными типами поведения. Демоны и архетипы снова становятся автономными, индивидуальную душу вновь поглощает Ужасная Мать, а вместе с этим теряют силу восприятие голоса и ответственность индивида перед человеком и Богом.

То, что феномен массы статистически является регрессией до нижайшего уровня, очевидно, так как в этом случае позиции самого сознания начинают ослабевать. Однако, одновременно с этим, наблюдается реактивация медуллярного человека и его огромной эмоциональности. С крушением сознания, ориентированного культурным каноном, пропадает также действенная власть сознания, власть Суперэго, и сознание теряет свою силу. Затем в форме вторжения с бессознательной стороны появляется "женоподобие", проявляющееся в выходе на поверхность комплексов, низшей функции и тени и наконец в полупсихотическом прорыве архетипов. Вся защитная позиция сознательного ума рушится, а вместе с ней — и духовный мир ценностей. Личностная Эго-сфера, также как и автократия личности, отступают, а с ними исчезают и все существенные признаки центроверсии.

Абсолютно любое из этих явлений можно обнаружить сегодня в состоянии массы и в явлениях реколлективизации.[2]

Уникальный и страшный факт в отношении реколлективизации заключается в том, что она не означает и в принципе не может означать подлинного возрождения. Регрессия не воспроизводит первоначальной групповой ситуации, а порождает только массу, никогда не существовавшую прежде и психологически новую.

Когда массы городских жителей регрессируют до бессознательного состояния, это не создаёт психологической единицы, каким-либо образом сравнимой с первоначальной группой и ее психологией. Мы еще раз должны подчеркнуть, что в первоначальной группе сознание, индивидуальность и дух существовали в зародыше и стремилось

выразить себя через коллективное бессознательное группы, тогда как бессознательное, к которому безропотно регрессируют люди сегодня, является, так сказать, бессознательным, не имеющим этих тенденций. Массовой психикой безраздельно владеет автономия бессознательного в тайном сговоре с массовым человеком-тенью скрытым в бессознательной личности, и, по крайней мере, сейчас, не наблюдается никаких признаков регулирующего вмешательства центроверсии или регуляции группы культурным каноном. Таким образом, масса — это разложение более сложной организационной единицы не до более примитивной организационной единицы, а до скопления, не имеющего Центра. Регрессия до человека массы возможна только при условии процесса крайнего раскола между Эго-сознанием и бессознательным, и вытекающей из этого утраты центроверсии. Это отсутствие регуляции целостностью ведет к хаосу.

Используя аналогию с психическим заболеванием, даже в этих условиях можно говорить о действии центроверсии. Жесткое исключение бессознательного и систематическое пренебрежение его усилиями, направленными на компенсацию, приводят к тому, что оно становится разрушительным. В таком случае мы обнаруживаем, что компенсация прекращается и, по словам Юнга, бессознательное начинает разрушать сознание и Эго. Эта позиция "если ты не хочешь то я заставлю тебя" может иногда вызывать радикальную перемену, так же, как наказание может заставить грешника раскаяться. Разрушительное разложение индивида в массе таит в себе эту возможность, но только если оно осознается, понимается, ассимилируется и таким образом интегрируется.

Большая опасность, очевидно, мешающая сознательному постижению этой ситуации, заключается в иллюзиях, спровоцированных реколлективизацией и ослепляющих Эго. Отравляющее влияние нахождения в массе заключается именно в его опьяняющем характере, который всегда сопутствует растворению сознания и его способности к различению. Как мы видели ранее, связующее звено между системой Эго и бессознательным — либидо — является "приятным". Ощущение удовольствия возникает и в том случае, когда это звено разрывается, а система Эго впадает в регрессию. Этот коварный крысолов, "загипнотизированный гипнотизер" массовых эпидемий соблазняет нас старой приманкой — уроборическим инцестом.

При реколлективизации образ первоначальной группы и ее целостности проецируется отступническим Эго на массу. Эго сдается и, реэмоционализированное, изливаясь в массовые оргии, с удовольствием воспринимает массовую, подобную уроборосу, самость, которая засасывает, окружает и поглощает его. Но нигилистическое, регрессивное извращение девиза "Миллионы, объединяйтесь!" поистине является дьявольским. Человек-тень массы, толпа раздробленных индивидов и самость массы объединяются, чтобы образовать псевдоединство, которое является чистой иллюзией. То, что это вопрос всего лишь объединения в массу и пародия на единство, очевидно, так как быстро наступает разочарование и массовая иллюзия не может породить никаких подлинных и прочных связей, а тем более ничего конструктивного. Иллюзия единства на массовых собраниях не ведет даже к истинному participation mystique с духом массы, не говоря уже о взаимоотношениях участников друг с другом. В настоящей группе групповой феномен соучастия порождает синтетическое развитие, принимающее форму взаимной ответственности, повышенной готовности к самопожертвованию и т. п., которые возникают не просто как кратковременное упоение, а воплощаются в обычаи и общественные предприятия. Оргиастические празднества примитивных людей и древних культур, например, способствуют росту групп и общин, основывают религиозные формы и другие явления, значение которых для развития сознания мы уже подчеркивали.

Но в явлениях массы иллюзорный душевный подъем кратковременен, подобно гипнозу он не накладывает отпечатка на сознательный ум, побуждая его к творческому синтезу, а рассеивается подобно любому другому кратковременному возбуждению. Однако лишенное всякого смысла Эго страстно желает даже такого обманчивого безумия массовой одержимости и выступает одним из главных соблазнов, которыми успешно оперирует массовый гипнотизёр.

Современная массовая пропаганда пытается — отчасти совершенно сознательно — восстановить старое групповое единство и взаимные проекции его участников, вместе со всеми подобающими здесь признаками эмоциональной одержимости. Она делает это — что особенно заметно в национал-социализме — заручившись поддержкой символов и архетипов. Мы уже указывали на основную ошибку, а также на опасности подобных реколлективизирующих тенденций. Предполагаемыми жертвами этой одержимости выступают — прежде всего в больших городах — раздробленные индивиды, отколовшиеся от бессознательного, и, хотя они могут на короткое время регрессировать до такого бессознательного состояния, отступаясь от своего Эго, сопутствующее этому субъективное исступление таит в себе самые опасные и разрушительные последствия.

Современный рабочий и гражданин с его научным образованием и склонностью "умалять" все трансперсональное при реколлективизации массой сам становится редуцированным индивидом. Примитивный или архаичный человек с его сравнительно неразвитым сознанием и системой Эго, напротив, в коллективном групповом событии, таком как церемония инициации или тайный культ, переживает продвижение вперед и расширение самого себя вследствие уличного соприкосновения с символами и архетипами. Они просвещают, а не редуцируют его. Эти групповые явления имеют тенденцию констеллировать высшего человека и "высшее братство", а не объединять частички массы в простой конгломерат, о котором Юнг имел основания сказать: "Массы представляют собой слепых животных".[3] Обратите внимание, что акцент ставится на слепоте, а не животном. Таким образом, групповая одержимость никогда не бывает деструктивной в том самом смысле, в котором деструктивны действия массы, которая состоит из психологически несвязанных или только кратковременно связанных раздробленных индивидов Группа содержит в себе свой собственный регулятор не только в форме господствующего канона, но и в виде знакомства всех ее членов друг с другом. Сама анонимность индивида в массе усиливает действие теневой стороны. Знаменательно, что для приведения в исполнение своих садистских казней нацисты вынуждены были удалять палача из его собственной группы. Деревенской общине ликвидировать своих собственных евреев намного сложнее, если вообще возможно. Не столько в связи с большей человечностью группы — мы научились не принимать это за одно из фундаментальных проявлений совести — а потому что индивид должен вершить свои дела" перед лицом группы. Однако, если его удалить из его группы и подчинить терроризму, он становится способным на все, что угодно.

Но даже в состоянии массы важен характер индивида, ибо состав массы определяет ее деяния. Сигель [4] еще мог верить, что ожесточенность или миролюбие массы определяется преступниками или теми членами, для которых "кровавые зрелища" являются профессией; но глубинная психология придерживается иной точки зрения. Основополагающим фактором является "человек внутри массы", тень, а не только сознание и его ориентация. Характер индивида действительно является решающим, однако он определяется не столько характером сознания, сколько характером всей личности, которая именно поэтому должна стать психологической основой нового этоса.

Развитие совести, формирование Суперэго посредством адаптации к ценностям коллектива, пожилых людей, прекращается в тот момент, когда крушение культурного канона лишает этот коллективный трибунал его надличностных основ. Тогда совесть становится еврейским, капиталистическим или социалистическим "изобретением". Но "голос", та внугренняя ориентация, которая доводит до сознания повеления самости, никогда не заговорит в дезинтегрированной личности, в не оправдавшем себя сознании и в расколотой психической системе.

[1] Aldrich, The Primitive Mind and Modern Civilization, pp.48 f.

[2] Пророческая книга Alfred Kubin Die andere Seite, написанная в 1908 г., не только предвидит события, которые обрушились на Германию много лет позднее, но и с удивительной интуицией представляет их связь с коллективным бессознательным.

[3] Психология и алхимия.

[4] Reiwald, Vom Geist der Massen, p. 123.